

СТОЛЕТИЕ ДВУХ ЭМИГРАЦИЙ 1919-2019.

СТОЛЕТИЕ ДВУХ ЭМИГРАЦИЙ 1919-2019.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ М.В. ЛОМОНОСОВА

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ФИЛОСОФСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Столетие двух эмиграций. 1919-2019.

МОСКВА-БЕЛГРАД 2019
INFORMATIKA

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

DEPARTMENT OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVIC HISTORY. THE FACULTY
OF HISTORY. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

CENTER FOR RUSSIAN AND EAST EUROPEAN STUDIES. THE FACULTY
OF PHILOSOPHY. UNIVERSITY OF BELGRADE

The centennial of two emigrations. 1919-2019.

MOSCOW-BELGRADE 2019
INFORMATIKA

УДК 94(497.1-2):323/324
ББК 63.3(4)

РЕКОМЕНДОВАНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Работа выполнена при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-09-00163)

Редакционная коллегия:
А.Ю. Тимофеев (отв. ред.), А.А. Силкин, В.С. Путятин, М. Живанович.

Рецензенты:
к.и.н. А.С. Стыкалин, к.и.н. Н.А. Копылов, PhD М. Пиляк.

Перевод с сербского:
А.А. Силкин

Художник:
Д.А. Тимофеева

Верстка:
Дж. Секерезович

Столетие двух эмиграций. 1919-2019. Сборник статей / Редакционная коллегия: Алексей Юрьевич Тимофеев (отв. ред.), Александр Александрович Силкин, Владимир Сергеевич Путятин, Милана Живанович. – М. : Институт славяноведения РАН; Белград : Информатика, 2019. – 402 с.

После окончания Первой мировой войны в 1919-1920 гг. в Королевство СХС прибыли эмигранты из России. В то же время в РСФСР сформировалась группа политических эмигрантов-югославян. И те, и другие оказали заметное влияние на взаимное восприятие сербов и русских. Организационные структуры обеих эмиграций были ликвидированы спустя несколько лет после окончания Второй мировой войны. К столетию возникновения двух эмиграций русские и сербские историки попытались рассмотреть различные аспекты существования этих групп.

Для научных сотрудников, преподавателей, студентов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-7576-0433-6 (Исл РАН)
ISBN 978-86-84497-74-3 (Информатика)
DOI: 10.31168/0433-6

After the end of World War I in 1919/1920 emigrants from Russia arrived in the Kingdom of SCS. At the same time, a group of Yugoslav political emigrants was definitely formed in the Soviet Russia. Emigrants had a significant impact on the formation of mutual perception of Serbs and Russians. The organizational structures of both emigrations were liquidated several years after the end of World War II. The centennial of two emigrations was marked by Russian and Serbian historians to consider various aspects of the existence of these groups. For researchers, teachers, students and a wide range of readers.

ISBN 978-5-7576-0433-6 (Исл РАН)
ISBN 978-86-84497-74-3 (Информатика) © Коллектив авторов, 2019
DOI: 10.31168/0433-6 © Институт славяноведения РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СТОЛЕТИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС И ЮГОСЛАВЯНСКОЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ПРЕДИСЛОВИЕ. The Centennial of Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes and of the Yugoslav in Soviet Russia. Foreword.

Столетие формирования русской эмиграции в Королевстве
СХС и югославянской в Советской России. Предисловие.
The Centennial of Russian emigration in the Kingdom of Serbs,
Croats and Slovenes and of the Yugoslav in Soviet Russia. Foreword. 17

СЕРБСКАЯ/ЮГОСЛАВСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В (СОВЕТСКОЙ) РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА Serbian/Yugoslavian emigration in the (Soviet) Russia in the first half of the 20th century.

ГУСЕВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

Сербы-эмигранты в России, защищавшие интересы родины в годы
Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета:
М.М. Бойович, И.П. Табурно, Д.И. Семиз, Ч.М. Иоксимович
Gusev Nikita
Serbs-emigrants in Russia, who have defended the interests
of the Mother-land during the Balkan wars and World War I.
Four portraits: M.M. Bojović, I.P. Taburno, D.I. Semiz, C.M. Joksimovic 27

ВИШНЯКОВ ЯРОСЛАВ ВАЛЕРИАНОВИЧ

Штрихи к биографии Душана Семиза
Vishnyakov Yaroslav
Materials for Dushan Semiz's biography 47

СИЛКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вукашин Маркович как «зеркало русской революции»
Silkin Alexander
Vukashin Markovic as the "mirror of the Russian revolution" 61

БОНДАРЕВ НИКИТА ВИКТОРОВИЧ

Роль семейства Поп-Ивановых в мировой революции
Bondarev Nikita
The Role of Pop-Ivanov's Family in the World Revolution 79

МИЛОРАДОВИЧ ГОРАН

Югославская политическая эмиграция в Советском союзе в 1948–1956 гг.
Miloradovich Goran
Yugoslavian political emigration in the Soviet Union in 1948-1956 93

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС/ЮГОСЛАВИЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
Russian emigration in the Kingdom of SCS/Yugoslavia
in the first half of the 20th century.**

АРСЕНЬЕВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ

Прибытие русских беженцев-эмигрантов
в Королевство СХС: свидетельства

Arsenyev Alexey

The arrival of the Russian refugees-émigrés

in the Kingdom of SCS: testimonies 115

КУЗЬМИЧЕВА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА

Деятельность Королевского Двора Югославии
по организации помощи русским эмигрантам

Kuzmicheva Lyudmila

Activities of the Royal Court of Yugoslavia

in organizing the assistance to the Russian emigrants 147

ЖИВАНОВИЧ МИЛАНА

Чемодан русского беженца: горсть родной земли, книги, иконы

Zhivanovich Milana

The luggage of the Russian refugee: a handful of earth, book, icons 163

ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ

«Теперешняя наша жизнь – не жизнь, а только существование...».

Русские офицеры в Королевстве сербов, хорватов и словенцев
по материалам архива генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова

Ganin Andrey

«Our present life is not life, but only existence...»

Russian officers in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes

(based on the archive of Lieutenant General P.I. Averyanov) 179

ПИЛИПОВИЧ РАДОВАН

Церковные группировки русской эмиграции (1920–1940)
между Белградом и Константинополем

Pilipovich Radovan

The Russian emigration's church fractions between

the Belgrade and Constantinople (1920-1940) 193

ГОРИНОВ-МЛ. МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Русские врачи в Югославии: новые биографические данные

Gorinov junior Mikhail

Russian doctors in Yugoslavia: new biographical information 219

<p><i>СОРОКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА</i> Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке <i>Sorokina Marina</i> Russia Abroad and the Serbian Academy of Sciences and Arts in the Twentieth Century</p>	229
<p><i>БОНДАРЕВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА</i> Русский мир на Балканах в работах эмигрантских историков Белградского круга <i>Bondareva Elena</i> The Russian world in the papers of the Russian historians from the Belgrade circle from 1920 until 1940</p>	239
<p><i>ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ</i> Дети России в эмиграции в КСХС-Югославии <i>Ordovsky-Tanayevskiy Mikhail</i> The children of Russia in emigration in the Kingdom of SCS / Kingdom of Yugoslavia</p>	257
<p><i>ЛОБАЧЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА</i> Российская эмиграция в Королевство сербов, хорватов и словенцев в годы Гражданской войны по воспоминаниям эмигрантов-детей <i>Lobacheva Yulia</i> The Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes during the Russian Civil War according to the memoirs of the emigrant children</p>	277
<p><i>ПИЛЬКО НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА</i> Русская эмиграция на словенских землях в 20-30-е гг. XX в. <i>Pilko Nadezhda</i> Russian emigration in Slovenian lands in the 1920s and 1930s</p>	299
<p><i>ПУТЯТИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ</i> Филолог-славист С.М. Кульбакин и другие российские профессора Философского факультета в Скопье в 20-30-е годы XX в. <i>Putyatin Vladimir</i> Philologist-Slavicist S.M. Kulbakin and the other Russian professors of the Faculty of Philosophy in Skopje in the 1920s and 1930s</p>	311
<p><i>ГОЛУБОВИЧ МАРИЯ</i> «Поехал казак на чужбину далеко...»: казачье пение в Белграде между двумя мировыми войнами <i>Golubovich Maria</i> «Cossack has left far away to the foreign land...»: Cossacks singing in Belgrade between the two world wars</p>	333

<i>ЛУШИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ</i> «Русский сокол» в Югославии <i>Lushin Mikhail</i> Russian sokol in Yugoslavia	345
<i>ТИМОФЕЕВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ</i> Русская эмиграция и советская фантастика в Югославии <i>Timofeev Alexey</i> Russian Emigration and Soviet Science Fiction in Yugoslavia	361
<i>ВОВЧЕНКО ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ</i> Кривое зеркало? Творчество И.В. Дорбы (1906-1998) как отражение политических взглядов российской эмиграции в межвоенной Югославии <i>Vovchenko Denis</i> Through Distant & Distorted Mirrors: The Ideological Currents among the Russian Émigrés in Interwar Yugoslavia in the Writings of Ivan Dorba	381
<i>КОСИК ВИКТОР ИВАНОВИЧ</i> Встречи в прошлом <i>Kosik Viktor</i> Meetings in the past	391

*Памяти Мирослава Йовановича – талантливого
ученого, мудрого наставника и хорошего друга...*

Пять лет назад (8 января 2014 г.) в возрасте 51 года в расцвете творческих сил безвременно ушел из жизни Мирослав Йованович, профессор Белградского университета, основатель Центра по изучению России и Восточной Европы Философского (Общегуманитарного) факультета Белградского университета. Это стало безмерной потерей для сербской исторической науки. Осиротевшими сотрудниками Центра было принято решение продолжить дело покойного коллеги. С весны 2014 г. Центр получил мемориальное название «им. проф. М. Йовановича» и продолжил свою научно-образовательную миссию. В центре работают сотрудники Белградского университета и научно-исследовательских институтов Сербии (проф. др. Т. Суботин-Голубич, проф. др. А. Тимофеев, др. Г. Милорадович, др. М. Живанович, а также ряд аспирантов). За пять лет существования без своего основателя Центру им. проф. М. Йовановича удалось выжить и продолжить свою деятельность. В сотрудничестве с МГИМО МИД РФ и ИСл РАН проводятся ежегодные двухнедельные лекции/консультации российских ученых для сербских старшекурсников и аспирантов. Под руководством сотрудников Центра за минувшие пять лет было защищено две докторских диссертации и десять магистерских работ по истории русско-сербских отношений в XX веке. В 2014 г. в сотрудничестве с ГУП «Белградская крепость» Центр организовал выставку на Калемегдане и подготовил фотоальбом «Повесть о другой жизни. Освобождение Белграда, 1944». В 2017 г. в сотрудничестве с издательством «Клио» была переведена на сербский язык и опубликована монография О. А. Айрапетова «1917. Гибель российской империи». В 2015-2018 гг. Центр активно содействовал организации и проведению четырех совместных конференций ИСл РАН и сербских научных учреждений – Института новейшей истории Сербии, Исторического института и Института И. Андрича в Вишеграде. В 2018 г. в сотрудничестве с ИСл РАН и Архивом СПЦ Центр подготовил к печати исследование М. Л. Ордовского и А. Б. Арсеньева о втором поколении русской эмиграции в Югославии, обучавшемся в Белградской русско-сербской гимназии. В 2017-2019 гг. в сотрудничестве с издательством «Эволюта» при финансовой поддержке Министерства культуры Сербии был переведен на сербский язык и опубликован двухтомный учебник Я. В. Вишнякова и Т. В. Черниковой «История России. От княжеской Руси к Царской России. С IX до начала XX века». В Москве 28 февраля 2019 г. Центром совместно с Кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Отделом истории славянских народов периода мировых войн ИСл РАН был проведен Международный круглый стол к столетию формирования русской эмиграции в Королевстве СХС и югославянской в Советской России. В Белграде 19 апреля 2019 г. при сотрудничестве с Институтом новейшей истории Сербии и Историческим институтом Центром в Белграде была проведена международная научная конференция «Россия и Сербия на изломе веков. Сербские темы Андрея Шемякина». Мы будем и впредь продолжать начатую Мирославом Йовановичем всестороннюю деятельность по изучению и преподаванию русской истории в Сербии.

Центр по изучению России и Восточной Европы
Философского (Общегуманитарного) факультета
Белградского университета им. Мирослава Йовановича

**СТОЛЕТИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС И
ЮГОСЛАВЯНСКОЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.
ПРЕДИСЛОВИЕ.**

**The Centennial of Russian emigration
in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes
and of the Yugoslav in Soviet Russia.
Foreword.**

**Столетие формирования русской эмиграции
в Королевстве СХС и югославянской в Советской России.
Предисловие.**

Восьмисотлетняя история русско-сербских связей началась во времена св. Саввы Неманича, первого сербского архиепископа. Будущего святого основателя автокефальной Сербской православной церкви увели на далекий Афон в 1196 г. русские монахи-святогорцы, которые уговорили его принять постриг в русском монастыре Св. Пантелеймона. Фрагментарные связи двух православных славянских народов осложнились в результате монгольского нашествия на Русь. В Житии короля Драгутина Неманича - внука Стефана Первовенчанного (родного брата Св. Саввы) - есть упоминание о некоем князе Василии - близком друге сербского монарха в русской земле, с которым он общался путем обмена грамотами и подарками¹. Имеются также другие одиночные упоминания о русско-сербских связях XI-XIV веков. Среди них в балканских источниках приводятся сведения о помощи сербских правителей русским монахам, паломникам и святогорцам, обедневшим в годы татарского разорения Руси. Сохранились и отдельные упоминания о сербах в русских источниках. Их фрагментарность уравнивается яркостью и важностью событий, вроде «почти одновременного» попадания на Русь сообщений о Марицкой битве (1371) и Косовском бое (1389) или установления первых часов на башне Московского Кремля в 1404 г. сербским монахом-святогорцем по имени Лазарь².

После того как Балканы попали под власть Османов, в XV в. оттуда на Русь хлынул поток православных монахов, мастеров и книжников. В результате произошло столь существенное изменение письменных норм русского литературного языка, что в дальнейшем филологи заговорили о втором южнославянском влиянии в языке

-
- 1 *Мошин В.А.* О периодизации русско-южнославянских связей X-XV вв. // Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). Отв. ред. В. М. Загребин. СПб, 1998.
 - 2 *Турилов А.А.* Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV – XVI вв. // Москва - Сербия, Белград - Россия : сборник документов и материалов. Общественно-политические связи XVI-XVIII вв. Т. 1. Сост.: С. Долгова, Е. Иванова, А. Турилов, Т. Суботин-Голубовић. Белград-Москва, 2009. С. 78-115.

тогдашних рукописей северо-восточной Руси в период с XIV по XVI в. Бабкой царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным, была сербка Анна Якшич, прибывшая в Московское княжество со своей дочерью Еленой Глинской в 1526 г. и прожившая там до своей смерти около 1553 г.³ Со времен Ивана Грозного на территории северо-западной Руси активно распространился культ сербских святых (Св. Симеона, Св. Саввы и Св. Лазаря). По мнению М. Н. Тихомирова, существовали доказательства связей начала книгопечатания на Руси и сербских первопечатников. С начала XVI в. и вплоть до начала XX в. можно проследить непрерывную цепь жалованных грамот (регулярных обязательных вспомоществований) русских царей православным монастырям в сербских землях под властью Габсбургов и Османов⁴.

В XVIII-XIX вв. русско-сербские духовные и культурные связи были дополнены политическими и военными составляющими⁵. С 1878 г. появился и взаимный дипломатический компонент русско-сербских связей⁶. Эти взаимоотношения достигли апогея в начале XX в.⁷, когда русское влияние в Сербии стало проявляться не только в политике, но и в экономике. В Белграде стараниями русского страхового общества «Россия», которое пришло в Сербию с целью сопровождения русских инвестиций в Сербском дунайском пароходстве, было возведено самое большое частное здание в довоенной Сербии – нынешнее здание отеля «Москва».⁸ Символичная привычка была замечена у последнего русского царя - выпить за завтраком или обедом рюмку (сербской) сливовицы⁹. Цепь револю-

3 Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 84-93.

4 Јовановић М. Срби и Руси 12-21. век. (Историја односа). Београд, 2012. С. 57-60.

5 Москва - Сербия, Белград - Россия: сборник документов и материалов. Общественно-политические связи. 1804-1878 гг. Т. 2. Сост.: М. Йованович, А. Тимофеев, Л. Кузьмичева, Е. Иванова. Белград-Москва, 2011.

6 Посланство Краљевине Србије у Петрограду. I. 1879-1888. Сост.: А. Тимофејев, Г. Милорадовић. Београд, 2018.

7 Москва - Сербия, Белград - Россия: сборник документов и материалов. Общественно-политические и культурные связи 1878-1917 гг. Т. 3. Сост.: А. Шемякин, Е. Иванова, М. Перишић, А. Тимофеев, Г. Милорадовић. Белград - Москва, 2012.

8 Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914-1917. М., 2018. С. 88-89.

9 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925. с. 56.

ционных событий в России 1917 г. радикальным образом изменила природу русско-сербских связей¹⁰.

Выдающийся сербский историк Мирослав Йованович констатировал, что, избегая вооруженной интервенции, Сербия оказывала неприкрытую поддержку участникам антибольшевистского сопротивления во время Гражданской войны в России. Это сопротивление рождало надежду на возможность реставрации «старой России». Логическим следствием такой политической позиции был отзыв сербского посла Мирослава Спалайковича из Москвы 20 июля 1918 г., а также последовавший полный разрыв дипломатических отношений с советским правительством в марте 1919 г. В апреле 1919 г. после встречи в Париже Николы Пашича и С.Д. Сазонова, министра иностранных дел в правительстве адмирала Колчака, последовало взаимное признание правительств в Белграде и Омске. После этого были открыты официальные дипломатические представительства. В качестве дипломатического представителя в Белграде был назначен В.Н. Штрандтман, который еще с 1912 г. находился на службе в дипломатической миссии России в Сербии. После поражения Колчака Штрандтман остался во главе русской миссии как представитель правительства А.И. Деникина, а после отъезда последнего из России и как представитель правительства генерала П.Н. Врангеля. На должности русского посла Штрандтман остался и тогда, когда последний председатель правительства, которое он представлял, - генерал Врангель, - прибыл в королевство и поселился в Сремских Карловцах. Как посланник Штрандтман играл большую и очень важную роль во время прибытия русских беженцев в Королевство СХС в 1919, 1920 и 1921 годах. В начале марта 1924 г. Королевство СХС, как и большинство других европейских стран, прекратило деятельность русского посольства. Штрандтман остался аккредитованным при дворе посланником. После формального закрытия посольство было переименовано в «Делегацию по защите интересов русских беженцев», во главе этой организации и стоял бывший посол Штрандтман. За Делегацией сохранялось помещение бывшего российского посольства, на фасаде которого и далее находился русский императорский двуглавый орел и национальный русский флаг.

Последовательная антибольшевистская позиция Белграда в значительной мере предопределила решение принять свыше

10 Тимофеев А., Пиляк М. Русская революция 1917 г. глазами Королевства Сербии. Белград-Вишеград, 2017.

40 000 русских беженцев. В результате трех крупных волн переселения в 1919-1920 гг. сложилась русская группа эмигрантов на Балканах вообще и в Королевстве СХС в частности. Процесс переселения начался в апреле 1919 г. после поражения и отступления войск интервентов на юге России. Первая значительная группа беженцев (15 000 – 20 000 человек) организовано покинула Россию в период с 3 по 6 апреля 1919 г. из района Одессы. Вторая волна мигрантов появилась на Балканах менее года спустя, в течение января-марта 1920 г., после поражения Добровольческой армии под командованием А.И. Деникина. Третья волна миграции последовала после поражения Русской армии П.Н. Врангеля и эвакуации крымских портов в ноябре 1920 г. Следует отметить, что и до 1919 г. на территории Королевства СХС находилось несколько тысяч российских подданных (в основном, лиц, попавших в австрийский плен)¹¹.

В то же время с конца 1917 - начала 1918 г. в Советской России развивался противоположный процесс. Речь шла об условном объединении бывших военнопленных, сербских военнослужащих и гражданских югославын, проживавших на территории России до 1917 г. После подписания Брест-Литовского мира в марте 1918 г., а особенно после заключения перемирия в ноябре 1918 г. эти югославыне стали объединяться в постоянные группы на территории Советской России. При этом речь, конечно, шла о процессе, который стал результатом уже существующей тенденции. В декабре 1917 г. в России по инициативе сербского посланника М. Спалайковича был создан Югославянский союз¹². В мае 1918 г. была создана Югославская коммунистическая эмигрантская партия¹³. В июле 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей появился отдел южных славян под руководством черногорца Вукашина Марковича¹⁴.

После отъезда членов Коммунистической партии (большевики) - сербов, хорватов и словенцев - на родину в ноябре 1918 – феврале 1919 г. бывшие военнопленные и прочие югославыне, оставшиеся в Советской России, были вынуждены формализовать свою

11 *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996; *Јованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.а, 2005.

12 *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 245-246.

13 Советско-югославские отношения 1917-1941 гг.: сборник документов и материалов. Сост.: В. Зеленин, М. Апостольски, В. Козлитин, Р. Парадизова. М., 1992. С. 38-39.

14 Там же. С. 44-45.

жизнь в новых условиях. Именно в этих обстоятельствах начала свою деятельность Югославянская группа при РКП(б)¹⁵. В марте-апреле 1919 г. членами группы был создан Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов в России. По решению Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, Югославянскому совету были переданы печать архива и имущество Сербского консульства в Москве, а также здание «Сербского подворья» в Москве на улице Солянка, 4/6¹⁶. Парадоксально, но деятельность Югославянской группы при РКП(б) по организации югославын в Советской России началась в то же время, что и деятельность посольства В.Н. Штрандтмана (унаследовавшего здание императорского посольства) в Королевстве СХС, а именно, весной 1919 г. С конца 1920 и в течение 1921 гг. деятельность югославянского представительства при ЦК РКП(б) в основном стала сводиться к организации возвращения в Королевство югославянских коммунистов и других полезных для пропаганды кадров в ожидании неизбежной революции. После ликвидации бюро в сентябре 1921 г. роль неформального центра югославянской политической эмиграции в Советской России взяли на себя представители КПЮ при ИККИ¹⁷.

Численность российской эмиграции в Королевстве Югославия (около 30 тысяч к концу 1930-х годов), конечно, намного превосходила численность югославянской эмиграции в СССР (3674 человек назвало себя сербами, численность словенцев, хорватов, македонцев и черногорцев осталась размытой в графах «другие» и «не указавшие национальность»)¹⁸. Роль этой эмиграции в формировании взглядов советских элит на Югославию вообще и на сербский народ в частности была достаточно специфической¹⁹. В то же время в СССР югославянская эмиграция активно готовилась к подрывной деятельно-

15 Поповић Н. Срби у Грађанском рату у Русији. 1918-1921. Београд, 2005. С. 162.

16 Там же. С.187-192.

17 Там же. С. 261-279.

18 http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php

19 *Glorigijević B.* Kominternа, jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992; *Николић К.* Большевизација КПЈ 1919–1929. Београд, 1994; *Силкин А.А.* «Великокрспска хегемонија» и тешка судбина «несрпских народа» у Краљевини СХС/Југославији: од документата Коминтерне до савремене руске историографије // Србија и руска револуција 1917.: нове теме и изазови. Одг. ур. А. Тимофејев. Београд-Москва, 2017. С. 407-425.

сти после возвращения на родину²⁰. В последний раз югославянская эмиграция в межвоенные годы проявила себя в многочисленных письмах патриотического характера в открытое в 1940 г. посольство Королевства Югославия в СССР. Вот что писал на смеси русского и сербского бывший секретарь Югославянского совета Дмитрий «Георгиевич» Бугарский, принявший в 1920 г. в коммунистическую партию самого Йосипа Броза Тито²¹: *«В посольство Югославии в СССР господину Гавриловичу. В связи с последним событием, в которой оказались югославянские народы, после наглой оккупации Хитлеровскими бандитами, т.е. массовое истребление сербского и словянского народа в целом я как серб, не имею морального права ждать ни одного часа сложа руки, а обязан принять участие с нашим братьям, против германских грабителей, а по этому прошу вас господин посланник отправить меня в качестве добровольца в формирования югославянских войск, а также выдать мне паспорт как югославянскому гражданину. Жду своей отправки в самый кратчайший срок. Георгиевич Д.В.»* С этим письмом бывший активный участник гражданской войны в Испании и будущий (с 1944 г.) комиссар 1-й Югославской бригады в СССР указал и уже известный читателю обратный адрес бывшего сербского подворья «Москва, Солянка, д.б., кв.21»²². Со столь же решительными письмами в посольство обращались и другие югославы, проживавшие в СССР в 1920-1930-е годы: Боголюб Павлович, Александр Йованович из Москвы, Степан Йованович из Краснодарского края и др. На имя сербского посольства из Рязани пришла телеграмма на ломанном русском: *«ПОЧТОЙ ПОСЛАЛ ВАМ МОЛЬБУ НЕ МОГУ ДОЛГО ЖДАТЬ КОГДА РОДИНА СЕРБОВ ИСТЕКАЕТ КРОВЬЮ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ НА МОЮ МОЛЬБУ ЗАИЧИСЛИТЬ МЕНЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ В СЕРБСКУЮ АРМИЮ. СЕРБ ЙОВАНОВИЧ»*.²³ Сложно поверить, что эти обращения в иностранное посольство были самоинициативным зовом крови (что представляется крайне сомнительным в условиях охваченного шпиономанией советского общества 1930-х годов)²⁴.

20 Уцбеник за Тита : Коминтерна и припреме партизанског рата у Европи. Сост. А. Тимофејев, М. Живановић. Београд, 2018.

21 Москва - Сербия, Белград - Россия : сборник документов и материалов. Том 4, Русско-сербские отношения : 1917-1945 гг. Сост.: А.Тимофејев, Г.Милорадовић, А.Силкин. Москва - Белград, 2017. С. 860-863.

22 Архив Југославије (далее - АЈ). Ф. 378. Фасц. 3, Бр. 22 5.IX.1944.

23 АЈ. Ф. 378. Фасц. 3, Бр. 22 11.IX.1944.

24 Возможно, речь шла о попытках инфильтрации в рамках проекта к совместной англо-советской миссии к Д. Михайловичу при участии югославянского коро-

Впрочем, как бы то ни было, эти письма свидетельствуют хотя бы о контексте, в котором они могли появиться (безотносительно мотивации их авторов).

Гибель организованных структур российской эмиграции в Югославии и югославянской эмиграции в СССР так же, как и начало их деятельности, связано с одним событием. Точку в истории русской эмиграции в Югославии и югославянской в СССР положил конфликт Сталин-Тито 1948-1953 гг.²⁵ Отношение к русским в это время ухудшилось в Югославии до самого низкого в истории уровня²⁶. Организационные структуры русской эмиграции были в большинстве своем ликвидированы в Югославии в 1944 г., а окончательно - в 1948-1949 гг. Эмигранты подвергались жестоким преследованиям и массовым выселениям из страны²⁷. В то же время организационные структуры югославянской эмиграции в СССР оказались востребованы в годы конфликта, а численность эмиграции возросла на несколько сотен человек за счет новых выходцев из Югославии. Однако прекращение конфликта положило конец югославской политической эмиграции в СССР²⁸. В настоящее время в Сербии и других странах бывшей Югославии проживают лишь потомки русской эмиграции, и постепенно уходят последние представители второго поколения, родившиеся на Балканах²⁹. В России и других странах бывшего СССР сохранились немногочисленные потомки довоенных югославянских эмигрантов и несколько эмигрантов периода Иосипа Броз Тито³⁰. Тем не менее, два эти феномена в значительной мере, хотя и очень по-разному, повлияли на вековую историю русско-сербских связей.

левского правительства. См. подробнее: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941-1945. М. 2010. С. 204-226.

25 См. подробнее: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945-1957). М., 2002.

26 Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти иб-овске пропаганде. Сост. А. Тимофејев. Београд, 2018.

27 Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије. Приред. Д.Михаиловић, М. Јовановић, Г. Милорадовић, А. Тимофејев. Београд, 2016.

28 Између две отаџбине: југословенски политички емигранти у Совјетском Савезу 1948-1956.: документи Управе државне безбедности ФНР Југославије. Приред. Г. Милорадовић, А. Тимофејев. Београд, 2016.

29 *Афанасјев В.Б.* Мој отац руски емигрант. Београд, 2007.

30 *Попивода П.С.* Партизаны (Документальная повесть). М., 2003; Из Югославии в СССР или непридуманные истории из жизни одного поколения. СПб., 2009.

Движимые желанием отметить столетний юбилей появления двух этих феноменов к годовщине формирования русской эмиграции в Королевстве СХС и югославянской в Советской России, Кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ, Отдел истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН и Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского (Общегуманитарного) факультета Белградского университета провели 28 февраля 2019 г. международный круглый стол в Шуваловском корпусе МГУ. Предлагаем вниманию читателей статьи по материалам докладов, составленные участниками круглого стола. Статьи публикуются в хронологическом порядке в рамках двух тематических подразделов, в авторской редакции.

Редколлегия выражает глубокую признательность фирме «Информатика АД» и лично господам Слободану Сречковичу и Славолюбу Качаревичу за помощь в публикации сборника.

От редакционной коллегии

**СЕРБСКАЯ/ЮГОСЛАВСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В (СОВЕТСКОЙ) РОССИИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
Serbian/Yugoslavian emigration
in the (Soviet) Russia in the first half
of the 20th century.**

DOI: 10.31168/0433-6.1

ГУСЕВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат исторических наук старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
gusevns@gmail.com

**Сербы-эмигранты в России, защищавшие интересы родины
в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета:
М.М. Бойович, И.П. Табурно, Д.И. Семиз, Ч.М. Иоксимович.**

Аннотация: В статье показана судьба четырех выходцев из сербских земель, проживавших в России и защищавших интересы Сербии в публичном пространстве. М.М. Бойович (1872–1917) работал в газете «Русское слово» и журнале «Искры», был давним другом лидеров Радикальной партии, освещал Балканские и Первую мировые войны из Сербии. И.П. Табурно (1862–1913) был сотрудником «Нового времени» и личным другом Н. Пашича. Во время Балканских войн он не только в печати, но и перед правящими кругами России отстаивал интересы Сербии. Юрист и публицист Д.И. Семиз (1884–1955) во время Балканских войн защищал на общественных собраниях точку зрения Белграда, участвовал в формировании Сербского добровольческого корпуса в годы Первой мировой войны, но оставшись в России после 1917 г. был не единожды репрессирован. Ч.М. Иоксимович (1873–1944) трудился в текстильной промышленности, но в означенный период выступал с лекциями в поддержку Сербии, иногда и без ведома руководства страны, в 1920-е гг. он вернулся на родину.

Ключевые слова: Милан Бойович, Иероним Табурно, Душан Семиз, Чедомир Иоксимович, Балканские войны, Первая мировая война.

В Российской империи проживало немало выходцев из сербских земель¹. Кто-то из них известен в первую очередь как герой русской истории (например, М.А. Милорадович), но были и те, кто в

1 Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-512-76004 ЭРА_а.

России оставался сербом и защищал интересы своей родины. Данная статья посвящена четырем таким фигурам, отстаивавшим интересы Сербии на поле русского общественного мнения во время Балканских и Первой мировой войн.

В 1912 г. началась Первая балканская война, в которой Болгария, Сербия, Греция и Черногория выступили против Османской империи с целью разделить европейские владения султана. Однако желания сербов приобрести выход к Адриатике, а черногорцев – порт Скутари натолкнулись на противодействие Австро-Венгрии, добивавшейся создания на этой территории независимой Албании. В Белграде и Цетинье в поиске защиты обратили свои взоры на Петербург, сербские общественные деятели пропагандировали в российской столице идею войны с дуалистической монархией. Но руководство России не решилось на полномасштабную войну. Тогда Сербия выступила с идеей пересмотра союзного соглашения с Болгарией в части раздела Македонии. В Софии нервноотреагировали на данное предложение. Согласно тому же соглашению, арбитром в споре двух южнославянских государств являлся российский император. И обе стороны обратились за поддержкой к российскому общественному мнению, для пестования необходимых настроений используя все возможные ресурсы².

Интересы Сербии защищали в том числе приехавшие из Белграда профессора Р. Кошутич, А. Белич и М. Вукичевич, политик Дж. Генчич, а также сербы-журналисты и общественные деятели, давно жившие в России.

Таковым являлся журналист Милан Михайлович Бойович. Он родился в 1872 г. в Рашке в семье учителя. Затем его семья переехала в Белград, а Милан после 4 классов гимназии уехал в Россию, учился в киевских духовных учебных заведениях, потом поступил в Московский университет. Здесь, еще будучи студентом, он стал помощником знаменитого журналиста В.А. Гиляровского в газете «Россия»³. Когда создавалась газета «Русское слово», Бойович начал ра-

2 Об этом см.: *Гусев Н.* Руски «фронт» борбе за Македонију: срби и бугари у Петербургу 1912–1913. године // Војноисторијски гласник. 2015. № 2; *Гусев, Н.С.* Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. М.; СПб., 2017.

3 *Гиляровский В.А.* Москва газетная // Собрание сочинений в четырех томах. М., 1999. Том III. С. 190–191.

ботать в ней и оставался ее сотрудником вплоть до своей смерти. Со временем он вдобавок занял пост редактора журнала «Искры», выходившего как приложение «Русского слова». Иллюстрированное издание, наглядно доносящее до читателя информацию, стало основным детищем Милана Михайловича. Эти органы печати входили в издательскую империю И.Д. Сытина, и когда возникла идея составить иллюстрированный справочник депутатов Государственной Думы, то этим занялся Бойович, изменяя и дополняя книгу к каждому созыву народных избранников⁴.

Параллельно он сотрудничал с изданием сербской радикальной партии «Одъек»⁵. В 1899 г. когда Гиляровский поехал в Белград, он вез с собой письмо от Бойовича редакторам «Одъека» С. Протичу и Н. Пашичу. Однако он прибыл в сербскую столицу после покушения на Милана Обреновича, и естественно, письмо передать не смог, да и сам чудом невредимым покинул Сербию, хотя уже распространились слухи о его казни⁶.

Во время Балканских войн Бойович отправился в Белград, откуда освещал события. Здесь его привечал старый знакомый по «Одъеку». Бойович сообщал редактору «Русского слова»: «С Пашичем разговариваю каждым вечером по часу на его квартире, и знаю все, что было за день». Не обделяли его вниманием и монаршие особы: «Во дворце был несколько раз по личному приглашению короля и наследника», – сообщал он своему газетному руководству⁷. Затем Бойович уехал непосредственно на линию фронта, а на его место прибыл Н.П. Брио. Во время Первой мировой войны он вновь был на родине, сопровождал сербов вплоть до эвакуации на Корфу. Умер Милан Михайлович от сыпного тифа в дни боев в Москве в 1917 г. всего 46 лет от роду. В некрологе редакция «Русского слова» подчеркнула не только его журналистские таланты, но и патриотизм, именуюя Бойовича «пламенным поборником всеславянского единения перед угрозой германского Drang nach Osten», «сербом по племени и подданству, гордым, как все сербы, своим рождением, пламенеющим беззаветной до мучительства любовью к родине». И даже

4 Наши депутаты. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Первый созыв / сост. М.М.Бойович. М., 1906 и последующие издания.

5 Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 224.

6 Там же. С. 233–239.

7 Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. М.–Београд, 2012. С. 308–309.

утверждалось, что за свои заслуги перед местной сербской колонией он стяжал «шутливое, но меткое прозвище неофициального сербского консула», а его «горячую преданность славянскому делу высоко ценили люди, управляющие судьбами Сербии, начиная с вождя ее Николы Пашича». О признании его заслуг говорило и то, что отпевание в квартире Бойовича служил настоятель храма Сербского подворья архимандрит Михаил⁸.

Менее известен и публичен, но более ярок в защите сербских интересов перед российским правительством был сотрудник газеты «Новое время» Иероним Павлович Табурно. Он родился в Боке Которской в 1862 г., окончил Венский университет по специальности инженера. После участия в антиавстрийском восстании в Герцеговине вынужденно переехал в Черногорию, затем – в Болгарию⁹. Там в 1884 г. он познакомился с будущим вершителем судеб Сербии Н. Пашичем (они вместе работали на строительстве Русе-Варненской железнодорожной линии¹⁰), и между ними на долгие годы завязалась тесная дружба. Затем в связи с изменением ситуации в Болгарии оба эмигранта были вынуждены покинуть эту страну и отправиться в Россию. Через некоторое время Пашич триумфально вернулся на родину и в 1891 г. возглавил правительство, а Табурно остался в России и продолжил карьеру инженера: принял участие в строительстве Закаспийской, Сибирской, Московско-Ярославско-Архангельской железнодорожных линий. Параллельно началась его карьера публициста: он стал печататься в газетах «Россия», «Русская земля», вошел в штат «Нового времени»¹¹. В 1899–1900 гг. он организовал издательское товарищество «И.П. Табурно и К^о», но вскоре, видимо, был вынужден отказаться от этого предприятия и вернуться к работе инженера. Тогда же начали выходить его брошюры, связанные с проектами железнодорожного строительства, а затем и книги аналитического характера, касающиеся различных сторон экономики России¹².

8 Бессонов В.А. Три судьбы на переломе эпохи // Московский журнал. 2018. № 1. URL: <http://mosjour.ru/2018018796/> (Дата обращения: 30.09.2019).

9 Новое время. 1913. 29 мая.

10 Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 284К. Оп. 1. А.е. 334. Л. 2.

11 Золотая книга Российской империи. СПб., 1908. С. 82.

12 Напр.: Табурно И.П. 1) Записка к проекту «горнопромышленной» железной дороги (Славянск – Петербург). СПб., 1902; 2) Необходимые мероприятия для создания экспорта за границу донецкого угля и русского торгово-грузового флота для русского экспорта вообще. СПб., 1902; 3) О применении системы «воздуш-

В 1903 г. Иероним Павлович принял участие в экспедиции Н.Г. Гарина-Михайловского, готовившей проект железнодорожной ветки в Крыму. Табурно, как признавал сам Гарин-Михайловский, был ему навязан сверху, но поскольку являлся «крупным, очень знающим инженером», стал помощником начальника экспедиции. Хотя их политические взгляды и расходились, Иероним Павлович бывал в имении Гарина-Михайловского в Кастрополе, привозил туда сына Вука, от которого требовал при представлении незнакомцам не забывать, что он черногорец, «а не нянькин сын». В один из таких визитов в имении гостил писатель А.И. Куприн, который затем свои впечатления от Кастрополя выразил в не дошедшей до нас поэме, где были в том числе следующие строки:

«Но спорит яростно и бурно
Всегда стремительный Табурно»¹³.

В эти годы сотрудничество с «Новым временем» не прерывалось, у издателя газеты А.С. Суворина Табурно был, видимо, на хорошем счету, поскольку в 1904 г. ему доверили возглавить только что созданную московскую газету «Телефон “Нового времени”», где публиковались извлечения из головного издания¹⁴. Работа в данном печатном органе была прервана командировкой в качестве корреспондента «Нового времени» на русско-японскую войну, на которой Табурно находился с 12 января по 14 марта 1905 г., и по итогам подготовил книгу своих заметок и впечатлений¹⁵. После войны он принял русское подданство, и был пожалован в потомственное дворянство¹⁶. В 1907 г. Табурно участвовал в проектировании и строи-

ных контактов» для электрических трамваев и электрических железных дорог. СПб., 1902; 4) Пояснительная записка к сооружению Рудничная-Лозовской железной дороги. СПб., 1902; 5) Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901 гг.). СПб., 1903; 6) Крестьянский земельный вопрос. СПб., 1906; 7) Записка к проекту электрической железной дороги от города Санкт-Петербурга (Казанская площадь) до Красной Горки через станции Лигово и Ораниенбаум существующей Ораниенбаумской ветви Балтийской железной дороги. СПб., 1907 и др.

13 Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М., 1966. С. 168–170.

14 Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4173. Л. 2–4.

15 Буранок А.О. Книга И.П. Табурно «Правда о войне» как исторический источник // Платоновские чтения: материалы XI Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара 2–3 декабря 2005 г. / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2005. С. 186.

16 Новое время. 1913. 29 июня.

тельстве столичного трамвая, в 1908 г. являлся редактором газеты «Вечер»¹⁷. Летом 1912 г. сербский парламент именно его утвердил застройщиком порта Прахово на Дунае¹⁸. Вряд ли конкурс был проведен совсем без участия лидера правящей Радикальной партии Пашича. Разносторонняя активность Иеронима Павловича рождала вопросы, особенно учитывая обретение им дворянства и упоминание Гарина-Михайловского, что инженер ему был навязан сверху. И как вспоминал сербский посланник в Петербурге Д. Попович, он знал, что Табурно – друг Пашича, что у него есть красиво обставленная квартира и элегантный экипаж, что он в «Новом времени» активно отстаивает интересы Сербии, но «точно не знал, кто он и чем занимается»¹⁹.

С началом Первой балканской войны Иероним Павлович отправился в Сербию как корреспондент «Нового времени». Из Белграда на шесть дней он приехал в качестве сотрудника «Нового времени» в Софию. Как сообщил своему руководству тамошний российский посланник А.В. Неклюдов, журналист имел беседу с премьером И. Гешовым, и рассказал ему, «будто бы государь император, приняв недавно Михаила Суворина²⁰, соизволил сказать ему, между прочим, что Россия ни при каких обстоятельствах не потерпит вступления австрийских войск в Сербию». Посланник просил болгарского главу правительства не слушать эти рассказы, верить передаваемым указаниям МИД, но, как он прибавил, «я уверен, что последний сделал здесь свое дело». Эта телеграмма попала Николаю II, на которой он сделал помету «Неправда», относящуюся к якобы его словам²¹.

После начала мирных переговоров в Лондоне зимой 1912 г. Табурно вернулся в Россию и подготовил к публикации книгу о Сербии во время осенних сражений. Однако это было в большей мере не описание викторий армии короля Петра, а попыткой доказать русскому обществу необходимость приобретения Белградом Адриатического побережья, ведь Сербия, по словам Табурно, без выхода к Адриатике «не может существовать как независимое государство».

17 Золотая книга Российской империи... С. 82.

18 Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 103.

19 Поповић Д. Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993. С. 173.

20 Михаил Алексеевич Суворин – сын А.С. Суворина, основателя газетной империи, в это время – редактор «Нового времени».

21 Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа – 17 октября 1912 г. Л., 1940. С. 234.

«Для Сербии это вопрос жизни», – писал он²². Оправдывалась и жестокость по отношению к местному мусульманскому населению, поскольку турки и албанцы долгие годы методично истребляли сербов, и, как ему говорил российский консул в Скопье и другие его коллеги, «промедли Сербия еще лет 5–6, ни одного серба в этом крае не осталось бы». Этого, по мнению корреспондента «Нового времени», было достаточно, чтобы «сербы вполне основательно расстреливали арнаутов, сдающихся и затем нападающих»²³. Доказывал автор и «абсурдность» идеи создания албанской государственности: «Толкуют культурные дипломаты о какой-то автономии Албании, где бы эти арнауты сами были хозяевами... Что же это за государство может быть, где эти звери будут полными хозяевами? Это будет зверинец, а не государство! Это будет гнездо пиратов, разбойников!»²⁴. Среди его аргументов было и отсутствие албанской этнической общности. По мнению Табурно, данный народ представляет из себя большое количество племен, не имеющих ничего общего друг с другом: не существует единого языка (и, как следствие, признака культурности – литературы), конфессиональные различия приводят к постоянной междоусобной борьбе. А объединили их в одну общность лишь «чисто по практическим и географическим доводам»²⁵.

В то же время журналист подчеркивал благородное поведение сербов, рассказывая о лежащих в белградском госпитале турках и албанцах, к которым русская великая княгиня Елена Петровна, являвшаяся дочерью сербского короля Петра, относилась с такими же нежностью и лаской, как и к своим соотечественникам, что вызывало у раненого противника восхищение²⁶.

В конце книги Табурно доказывал необходимость активной политики России в вопросе об Адриатическом побережье. Он начал с того, что Австро-Венгрия не может настаивать на своей точке зрения по праву сильного, поскольку ее армия блестящих военных побед никогда не одерживала. Далее была сформулирована следующая мысль: слова о том, что нельзя начинать войну из-за порта на Адриатике, надо адресовать Вене, а Петербург совместно с Европой

22 Табурно И.П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 138.

23 Там же. С. 97.

24 Там же. С. 61–62.

25 Там же. С. 135–136.

26 Там же. С. 117.

должен сказать: «порт должен быть дан Сербии, нельзя из-за него затевать европейскую войну, никому этот порт не может мешать, а Сербия как независимое государство, без него существовать не может». Для Антанты, по его мнению, «непростительно и даже преступно» оставлять в «экономическом порабощении» своего балканского союзника.

В заключение Иероним Павлович выражал убежденность, что Россия сумеет употребить себе на пользу создавшееся положение и не оставит на произвол своего верного союзника. Но сербам необходимо предоставить и «более веские доказательства дружбы и поддержки. Недостаточно лишь восторгаться их победами, их успехами»²⁷.

Доклад на основе этой книги Табурно читал в присутствии военного министра в собрании армии и флота, текст был отправлен великому князю Николаю Николаевичу и императору Николаю II. Монарха заинтересовал рассказ Иеронима Павловича, и он его пригласил на аудиенцию, но Табурно спешил в Лондон на переговоры и ждать не мог. В ноябре журналист посетил нескольких влиятельных сановников и отчитался о встречах Пашичу. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов и премьер В.Н. Коковцов высказались против требований Сербии, с последним Иероним Павлович вел разговор на повышенных тонах и бросил оскорбление: «Вы – больше австриец, чем Бертольд». Бывший глава правительства, а в тот момент – член Госсовета С.Ю. Витте был более ласков с выходцем из Боки Которской, говорил, что, видимо, победу одержат сторонники войны. Закончил письмо Табурно напутствием, резюмирующем собранные им сведения: «Ну с Богом, дорогой Никола, будь крепок, все военные и многие другие, невоенные, говорят, пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»²⁸.

Когда в 1913 г. в Белграде выдвинули к Софии требование территориальной компенсации в Македонии, перо Иеронима Павловича стало орудием в новом информационном противостоянии. Вышла его книга, означенная как доклад «Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией».

27 Там же. С. 140–144.

28 Гусев Н.С., Шемякин А.Л. «Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского журналиста черногорского происхождения И.П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г. // Славянский альманах. 2019. № 3–4 (в печати).

Этот доклад 11 июня²⁹ он послал в Белград, вместе с письмом Ристе Одавичу, видному сербскому интеллектуалу, переводчику, директору Архива Сербии, где просил перевести и издать его на сербском и французском языке³⁰. 22 июня журналист вновь встречался с В.Н. Коковцовым, сказавшим, что доклад прочел и считает доводы справедливым. Об этом Табурно сообщил Пашичу через посланника Д. Поповича³¹.

В книге обосновывались сербские претензии на Македонию в историческом, этническом и политическом ракурсах. Последний аргумент уже был обращен непосредственно к русскому обществу. В его же интересах, по мнению Табурно, было усиление Сербии, поскольку она – первый заслон на пути Австро-Венгрии. «Потому она должна быть крепка духом и телом, и обязанность всякого славянина и их друга дать возможность Сербии стать таковой», – писал он³².

Вместе с тем Иероним Павлович принимал участие в различных общественных собраниях, одно из которых стало для него роковым. 28 июня 1913 г., уже после начала Второй, Межсоюзнической, балканской войны Табурно выступал в Юридическом собрании, когда, согласно журналу «Искры», «присутствовавшие болгары прервали его речь криками протеста»³³, что затем повлекло сердечный приступ. Его привезли домой, вызвали врачей, но ничего не помогло, и вечером Иероним Павлович скончался. Как считал автор некролога в «Новом времени», «междоусобица заставила его сердце работать столь усиленно, что оно не выдержало и перестало биться»³⁴. Смерть журналиста и инженера показала, каковым было отношение к нему в Сербии. Король Сербии Петр по телеграфу выразил свои соболезнования, а Пашич сообщил, что погребение будет оплачено сербским правительством. Дочь короля Петра русская княгиня Елена Петров-

29 На письме указано, что письмо написано 11 июля, но 28 июня (ст.ст.) И.П. Табурно скончался. В то же время в Сербии, как и в России придерживались юлианского календаря, поэтому, по всей видимости, автор просто совершил опisku. Если допустить, что он пользовался григорианским календарем, то письмо И.П. Табурно датировал днем своей смерти.

30 Архив Србије (далее – АС). Фонд Ристе Одавића. Фасцикла III. А.е. 367. (документ любезно предоставлен А.Л. Шемякиным).

31 Москва–Сербия... С. 429.

32 Табурно И.П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 39.

33 Искры. 1913. № 26. С. 207.

34 Новое время. 1913. 29 июня.

на и петербургские сербы возложили цветы к его могиле. Процессия двигалась по Невскому проспекту, отпевание прошло в Благовещенском храме Александро-Невской лавры³⁵. «Искренний серб и славянин», как его называли соотечественники М.М. Вукичевич и Д.И. Семиз вскоре³⁶, не дожидаясь триумфа своего дела – подписания Бухарестского мира, поставившего счастливую для Белграда точку в споре о Македонии. Сын Иеронима Павловича принял участие в Первой мировой войне, затем в Гражданской на стороне белых и с армией генерала Врангеля покинул Россию. В 1929 г. он переехал в Париж³⁷, где сменил черногорское имя на более «европейское» Виктор и стал сниматься в кино под именем «Victor Tabournot», в 1965 г. он скончался...

Однако «сербская деятельность продолжается и усиливается... ни одно научное или политическое собрание не проходит без того, чтобы слово не взял Семиз..., Лавров, Вукичевич и пр.», – сообщал своему руководству болгарский посланник в Петербурге Р. Дмитриев в начале 1914 г.³⁸.

Означенный в телеграмме Семиз – это давно осевший в России Душан Иванович Семиз, родившийся в 1884 г. в Герцеговине, в г. Мостар. Его детство обросло легендами. Племянник жены рассказал о семейном предании, согласно которому, «мальчишеское бахвальство древностью своих фамилий, завершившееся незначительной потасовкой на традиционном приеме у их родственника – наследного принца Карагеоргиевича, привело к тому, что больше Душану увидеть родные места не довелось». Здесь стоит указать на то, что до 1903 г. на сербском престоле находилась иная династия – Обреновичи. Тот же автор утверждает, что соседом Д.И. Семиза по партии был Симон Петлюра³⁹. Но эти данные, хотя бы на том основании, что у них существенная разница в возрасте, опроверг историк А.Н. Горяинов⁴⁰. В реальности бегство из Герцеговины состоялось после

35 Исторический вестник. 1913. № 8. С. 751–752.

36 Вукичевич М.М., Семиз Д.И. Сербия и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 258.

37 Vasarely V. Viktor de Taburno. My Father. URL: <http://www.michelevasarely.com/mentors/Viktor-de-Taburno.html> (Дата обращения: 30.09.2019).

38 ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 2об.

39 Рогов Д.К. Из истории одной российской семьи // Опочининские чтения. Вып. 6. Мышкин, 1998. С. 31.

40 Горяинов А.Н. Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) // Ученский сборник. Вып. 4–5. Мышкин, 2003. С. 87.

изгнания из мостарской гимназии из-за участия в сербском национально-освободительном движении и близости к тайным организациям «Черная рука» и «Млада Босна». Приютил Семиза в Полтаве дальний родственник Й.Х. Пичета, и он рос вместе с будущим знаменитым славистом и организатором науки В.И. Пичетой. Окончив юридический факультет Казанского университета, Душан Иванович переехал в Петербург, стал правоведом, работал в городской управе, часто выступал в печати с популярными работами о южнославянских народах, был избран членом Сербской Матицы⁴¹.

Во время Балканских войн он активно выступал в поддержку сербской позиции, в том числе и в обществе славянского научного единения, секретарем которого являлся. Примечательно, что в одном из своих выступлений он привел аргумент, почти дословной совпавший с речью Р. Кошутича, произнесенной несколько ранее и в другом месте⁴².

Весной 1913 г. Семиз публично защищал права Черногории на порт Скутари, который, согласно планам Австро-Венгрии, должен был отойти Албании. Душан Иванович при этом не просто отказывал албанцам в этнической общности, он их и вовсе считал сербами. Он выстроил следующую логическую цепочку. Ряд черногорских родов являются кровными родственниками албанских племен, следовательно, последние – сербы. Поскольку основная масса населения спорного города состоит именно из этих племен, то и город по своему этническому составу – сербский. И в качестве неопровержимого довода он привел сведения, что по измерениям черепов жители Скутари не отличаются от населения Герцеговины⁴³.

Уже в ходе сербско-болгарского противостояния на одном из заседаний «Группы прогрессивных общественных деятелей» Семиз зачитал донесения сербских начальников македонских уездов о бесчинствах болгар над турками. Причем эти документы были приведены с именами, точными датами и делопроизводственными номерами

41 *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочининские чтения. Вып. 6... С. 27–30; *Горяинов А.Н.* В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 286–287.

42 *Гусев Н.С.* Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 191.

43 *Семиз Д.* Скутари и наша дипломатия. (Историческая правда и правительственная декларация) // Интересы на Балканах и правительственное сообщение. СПб., 1913. С. 19–22.

ми⁴⁴. Трудно предположить, что такую точность он мог обеспечить по личным каналам, без помощи со стороны правительства. Помимо этого вместе с Миленко Вукичевичем он подготовил книгу с параллелями об обретении свободы сербами и болгарами, где доказывались извечное стремление сербов к свободе и болгарская индифферентность к подобным материям. «Между тем, надо упомянуть, что сербский народ в своей борьбе за освобождение потерял 250,000 человеческих жизней», – приводили сомнительную статистику авторы, не уточняя, за какой период⁴⁵. При этом после Прутского похода 1711 г. «ничего не было выговорено в пользу сербов-черногорцев»⁴⁶, и в 1878 г. Россия поддержала Болгарию, свою «любимицу», ничего не сделавшую для свободы⁴⁷.

Не оставила Душана Ивановича в стороне и Первая мировая война. Уже 29 июля он подал рапорт своему начальству в столичной управе с просьбой предоставить ему долгосрочный отпуск за свой счет, поскольку «желая принести посильную помощь родившему меня сербскому народу, я отправляюсь добровольцем на театр военных действий»⁴⁸. Вернувшись в Россию, он опубликовал несколько брошюр. Одна из них рассказывала о трудностях, с которыми боролся сербский народ в текущей войне⁴⁹, а вторая касалась взаимоотношений Сербии и «австрийских сербо-хорватов»⁵⁰. Но главным его делом для родины стало другое. В 1915 г. он занялся вербовкой в формируемый сербский добровольческий корпус⁵¹. Его активная деятельность в этом направлении поводом для полицейской проверки.

44 Сербско-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. С. 108.

45 Вукичевич М.М., Семиз Д.И. Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 251.

46 Там же. С. 241.

47 Там же. С. 239.

48 Рожественская М.В. Из истории сербско-русских историко-культурных связей: Душан Иванович Семиз (1884–1955) и его семья. Заметки к материалам петербургских и московских архивов // Slověne=Словѣне (Словене). 2017. № 2. С. 508.

49 Семиз Д.И. Сербская Голгофа. О сербско-немецкой войне. М., 1916

50 Он же. Австрийские сербо-хорваты и Сербия. М., 1916.

51 Вишняков Я.В. Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России // Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. М., 2014. С. 46.

В 1916 г., представившись полковником сербской армии, Семиз обратился в Московское археологическое общество с предложением прочесть лекции о Сербии. Но председатель общества П.С. Уварова сначала отправила градоначальнику письмо от 19 февраля, в котором просила выяснить, не является ли обратившийся «просто каким-то аферистом», поскольку «не внушает мне доверия, главным образом потому, что рассказывает, что ему поручено у нас в России вызывать среди военнопленных охотников идти сражаться за Сербию, и что он уже набрал 50 тысяч таких охотников». Градоначальник отправил в МВД запрос, «что это за тип».

А далее под грифом «секретно» завертелась машина проверки в отдельном корпусе жандармов. Выяснилось, что Семиз носил форму поручика сербской армии⁵², проживал в гостинице Метрополь, имел заграничный паспорт, выданный столичным градоначальником 2 октября 1915 г., удостоверение сербского королевского двора, что он офицер сербской армии, «какое-то разрешение от русского военного начальства, но какое именно, не установлено», что он в праве вербовать австрийских военнопленных-славян для сербской армии, «какое-то свидетельство, тоже не установлено», с отметкой, что он освобожден от призыва в русскую армию. Сведений о шпионаже, судимости было не выявлено⁵³. Дальнейшая судьба Добровольческого корпуса известна, но о какой-либо грандиозной роли Семиза в его истории сведений обнаружить не удалось.

Несмотря на победу дела, которому служил Душан Иванович, он после 1917 г. он остался в России вместе с женой сотрудницей Эрмитажа, и, вероятно, поступил опрометчиво. После революции Семиз жил в Петрограде (Ленинграде), публиковался в журнале «Нова Европа»⁵⁴. В 1920-е гг. работал юрисконсультантом в ленинградском Губисполкоме, а затем – Облисполкоме, подготовил пособие «Спут-

52 В российском документе августа 1917 г. он назван корнетом (Тимофеев А.Ю., Вишняков Я.В., Милорадович Г. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны М., 2016. С. 187). В то же время в сербском документе от 7 сентября 1917 г. он охарактеризован как «бывший сербский кавалерийский подпоручик запаса, а сейчас русский кавалерийский поручик запаса» (Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства... С. 325.)

53 Государственный архив Российской Федерации (далее –ГАРФ). Ф. 63. Оп. 36. Ед. хр. 267. Л. 1–13.

54 *Semiz D. Pred zoru velikih dana // Nova Evropa. 1929. № 8.*

ник управдома»⁵⁵. В это время он имел доверительные отношения с видным деятелем Коммунистической партии Югославии Г. Вуйовичем⁵⁶. Однако в 1929 г. последовал арест. Осужденный за взяточничество и растрату, он провел 5 лет в Медвежьегорском и Беломоро-Балтийском лагерях.

Освобожденный досрочно «за ударную работу и трудовые зачеты», Семиз вернулся в Ленинград. Здесь в 1934 г. по рекомендации свежеепеченного академика, специалиста по болгарской истории и филологии, верного марриста Н.С. Державина устроился в Секцию научных работников при Профсоюзе работников политико-просветительных учреждений СССР. Академик, позабыв свои прежние отзывы о работах Душана Ивановича⁵⁷, охарактеризовал его как «специалиста по истории Югославии и единственного у нас в Ленинграде квалифицированного специалиста в этой области»⁵⁸. Стоит признать, что такая характеристика вполне могла быть правомерной, поскольку в 1934 г. уже набрало свои обороты «дело славистов», когда многие видные славяноведы оказались арестованы.

Самого Семиза в тот год не тронули. Но в 1938 г. его вновь арестовали. Содержался он в «Крестах» вместе с Л.Н. Гумилевым. В 1939 г. суд приговорил Душана Ивановича к пяти годам лагерей за шпионаж, охарактеризовав его как «активного участника сербской освободительно-революционной организации». Как сам Семиз объяснял в 1941 г. в письме В.И. Пичете – за принадлежность к «Черной руке». Начавшаяся Великая Отечественная война отодвинула выход на свободу до февраля 1947 г. Однако 14 декабря 1948 г. Семиза

55 Спутник управдома. На 1926 г. / под ред. Д.И. Семиза. Л., 1926.

56 Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. М., 2005. С. 421–422, 450–452. В показаниях Б.В. Астромова-Кириченко, однако, Вуйович по непонятной причине называется Бойевичем. Судя по должности и озвученной в документе биографии, речь шла именно о Г. Вуйовиче.

57 Так, в своей работе о македонском вопросе в 1914 г. Н.С. Державин писал об упоминавшейся книге Д.И. Семиза и М.М. Вукичевича: «Если бы эта книга была написана по-сербски, ее можно было бы с успехом игнорировать, как абсолютно не заслуживающую внимания, но написанная на русском языке, стало быть для русского читателя, эта книга должна быть подвергнута с нашей стороны самому суровому обличению, как клеветнический навет на болгарский народ, как новая попытка вовлечения русского читателя в братоубийственную распрю, как, наконец, книга, безусловно, вредная с точки зрения интересов общеславянской солидарности и единения» (*Державин Н.С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос*. СПб., 1914. С. 112.)

58 *Рождественская М.В. Из истории...* С. 518.

опять арестовали и отправили в ссылку в Казахстан, из которой освободили только после смерти Сталина. Тем не менее, реабилитирован он был только после смерти, которую встретил в родном городе жены Мышкине в 1955 г.⁵⁹.

Упомянутая осторожность графини Уваровой, по всей видимости, была вызвана, в том числе и казусом, в котором главной фигурой являлся Чедомир Милитевич Иоксимович.

Про него сведений совсем немного. Он родился в 1873 г., около 1897 г. переехал в Россию, был редактором-издателем журнала «Вестник мануфактурной промышленности», по крайней мере, с 1909 г. входил в Общество славянской культуры⁶⁰. Во время Балканских войн Иоксимович занимался организацией и чтений публичных лекций о событиях на полуострове. Так, 11 октября 1912 г. в Москве в Политехническом музее он выступал с академиком Ф.Е. Коршем, В.Т. Михайловским, К.С. Кузьминским и другими. Мероприятие позволило собрать 300 рублей чистого дохода, переданного в распоряжение Московского славянского комитета⁶¹. 9 ноября 1912 г. к временно исполняющему обязанности московского градоначальника обратились Иоксимович и казначей Общества славянской взаимности З.И. Рейман с «принципиальным вопросом» о возможности устроить 15 ноября лекцию о Балканской войне при участии Р.И. Кошутича, В.А. Бобринского, И.В. Никанорова, В.В. Карпинского, А.Н. Брянчанинова, Ч.М. Иоксимовича, ручаясь за «сдержанность ораторов» и обещая не касаться внутренней и внешней политики России, взаимоотношений с Австро-Венгрией. Проконсультировавшись с директором Департамента полиции, московский чиновник дал разрешение на мероприятие⁶².

59 К сожалению, указанная статья уважаемого филолога-медиевиста страдает от того, что здесь гуманитарий вторгся в смежную науку, не поняв ее особенности. Цитируемые в статье документы хотя и имеют большое значение, но приводятся некритически и в отрыве от контекста и биографии героя, что заставляет читателя самого восстанавливать жизненный путь Семиза. По этой причине, а также в силу ряда неточностей остаются актуальными слова Я.В. Вишнякова – биография Семиза «еще ждет своего внимательного исследователя» (*Вишняков Я.В. «Черная рука» и Сербский добровольческий корпус // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016. С. 75*).

60 *Горяинов А.Н. В.И. Пичета как поборник... С. 294.*

61 *Шевцова Г.И. Русский гуманитарный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012. С. 79. Г.И. Шевцова ошибочно указывает инициалы Чедомира Милетевича Иоксимовича как «Ч.И.».*

62 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69. 2е делопроизводство. 1912 г. Д. 30. Ч. 19. Л. 1–4.

Первая мировая война Иоксимовича, как представляется, не так всколыхнула, как Семиза, поскольку в 1915 г. он опубликовал первый том «Мануфактурной промышленности в прошлом и настоящем»⁶³, и первый выпуск «Мануфактурной промышленности накануне мировой войны»⁶⁴. Судя по нумерации, он собирался заниматься этими изданиями вплотную, но уже в 1914 г. очутился в центре полицейского расследования.

2 октября Иоксимович пришел к казанскому губернатору и заявил, что он командирован сербским посольством «для поднятия путем устройства лекций и после них прений по славянскому вопросу чувства симпатии к сербам и черногорцам» и параллельного сбора пожертвований. В связи с этим он испрашивал разрешения на публичную лекцию, на которую должен прибыть из Москвы настоятель Сербского подворья архимандрит Михаил. Глава региона дал свое согласие, были напечатаны афиши, где Иоксимовича именовали сербским королевским агентом и обещали, что силами нескольких хоров «перед началом лекции будет исполнен апофеоз “Всеславянское единение”». 3 ноября при большом скоплении людей лекция состоялась «с выдающимся успехом», сбор с учетом билетов составил 675 руб. 75 коп. Неоднократно были исполнены гимн Российской империи и ее союзников, выступали местный городской голова и предводитель дворянства, хотя сербского церковного иерарха не было.

Однако губернатора что-то смутило, и он попросил Иоксимовича представить смету. Она не удовлетворила представителя властей, которому показалось, что сербский подданный «преследует лишь свои личные интересы». 8 ноября губернатор отправил всю информацию в департамент полиции. 25 ноября министр внутренних дел передал информацию главе МИД, добавив, что Иоксимович в итоге перечислил посольству «менее 18% всего дохода лекции», и на усмотрение главы внешнеполитического ведомства оставил вопрос, стоит ли информировать сербское дипломатическое представительство. Сербская миссия, видимо, была поставлена в известность, поскольку 21 декабря просила сообщить министру иностранных дел, что «сербский подданный Чедомир М. Иоксимович» не является

63 *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915.

64 *Он же.* Мануфактурная промышленность накануне мировой войны. Вып. 1. М., 1915.

сербским агентом и не командирован сербской миссией ни для лекций, ни для сбора пожертвований. А потому представители Белграда просили самозваному защитнику родины пресечь «возможность злоупотреблять симпатиями русского общества».

После этого заместитель главы МВД В.Ф. Джунковский 2 января 1915 г. разослал главам регионов информацию о Иоксимовиче и попросил «не допускать такие собрания или сборы». Внезапно из Ташкента пришел ответ. Сообщалось, что «торговый агент серб Иоксимович» просил разрешения от своего имени проводить лекции, обязавшись доход отправлять в сербское посольство. Программу мероприятия одобрил военный губернатор, лекция в присутствии чина полиции была прочитана корректно, а сбор от нее отправлен по назначению. В связи с этим, писал генерал-губернатор Туркестана Ф.В. Мартсон, «нет препятствий дальнейшей патриотической его деятельности под наблюдением местных властей». В результате в департаменте полиции пришли к самому простому решению, возложив право принятия решений о лекциях на местные власти⁶⁵.

Дальнейшая биография Иоксимовича, впрочем, как и предыдущая, прослеживается отрывочно. После революции он остался в России и 27 сентября 1920 г. обратился с письмом к главе СНК В.И. Ленину с просьбой его принять, поскольку у него есть идея «безболезненного прекращения войны с Польшей». Себя Иоксимович охарактеризовал как «народного социалиста и славянофила-федералиста» и рассказал, что при Временном правительстве являлся комиссаром Первой сербской добровольческой дивизии, а на момент написания обращения работал преподавателем на прядильно-ткацких курсах при предприятиях в Высоковске и Дедовске⁶⁶. Неизвестно, выслушал ли Ленин это заманчивое предложение, но в учебники миротворец Иоксимович не вошел. Более успешной являлась его деятельность как автора пособий по ткачеству и мануфактурному делу. В 1922 г. вышло как минимум две его книги, а в предисловии к одной из них он перечислил 17 изданий, автором которых являлся⁶⁷. Выдержаны труды были в восторженном духе по отношению к «переживаемой нами Великой революции»⁶⁸. Тем не менее, Иоксимо-

65 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123 (4-е делопроизводство. 1914). Ед. хр. 168. Л. 1-16.

66 Горяинов А.Н. В.И. Пичета как поборник... С. 293-294..

67 Иоксимович Ч.М. Первая рабочая фабрика. М., [1922]; *Он же*. Ткацкий справочник. М., 1922.

68 *Он же*. Первая рабочая фабрика... [Предисловие]

вич отправился на родину. Здесь он основал первую ткацкую школу в Панчеве, а в 1927 г. в Лесковаце по его инициативе была открыта Профессиональная средняя техническая текстильная школа, в которой он стал преподавать⁶⁹. Активно он публиковался в специализированных изданиях. Умер Ч.М. Иоксимович в 1944 г. и похоронен в Белграде на Новом кладбище⁷⁰.

Представленная галерея портретов показывает, что сербы, жившие в России в первом поколении, сохраняли свою идентичность и привязанность к родине, могли как Иероним Табурно и Душан Семиз яростно защищать интересы Сербии. Однако во втором поколении как Вук Табурно, они уже утрачивали связь с сербскими землями. В то же время и оставаться в России после Октябрьской революции было не лучшим выбором, что показала судьба Семиза, и с чем, видимо, связано возвращение Чедомира Иоксимовича. В обновленной России следовало забывать о своем происхождении и становиться интернационалистом. Новые власти не терпели агентов иностранных государств.

69 Рафаиловић Ј.Љ. Индустијски развој на Балкану 1919–1929. године – компаративна анализа текстилне индустрије Бугарске и Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца: докторска дисертација. Београд, 2015. С. 278.

70 Русский некрополь в Белграде и других городах Сербии. URL: <http://rn-belgrade.ru/necropolis/%D0%B8%D0%B9/#toggle-id-36> (Дата обращения: 30.09.2019).

Nikita Gusev, Ph.D.,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Serbs-emigrants in Russia, who have defended the interests of the Mother-land during the Balkan wars and World War I. Four portraits: M.M. Bojović, I.P. Taburno, D.I. Semiz, C.M. Joksimovic

Abstract: The article shows the fate of the four emigrants from Serbian lands, who have lived in Russia and have defended the interests of Serbia in the public space. M. Bojović (1872–1917), who have worked in the newspaper «Russkoe Slovo» and in the magazine «Iskry», was a longtime friend of the leaders of the Radical party and he reported about the Balkan wars and World War I from Serbia. I.P. Taburno (1862–1913) was an employee of the «Novoe vremya» and a personal friend of N. Pashich. During the Balkan wars, he not only in the press, but also in the ruling circles of Russia has defended the interests of Serbia. Lawyer and publicist D.I. Semiz (1884–1955) during the Balkan wars defended at the public meetings the point of view of Belgrade, participated in the formation of the Serbian volunteer corps during the World War I. But he remained in Russia after 1917 and was repressed several times. C.M. Joksimovic (1873–1944) has worked in the textile industry, but at the appointed time, he delivered lectures in support of Serbia, sometimes without the knowledge of the government of the country. In the 1920's he returned home.

Keywords: Milan Bojović, Jerome Taburno, Dusan Semiz, Cedimir Joksimovic, Balkan wars, World War I.

DOI: 10.31168/0433-6.2

ВИШНЯКОВ ЯРОСЛАВ ВАЛЕРИАНОВИЧ

Доктор исторических наук
Доцент Кафедра всемирной и отечественной
истории МГИМО (У) МИД России
vishnyakov@yandex.ru

Штрихи к биографии Душана Семиза*

Аннотация: Имя Душана Семиза (1884-1955) занимает особое место в изучении российско-сербских отношений начала XX века. Его непростая биография, в том числе и его жизнь в России, его связи с представителями сербского национального движения, особенно с руководителями сербской офицерской организации «Черная рука», позволяют глубже понять контекст бурных событий начала XX века, происходивших как в России, так и на Балканах.

Ключевые слова: Душан Семиз, Россия, Сербский добровольческий корпус.

Имя Душана Семиза (1884-1955) занимает особое место в изучении российско-сербских отношений начала XX века. Его непростая биография, в том числе и его жизнь в России, его связи с представителями сербского национального движения, особенно с руководителями сербской офицерской организации «Черная рука», позволяют глубже понять контекст бурных событий начала XX века, происходивших как в России, так и на Балканах. Оказавшись после, уничтожившего сербскую династию Обреновичей переворота 29 мая 1903 года в России как политэмигрант, он учился в полтавской гимназии, где в то время директором был его дальний родственник, известный в будущем славист В.И. Пичета. Заметим, что само участие Семиза в событиях мая 1903 года до сих пор не выяснено. Однако известно, что в 1886 году в Бухаресте был создан Балканский отдел департамента полиции, который первоначально возглавлял А.Е. Мищенко, сменивший в 1890 году полковником А.И. Будзиловичем, действовавшим под псевдонимом Грабо. После его смерти в 1901 году агентуру

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00163

возглавил В.В. Тржецяк, имевший псевдоним Цитовский. В функции балканской агентуры входила слежка за российскими политическими эмигрантами и перлюстрация их почты. В ее ведении находились Румыния, Болгария и Сербия, а среди осведомителей Тржецяка было немало известных балканских политических фигур. Так, например, агентами В.В. Тржецяка были Гаспар - комиссар бухарестской полиции, Гнедич - помощник градоначальника Белграда, Йован Джайа - известный политик, соратник Н.Пашича, министр сербской полиции, а после отставки редактор и издатель сербской газеты «Народ», который сам предложил «свои полные услуги в качестве политического или полицейского сотрудника России»¹. С 1900 года сотрудники российской политической полиции осуществляли агентурную охрану Александра Обреновича. Однако с января 1903 года российский балканский сыск прекратил осуществлять личную охрану сербского короля². Сразу же после осуществления переворота 29 мая 1903 года глава российской агентуры Тржецяк составил строго конфиденциальное и подробное описание убийства королевской четы, которое, не смотря на неточности в деталях, тем не менее, послужило для российских правящих кругов важным источником информации о кровавых событиях в Белграде. Часть этого документа с некоторыми купюрами была опубликована в 1927 году в загребском журнале «Новая Европа», архив редакции которого находится в фондах РГВА³. И именно Душан Семиз из Ленинграда передал их в редакцию журнала. Вопрос о том, как эти документы попали к нему остается открытым.

Затем Семиз окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1909 году женился на Наталье Дмитриевне Роговой - дочери уездного врача г. Мышкина. В годы Первой мировой войны он был военным корреспондентом, занимался публицистической деятельностью⁴. Семиз неоднократно арестовывался в ходе сталинских репрессий, окончательно освободившись только в 1953 году. Последние годы жизни провел в Мышкине, где и умер в 1955 году. Однако, несмотря на столь широкую общественную и поли-

1 ГАРФ. Ф. 505. Ед. хр. 76. Л. 1.

2 См. подробнее: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии. М., 2016. С. 186-188.

3 Nova Evropa Knjiga XVI broj 7. 11 okt. 1927 г. С. 225-230 // РГВА. Ф. 579-К. Оп. 1. Ед. хр. 72.

4 РГВА (Особый архив). Ф. 579. Ед. хр. 50; *Семиз Д.И.* Австрийские сербо-хорваты и Сербия. М., 1916.

тическую деятельность, его биография полна белых пятен и до сих пор остается малоизученной⁵. Особенно это касается первого периода его жизни, прежде всего обстоятельствам его приезда и пребывания в России. В своей статье мы, в силу недостаточной источниковой базы, не претендуем на комплексный анализ его деятельности в Москве и Петербурге, акцентируя свое внимание на работе Семиза по формированию сербского добровольческого корпуса и его деятельности в ходе событий русских революций 1917 года.

Добровольческие отряды югославян, прежде всего сербов, стали формироваться в России с началом боевых действий 1914 г., а первыми добровольцами стали сербы, обращавшиеся с просьбой принять их в ряды сражавшейся сербской армии в сербское посольство в Петербурге и сербские консульства в Москве и Одессе. Данная инициатива была поддержана российскими правительственными и военными кругами.

Первоначально вербовка добровольцев имела целью пополнить ряды сербской армии, и уже в начале 1915 года первые их группы стали прибывать в Сербию по Дунаю на пароходах Сербского пароходства и Экспедиции особого назначения М.М. Веселкина. После поражения последней осенью 1915 года, работу по формированию сербских добровольческих частей решено было продолжить для их использования на юго-западном фронте. В октябре 1915 года сербский посланник в Бухаресте Маринкович сообщил в русскую миссию, что «среди сербских беженцев в Румынии имеется несколько сот нижних чинов, которые желали бы поступить в ряды русской армии, предназначенной для действий против Болгарии». Ставка Верховного главнокомандующего дала утвердительный ответ на эту просьбу, а МИД дал указание миссии выдать им паспорта для проезда в Россию, причем «в виду исключительных обстоятельств», миссия приняла решение «бесплатно визировать свидетельства сербов, кото-

5 В этом смысле прежде всего следует отметить статью Милены Всеволодовны Рождественской, основанной на исследовании неразобранного архива Душана Семиза, находящегося в ИРЛИ (Пушкинский дом) (ф. 470). Однако в ее статье речь идет прежде всего о послереволюционном периоде жизни Д. Семиза и о его пребывании в сталинских лагерях. *Рождественская М.В.* Из истории сербско-русских историко-культурных связей: Душан Иванович Семиз (1884–1955) и его семья. Заметки к материалам петербургских и московских архивов // *Slovène*. 2017. № 2. С. 505–524. См. также: Опочининские чтения. Выпуск 6. Мышкин, 1998. См. также: *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 117.

рые отправляются здешней сербской миссией в формируемый у нас сербский корпус и кои обыкновенно не имеют денежных средств»⁶. Мобилизация военнопленных противоречила Гаагской конвенции, на что внимание сербских властей обратили и российские дипломаты. Однако принимать добровольцев не возбранялось.

Приток добровольцев существенно расширился за счет пленных и дезертиров из австро-венгерской армии. К 1 января 1915 года в России насчитывалось 250 тыс. австрийских пленных, а уже к осени 1917 года их число достигло 2 миллионов человек. Среди них находилось более 300.000 югославын - сербов, хорватов, словенцев⁷. Значительное их число оказалось сосредоточено в районе Одессы, где и развернулось активное формирование добровольческих частей. Как отмечалось в краткой записке по истории формирования корпуса, составленной в декабре 1916 года его командиром М. Живковичем, «Еще в 1915 году из военнопленных австрийских солдат сербской национальности, собирались добровольцы в России и отправлялись через Рени по Дунаю в Сербию на подкрепление сербской армии, обороняющей в этом году свои границы на берегах рек: Дуаня, Савы и Дрины. Инициатива в этом деле была в руках сербского посланника и сербского военного агента полковника Бронислава Лонтеквича,⁸ представителя сербского правительства в русской Ставке. Большинство добровольцев было собрано в Сибири в г. Тюмени. Когда, в сентябре 1915 года и Болгария выступила против Сербии, отправление добровольцев из России в Сербию по Дунаю прекратилось - стало невозможным. Тяжелая обстановка, в которой находилась Сербия с начала совместного нападения с трех сторон австрийской, германской и болгарской армий, побудила идею из собираемых добровольцев в России, формировать добровольческий отряд и отправить его на Салоникский фронт на подкрепление союзных войск, которые там собирались для поддержки и возможного спасения Сербии, чья трехсоттысячная армия находилась в отступлении»⁹.

6 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4027 Л. 2-11.

7 Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917-1921. М., 1977. С. 8-9.

8 Ганин А.В. Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. 2012. № 5. С. 92-95.

9 Вишняков Я.В. Тимофеев А.Ю. Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014. С. 188.

Таким образом, с конца 1915 года начался новый этап комплектования добровольческих сербских дивизий. Теперь в задачу входило сформировать полновесное воинское формирование для возможного использования его на русском фронте и последующей переброски на Салоникский фронт. Вскоре данная инициатива стала приобретать практические очертания, а группа размещенных в Одессе добровольцев была трансформирована в Сербский добровольческий отряд. Высший командный состав данного подразделения составили сербские офицеры, специально прибывшие с острова Корфу. В формировании такой дивизии активное участие приняли, прибывшие с острова, члены офицерской сербской политической организации «Объединение или смерть» («Черная рука»). В отборе офицеров, которые должны были отправиться в Россию, принял участие и российский военный агент в Сербии В.А. Артамонов, который выражал свой протест против назначения на командные должности наиболее одиозных участников переворота 1903 года и членов сербской военно-политической организации «Объединение или смерть» («Черная рука»). В своем дневнике от 2 февраля 1916 года он фиксировал: «Был в военном министерстве по поводу назначения офицеров для посылки в Россию. (12 т. австрийских сербов-пленных); протестовал против назначения Вемича¹⁰. И вообще выбор не русских воспитанников; упомянул о случае, когда русская миссия отказалась выдать паспорт офицеру из свиты королевича Георгия»¹¹. Однако вопреки мнению российского военного агента, ряд офицеров - членов этой организации все же отправилась в Россию, приняв активное участие в формировании добровольческого сербского корпуса. Среди них были А. Срб. В. Гойкович, М. Голубич, Б. Симич.

Душан Семиз сыграл особую роль в формировании этого сербского отряда. В докладе Штаба Одесского военного округа, состав-

10 Майор Велимир Вемич был одним из участников убийства королевской четы Обреновичей 29 мая 1903 года. Был одним из главных создателей общества «Объединение или смерть» («Черная рука») В.А. Артамонов писал о Вемиче: «Майор Вемич принадлежал к числу «заговорщиков», причем если он не принял активного участия в убийстве короля Александра и королевы Драги [здесь российский военный агент явно заблуждается], то, по мнению одних, отличился, а по мнению порядочных и беспартийных людей, запятнал себя надругательством над трупом королевы Драги. Удержавшись, несмотря на это, в армии, г. Вемич пользуется покровительством остальных заговорщиков. См.: МОЭИ, серия III, т. V. Ленинград, 1934. С. 440.

11 РГВИА. Ф. 1635. Д. 1. Оп. 4. Л. 14.

ленном в начале декабря 1916 года говорилось, что «быстрое формирование этих частей, сбор военнопленных добровольцев и боевая подготовка главным образом легла на всех кадровых чинов Сербского королевства, и в особенности по сбору военнопленных потрудились капитан Майстрович¹² (Майстрович – Я.В.) и корнет Семиц [Семиз], последний же главным образом, по объезде лагерей военнопленных вне пределов округа, состоя при сербских частях с самого начала их формирования»¹³. Штаб округа при этом представлял ходатайство о награждении их русскими орденами. Сам же Семиз при этом попал под подозрение российской политической полиции. В конце февраля 1916 года графиня П.С. Уварова – президент московского археологического общества обратилась в «соответствующие органы» с заявлением, в котором, в частности писала, что «Семиз, (по его словам, полковник в сербском войске) желает прочесть в императорском московском археологическом обществе доклад о Сербии, ее борьбе с немцами и ее отступлении». Но сама Уварова заподозрила в нем афериста, «с которым ученому обществу не следует иметь дело». Причина таких подозрений известного ученого, вдовы крупнейшего российского археолога А.С. Уварова, была проста: «он, Семиз не внушает мне доверия, главным образом потому, что ему поручено вызвать среди военнопленных охотников идти сражаться за Сербию и что он набрал уже 50.000 человек»¹⁴. Проведенная поверхностная проверка, однако, никакого криминала не выявила, кроме несоответствия воинского чина. В докладе московскому градоначальнику

12 Майстрович являлся выпускником русского кадетского корпуса и Николаевской военной академии. Он, как замечал, направленный в конце 1916 года для обследования состояния дел в Сербском корпусе, русский генерал Чистяков, был сторонник «энергичных мер для осуществления редкого в военной истории примера формирования во время самой войны целого корпуса из офицеров и нижн. чинов враждебного государства, хотя бы с применением некоторого принуждения». Чистяков отмечал его довольно специфический взгляд на «югославянскую идею»: «материально хорошо обеспеченный, родившийся и воспитанный в России, является еще и представителем довольно редкого у юго-славян взгляда на эфемерность существования Сербии, Югославии и прочих маленьких славянских государств вне прямого включения их в состав Российской империи. Майстровичем выполнена огромная работа по приему обмундирования, вооружения и снаряжения около 21 тыс. человек, прошедших через запасн. б-н за время его командования». // *Вишняков Я.В., Тимофеев А.В., Милорадович Г.* Указ. Соч. С. 182.

13 РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 165.

14 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 36. Д. 267. Л. 1-2.

говорилось: «В гостинице «Метрополь» проживал присяжный поверенный Душан Иванович Семиз, 31 года, который 17 сего февраля выбыл из гостиницы, отметившись в Петрограде. Прописан он был по заграничному паспорту, выданному ему петроградским градоначальником от 2 октября 1915 года. Названный Семиз при себе имеет следующие документы: 1) удостоверение сербского королевского двора о том, что он офицер сербской армии. 2) Какое то разрешение от русского военного начальства, но какое именно не установлено, о том, что он полномочен собирать австрийских военнопленных нижних чинов славян для пополнения сербской армии и какое-то свидетельство, тоже не установлено, на котором имеется отметка петроградского воинского начальника о том, что он, Семиз, освобожден от призыва в русскую армию. Во время пребывания в гостинице Семиз носил форму одежды поручика сербской армии. Неблагоприятных сведений на Семиза как в отделении, так и у отдельного корпуса жандармов не имеется»¹⁵.

Сам же сербский добровольческий корпус ждала непростая судьба. Формируемым сербским частям уже скоро суждено было принять свое первое боевое крещение в кровопролитных боях в Добрудже, причем в составе отдельного корпуса русской армии под командованием А.М. Зайчковского. В добруджанских боях в период с 25 августа по 16 октября 1916 года, из 19.000 человек Первой дивизии сербы потеряли убитыми и ранеными 231 офицера и 8996 нижних чинов.¹⁶ Поражение в Добрудже сказалось на моральном и психологическом состоянии его солдат, став одной из главных причин межнациональных столкновений внутри корпуса¹⁷.

Тем не менее, в середине октября 1916 года его командир Михаил Живкович отправил начальнику штаба Одесского округа ге-

15 Там же. Л. 3.

16 В ходе боев в Добрудже Первая сербская дивизия потеряла убитыми 35 офицеров, ранеными 195 и одного без вести пропавшего. Нижних чинов было убито 684, ранено 6048, пропавших без вести 2264. - см. Перечень убиты Первой Сербской дивизии с 25 августа по 16 октября 1916 года // РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 299. См также: *Поповић Н.* Губици 1 српске добровољачке дивизије у борбеним операцијама у Добруци 1916 године // Војно-историјски гласник. 2012. № 2. С. 145-152.

17 *Вишняков Я.В.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России // Русский сборник. Исследования по истории России. Том. XVIII. М., 2015. С. 443-487; *Вишняков Я.В.* Сербь в русской армии в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2017. № 3. С. 15-29.

нералу Н.А. Марксу¹⁸ донесение следующего содержания: «До меня дошло, что после отступления сербских армий в Албанию и Черногорию в разных краях Сербии осталось значительное число (25000-30.000) сербских воинов, из которых в настоящее время организовано несколько небольших отрядов в лесах и горах для партизанских действий“. Исходя из этого командир сербского корпуса предлагал, скорейшим образом завершить формирование этого воинского подразделения, а затем «перебросить корпус через Дунай сообразно обстановке, возможно ближе к впадению в него реки Тимок и начать действия в его долинах совместно с сформированными до этого времени в горах Восточной Сербии партизанскими отрядами. <....> Обстановка будет диктовать, замечал далее генерал, дальнейший образ действий, но во всяком случае действия корпуса в этом направлении будут изображать из себя чувствительную диверсию по отношению как к Добруджанскому, так и к Салоникскому фронтам»¹⁹. Данное донесение Живковича отражает малоизвестный факт попыток русского командования организации специального диверсионного отряда, который, в ходе боев за Добруджу должен был быть переправлен на территорию оккупированной австро-венгерскими и болгарскими войсками Сербии для проведения там партизанской борьбы²⁰. Главным инициатором этого шага стал подполковник Александр Срб. Кроме того, после поражения сербской армии осенью 1915 года, в среде сербских военных возникли совершенно новые идеи – организация мощного народного выступления, как средства достижения стратегических внешнеполитических задач. Трагической попыткой воплощения этих замыслов стало начавшееся в феврале 1917 года на оккупированной болгарами части сербской территории топицкое восстание.

Хаос революционных событий 1917 года роковым образом отразился на судьбе сербского корпуса, приведя к массовому выходу из его рядов солдат и офицеров. Вместе с тем, идея организации на его основе партизанских отрядов для борьбы с австрийцами продолжала витать в воздухе. Душан Семиз, видимо, сыграл в этих событиях определенную роль. Так, например, 11 (24) августа 1917 года прапорщик Ильинский составил специальный доклад для военно-

18 *Маркс Никандр Александрович* (1861-1921) – генерал-лейтенант, начальник штаба одесского военного округа.

19 РГВИА. Ф. 1837. Оп. 9. Д. 977 Л. 33-34.

20 *Вишняков Я.В.* Шел отряд по берегу // Родина. 2015. № 1. С. 50-52.

го министра, в котором говорилось буквально следующее:» «Полагаю, что желание вышедших из корпуса солдат, которые являются очень хорошим и обученным боевым материалом, нужно приветствовать и дать им возможность соорганизоваться и бороться в рядах нашей армии. С этой целью было бы очень полезно и более всего отвечающим духу этих солдат сформировать их в четнические отряды (партизанские). <...> Предлагаю поручить собирание этих людей, организацию и формирование отрядов полковникам русской службы Србу и Гойковичу, корнету Семизу и одному представителю «Румчерода»²¹, которые известны добровольцам и которые в минувшем году успешно формировали подобные отряды в Румынии в окрестностях Турюг-Северино. (Турну-Северин - Я.В.) Для скорейшей организации этих отрядов необходимо выдать разрешение упомянутым господам офицерам для объезда повсеместно военнопленных югославын с оказыванием им полного содействия со стороны военных и гражданских властей. <...> Ввиду ухода из корпуса сербов, хорват и словенцев офицеров и их желания перейти в русскую армию нужно обратить внимание не только на их военную подготовленность, но и на искренность их революционных побуждений. Поэтому не следовало бы никак принимать без предварительного отзыва одного из упомянутых трех офицеров или же лишь полковников Срба и Гойковича.»²².

Обстоятельства участия Д. Семиза в судьбе корпуса после февральской революции 1917 года также ждет своего исследователя. Известно, что в конце сентября 1917 года в Ставку поступила следующая телеграмма: «При сем препровождается для зависящих распоряжений, согласно резолюции Наштаверха от 25 сего сентября записка представителя Сербской армии полковника Лонткиевича по вопросу о привлечении к ответственности поручика запаса русской службы Душана Семиза за агитацию среди офицеров и солдат добровольческого корпуса сербов, хорватов и словинцев, с приложением, в переводах обвинительного акта командира означенно-

21 РУМЧЕРОД - сокращенное название, созданного в мае 1917 года, Центрального Исполнительного комитета Советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа.

22 Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. документов и материалов. М., 1976. С. 45-46.

го корпуса от 7-го сентября за секретн. № 3050 и 10 свидетельских показаний офицеров и солдат этого корпуса»²³.

На фоне общего разложения русской армии, к лету 1917 года уход добровольцев из корпуса принял массовый характер. 20 мая 1917 года в штаб Одесского военного округа пришло указание военного министра А.Ф. Керенского, который «разрешил офицеров Сводного Добровольческого корпуса Сербов, Хорватов и Словенцев, отчисленных от названного корпуса и заявивших желание служить в русских войсках, назначить: офицеров первой дивизии, принимавших участие в боях Добруджи совместно с русскими войсками – на Румынский фронт, а офицеров, не принимавших участие в боях – на Кавказский фронт»²⁴. В той же середине мая 1917 года в Дарницкий лагерь военнопленных под Киевом прибыло около 4000 его бывших солдат²⁵. К началу августа 1917 года в корпусе, из 42 000 солдат осталось лишь около 18000 человек, большая часть из которых к концу того же месяца по требованию генерала Щербачева должна была быть переброшена на румынский фронт, составив резерв 6-й армии²⁶. Она, однако, неоднократно откладывалась из-за недокомплекта личного состава и вскоре была отменена. Противоречивые распоряжения Ставки вызывали еще большую неразбериху среди руководства корпуса.

12 июня 1917 г. поручик корпуса словенец Гаспар Пекле, находясь в Могилеве, составил, обращенное к Верховному главнокомандующему, воззвание, в котором указал, что вышедшие из Сербского корпуса «словенцы, хорваты и сербы решили сформировать Югославянский добровольческий отряд, входящим, впредь до заключения мира в состав русской армии»²⁷. В Дарницком лагере военнопленных под Киевом началась агитация по вступлению в его ряды, что вызвало естественный протест Лонткевича и Живковича, пытавшихся в свою очередь, организовать в той же Дарнице новый набор добровольцев в Сербский корпус, в том числе вновь приняв в его состав тех солдат, которые ранее его покинули. Именно такое поручение получил сотрудник Сербской военной миссии поручик Комненович, который в телеграммах Лонткевичу особо подчеркивал необходимость

23 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 281.

24 Там же. Л. 146.

25 Там же. Л. 103.

26 Участие югославянских трудящихся... С. 45-46.

27 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 166.

«ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославян, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на нее политическую миссию».²⁸ В свою очередь, глава сербской военной миссии, в посланной генералу Лукомскому 14 июля 1917 года телеграмме подчеркивал: «Упомянутые офицеры – диссиденты, в свою очередь собирают между пленными добровольцев, будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение формировать отдельный отряд югославян в противоположность уже существующему в Одессе, на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев». В этой связи Лонткевич обращался к русскому правительству с просьбой «создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославян и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства». Он при этом предлагал признать Корпус как единственную «организацию югославян, а именно состоящую под руководством официально существующего югославянского комитета, утвержденного всеми союзниками», а также удалить из Дарницкого лагеря всех бывших офицеров-диссидентов корпуса, тем самым лишив их «возможности своей злоумышленной и несоответствующей истине агитацией, влиять на вновь прибывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии».²⁹

Однако вербовочная работа Коменовича как видно из записки, составленной Комиссией при штабе Киевского военного округа по опросу пленных, большого успеха не имела. При допросе 3700 диссидентов Сербского корпуса, которые прибыли в Киев в июне-июле 1917 г. выяснилось, что „Из 2196 Комиссией опрошенных диссидентов дали свое согласие:

Поступить в рабочие дружины 1826
Возвратиться обратно в плен 325
Поступить в русскую армию 27
Поступить в ударный югославянский батальон 18
ИТОГО 2196

28 Там же Л. 208.

29 Там же. Л. 204-205.

До 22 июля поступило в ударный Юго-славянский батальон (вместе с офицерами и Русскими подданными) 582

Возвратилось в Сербский корпус 122

По имеющимся сведениям удалились в неизвестно куда (есть основание, что удрали) 800

ВСЕГО 3700³⁰.

В свою очередь, после двух месяцев вербовки „офицерам-диссидентам“ к концу лета 1917 года удалось собрать в югославянский ударный батальон около 500 человек. Терпению русских военных властей наступил предел. В середине августа 1917 года генерал-майор Романовский издал распоряжение „всякую агитацию и дальнейшую вербовку“ в альтернативные югославянские части прекратить, а сформированный „ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своем желании вступить в этот батальон“, немедленно отправить на юго-западный фронт. Последующий опрос военнопленных должна была теперь проводить особая комиссия штаба Киевского военного округа, а в её состав должен был входить поручик Комненович. Причем, как замечалось в приказе, „сначала вебуются добровольцы в Сербо-Кроато-Словенский добровольческий корпус, вслед за тем, путем опроса вызываются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины, и, наконец добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название „Особый ударный батальон“, не называя его „юго-славянский“. Нежелающие служить должны были быть переведены на положение военнопленных и отправлены во внутренние округа империи, причем в приказе особо подчеркивалось запрещение ношения ими сербской военной формы.³¹

В это же время собственную вербовку добровольцев начала еще одна группа сербских офицеров под руководством полковника А. Срба, к тому времени уже заочно обвиненного на Салонинском процессе по делу организации „Черная рука“ („Объединение или смерть“). И именно в эту группу судя по всему входил Душан Семиз. В начале октября 1917 года Лонткевич в телеграмме, генерал-квартирмейстеру Штаба Верховного главнокомандующего Дитериксу

30 Там же. Л. 228.

31 Там же. Л. 239-240.

подчеркивал, что «бывший подполковник сербской службы, ныне полковник русской службы Александр Серб и отставной майор Радое Янкович несколько дней тому назад выехали из Петрограда в Одессу, чтобы между частями добровольческого корпуса Сербов, Кроатов и Словинцев, агитировать и уговаривать добровольцев не ехать на Солунский фронт и вообще возбуждать между добровольцами недовольтствие и недоверие к Сербскому правительству и начальствующими лицам этого корпуса»³². В ответ на это обращение, российское командование приняло решение: «В виду недопустимой по отношению к союзной нам Сербии агитации со стороны бывших сербских офицеров, сохранивших сербское подданство, но находящихся ныне на русской службе полковников Срба и Гойковича, а также сербской службы майора Янковича, начальник штаба верховного главнокомандующего приказал безотлагательно командировать этих офицеров в распоряжение Дежурного генерала Кавказского фронта для назначения их в действующие на Кавфронте части»³³

Однако это распоряжение Ставки, вследствие произошедших осенью 1917 года событий, так и не было исполнено. После победы октябрьского восстания, в ноябре-декабре 1917 г, в Одессе А. Србом из бывших солдат корпуса был сформирован батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 года был переброшен в г. Мариуполь. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 года был убит в Таганроге при до конца невыясненных обстоятельствах. Подразделение Срба возглавил майор М. Благодич. Однако эта тема, равно как и деятельность Душана Семиза в годы Гражданской войны в России, является уже предметом отдельного исследования³⁴.

32 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 686. Л. 298

33 Там же Л. 304.

34 Укажем также, что 10 ноября 1917 года, т.е. уже после захвата власти большевиками, В. Гойкович обратился с открытым заявлением в штаб Верховного главнокомандующего, в котором содержалось требование о формировании нового югославянского батальона из всех военнослужащих, отказавшихся покидать Россию, с возможным включением его в состав чешского корпуса. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Дело 49. Л. 1-2.

Yaroslav Vishnyakov, Ph.D
MGIMO University

Materials for Dušan Semiz's biography

Abstract: The name of Dušan Semiz (1884-1955) has a special place in Russian-Serbian relations at the beginning of the 20th century. His complicated biography, which has included the life in Russia and connections with the representatives of the Serbian national movement, especially with the leaders of the Serbian military organization „The black hand“, allows a better understanding of the context of the turbulent events, which have taken place in Russia, as well in the Balkans at the beginning of the 20th century.

Key words: Dushan Semiz, Russia, Serbian volunteer corps.

СИЛКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат исторических наук старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
alexander.silkin.as@gmail.com

**Вукашин Маркович как «зеркало русской революции»
(статья написана в рамках проекта РФФИ № № 19-09-00163)**

Аннотация: В статье реконструируется революционный путь черногорского коммуниста Вукашина Марковича. Подобно тому, как после XX съезда в Советском союзе получил распространение миф о «Ленинской гвардии», в восточноевропейских государствах тоже начали вслух сокрушаться о судьбе собственных коммунистов, павших жертвой «сталинских чисток». С одной стороны, так проявлялось ослабление политико-идеологического гнета Москвы, которому подвергались «страны народной демократии». С другой, с 1920-х гг. все значимые процессы и кампании, происходившие в РКП(б)/ВКП(б)/КПСС, в той или иной форме копировались в вассальных компартиях. Судьба иностранных коммунистов в СССР, репрессированных в эпоху «Большого террора», служит важным уроком, приближающим к пониманию исторического пути России в XX в. Во многом революция и гражданская война с ее катастрофическими последствиями - дело их рук. Однако с этими «безумными романтиками», как называл их Анджей Вайда, расправились люди и созданные ими репрессивные институты куда более последовательные в своем людоедстве. Эту «эволюцию» мы наблюдаем в документах, повествующих об иностранных коммунистах, решивших «помочь строительству социализма».

Ключевые слова: Вукашин Маркович, черногорский коммунист, революция, Россия, Югославия, Коминтерн, репрессии.

Подобно тому, как после XX съезда в Советском союзе получил распространение миф о «Ленинской гвардии», в восточноевропейских государствах тоже начали вслух сокрушаться о судьбе собственных коммунистов, павших жертвой «сталинских чисток». С одной стороны, так проявлялось ослабление политико-идеологи-

ческого гнета Москвы, которому подвергались «страны народной демократии». С другой, с 1920-х гг. все значимые процессы и кампании, происходившие в РКП(б)/ВКП(б)/КПСС, в той или иной форме копировались в вассальных компартиях.

Размышляя об участии расстрелянных партийных и военных деятелей и их посмертной реабилитации, нельзя не задаваться вопросом: что произошло бы, останься в живых Бухарин и Тухачевский, Милан Горкич¹ и Адольф Варский². Возможен ли какой-либо иной альтернативно-исторический сценарий, кроме «оптимистического»? Ведь жертвы репрессий в большинстве публицистических и историографических работ до сих пор изображается весьма комплиментарно. Показательна аннотация Анджея Вайды к книге Иоанны Ольчак-Роникер, посвященной основателям Коммунистической партии Польши (КПП): «Работящие позитивисты, которые видели свою главную задачу в труде – служении народу. Безумные романтики, поверившие, что можно до основания потрясти мир»³. Аналогично характеризовал мотивацию югославских коммунистов хорватский историк Иван Очак, по словам которого членами Коммунистической партии Югославии (КПЮ) двигал «восторг в связи с победой Октябрьской революцией и желание помочь СССР в строительстве социализма»⁴. Обильную пищу для рассуждений в сослагательном наклонении содержат документы из личного дела черносгорского коммуниста Вукашина Марковича, которому как нельзя лучше подходят вышеприведенные вайдовские эпитеты.

-
- 1 Горкич Милан (наст. имя и фамилия Чижински Йосип) (1904–1937) – югославский коммунист (с 1919 г.), чех по национальности. В Москве – с 1924 г. Работал в Балканском секретариате Коминтерна, занимал должности в руководстве КПЮ, Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи. Часто ездил в Европу с партийными заданиями. С 1930 г. – представитель Коминтерна в Компартии Великобритании. С 1932 г. – секретарь ЦК КПЮ. В основном работал в коминтерновских ячейках за рубежом. В 1935 г. – делегат VII конгресса Коминтерна, избран в Исполком Коминтерна. В 1937 г. вызван в Москву, арестован, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.
 - 2 Варский Адольф Ежи (полное имя – Адольф-Георг Саулович Варшавский, 1868–1937) – польский революционер, деятель социалистического и коммунистического движений Польши.
 - 3 *Роникер-Ольчак И.* В саду памяти. М., 2006. 384 с. (четвертая страница обложки)
 - 4 *Očak I.* Iz povijesti jugoslavenske emigracije u SSSR-u između dva rata // *Radovi.* 1983. № 16. S. 128.

* * *

Анализируя феномен югославской коммунистической эмиграции в советской России в межвоенное время, И. Очак выделяет четыре категории ее представителей: «Первую составляли студенты и офицеры, которые, прибыв в царскую Россию еще до Первой мировой войны, остались в ней и после Октябрьской революции; вторая группа формировалась из бывших военнопленных австро-венгерской армии, - сербов, хорватов и словенцев, - многие из которых приняли участие в революции и не вернулись после нее на родину; третью составила партийная эмиграция, к которой относились те, кого специально отправляли в СССР учиться или работать в Коминтерне; и последняя четвертая группа – наши экономические переселенцы из США, Канады и других стран мира, которые прибывали в “первое социалистическое государство”, дабы поспособствовать строительству социализма»⁵.

Относившийся к первой категории В. Маркович оказался в России в 1892 г. К этому времени ему было около 20 лет. Неуверенность в том, когда родился наш герой, – следствие того, что, реконструируя его биографию, мы вынуждены в основном опираться на источники двух типов - условно достоверные и весьма сомнительные. А именно, с одной стороны, на скудные документы российского Департамента полиции и коминтерновское личное дело В. Марковича и, с другой, на мифы и легенды, которые он сам распространял о себе, и которым югославские публицисты/историки придавали форму газетных/журнальных очерков. Из последних мы узнаем удивительные подробности жизни «большевистского буревишника», как, например, что в 1903 г. он принял участие во II съезде РСДРП (в Лондоне), а в 1937 г. во время первого допроса на Лубянке «сразу схватил со стола пепельницу и разбил ею голову энкаведэшнику»⁶. И, несмотря на красочность повествования этой и подобных публикаций, некоторые сообщаемые в них более-менее правдоподобные детали способны дополнить информацию, содержащуюся в скупых коминтерновских справках и автобиографиях. Например, в них, не указано, что В. Маркович жил в гражданском браке с французской революционеркой Жанной Лябурб. Однако

5 Ibid. S. 109.

6 *Marković V. Portret dr Vukašina Markovića // "Dan". 2011. 8-19 септембра. (<https://ru.scribd.com/document/234454891/Vasilije-Markovi%C4%87-Portret-dr-Vuka%C5%A1ina-Markovi%C4%87a>)*

вернемся к началу жизненного пути черногорского революционера, дабы установить наиболее важные его этапы.

В. Маркович родился в 1871 г. (по другим сведениям, в 1874 г.) в «бедной крестьянской семье» в черногорском селе Стиена, населенном представителями племени Пиперы⁷. О первых двух десятилетиях его жизни мы знаем немного. Хорватский публицист Петар Пожар сообщает, что в гимназии Маркович учился не на родине, а в соседней Сербии – в городе Ягодина, где у будущего революционера имелись родственники⁸. Стремясь продолжить образование, юный Вукашин решил перебраться в Россию. Осуществить задуманное удалось, когда ему повезло устроиться кочегаром на пароход. Если верить тому же автору, в 1892 г. на нем отправился в плавание черногорский князь Никола⁹.

Отметим, что в нашем распоряжении имеются документы, которые несколько иначе трактуют как соображения, по которым эмигрировал В. Маркович, так и невольную роль черногорского монарха в его жизни. В написанной во второй половине 1920-х гг. биографической справке видные деятели Коммунистической партии Югославии (КПЮ) Милан Горкич и Брацан Брацанович утверждают, что В. Маркович уже «в раннем возрасте... в своих стихотворениях клеймил гнет наследственной аристократии во главе с тогдашним князем Николаем Петровичем и указывал на необходимость непримиримой борьбы народа для свержения этого гнета. [...] Ввиду постоянного преследования со стороны черногорских властей т. Маркович был вынужден покинуть страну»¹⁰.

Следует признать, что о первом десятилетии пребывания Марковича в России нам тоже известно немного.

По информации советского историка-югославииста В.В. Зеленина, в 1898 г.¹¹ он окончил Донскую семинарию, после чего, по-ви-

7 Пиперы – одно из черногорских племен, праотцом которого считается некий Воевода Пипо. Его брат Васое считается «основателем» племени Васоевичей. Населяют область к северу от Подгорицы, между реками Морача и Зета.

8 *Požar P. Jugosloveni – žrtve staljinskih čistki (dokumentarna kronika)*. Beograd, 1989. S. 54.

9 Никола I Петрович-Негош (1841–1921) – князь и король (1910–1918) Черногории.

10 Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917-1945 гг. / Сост. А. Тимофе́ев, Г. Милорадовић, А.А. Силкин. М., 2017. С. 358.

11 *Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917-1921. М., 1977. С. 75.*

димому, некоторое время обретался в Петербурге, где «познакомился с рабочим революционным движением и начал принимать участие в рабочих революционных кружках»¹². Об этом говорится во второй справке, составленной начальником отдела кадров Исполкома Коминтерна Беловым¹³ в 1942 г., - то есть уже после ареста нашего героя органами НКВД. В 1903 г. он вступает в РСДРП, а в следующем - поступает в «Харьковский ветеринарный институт». По словам М. Горкича с Б. Брацановичем, «революция 1905 г. застала т. Марковича в означенном институте, и в таковой т. Маркович принимал самое активное участие». Кадровики ИККИ уточняют, что в Харькове он «был одним из организаторов студенческих и рабочих собраний и митингов». Одновременно балканский революционер «путем переписки с товарищами в Черногории и Сербии вел агитацию против существующего там режима». После поражения революции В. Маркович несколько раз подвергался арестам.

О том, чем занимался В. Маркович в 1912-1915 гг. можно судить на основании имевшей место в 1915 г. переписки эвакуированного в Ниш российского Императорского вице-консульства в Белграде с Департаментом полиции в Петрограде. Из письма дипломатического представительства следует, что в начале 1915 г. «черногорско-подданный» явился в располагавшееся в Нише Славянское благотворительное общество при шашке и в русской форме с погонями гражданского образца 6 класса. Не сумев подтвердить собственных прав на форму и оружие, Маркович, тем не менее, попросился на службу, а также поведал о проделанном за последние годы боевом пути. По его словам, в 1912 г. он «был командирован управлением Российского красного креста на войну под Адрианополь, в 1913 г. был снова командирован в Сербию на вторую войну, после Второй балканской войны был командирован на холеру в Сербию, в 1914 г. участвовал добровольно на войне в Галиции и в Польше до ноября прошлого года (1914 г. – А.С.); в начале ноября за свой счет отправился на сербско-австрийский фронт, где был дивизионным и полко-

12 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 360.

13 Белов (псевд, наст. фамилия Дамянов) Георгий (1892-1958) – деятель болгарского коммунистического движения. Член КП Болгарии в 1919-1958 гг. В 1925 г. эмигрировал в СССР. В 1926-1944 гг. член ВКП(б). В 1937-1942 гг. зам. зав. ведущего, в 1942-1943 гг. зав. отделом кадров ИККИ. В сентябре 1944 г. вернулся в Болгарию.

вым врачом Шумадийской дивизии, а после взятия обратно Белграда был назначен главным врачом главного госпиталя в Белграде»¹⁴.

Что из рассказанного соответствовало действительности, установить нельзя. Точно не последнее утверждение, так как достоверно известно, что незадолго до начала Первой мировой войны «доктор Маркович состоял на службе в Мариинской больнице для бедных в качестве врача-экстерна». Весной 1914 г. он числился «сверхштатным младшим медицинским чиновником», которого семипалатинский губернатор определил в Павлодарский уезд. Получив в качестве путевого довольствия 596 рублей 11 копеек, Маркович к месту службы не явился, в связи с чем Управление главного врачебного инспектора грозило ему карами небесными. В июне 1915 г. вышеуказанное общество отправило бывшего «главврача» в Черногорию «на усиление личного состава санитарного отряда».

1917 год В. Маркович встречает уже в Петербурге. По словам М. Горького с Брацановичем, «в Октябрьской революции т. Маркович также принимал активное участие, и его революционная деятельность известна Коминтерну и ЦК РКП(б) (т.т. Пятницкий, Зиновьев, Сталин)». В частности, по информации В. Зеленина, в ходе Октябрьского восстания в Москве черногорец «сражался на Арбате и на Воробьевых горах». Нам неизвестно, участвовал ли и он далее в боевых действиях. Документы фиксируют его активность на партийно-организационном поприще, пик которой приходится на период с апреля по ноябрь 1918 г.

В апреле В. Маркович – на Всероссийском съезде военнопленных социал-демократов-интернационалистов. Спустя месяц «проживавшие в Москве югославянские коммунисты “организовали Югославянскую коммунистическую эмигрантскую партию”»¹⁵ которая в июне преобразована в Южнославянскую группу РКП(б). В. Маркович, игравший заметную роль в новом объединении, возглавил ее печатный орган – газету «Всемирная революция». Кроме того, в августе 1918 г. он назначен руководителем Отделения южных славян Народного комиссариата по делам национальностей¹⁶. Летом В. Мар-

14 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 73 (2-е делопроизводство. 1915 г.). Д. 72ч.423 (О черногорском подданном лекаре Вукашине Марковиче). Л. 5-18.

15 Зеленин В.В. Указ. соч. С. 127.

16 Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR. Zbornik dokumenata i materijala. Beograd, 1979. S. 134.

кович совершил поездку на Восточный фронт, прислав 19 июля товарищам по группе тревожную телеграмму: «Сербскохорватские офицеры расстреливают в Казани коммунистических товарищей».

29 июля состоялось выступление на московском митинге иностранных коммунистических групп: «Довольно обманов... Мы пробудились. Вступаем в борьбу против *всех* (курсив мой – А.С.). Война не заканчивается, а только начинается. Пролетариат *всего* мира – наши братья по оружию. Будь проклят *весь* буржуазный мир. Только мировая революция устранил этих угнетателей и мучителей народа»¹⁷. 25 сентября В. Маркович уже в качестве председателя ЦК Южнославянской группы РКП(б) подписывает обращение к «рабочим и крестьянам» югославянских народов: «Дабы не пропасть постыдно, напряжем свой ум и поспешим встать под международное красное знамя... на благо *всего* человечества».

Ненадолго отвлекаясь от реконструкции революционного пути нашего героя, отметим, что марксистским универсализмом окрашены все его тексты и выступления. Яркой иллюстрацией служит заявление в ЦИК III Интернационала¹⁸ от 10 декабря 1919 г.:

«В последние три года я по всей России организо[вы]вал среди разных наций партийные группы, ячейки, митинги, лекции и партийные школы между китайскими, афганистанскими, корейскими, бухарскими, киргизскими, татарскими, башкирскими, турецкими, югославянскими, польскими, украинскими и русскими рабочими и крестьянами, а также и среди военнопленных венгерцев, немцев, французов, англичан, чехов и др.

Приходилось много раз выступать на общих интернациональных митингах в пользу образования ЦИК Ком[мунистического] III интернационала. В настоящее время ЦК партии меня командировует в Политотдел поезда «Красный Восток» для агитации среди народов Востока и организации партийно-агитационных школ. С этой целью мне оказывает поддержку ВЦИК, Президиум которого дал мне соответственный мандат.

После работы на Востоке я буду просить отправить меня с таким [же] заданием на Запад и в Америку.

17 Ibid. S. 137.

18 III Интернационал (Коммунистический интернационал, Коминтерн) – организация, объединявшая компартии различных стран в 1919–1943 гг. Создана по инициативе В.И. Ленина. Первый глава Исполкома Коминтерна (ИККИ) – Г.Е. Зиновьев (1919–1926); последний – Г.М. Димитров (1935–1943).

*Поэтому прошу ЦИК III Ком[мунистическо]го Инт[ернацио-
на]ла дать мне мандат на право агитации и организации партий-
но-агитационных школ среди народностей всех стран.*

*Лектор-агитатор, инструктор ВЦИК,
партбил[ет] № 5033*

В. Маркович»¹⁹

Увы, масштабность революционных замыслов и кипучая энергия не встретили понимания со стороны товарищей по партии. На перевыборах председателя Южнославянской группы, состоявшихся 4 октября 1918 г., за его кандидатуру не было подано ни одного голоса. А 5 ноября во время конференции группы, по требованию ее членов, ему не предоставили слово. Под тем предлогом, что он, якобы «сеял раздор в группе и говорил в федерации иностранных групп, что в группе имеется провокатор. Маркович встает и, уходя, кричит: “Так и есть. Среди вас – провокаторы!” На требование указать их он отказывается и заявляет, что назовет их имена в ЦИК. После этого он уходит»²⁰.

Как отнеслись к подобным разоблачениям в Исполкоме Коминтерна, нам неизвестно. Без особого сочувствия, судя по «заявлению» В. Марковича от февраля 1920 г., в котором он описывает свой конфликт с двумя функционерами ИККИ - деятелем венгерской компартии Эндре Руднянским и Н.И. Бухариным:

*«Товарищ Бухарин на митинге распространяет взятую у ко-
го-то злостную клевету обо мне как о порочном коммунисте. Я на
одном митинге... предупредил т. Бухарина, что эти слухи являются
результатом гнусного покушения шпионов Антанты (сербов) окле-
ветать меня... и, несмотря на это предупреждение, т. Бухарин язви-
тельным и оскорбительным тоном упрекал товарищей, зачем они
допустили меня присутствовать на митинге... Когда я подошел к т.
Бухарину,... тогда т. Бухарин стал меня порочить перед членами ЦК
III Интернационала, что я якобы издеваюсь над трупами Розы Люк-
сембург и Карла Либкнехта, и тут же настроил против меня [одно-
го из руководителей Коминтерна] т. Руднянского, указывая на меня
пальцем с повышенным тоном: «Вот еще с кем имеете дело». Тогда
т. Руднянский, стиснув деревянную палку своей правой рукой, стис-*

19 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 358.

20 Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji... S. 193.

нул зубы, вытаращил глаза, поднял руку с палкой и, приняв угрожающую позу, громко крикнул: «Я вас изобью, вы сумасшедший человек».

Размышляйте как хотите, товарищи, но такие поступки даже милого, симпатичного т. Бухарина по-моему омерзительны с точки зрения товарищеской, коммунистической. Прошу это дело как можно скорее разобрать [...]»²¹.

Закат партийно-административной карьеры, по-видимому, вынудил В. Марковича, сосредоточиться на пропагандистско-агитационной работе, что подтверждается и вышеприведенным заявлением (1919). Весной 1921 г. он отправляется на родину – в Черногорию, которая с конца 1918 г. входила в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. Как сообщают Горкич и Брацанович, «приехав в Югославию, т. Маркович активно работал среди крестьянских масс в Черногории. Узнавши о его коммунистической пропаганде, белградское правительство в июле месяце 1921 г. арестовало т. Марковича и отправило в Белград». По результатам допросов белградская полиция составила о нем следующее заключение, вошедшее под № 864 в справочник сведений об «опасных агитаторах» и прочих деятелях запрещенной коммунистической партии, предназначенный для внутреннего пользования Отдела государственной безопасности Министерства внутренних дел Королевства СХС:

«Маркович Др. Вукашин – врач, родом из Черногории. Воспитанник русской большевистской школы. Комиссар по югославским вопросам в России. Фанатичный большевистский агитатор. Один из основателей югославской партии в России и член югославянского совета в Москве. Недавно вернулся из России и на допросе признался, что является близким другом Троцкого. Его предупредили, чтобы он здесь не занимался агитацией, однако он тем не менее, целую ночь по приезде провел среди своих родственников, рассказывая им о большевистском режиме и восхваляя его. Когда его привлекли за это к ответу, заявил, что мы ничего не смеем с ним сделать, так как наши граждане, все еще находящиеся в России, взяты в заложники, дабы обеспечить ему свободу передвижения по нашему королевству. В настоящий момент Маркович находится под арестом в Полицейском управлении города Белграда. Вообще говоря, больной патологический тип (согласно рапорту от 1919 и 1921 гг.). Р. Бр. 2142»²².

21 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 382.

22 Там же. С. 381.

Если относительно того, что В. Маркович был «на дружеской ноге» с Троцким, имеются некоторые сомнения, то утверждение о заложниках выглядит правдоподобным. Известно как то, что большевики массово интернировали иностранных граждан, дабы, в частности, гарантировать неприкосновенность собственных засланцев²³, так и то, что товарищи В. Марковича по разнообразным эмигрантским партийным организациям горячо желали участвовать в этом процессе - «набирать известных югославянских граждан в качестве заложников... считаясь с существованием белого террора в Югославии и с гонением коммунистов». Как раз весной 1921 г. Центральное югославянское бюро (ЦЮБ) при ЦК РКП(б) и Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов обратились в Политбюро ЦК РКП(б) и ВЧК с просьбой поручить им «пересмотр концентрационных лагерей для выбора заложников из среды заключенных югославян»²⁴.

Как и в случае с В. Марковичем, не получившим поддержки со стороны ИККИ в его споре с Руднянским и Бухариным, эта инициатива была превратно истолкована работниками ЦК и чекистами. Те не пожелали делиться полномочиями с членами ЦЮБ, арестовав их самих в июле 1921 г. А наш герой, напротив, по словам Горкича с Брацановичем, «был освобожден под условием больше не заниматься пропагандой и агитацией за идеи коммунизма, и вернулся в Черногорию. Спустя некоторое время по возвращении из Белграда т. Маркович поднял вооруженное восстание крестьян Пипери и отчасти Белопавличи и с красным знаменем с надписью “Вся власть Советам” двинулся на ближайшие жандармские станции и города». Безнаказанность подобных действий, разумеется, не могли обеспечить никакие заложники: «Под сильным напором правительственных войск

23 Свидетельство распространенности подобной практики приводит в своей книге И. Роникер-Ольчак: «2 октября 1920 года Адольф Варский, один из основателей коммунистической рабочей партии Польши, послал из Берлина в бюро польской партии большевиков в Москве резкое письмо, торопя товарищей поспешить с обменом политических заключенных между Советской Россией и Польшей. Он писал: “Долго вы еще будете держать в России польских идиотов, или нет, белой Польши им не спасти, и от этого не выиграет ни Польша, ни Россия [...] Какого черта из-за этого страдают наши лучшие люди, почему должны пропадать их силы и способности? [...] Прекрасные головы, замечательные публицисты, великолепные организаторы. Все эти товарищи уже неоднократно побывали под судом, а значит им грозит, по крайней мере, четыре года тюрьмы, и не исключено, что в самых тяжелых условиях”». (*Роникер-Ольчак И. Указ. соч. С. 169*).

24 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 259.

часть повстанцев сдалась, а часть во главе с т. Марковичем отошла в горы и продолжала вести партизанскую войну».

Спустя три года (!) изможденный «предтеча Че Гевары»²⁵ с группой сторонников решил прервать свой анабасис, вступив в переговоры с властями: «И когда окружной начальник дал письменное ручательство, что ни т. Маркович, ни кто-либо из его товарищей не будут привлекаться к ответственности за свою революционную деятельность, он в 1924 г. сдался, но был горько обманут и на третий день после сдачи арестован. После ужасных пыток, будучи скован в цепях по ногам и рукам и всех издевательств со стороны властей, т. Маркович был отправлен в сумасшедший дом, где пробыл около года».

В марте 1926 г. узнику югославско-монархической карательной психиатрии, при помощи товарищей по КПЮ, «посчастливилось бежать из сумасшедшего дома». И снова ему пришлось «несколько месяцев томиться по пещерам Черногории», пока его не переправили в Австрию. Там В. Маркович опять оказался в тюрьме, из которой его удалось выволить благодаря международной кампании поддержки, в которой, в частности, участвовал Анри Барбюс.

В сентябре 1926 г. В. Маркович прибыл в СССР, и, по рекомендации представительства КПЮ при ИККИ, снова вступил в ВКП(б). Скитания по неприступным горным вершинам подорвали здоровье «большевистского буреизвестника», которому потребовалась продолжительная реабилитация в санаториях Крыма. Но и на отдыхе он не утратил партийной бдительности, о чем свидетельствует его «заявление» в Центральную контрольную комиссию ВКП(б) и ЦКК Коминтерна (1929):

«Укусила... меня бешеная собака, 1929 г. В мае месяце профессор Констанцев в Симферопольском Пастеровском институте делал мне подкожные антирабические («противобешенство») впрыскивания. Он не подозревал, что я ленинец-большевик, и каждый раз, когда вонзал мне иглу в живот... с большой иронией говорил: «Маркс дурак, а Ленин, хотя и не дурак, но подлец и бандит»,... «Сталин идиот»...

– А как Бухарин? – я его спросил.

– Ничего, теперь он лучше стал.

[...] Когда Констанцев узнал, что я Вукашин Маркович, он ужаснулся. Через несколько дней его сын стреляет в мое окно, а проф. Кон-

25 *Marković V. Op. cit. S. 10.*

станцев на мой протест публично агитирует, что Вукашина Марковича преследуют бредовые идеи... Не удивило меня отношение ко мне проф. Констанцева, но меня поразила связь и осведомленность между проф. Констанцевым и проф. московскими Залкиндом²⁶ и Ганушкиным²⁷. ... а мне известно, что тот же проф. Ганушкин московский писал сербскому правительству в Югославии, что Вукашин Маркович страдает бредовыми идеями ленинизма, большевизма и коммунизма»²⁸.

Вернувшись в Москву В. Маркович активно включился в межфракционную борьбу, охватившую югославскую коммунистическую диаспору в СССР²⁹. В частности, он оказывал поддержку «левым» студентам Югославского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада³⁰ (КУНМЗ), среди которых оказалась и его племянница Стоя Маркович. Вместе со своими однокашниками в мае 1929 г. она подписала обращение к Политсекретариату ИККИ, известное как «Платформа 41». Авторы письма требовали снятия с должности ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкиной³¹, которая обвинялась ими в «оппортунизме, бюрократизме и протекционизме», «поддержке правых и примиренческих течений и групп... хвостизм[е] по отношению линии ВКП(б) в вопросах борьбы с правыми в ВКП(б)»³² и т.д. Как и следовало ожидать, подписанты потерпели

26 Залкинд Арон Борисович (1888-1936) – советский психиатр, педолог. В 1936 г. подвергся преследованиям по партийной линии за «фрейдизм». Умер от инфаркта после партсобрания.

27 Ганнушкин Петр Борисович (1875-1933) – выдающийся русский, советский психиатр.

28 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 381.

29 Лидером «правых» считался Сима Маркович, «левых» – Коста Новакович (псевдоним Петр Драгачевац).

30 Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ) – учебное заведение Коминтерна, работавшее в 1922–1936 гг. Учрежден декретом СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. Первый ректор – Юлиан Мархлевский. Университет состоял из различных секторов: еврейского, латышского, польского, немецкого, югославского, болгарского и т.д. Закрыт в 1936 г.

31 Фрумкина Мария Яковлевна (наст. фамилия и имя Лившиц Малка Янкелевна) (1880–1943) – советский партийный и государственный деятель, участница еврейского социал-демократического и коммунистического движения. Один из лидеров левого крыла Бунда, член руководства Еврейской секции РКП(б). Принимала участие в подготовке и издании на идиш сочинений В.И. Ленина. Автор биографии Ленина на идиш. Проректор и ректор КУНМЗ (1922–1936 гг.). В 1938 г. арестована, осуждена на 8 лет. Умерла в лагере близ Караганды.

32 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 304.

поражение. Зачинщиков смуты уличили в троцкизме и исключили из университета. По словам сохранившей свою должность Фрумкиной, «чистка и партвоспитательное воздействие привели к оздоровлению сектора, к снятию всех подписей, к широкому саморазоблачению подавляющего большинства бывших фракционеров и полному изживанию большинством своих ошибок».

В. Маркович, разумеется, не мог остаться в стороне от творившейся, с его точки зрения, несправедливости. Рассчитывая на свой авторитет, он обратился в ЦКК ВКП(б). Красноречивое описание того, к чему привело это заступничество, содержится в очередном «заявлении» в ЦКК ВКП(б) и ЦКК Коминтерна:

«1929 г., месяца октября, 25 дня я зашел в ЦКК ВКП(б) в кабинет т. Сольца³³ с целью получить ответ на мою жалобу по поводу разгрома левыми и правыми оппортунистами Югославии большевистского ленинского ядра на Югославском секторе западного университета. Это был мой третий приход к т. Сольцу, так как я предварительно два раза перед последним разом просил Сольца пересмотреть дело югославское... Два раза Сольц был сдержан по отношению ко мне, соглашался со мной, что ректор Фрумкина путаница, оппортунистка и скрытная, старая бывшая контрреволюционерка, но сердобольно сожалел о недостатках Фрумкиной, все-таки т. Сольц настаивал все ей простить и оставить в покое... Третий раз я явился к Сольцу, протянул ему свою руку, но – увы, Сольц разъяренно стиснул зубы, сжал кулаки... потом их поднял вверх и со всей силой бултыхнул кулаками об стол: “А, ты опять пришел, а кто ты... А я позову сейчас милицию” – и подобно злому тигру в клетке стал Сольц бегать туда сюда по комнате, угрожая мне арестом...

Я удивленный вышел в коридор, подошел ко мне милиционер. “Что случилось, т. Маркович. Что ты, бить хочешь т. Сольца что-ли?”, - спрашивает меня милиционер. “Нет, милый мой, я Сольца бить не хочу кулаками ни за что, хотелось самокритикой позаняться с ним, но он перешел на физическую силу, а я душить его не намерен ни в коем случае”.

33 Сольц Арон Александрович (1872-1945) – член РСДРП с 1898 г. член ЦКК РКП(б), председатель юридической коллегии Верховного Суда, один из участников массовых репрессий 1930-х гг. Противник А.Я. Вышинского, в 1937 г. обвинивший его в фальсификации уголовных дел и потребовавший расследования его деятельности. В 1938 г. помещен на принудительное лечение в психиатрическую клинику, в которой скончался в 1945 г.

[...] Неужели его так очаровала иезуитка Фрумкина, которая одевается флагом ленинизма, для того, чтобы преследовать ленинцев, отравлять ядом оппортунизма молодые неискушенные сердца.

Балканская политика нелегка, балканскую политику нельзя вести [ни] через... Руднянского, ни через больного истерией Сольца. [...]

Если, товарищи, считаете, что мое мнение... неправильно... вызываю Вас на самокритику, на соревнование по ленинской диалектике. [...]

Итак, с ленинским, большевистским, коммунистическим приветом,

Ваш друг

*Вукашин Маркович*³⁴.

О том, как наш герой жил в 1930-е гг., мы знаем немного. Беловская справка сообщает, что до 1932 г. он работал на заводе «Серп и молот», а затем получал «персональную пенсию». Проживал в Москве по адресу «Сокольническая, д. 9». Согласно биографической справке от 1963 г., составленной старшим оперуполномоченным отдела КГБ при совете министров СССР Губановым, В. Маркович «неоднократно обращался с письмами в адрес ЦК ВКП(б) и Советского правительства по самым различным вопросам»³⁵. Некоторые из этих писем приведены в настоящей работе. О содержании иных «заявлений» в своих воспоминаниях пишет Родолюб Чолакович³⁶, встретивший партийного товарища в 1933 г.: «Под мышкой у него была потрепанная сумка, так плотно набитая разными текстами, что она не закрывалась. Не поздоровавшись и не спросив меня о моем самочувствии, он сразу начал рассказывать о своем споре с какой-то редакцией, которая не желала публиковать его статью. В ней он доказывал, что Сталин был неправ, когда утверждал, что в 1917 г. придерживался ленинской линии, сформулированной в Апрельских тезисах...»³⁷.

Безнаказанно публично распространяться о неправоте Сталина удавалось довольно долго. По-видимому, это объяснялось тем,

34 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 277. Д. 1903. Л. 6-9 об.

35 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 361.

36 Чолакович Родолюб (1900-1983) – югославский партийный и государственный деятель. Член КПЮ с 1919 г. В СССР прибыл в 1933 г. Участник Гражданской войны в Испании. Во время Второй мировой войны – один из руководителей партизанского движения. В социалистической Югославии – первый председатель правительства Народной республики Босния и Герцеговина.

37 https://sh.wikipedia.org/wiki/Vuka%C5%A1in_Markovi%C4%87#cite_ref-10

что у партийного руководства и органов сложилось о Марковиче определенное мнение, приведенное в неоднократно процитированной справке за подписью Белова: «Т.т. Власов и Дравич³⁸ (сотрудники аппарата ИККИ) утверждают, что МАРКОВИЧ действительно психически больной».

Однако, «сколько веревочке ни виться, а конец будет». Для начала в 1936 г. у пенсионера республиканского значения «при проверке партийных документов был задержан партбилет до выяснения». А в мае 1937 г., как сообщает Губанов, В. Маркович сам «был задержан НКВД СССР и направлен на судебно-психиатрическую экспертизу. Как указано в акте медицинской комиссии от 11 мая 1937 года, МАРКОВИЧ “страдает душевным заболеванием в форме параноидной шизофрении с выраженным систематизированным бредом преследования и переоценке своей личности...”. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 27 июня 1937 г. МАРКОВИЧ В.М. был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу».

Медкомиссии НКВД у нас оснований верить (или не верить) ничуть не меньше, чем утверждениям В. Марковича, будто он был «главным врачом в главном госпитале» и «близким другом Троцкого». Напомним, что у А. Сольца органы тоже диагностировали сумасшествие, которое проявлялось в том, что он, по словам А.И. Микояна, «рассматривал дела репрессированных и считал, что они неправильно привлечены к ответственности»³⁹. И того, и другого «под предлогом сумасшествия увезли в тюрьму, куда помещались такие “сумасшедшие”, и где люди скоро действительно сходили с ума или умирали».

Судьба «безумных романтиков» служит важным уроком, приближающим к пониманию исторического пути России в XX в. Во многом революция и гражданская война с ее катастрофическими последствиями - дело их рук. Однако с Марковичем и Сольцем расправились люди и созданные ими репрессивные институты куда более последовательные в своем людоедстве. Эту «эволюцию» мы наблюдаем

38 Дравич Альберт (псевд., наст. фамилия и имя Салай Джуро) (1889–1958) – югославский общественно-политический деятель. Член КПЮ с 1919 г. В СССР – с 1930 г. Представитель КПЮ в ИККИ. В 1940–1942 гг. редактор югославской редакции в Издательстве литературы на иностранных языках. Референт отдела печати ИККИ. Вернулся в Югославию в 1944 г. Член Политбюро ЦК КПЮ.

39 <http://militera.lib.ru/мемо/russian/mikoyan/03.html> (Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. Глава 23. «Убийство Кирова и начало сталинских репрессий».)

в документах, повествующих об иностранных коммунистах, решивших «помочь строительству социализма». Действительно, «сталкиваясь лицом к лицу с чужим, мы смотрим в зеркало, в котором узнаем самих себя»⁴⁰. В 1921 г. товарищ В. Марковича по партии Д. Видневич не стеснялся выяснять у ВЧК – за что та арестовала членов Центрального югославянского бюро. В 1942 г. главный кадровик Коминтерна признается: «Установить точно, был ли арестован органами НКВД Маркович, или находился в доме для умалишенных, не представляется возможным». Очевидна суть затруднения, в котором оказался Белов. Во-первых, обращаться с таким запросом в ведомство Л. Берии было безрассудно. Во-вторых, бесперспективно: в 1942 г. немного осталось в живых тех, кто совершал аресты в 1937 г. Важным свидетельством эпохи служит и недосказанность, характеризующая справку Губанова. В документе, составленном, дабы ответить властям ФНРЮ/СФРЮ, - куда же делись их соотечественники, - ничего не говорится о том, что стало с В. Марковичем после отправки на принудительное «лечение». Его участь настолько банальна, что бессмысленно лишний раз напоминать о ней.

40 Цит. по: Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750-2010): Антологија / Пр. М. Јовановић. Београд, 2011. С. 13.

Alexander Silkin, Ph.D.,
The Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences

Vukashin Markovic as the “mirror of the Russian revolution”

Abstract: The article reconstructs the revolutionary career of the Montenegrin communist Vukashin Markovic. Just like after the 20th party congress the myth of the “Lenin Guard” spread across the Soviet Union, the Eastern European countries also began to lament aloud about the fate of their own communists who fell victim to the “Stalinist purges”. On one hand, that’s how was manifested the weakening of the political and ideological oppression of Moscow, to which “the countries of people’s democracy” were exposed. On the other hand, since the 1920s all significant processes and campaigns that took place in the RCP (b) / VKP (b) / CPSU were copied in one form or another in the vassal communist parties. The fate of the foreign communists in the USSR serves as an important lesson that helps to understand the historical path of Russia in the 20th century. In many ways, the revolution and the civil war with its catastrophic consequences are the work of their hands. However, those “crazy romantics,” as Andrzej Wajda called them, were dealt with by people who were much more consistent in their cannibalism. We trace this “evolution” in documents related to foreign communists who decided to “help build socialism” in Russia.

Keywords: Vukashin Markovic, Montenegrin communist, revolution, Russia, Yugoslavia, Komintern, repressions

DOI: 10.31168/0433-6.4

БОНДАРЕВ НИКИТА ВИКТОРОВИЧ

Кандидат исторических наук доцент
Факультет международных отношений и зарубежного
регионоведения Историко-архивного института Российского
государственного гуманитарного университета
bondarevnikit@yandex.ru

Роль семейства Поп-Ивановых в мировой революции

Посвящается Боре Чосичу и Бахрудину-Бате Ченгичу

Аннотация: В исследовании на примере биографий членов семейства Поп-Ивановых и В.Н. Сакуна рассматриваются национально-освободительные и революционные процессы на Балканах, отношение Коммунистического Интернационала к Балканскому региону, особенности функционирования разведструктур Коминтерна, функционирование советской репрессивной машины в отношении югославских коммунистов. Исследуется сложное смешение личностных, сугубо частных и общественно-политических аспектов в биографиях указанных деятелей, влияние политической ситуации на личную жизнь и зависимость принимаемых решений от обстоятельств биографии. Впервые вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные документы и свидетельства очевидцев.

Ключевые слова: Коммунистический интернационал (Коминтерн), Коммунистическая партия Югославии, Коммунистическая партия Болгарии, Балканы, Королевство Югославия, Македония, национально-освободительное движение, Илинденское восстание, агитация и пропаганда, разведывательная деятельность, коммунистическое подполье, сталинские репрессии, Вторая мировая война, Иосип Броз Тито, Владимир Сакун, Малина Поп-Иванова, Стефан Поп-Иванов, Цеко Поп-Иванов.

22 октября 1928 г. Владимир Николаевич Сакун, инструктор Коминтерна, прикомандированный к Загребскому горкому Компартии Югославии, вернулся домой необычно поздно, около двенадцати

ти. Его супруга, также сотрудница Коминтерна Малина Поп-Иванова пишет в автобиографической записке - «муж выглядел обеспокоенным, взволнованным, плащ его был порван, и я сразу поняла, что случилось непоправимое - Владимир убил человека»¹. Действительно, тем вечером в парке Тушканец инструктор Коминтерна, специально присланный из Москвы, чтобы навести порядок в охваченном фракционными дрязгами Загребском горкоме, собственноручно убил хорватского студента Влатко Матовича, подозреваемого в сотрудничестве с полицией. Причем совершил убийство Сакун на свой страх и риск, по собственной инициативе, не имея на то ни одобрения товарищей по партии, ни разрешения из Москвы. Характерно, что недоброжелатели Владимира Сакуна утверждали, что убийство он совершил по приказу своего тестя, Стефана Поп-Иванова, чтобы замести следы антисоветского заговора, вдохновителем которого как раз и был Поп-Иванов². Так какими же судьбами оказался Владимир Сакун занесен в город Загреб, откуда возникло в его жизни семейство Поп-Ивановых, был ли его тесть на самом деле заговорщиком и вдохновителем убийства?

Начать, наверное, имеет смысл с биографии Стефана Поп-Иванова, борца за свободу Македонии, почитаемого в этой стране до сих пор. Стефан Поп-Иванов родился в македонском городе Кочани в 1875 году в семье довольно зажиточного торговца. Родители постарались дать ему настолько хорошее образование, насколько это было возможно, проучившись четыре года в Скопье, юноша был направлен для продолжения обучения в знаменитую мужскую гимназию «Кирилл и Мефодий» в греческих Салониках. Гимназия находилась на содержании болгарского экзархата, обучение велось на болгарском языке, гимназистам прививалась македонская идентичность в ее болгарском понимании - «Македоня» есть понятие не национальное, а сугубо территориальное, «македонцы» это те же болгары. По поводу солунской гимназии болгарский поэт Иван Вазов в 1884 году писал - «подумал я, глядя на детей невинных: это македонская твердыня, которую никакой *sturm* и *drang* не опрокинет»³. Отметим, что «дети» были далеко не столь невинны, как того хотелось бы Вазову - в те годы, когда в солунской гимназии учился Стефан Поп-Иванов, она, помимо изначальной установки на «болгаризм» стала и рассад-

1 РГАСПИ. Ф.495. Оп. 277. Д. 1805. С. 34.

2 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 21-22; Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 26-27.

3 Вазов И. Поля и горы. Пловдив, 1893. С. 305.

ником социалистических идей. Ученики постоянно бунтовали против учителей и директоров, слишком, по их мнению, консервативных. В гимназии действовала ячейка Внутренне-македонской революционной организации (ВМРО), там же, в стенах гимназии в январе 1903 г. было принято решение об обще македонском восстании (вошло в историю под названием Илинденское восстание)⁴. Так называемые «гемиджии», анархисты, активно применявшие методы индивидуального террора, в значительной своей части являлись выпускниками солунской гимназии. Остановимся на них чуть более подробно, поскольку в юности Стефан Поп-Иванов к ним был идейно близок.

«В апреле 1903 г. заявили о себе так называемые «Гемиджии» («Матросы») – группа молодых людей, выпускников болгарской гимназии в Салониках. «Гемиджии» не верили в результативность всеобщего народного восстания и были глубоко убеждены, что только террористические акты приведут к вмешательству великих держав и к прекращению османского господства в Македонии. Радикальная дестабилизация обстановки в Македонии была их главной целью. И надо признать, это им удалось. 15–17 апреля 1903 г. эта группа осуществила серию терактов в Солуни. В частности, они взорвали французский пароход «Гвадалквивир», находившийся в Салоникском порту, затем совершили диверсию на железной дороге, повредили систему газо- и водоснабжения Салоник и в довершение всего взорвали здание местного отделения государственного банка «Оттоман». Почти все участники этой группы погибли в перестрелке с турецкими жандармами. В связи со взрывами в Салониках начались христианские погромы. В течение двух дней происходили повальные убийства. Официально было объявлено о 39 убийствах. По неофициальным данным, число убитых христиан достигало 200–300 человек. Свыше трех тысяч человек было арестовано» - пишет российский исследователь национального движения в Македонии А.Н. Сквозников⁵. Среди этих трех тысяч арестованных как раз и оказался Стефан Поп-Иванов, на тот момент уже давно не ученик, а преподаватель в гимназии «Кирил и Мефодий».

Мы можем лишь предполагать, до какой степени Поп-Иванов был вовлечен в события 1903 г., факт состоит в том, что после трех месяцев тюремного заключения он решил уехать из Салоник

4 Сквозников А.Н. Македония в конце XIX - начале XX века - яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. С. 64.

5 Там же. С. 67.

и вернулся в Скопье, где также пытался заниматься учительством. Но педагогика и политика в его случае не слишком хорошо уживались друг с другом, в 1908 г. ему пришлось спешно бросить работу в скоплянской Педагогической школе и бежать в Софию, где он становится членом Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков). Но и Болгарию Стефану Поп-Иванову пришлось покинуть, после убийства местными анархистами министра внутренних дел Михаила Такева. Поп-Иванов оказывается в Сербии, если верить его официальным биографиям, сближается с группой Спасое Стеича, но после покушения Стеича на короля Александра Каргеоргиевича Поп-Иванов опять вынужден бежать, на этот раз сначала в Скопье, а потом в родной город Кочане⁶. То есть перед нами активный сторонник независимости Македонии, формально являющийся коммунистом, но на деле тяготеющий к анархистам - «гемиджиям» в 1903 г., убийцам Такева в 1920, Спасою Стеичу в 1921 г. Также отметим, что во всех этих случаях он оказывается близок к террористам, но сам выходит сухим из воды.

Что для нас еще более важно, во время своих перемещений по маршруту Скопье - Салоники - София - Белград и опять Скопье, Стефан Поп-Иванов умудрился жениться и стать отцом троих детей - дочери Малины в 1902 году, сыновей Ивана и Цеко в 1907 и 1908 соответственно. Начиная с 1920 года как минимум, дочь Поп-Иванова Малина становится соратницей отца. Вслед за родителем она вступает в Компартию Югославии, занимается нелегальной деятельностью, попутно учится на фармацевта, сначала в Белграде, потом в Скопье. И для отца, и для дочери начало 20-х гг. становится периодом бурным и турбулентным. В 1922 г. Стефана Поп-Иванова избирают руководителем краевого комитета КПЮ по Македонии⁷, в 1923 г. он становится членом Политбюро КПЮ, «первым македонцем в Политбюро», как отмечают биографы⁸. В 1924 г. Стефан и Малина Поп-Ивановы оказываются в Советском Союзе, отец как делегат Пятого конгресса Коминтерна (под конспиративным именем «Шуменович»), дочь - как студентка коммунистического университета

6 Чадиковски Б. Семејството Поп Иванови и неговата револуционерна дејност во периодот меѓу двете војни. Кочани, 1985. С. 87-97.

7 Имеется в виду та часть Македонии, которая вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, т.н. Вардарская Македония.

8 Чадиковски Б. Ор. cit.; Георгиевски К. Македонската револуционерка Малина Попиванова. Скопје, 1985. С. 10-12.

им. Я.Свердлова. Именно там, в «свердловском университете» Малина Поп-Иванова встречает своего будущего мужа, Владимира Сакуна. Отсюда подробнее об этом человеке, безусловно незаурядном, но значительно менее известным, чем его жена и тесть.

Владимир Николаевич Сакун родился в 1902 году в Красноярске, причем в некоторых анкетах он утверждает, что по происхождению - рабочий, а в других, что из дворян⁹. Удивительным образом и то и другое - правда. Его отец, Николай Олимпиевич Сакун - мелкопоместный дворянин Черниговской губернии, в ранней юности увлекшийся народническими идеями и ушедший из дома, чтобы жить жизнью простого рабочего, мать же - неграмотная дочь путевого обходчика¹⁰. Таким образом, социалистические идеи Сакуна-младший усвоил с младых ногтей, в возрасте 18 лет вступил в ВКП(б), сразу же был отправлен на учебу в Сибирскую партшколу в Омск. После окончания школы работал инструктором в омском Губревкоме, затем уполномоченным по подразверстке. В 1922 г. направлен на работу в Черемховский район Иркутской области, в батальон частей особого назначения (ЧОН), где был политкомиссаром. Боролся, по его собственным словам, с «недобитыми беляками, бандитами и хунхузами»¹¹. В 1924 г. направлен для дальнейшего обучения в Москву, в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, готовивший руководящие кадры для Советского Союза и зарубежных компартий.

Именно в стенах «свердловского университета» произошла судьбоносная встреча Сакуна с Малиной Поп-Ивановой (коминтерновский псевдоним Галкина Елена Николаевна)¹². Точная дата их вступления в брак неизвестна, однако в материалах личного дела указывается, что начиная с 1926 г. Сакун стал много времени проводить с югославскими коммунистами и пытался самостоятельно учить «югославский язык»¹³. Был ли этот брак обусловлен внезапно вспыхнувшим чувством, или же Сакуна и его жену Малину изначально планировали засылать в Югославию как семейную пару - вопрос открытый. Можем лишь констатировать, что использование в качестве разведчиков и разного рода нелегалов семейных пар - хорошо известная тактика и советской разведки, и Коминтерна. Автор мно-

9 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 2, С. 12.

10 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 25-26.

11 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 12.

12 Там же.

13 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 27.

гочисленных научно-популярных работ по истории разведки И.Г. Атаманенко пишет об этом: «На Лубянке считали, что сильной стороной внешней разведки являются супружеские разведывательные пары, которых от обычных брачных союзов отличает абсолютная психологическая совместимость мужа и жены, их идейная твердость и вера в победу коммунизма. Анализ работы разведывательных пар - Елизаветы и Василия Зарубиных, Михаила и Елизаветы Мукасей, Зои и Бориса Рыбкиных, Африки де Лас Эрас и Джованни Бертони и др. - подтверждает правомерность такого мнения...»¹⁴. Говоря об использовании семейных пар Коминтерном можно вспомнить и неудачное восстание в Бразилии в 1935 г., курировать которое из Москвы были направлены четыре семейные пары, три из которых являлись сотрудниками Исполкома Коминтерна (во всяком случае формально)¹⁵. Если говорить конкретно о Балканах, то по той же схеме строилась работа семейной пары Брайны Рудиной-Фосс и Альфреда Бергмана, Иосипа Копинича и Стеллы Панайотис-Бамъязидос и др.

Как бы то ни было, 19 марта 1928 г. делегация компартии Югославии на IX пленуме Исполкома Коминтерна (ИК КИ) направляет официальное обращение в «узкую комиссию секретариата ИК КИ» о том, что члены делегации считают возможным «использовать на постоянной партийной работе в Югославии тов. Владимира Сакуна, оканчивающего в нынешнем году Свердловский Университет. Тов. Сакун старый член ВКПБ и сам выразил пожелание работать в нашей партии. Правление Свердловского Университета не возражает против поездки тов. Сакуна в Югославию и мы просим отправить его туда в таком же порядке, в каком откомандировываются обратно в Югославию другие югославские студенты Свердловского Университета»¹⁶. Сакун переходит в распоряжение ИК КИ, выводится из рядов ВКП(б) и принимается в компартию Югославии. Летом 1928 г. вместе с супругой Владимир Николаевич Сакун прибывает в Загреб, где ему предстоит поселиться.

Одним из первых контактов Сакуна в Загребе оказывается Иосип Броз, будущий маршал Тито. По поводу их знакомства сербский историк Бранислав Глигориевич пишет - «Первый большой карьерный взлет Иосипа Броза тесно связан с миссией в Югославии коминтерновского инструктора Владимира Николаевича Сакуна, находив-

14 Атаманенко Г.И. Герои без грифа секретности. М., 2018. С. 60-61.

15 Коминтерн и ноябрьское восстание в Бразилии // Родина. 2013. № 10. С. 71-80.

16 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 6.

шегося на Балканах под псевдонимом Миркович (или Милькович). Он довольно много времени провел в Югославии. Его заданием было выяснить, насколько жизнеспособна КПЮ после всех имевших место фракционных противостояний. Он был на многих партийных пленумах и совещаниях, много общался с активистами. В отчете, который он затем послал в Москву, особенно отмечается работа загребской парторганизации, деятельность которой обычно связывается с личностью Иосипа Броза. Карьерный скачок Броза, который до этого был простым профсоюзным функционером, связан именно с работой этого инструктора Коминтерна, на чьи указания о том, как надо организовать работу Партии, Броз постоянно ссылался во время VIII партконференции в Загребе... Решения этой партконференции просто не могли бы быть приняты без прямой поддержки представителей ИК КИ»¹⁷. Отметим, научной достоверности ради, что упомянутая партийная конференция состоялась в феврале 1928 г., стало быть, Сакун ни присутствовать на ней не мог, ни писать о ней в Москву. Но то, что знакомство с Сакуном (и его супругой) придало новый импульс карьере Тито - несомненно.

Также мы не можем согласиться с тем, что Сакун пробыл в Загребе долго - приехал он, как уже было сказано, летом 1928 г., а уже в январе 1929 г. был вынужден вернуться в Москву, при том, что в записке, которую мы цитировали, речь идет о «постоянной партийной работе», да и сам Сакун рассчитывал на то, что ему удастся получить югославское гражданство и надолго остаться на Балканах, хотя у местных партийцев это его намерение вызывало большие сомнения¹⁸. Что же послужило причиной скорого отъезда Владимира Сакуна и Малины Поп-Ивановой из Югославии? Здесь мы возвращаемся к драматическому эпизоду, с которого начали данную статью, поверить в который было бы невозможно, если бы не подтверждающие его архивные документы.

К октябрю 1928 г. Сакун освоился на новом месте настолько, что посчитал возможным собственноручно убить человека, причем без одобрения местных партийцев и без ведома Исполкома Коминтерна. Павший от руки Сакуна, был, конечно, не случайной жертвой, а партийным курьером, юношей по имени Влатко Матович, которого загребские товарищи подозревали в работе на полицию, но точно в этом уверены не были. Сакун же считал, что с предателями и доно-

17 *Gligorijević B.* Komintern: Jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992. S. 213-214.

18 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 16.

счиками церемониться не нужно, а нужно решать вопрос быстро и четко, по-коммунистически. Здесь сказался, вероятно, его опыт продрозверстки и борьбы с хунхузами. Сакун несколько раз поднимал вопрос о необходимости устранения Матовича на партийных собраниях, остался крайне недоволен тем, что партячейка ничего по этому поводу не может постановить, и решил взять дело в свои руки. Сначала он, на свой страх и риск, «нанял для устранения полицейского агента каких-то двух мелких уголовников, иногда выполнявших поручения для компартии, имена которых он вспомнить не может, но они были братьями и фамилия их начиналась на букву «Б»»¹⁹. Братья «Б» задаток взяли, но исполнять поручение не спешили. Тогда Владимир Николаевич понял, что надеяться в этой стране ему можно только на самого себя, назначил Матовичу встречу поздно вечером в загребском парке Тушканец, где и убил потенциального провокатора. Причем пистолет ему достать не удалось, и Сакун был вынужден пользоваться «подручными средствами» (деталей убийства коминтерновские документы не содержат и, наверное, это к лучшему...)»²⁰.

Реакцию загребских товарищей на поступок Сакуна можно охарактеризовать как абсолютнейший, полнейший шок. В тот момент ликвидации однопартийцев для югославских коммунистов еще были в новинку (они войдут во вкус, но позже, к середине 30-х гг.), опять таки, подобные важные решения не принимаются единолично, и уж точно не исполняются товарищем из Москвы, «которому полиция и так дышала в затылок, потому что знала, что он русский и советский»²¹. Неоднозначная представляется участие в этих событиях Малины Поп-Ивановой. Сама она подробно описывает, каким шоком для нее стало появление мужа в разорванном плаще, при этом биографы Малины настаивают на том, что в момент совершения убийства ее в Загребе не было, поскольку она участвовала в четвертом конгрессе молодых коммунистов Югославии, проходившем в Дрездене²².

Как бы то ни было, отправка Владимира Сакуна и Малины Поп-Ивановой из Югославии назад в Москву оказалась проблематичной, во-первых, потому, что сам Сакун уезжать категорически не хотел, во-вторых, потому что пути экстренной эвакуации для него

19 Там же. С. 21.

20 Там же. С. 21-22.

21 Там же. С. 16.

22 Георгиевски К. Op. cit. С. 46-47.

отработаны не были. Тем не менее, в ноябре из Москвы приходит директива - немедленно вернуть его на родину. Ближе к Новому году Владимира Николаевича, а затем и Малину, удается переправить в Вену. Важно, что в этот момент там же находится и Стефан Поп-Иванов, однако и его дочь, и его тесть категорически отрицают, что находясь в Вене встречались с ним. По заверениям Малины - знали, что он в городе, но сознательно с ним не встречались, при том, что на тот момент отца она не видела четыре с лишним года. Малина Стефановна вообще не сильно хотела возвращаться в Советский Союз, просила у Исполкома Коминтерна разрешения остаться в Вене, но это разрешение не было получено, ей было предписано вернуться вместе с мужем в Москву²³. В конце января 1929 г. Владимир Николаевич и Малина уже находятся в Москве, в печально известной гостинице «Люкс».

Логично было бы предположить, что в Советском Союзе Сакуна, и, возможно, его супругу ожидают те или иные меры репрессивного характера. И действительно, в феврале его выводят из состава КПЮ и отправляют на «партчистку». Под «чисткой», однако, в те годы понимается нечто принципиально иное, чем в конце 30-х гг., а именно: Владимир Николаевич Сакун приезжает в Крым и устраивается ответственным пропагандистом в трест «Крымкость» (обработка костей животных, изготовление клея, желатина и т.д.). В Крыму он работает с февраля по октябрь 1929 г., в течении всего этого периода он, собственно, и проходит «чистку» - органы партийного контроля разбирают его поведение и решают, что с ним делать, сам же Сакун, вместе с супругой, трудоустроенной лектором при горкоме, наслаждается красотами советской Тавриды. В октябре комиссия ВКП(б) полностью снимает с В.Н. Сакуна обвинения, он задним числом, с февраля месяца, восстанавливается в рядах партии и вместе с женой возвращается в Москву. И не просто в Москву, а на работу в Балканский секретариат Коминтерна, референтом которого он становится²⁴. То есть несанкционированное убийство товарища по партии как метод политической борьбы было признано вполне правомочным, как ВКП(б), так и Исполкомом Коминтерна.

Далее история Владимира Сакуна и его супруги делает очередной удивительный поворот. В октябре 1929 г., как раз, когда Владимир Николаевич был восстановлен в партии и Коминтерне, в СССР

23 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1805. С. 36, 52-53.

24 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 12.

въезжает его тесть, Стефан Македонович Поп-Иванов («говорящее» отчество он себе придумал сам, еще во время Пятого конгресса Коминтерна). Прибыв в Советский Союз Поп-Иванов сразу же (1 октября) арестовывается ОГПУ, как полицейский провокатор и вероятный шпион, собственно его и вызвали в Москву именно для ареста. 3 марта 1930 г. он приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу за шпионскую деятельность, 6 марта приговор приведен в исполнение²⁵. Что касается Сакуна и Малины Поп-Ивановой, то арест отца и тестя никак на их судьбе не сказался, или же наоборот, сказался в сугубо положительном смысле. Несмотря на тестя-шпиона и свояков-провокаторов (братьев Малины также записали в полицейские агенты) Владимир Николаевич благополучно работает в Коминтерне с 1929 по 1933 год, его супруга в это время преподает в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ).

История «Стефана Македоновича» и сама по себе, и в контексте биографии В.Н. Сакуна вызывает закономерные вопросы. Ликвидацию, которую Сакун осуществил в Загребе, партия посчитала не вполне правомочной (затем сняла обвинения, но в 1937 г. опять к ним вернулась). При этом само советское государство, в лице ОГПУ, в отношении злосчастного «Македоновича» действует в рамках столь же диких представлений о морали - заманить, убить, без детального выяснения обстоятельств, без права на защиту. Второй момент, мимо которого мы не можем пройти - есть вероятность, что прощение всех грехов и работу в Коминтерне Владимир Сакун получил в благодарность за привлечение (заманивание) в СССР своего тестя. Мы не можем однозначно утверждать, что это было именно так, но подобное объяснение «непотопляемости» Сакуна в 1929-30 гг. представляется нам вполне логичным.

Что касается отца семейства Поп-Ивановых, имеется небольшая зацепка, проливающая свет на причины его ликвидации, причем не по месту постоянного пребывания, а именно в Советском Союзе. Малина Поп-Иванова в одной из многочисленных коминтерновских автобиографий пишет, что в какой-то момент, когда у нее возникли проблемы по учебной части в «свердловском институте», ее даже, вроде бы, хотели отчислить за плохую посещаемость, «один наш товарищ из страны, которому я об этом сказала, сказал мне, что мой отец может быть связан с советской разведкой и в этом слу-

25 «Жертвы политического террора в СССР». <http://lists.memo.ru/d27/f35.htm> (дата обращения 29.11.2019)

чае мне не надо ничего бояться»²⁶. Поскольку Малину из университета не отчислили, неизвестный «товарищ», видимо, был прав. Во всяком случае, становится понятно, зачем нужно было непременно добиться приезда Стефана Македоновича в Москву, не просто ликвидировать его, если мы допускаем, что он был полицейским агентом, а непременно провести следствие и суд. Будь он обычным полицейским провокатором, пусть и членом Политбюро, его достаточно было бы просто «пассивизировать», отстранить от активной работы. Если же он, при этом, имел тесные связи не только с Коминтерном, но и советской разведкой, особенно военной, то это уже совсем другая история и другая мера наказания. Еще раз напоминаем читателю, что дело происходит в 1929-30 гг., эпоха Большого террора не наступила, она даже еще не просматривается, разве что высылка из СССР Троцкого может навевать определенные опасения. Тем важнее для науки история Стефана Поп-Иванова, обстоятельства его ареста и ликвидации. Надеемся, что и его личное дело когда-нибудь будет в свободном доступе.

Что до зятя Стефана Поп-Иванова, то работа Сакуна в балканском ландсекретариате Коминтерна сопровождалась рядом скандалов, которые детально разобраны в его личном деле, но у нас нет возможности рассмотреть их в рамках этого небольшого исследования. Констатируем лишь, что в 1933 году В.Н. Сакуна увольняют из Коминтерна и отправляют на работу директором машинно-тракторной станции в Омской области, куда с ним отправляется и Малина Поп-Иванова. В 1937 г. обоих арестовывают, Сакуну ставят в вину и убийство Матовича в Загребе, и аморальное поведение в годы работы в ИК КИ, и пропажи документов из коминтерновского архива, и антисоветские разговоры с персоналом МТС, и много что еще²⁷. Помимо прочего, сотрудник Отдела кадров Коминтерна Иван Караиванов сообщает, что Матовича Сакун мог убить потому, что тот являлся курьером «полицейского агента Стефана Поп-Иванова», который через дочь и зятя собирался провалить все руководство КПЮ. Матович узнал об этих планах и поэтому Сакуну пришлось курьера убить²⁸.

Казалось бы, на этот раз Сакуну не ускользнуть из «ежовых рукавиц» советского правосудия. Однако же Владимир Сакун обладал каким-то совершенно фантастическим запасом удачливости. В

26 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1805. С. 57.

27 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 26-27.

28 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 47-48.

1939 г. его, равно как и Малину Поп-Иванову, выпускают из тюрьмы. Часть обвинений против них снята, в партии, правда, они не восстановлены, но им разрешено проживать везде, кроме столиц, и даже занимать руководящие должности среднего звена. Сакур становится директором лесхоза в селе Червишево Тюменской области, Малина там же учителствует²⁹.

В 1942 г. В.Н. Сакур был призван на фронт. В очередной раз жизнь его оказалась под угрозой, но он опять сумел устроиться наилучшим для себя образом, оказавшись старшим лейтенантом интендантской службы 12 зенитной дивизии 1-го Белорусского фронта. Награжден в 1944 г. орденом Красной звезды с формулировкой «в условиях боевой обстановки своевременно обеспечивал полк боеприпасами и продовольствием, в результате чего полк сбил 54 самолета противника». В 1945 году награжден медалью «За боевые заслуги», с формулировкой «проявил большую энергию и старание в обеспечении личного состава батальона полноценным питанием»³⁰. Здесь можно было бы сыронизировать по поводу боевых заслуг Сакуна, но мы этого делать не будем.

В 1945 г. Владимир Сакур возвращается в село Червишево на довоенную должность и начинает забрасывать областные и центральные партийные инстанции требованиями восстановить его и его супругу в коммунистической партии. До 1948 г. супруги подчеркивают свое знакомство с Тито, после 1948 г. Сакур пишет, что он и его жена пострадали от Тито и его клики еще в 20-х гг.³¹ Однако, в партии его не восстанавливают ни в сороковых, ни в пятидесятых, ни в годы хрущевской «оттепели», и только после отставки Н.С. Хрущева в 1964 г. Сакуна полностью реабилитируют и восстанавливают в КПСС, причем с зачетом непрерывного партийного стажа с 1920 года. После чего он в одночасье из директора леспромхоза становится директором областного лесрестра и переезжает жить в Тюмень. На пенсию В.Н. Сакур выходит в 1971 году всеми уважаемым старым партийцем³². Год его кончины нам не известен. Малина Стефановна Поп-Иванова скончалась в 1954 году, на исторической родине счи-

29 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 27-28.

30 Портал «Подвиг народа». Наградные списки. <http://podvignaroda.ru/?#id=1001743014&tab=navDetailManCard> (дата обращения 29.11.2019)

31 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12500. С. 26-35.

32 Там же.

тается жертвой политических репрессий, имя «Малина Поп-Иванова» носит средняя школа в ее родном македонском городе Кочани.

В материалах дела против Стефана Поп-Иванова значится, что полицейскими провокаторами были и два его сына, Иван и Цеко³³. Иван сгинул в середине 30-х гг. при невыясненных обстоятельствах, а Цеко Поп-Иванов - личность чрезвычайно известная, поэт и драматург, издатель многочисленных литературных журналов, для очень молодой македонской литературы (самой молодой из славянских), он практически классик. В годы Второй мировой войны «Цеко брат Малины» примкнул к болгарскому коммунистическому повстанческому движению в Македонии, покончил жизнь самоубийством накануне входа в Скопье югославских партизан Иосипа Броза Тито³⁴.

33 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1844. С. 17, С. 20.

34 Ристовски Б. Портрети и процеси. Скопје, 1989. Т. 2. С. 394-427.

Nikita Bondarev, Ph.D.,
Russian State University for the Humanities

The Role of Pop-Ivanov's Family in the World Revolution

Abstract: This article is dedicated to the life and deeds of Pop-Ivanov's family members, Macedonian revolutionaries and conspirators, and Vladimir Sakun, the Comintern secret agent, closely associated with this family. Their biographies are the brilliant example of the Comintern undercover activities in the Kingdom of Yugoslavia, as much as the Stalinist repressions and life in Yugoslavia and Soviet Union in 1920s and 1930s in general. Article is based mainly on never before published archival materials and memoirs.

Keywords: Comintern, The Communist party of Yugoslavia, The Communist party of Bulgaria, Balkans, The Kingdom of Yugoslavia, Macedonia, movement for the national liberation, Ilinden uprising, agitation and propaganda, intelligence operations, communist underground, Stalinist repressions, The World War II, Josip Broz Tito, Vladimir Sakun, Malina Pop-Ivanova, Stefan Pop-Ivanov, Tseko Pop-Ivanov.

МИЛОРАДОВИЧ ГОРАН
доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт современной истории

Югославская политическая эмиграция в Советском союзе в 1948–1956 гг.

Аннотация: Статья освещает феномен югославской политической эмиграции в Советском союзе в период конфликта, разгоревшегося в 1948 г. в связи с Информбюро. Эта тема не изучена в должной мере, так как Югославия и СССР после урегулирования двусторонних отношений не были заинтересованы в том, чтобы выносить ее на суд общественности. Югославских эмигрантов в СССР было, как минимум, 628. В основном, военнослужащих, в большинстве своем, - сербов и черногорцев по национальности. Имелось и небольшое количество бывших дипломатов, партийных и государственных функционеров. В основном это были весьма молодые люди. Имелись и несовершеннолетние – «суворовцы». Большинство политических эмигрантов в СССР так и не вернулось в Югославию.

Ключевые слова: политические эмигранты, советско-югославские связи, резолюция Информбюро, коммунистическая идеология, национализм

К значимым темам из истории социалистической Югославии, которые до сих пор не изучены должным образом, относится и феномен югославской политической эмиграции¹. Она сформировалась во время конфликта 1948 г. между, с одной стороны, Югославией и, с другой, СССР и прочими странами народной демократии, вызвав раскол и в самой Коммунистической партии Югославии (КПЮ).

1 Статья написана в рамках работы по проекту «Сербское общество в югославском государстве в XX в.: между демократией и диктатурой (Српско друштво у југословенској држави у 20. веку: Између демократије и диктатуре (177016)», который финансируется за счет средств Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

Некоторые ее члены, не согласившись с новым политическим курсом, эмигрировали в социалистические государства Европы, откуда стали обличать режим Йосипа Броза Тито. В Югославии вследствие той специфической позиции, которую она занимала в период холодной войны, об эмигрантах, оказавшихся на Востоке, писали гораздо меньше, чем о тех, кто уехал на Запад. В основном все сводилось к статьям уничижительного и дискредитирующего характера в местной прессе. В 1980-е гг. тема получила освещение в публицистике, а также посредством публикации документов. И только в 90-е гг. ее стали разрабатывать с претензией на научность, но только в контексте более широкой проблематики². Биографии эмигрантов и их мемуары представляют собой настоящую редкость³.

Неизученность темы отчасти объясняется тем, что был затруднен и находился под жестким контролем обмен информацией между Советским союзом и Югославией. Кроме того, процесс «нормализации отношений» между СССР и Югославией, начавшийся с приезда советской государственно-партийной делегации в Белград в 1955 г., привел к роспуску Коминформа в апреле 1956 г. и закрытию газеты «За прочный мир, за народную демократию» - главного печатного органа просоветских югославских эмигрантов⁴. Занимавшая аналогичную позицию радиостанция «Свободная Югославия» перестала вещать в 1954 г.⁵ В такой политической обстановке судь-

2 *Dedijer V.* Jedno svedočenje o Informbirou s one strane // Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita (1945–1955). III tom. Beograd, 1984. S. 503–506; *Marković D.* Istina o Golom otoku. Beograd, 1987. S. 47–73; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. Informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990. S. 210–228; *Luburić R.* Pomirenje Jugoslavije i SSSR 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999. S. 69–80, 275–303; Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953 гг. Очерки истории / Отв. редактор А.Ф. Носкова. М., 2002; *Mitrović M.* Sudbina jednoga ibeovca // Dijalog povjesničara/istoričara. 2003. № 7. S. 327–336; *Mitrović M.* Tri dokumenta o ibeovcima. Beograd, 2009.

3 *Попивода П.* Партизаны (Документальная повесть). М., 2003; Из Югославии в СССР, или Непридуманные истории из жизни одного поколения / Сост. Г. И. Бутурович и др. СПб., 2009; *Simić D. Petrović M.* Dražesni KGB – javi se. Radio „Slobodna Jugoslavija“ iz Bukurešta izveštava. Beograd, 2009.

4 Журнал выходил с 1947 г. в Белграде под заголовком «За устойчивый мир, за народную демократию» и представлял собой орган Информационного бюро коммунистических партий. С 1948 г. изменил название на «За прочный мир, за народную демократию». После закрытия в Белграде продолжил издаваться в Бухаресте.

5 *Simić D. Petrović M.* Op. Cit. S. 7.

ба около 5.000⁶ эмигрантов-югославян, проживавших в Восточной Европе, представляла собой неудобную тему, которую мало кому хотелось затрагивать. Так эмигранты, исключенные из политического и медийного пространства, были осуждены на многолетнюю «невидимость».

Свой главный вклад в противостояние двух государств и партий югославские эмигранты внесли посредством шести газет, которые выходили в восточноевропейских странах и предназначались для нелегального распространения в Югославии. Совокупный месячный тираж этих изданий составлял 115–120.000 экземпляров, а если к ним прибавить и около 150 разных брошюр и листовок, то выходило около 160.000 экземпляров⁷. В самой КПЮ около 55.000 членов партии (около 12%) выступали против ее курса⁸. В то время партия насчитывала 468.175 членов и 51.612 кандидатов⁹. Таким образом, в 1948–1956 гг. эмигранты играли серьезную роль во взаимоотношениях двух стран.

Контекст формирования югославской политической эмиграции в СССР

Стечением обстоятельств среди югославских политических эмигрантов в Восточной Европе оказались некоторые из тех, кто вышел победителем из гражданской войны в Югославии и должен был влиться в ее правящую элиту. Переход конфликта между ВКП(б) и КПЮ в открытую форму для будничной политической жизни Югославии означал необходимость для каждого коммуниста и политически активного гражданина сделать выбор в пользу одной из противоборствующих сторон – Сталина или Тито, ВКП(б) или КПЮ, СССР или Югославии...

Политическими эмигрантами в СССР, прежде всего, стали граждане Югославии, которые на момент конфликта оказались вне ее границ и проигнорировали призыв вернуться, озвученный официальным Белградом. Там к ним присоединились те, кто, выразив несогласие с политикой политбюро КПЮ, принял на себя удар югос-

6 Цит. по: Москва и Восточная Европа... С. 353.

7 Там же. С. 367.

8 Там же. С. 214, 352–353.

9 Официальные данные, озвученные на V конгрессе КПЮ (21–28 июля 1948 г.). См.: Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 362.

лавского репрессивного аппарата (в его арсенале – аресты, преследования, убийства в концентрационных лагерях), но сумел, в конце концов, эмигрировать на Восток. Так за рубежом формировалась партийная оппозиция – просоветская фракция КПЮ¹⁰. В историографии ее членов стали называть коминформовцами, информбюровцами или ибеовцами.

Проблема послевоенного восстановления Югославии и характера власти в ней оговаривалась в соглашении, к которому пришли союзники относительно раздела сфер влияния в Восточной и Юго-восточной Европе¹¹. Только тоталитарная диктатура, проповедовавшая некую наднациональную идеологию, могла объединить в одном государстве озлобленные друг на друга югославянские народы, пережившие продолжительную и беспощадную гражданскую войну¹². Обстоятельства сложились так, что на месте нашелся только один лидер, которому оказалась по плечу эта непростая задача. А именно, Йосип Броз Тито, стоявший во главе собственной военно-политической организации. За подобное решение пришлось заплатить определенную общественную, политическую и экономическую цену. В течение первого послевоенного десятилетия социалистическая Югославия проделала удивительный путь от самого верного сателлита Советского союза до социалистической страны-изменницы, инкорпорированной в систему безопасности, построенную Западом¹³.

10 Об оппозиционных течениях и фракциях в КПЮ см.: *Banac I.* Op. Cit. S. 56–118; *Николић К.* Большевизација Комунистичке партије Југославије 1919–1929. Историјске последице. Београд, 1994. С. 125–132; *Miloradović G.* Ljudi na strateškim mestima: uzroci, posledice i smisao sukoba Josipa Broza Tita i Milovana Đilasa na Trećem (vanrednom) plenumu CK SKJ 1954. godine // Tito – viđenja i tumačenja (zbornik radova). Београд, 2011. С. 199–231; *Гавриловић С.* Живојин Павловић и Биланс совјетског термидора: политичка биографија. Београд, 2011.

11 Факсимильная копия записки с предложением раздела Восточной Европы, которую Черчилль передал Сталину в Москве 9 октября 1944 г., опубликована в: *Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996. III. (1946–1996).* Београд, 1999. XII.

12 Тоталитарными режимы в СССР и Югославии считают следующие авторы: *Јовановић М.* Стаљинизам // Историјски гласник. 1993. № 1-2. С. 108–109; *Fire F.* Prošlost jedne iluzije. Komunizam u dvadesetom veku. Београд, 1996. С. 492–501; *Марковић П.* Београд између истока и запада 1948–1965. Београд, 1996. С. 493–513; *Allcock J.* Explaining Yugoslavia. London, 2000. P. 275; *Spehnjak K.* Javnost i propaganda. Narodna fronta u politici i kulturi Hrvatske 1945–1952. Zagreb, 2002. С. 15–50, 273; Москва и Восточная Европа... С. 3–26; *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21. век (историја односа). Београд, 2012. С. 162–163, 168–170, 220.

13 О характере югославского социалистического режима в сопоставлении с советским образцом см.: *Јовановић М.* Стаљинизам... С. 103–119; *Брдар М.* Прак-

Югославская пропаганда вплоть до краха государства последовательно преподносила особое положение, в котором находился титовский режим, как оригинальное достижение КПЮ и плод мудрости ее руководства. На самом деле, оно было следствием негласной договоренности двух супердержав¹⁴.

Однако, если югославский режим был сталинистским по своему характеру, почему тогда произошло столкновение с идентичным советским режимом? Причины надлежит искать в области политики, а не идеологии. Переломным моментом, после которого разразился конфликт с СССР, стала предпринятая Тито попытка территориального расширения государства во всех направлениях: некоторым соседям (Италии, Австрии и Венгрии) он адресовал как территориальные претензии, так и другие предложения об изменении границ¹⁵; с остальными (Албанией, Болгарией, Румынией и Грецией) он пытался сформировать Балканскую федерацию, которая могла подорвать советскую гегемонию в Восточной Европе¹⁶. Распознав угрозу, Сталин принял решение об «ампутации» Югославии (заодно и Албании) – исключении ее из числа государств под контролем СССР. В 1953 г. Югославия присоединилась к Балканскому пакту, став «аномалией» Холодной войны – социалистическим государством, включенным в

сис одисеја. Студија настанка большевичког тоталитарног система 1917–1929. II. Београд, 2001. С. 599–611; *Јовановић М.* Пресликана или самобитна друштвена изградња: Компаративна анализа Устава ФНРЈ (1946) и 'Стаљинског' Устава СССР (1936) // *Tokovi istorije*. 2008. № 1–2. С. 280–289; *Милорадовић Г.* *Људи на strateškim mestima...*; *Милорадовић Г.* Лепота под надзором. Совјетски културни утицаји у Југославији 1945–1955. Београд, 2012. С. 31–49; *Јовановић М.* Срби и Руси... С. 155–217.

14 *Јовановић М.* Срби и Руси... С. 169.

15 См.: *Petranović B.* *Istorija Jugoslavije 1918–1988. Socijalistička Jugoslavija 1945–1988.* III. Београд, 1988. С. 171–175, 250–251; *Petranović B.* *Srbija u Drugom svetskom ratu 1939–1945.* Београд, 1992. С. 698; *Понс С.* Сумерки Коминформа // *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М., 1998. С. 375, 382.

16 См.: *Đilas M.* *Vlast*, London, 1983. С. 119–121; *Губианский Л.* От первого ко второму совещанию Коминформа // *Совещания Коминформа...* С. 355, 359; „*Protokol o rešenjima istorijske konferencije delegacija vlada FNRJ i NR Bugarske, Bled, 30. i 31. jul i 1. avgust 1947.*“; „*Ugovor o prijateljstvu, saradnji i uzajamnoj pomoći između FNRJ i NR Bugarske, Evksinograd, 27. novembar 1947.* // *Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996.* III. 1946–1996. С. 136–138, 141–143; *Ristović M.* *Jugoslavija i građanski rat u Grčkoj (1945–1950)* // *Balkan posle Drugog svetskog rata. Zbornik radova sa naučnog skupa.* Београд, 1996. С. 71–85; Москва и Восточная Европа... С. 348–349; *Hadalin J.* *Boj za Albanijo. Propad jugoslovsanske širitve na Balkan.* Ljubljana, 2011.

западную систему безопасности¹⁷. В этом имелась своя логика, так как только коммунистическая диктатура могла поддерживать контроль над озлобленными друг на друга югославскими народами. Одновременно своими действиями в сфере политики и идеологии она угрожала целостности Восточного блока. Именно, потому что она была социалистическим государством! С другой стороны, она не представляла никакой опасности для НАТО и Запада. В такой политической обстановке появилась югославская политическая эмиграция в Советском союзе.

Политико-идеологический профиль югославских эмигрантов в СССР

Важнейшим архивным источником, освещающим феномен югославской политической эмиграции в Советском союзе в 1948-1956 гг., является справочник для внутреннего пользования Управления государственной безопасности (УГБ), составленный из биографий этих самых эмигрантов¹⁸. Книга возникла как необходимый инструмент реализации «Конвенции, заключенной ФНРЮ и СССР, об урегулировании вопроса статуса лиц с двойным гражданством» (подписана в Белграде 22 мая 1956 г.), а также «Инструкции по выполнению Конвенции с СССР о лицах с двойным гражданством», которую 8 августа 1956 г. издал Государственный секретариат внутренних дел Федеративной народной республики Югославия (ФНРЮ)¹⁹. Эти два документа циркулярно рассылались во все районные Народно-освободительные комитеты (НОК) и Республиканские секретариаты внутренних дел (РСВД). Справочник, в первую очередь, должен был помочь сориентироваться органам, ответственным за выполнение конвенции. Однако, судя по примечаниям, которыми позднее вно-

17 См.: *Jakovina T. Američki komunistički saveznik: Hrvati, Titova Jugoslavija i Sjedinjene američke države: 1945–1955.* Zagreb, 2003.

18 Архив Србије (АС. фонд Безбедносно-информативне агенције (БИА. збирка П-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Документ опубликован: Између две отаџбине: Југословенски политички емигранти у Совјетском Савезу 1948–1956. Документи Управе државне безбедности ФНР Југославије / пр. Г. Милорадовић, А. Тимофејевић. Београд, 2016. С. 73–290.

19 Оба документа хранятся в Архиве Србији (АС. фонд Безбедносно-информативна агенција (БИА. збирка III-98. Опубликованы под заголовками: „Конвенција о регулисању питања држављанства“ и „Упутство за спровођење конвенције“// Између две отаџбине... С. 45–55.

сились в справочник, он использовался и для других целей. А именно, для слежения за эмигрантами-информбюровцами. Материалы, положенные в его основу, собраны в ходе оперативной работы органов УДБ. Затем сведения были систематизированы и опубликованы в виде книги.

Обстоятельства появления конвенции освещены в записке Союзного министерства иностранных дел (СМИД) «Отношения между Югославией и СССР после переговоров в Белграде»²⁰, которая 26. IV 1956 г. была направлена председателю Сабора Хорватии Владимиру Бакаричу. Помимо прочего она гласит: «В сфере консульской службы происходит урегулирование прежнего ненормального состояния. Одобрена репатриация определенного числа наших граждан (в основном военнопленных из II мировой войны). С нашей стороны еще продолжается работа по разработке проекта текстов Конвенции по урегулированию статуса гражданства взаимных граждан с двойным гражданством, а также Конвенции об оказании правовой помощи в гражданских и уголовных делах, которые мы бы представили русским на рассмотрение в качестве нашего предложения. Русские до сих пор не демонстрируют ни готовность улучшить положение иностранных граждан в СССР, ни последовательность в вопросе лишения эмигрантов права на дальнейшее пребывание в СССР»²¹. Из этого следует, что конвенция была подписана по инициативе югославской стороны. Ее следует рассматривать в контексте предпринятых после смерти И.В. Сталина усилий по преодолению последствий советско-югославского конфликта и закладыванию новых оснований двусторонних отношений.

Из всего текста Конвенции о двойном гражданстве особый интерес представляют статьи, которые касаются не русских эмигрантов в Югославии или советских супругов югославов, а «лиц с двойным гражданством, которые живут в СССР, сохраняя гражданство ФНРЮ», то есть информбюровскую эмиграцию. Конвенция формально положила конец политической деятельности югославских эмигрантов в СССР, а при подготовке к ее подписанию был составлен их реестр. О связи справочника с конвенцией недвусмысленно свидетельствуют отдельные пункты инструкции по ее выполнению, ре-

20 Имеются в виду переговоры советского и югославского руководства, состоявшиеся 23 мая – 3 июня 1955 г. в Белграде.

21 Дипломатски архив (ДА. СМПП, Политичка архива (ПА. 1956, Ф-90, Пов. бр. 46337.

гламентирующие сбор информации о гражданстве и прочих сведений. А именно: «когда уехал из страны; каковы причины отъезда; уехал легально или нелегально; позиция – политическая деятельность и все прочее, что могло бы представлять интерес, особенно с точки зрения государственной безопасности»²².

Как чьи-то имена и фамилии попадали в тот список?

Процесс разделения на сторонников Тито и Сталина, охвативший КПЮ в 1948 г., распространился и на тех членов партии, которые находились за границей (имеются в виду дипломаты и те, кто проходил обучение в странах народной демократии). Позднее к ним присоединились и нелегальные эмигранты²³. Югославских слушателей советских учебных заведений охватили сомнения, замешательство и нерешительность, когда разразился кризис, и прозвучал призыв вернуться на родину. Большинство решило вернуться, однако некоторые в силу различных причин решили остаться в СССР. Наряду с личными мотивами – профессиональными и эмоциональными – на большую часть инфорбюровцев-эмигрантов повлияла убежденность, что в возникшем споре прав тот, кто располагал большим авторитетом в коммунистической иерархии – Сталин, а не Тито.

Согласно имеющимся сведениям, среди эмигрантов имелись и те, кто, не разделяя коммунистических взглядов, попал на обучение в СССР, оказавшись в свое время в Югославской армии и КПЮ в результате мобилизации или по оппортунистическим соображениям. Отдельные лица находились в составе различных формирований, участвовавших в гражданской войне, - чаще всего четнических или домобранских²⁴. Не исключено, что конфликт 1948 г. позволил некоторым из них выразить свое латентное неприятие новой власти в Югославии. Впрочем, не исключено, что те, кто снабжал составителей справочника такого рода сведениями, намеренно оговаривали эмигрантов, руководствуясь личной неприязнью или желанием продвигаться по карьерной лестнице. Часть информации позаимствована из «партийных характеристик», другая – от людей, находившихся в контакте с эмигрантами. Мотивы и способы сведения политических счетов, а также коллективно-психологические явления, сопутствовавшие расколу КПЮ в 1948 г., не могут быть абсолютно достовер-

22 „Упутство за спровођење конвенције“ // Између две отаџбине... С. 52.

23 *Mitrović M.* Tri dokumenta o ibeovcima... С. 33–39.

24 О переходе небольшого числа четников на сторону НОАЮ в июле 1944 г. см.: *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu. С. 619–620.

но истолкованы на основании источников, возникших в обстановке повышенной эмоциональности и экзистенциального страха.

Те, кто в эмиграции выделялся политической активностью, становился объектом многочисленных и особо тяжких обвинений. Например, в конце 1949 г. загребская газета «*Vjesnik*» опубликовала материал, подкрепленный факсимильными изображениями и цитатами, в котором известный историк Иван Очак²⁵ представал франковцем (с 1935 г.) и издателем подпольной усташеской газеты «*Iskra*». В 1942 г. он, якобы, в качестве шпиона-лазутчика присоединился к партизанам, а в 1943 г. получил ранение, в результате которого ему ампутировали руку. «Пользуясь отсутствием должной бдительности, неосведомлённостью о его прежней деятельности и особым отношением, обусловленным его инвалидностью, Очак сумел пролезть на работу в отдел кадров Министерства транспорта»²⁶. Очак, после войны находившийся в Москве на лечении, остался в ней, когда разразился конфликт в связи с Информбюро. В ходе противостояния он посредством радиостанций восточноевропейских стран обличал руководство КПЮ за то, что во время войны оно сотрудничало с гестапо и усташами. Бывшие товарищи, оказавшиеся по разные стороны баррикад, использовали друг против друга схожий арсенал обвинений. Политического противника следовало не только осудить и изолировать, но и дискредитировать в моральном и политическом отношении. Этим наперед можно было обосновать любые действия, направленные на его наказание или уничтожение. Как известно в концентрационном лагере Голи-оток это делалось с особой изобретательностью²⁷.

Иногда у политико-идеологических расхождений имелись необычные причины. Когда в 1944 г. была провозглашена амнистия

25 В Москве в 1948–1953 гг. учился на историка, а затем работал как университетский преподаватель. См.: *Strecha M. Dr. Ivan Očak (1920–1994) // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Prosinac 1994. Vol. 27. № 1. S. 396.*

26 Ustaški lik informbirovskog 'heroja' Ivana Očaka // *Vjesnik HFH. 1949. 4. XII. S. 2-3.*

27 См.: *Marković D. Istina o Golom otoku; Tasić D. Leševi s Golog: [prvo dokumentarno kazivanje o Golom otoku]. Ljubljana, 1988; Nikolić M. Informbiro. 1–2. Zagreb, 1989; Marković D. Josip Broz i Goli otok. Beograd, 1990; Михаиловић Д. Голи оток. 1–5. Београд, 2016–2019; Stojanović M. Golootočka trilogija. I–III. Beograd, 1991, 1993, 1994; Ženski logor na Golom otoku: ispovesti kažnjеница i islednice / пр. D. Simić, B. Trifunović. Beograd, 1990; Nikčević T. Goli otoci Jova Kapičića. Podgorica, 2009; Jezernik B. Non cogito ergo sum: eseji o Golom otoku. Novi Sad, 2012; Информбиро и Југословенска (народна) армија: зборник докумената / пр. М. Терзић, М. Басара, Д. Тасић. Београд, 2015.*

четников и домобранов, некоторые использовали представившуюся возможность перейти на другую сторону. В телеграмме от 12 ноября 1944 г. Тито в ответ на советское предложение амнистировать представителей Югославской армии в отечестве написал Сталину и Молотову: «Ваш совет предоставить амнистию четникам Михайловича считаю политически очень важным и полезным не только для дальнейшего развития нашей страны, но и в международном плане. В связи с этим мы полагаем, что было бы очень полезно предоставить амнистию и хорватским домобранам»²⁸. Амнистию распространили и на словенских домобранов, в отличие от остальных пособников оккупантов. Не удивительно, что никто из тех, кто принял предложение, впоследствии не имел ни малейшего желания вспоминать об этой странице своей биографии. Эмигранты не исключение. Однако в период эскалации конфликта в связи с Информбюро их политическое и военное прошлое с готовностью эксплуатировала, преувеличивала и высмеивала в своих карикатурах югославская пресса, пытавшаяся в глазах читателей поставить на одну ступень просоветски настроенных югославских граждан и неприятеля, поверженного в минувшую войну²⁹.

Согласно сведениям УГБ, один эмигрант, про которого говорили, что он «бывший четник», во время обучения в СССР «уверял, что в Югославию он не вернется ни живым, ни мертвым, пока там правит Тито и его группа»³⁰. Другой «бывший четник», как полагали, «определился в пользу ИБ» и остался в Советском союзе, «потому что с самого начала был врагом новой Югославии»³¹. Про третьего эмигранта, который все время воевал на стороне партизан, запи-

28 См.: Телеграм председателя НКОЈ Ј.Б. Тита председнику СНК СССР Ј.В. Сталину и народном комесару за иностране послове СССР В.М. Молотову // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Документи и материјали. Београд, 1996. С. 613.

29 См. карикатуры: *Џумхур 3. Здраве снаге* // *Jeж*. 1949. 4. VI. С. 2; *Џумхур 3. Брод спасења* // *Jeж*. 1949. 13. VIII. С. 1; *Савић Д.* Педагошка поема // *Jeж*. 1949. 30. VIII. С. 1; *Reisinger O.* *Kako žive jugoslovenske 'zdrave snage' u Bukureštu* // *Kerempuh*. Oktobar 1949.

30 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Новака Мирковића, № 336.

31 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Милисава Величковића, № 563. Схожую мотивацију имел и Радомир Андрич, биографија № 612–613.

сано: «Национальное чувство у него было очень развито»³². Кроме того, определенное количество бывших домобранов, - колеблющихся, которые в какой-то момент все-таки перешли на сторону партизан, - позднее отказались возвращаться в Югославию с обучения в СССР³³. Наконец, в числе таковых оказались и три бывших усташа³⁴. Про одного из них – «закоренелого шовиниста» - писали, что «после прихода усташей он сразу присоединился к ним и стал главным организатором усташей в городе Билеча. В 1941 г. участвовал в массовом убийстве и захоронении сербов в Коритской яме, а также во всех других акциях усташей в той области»³⁵. Недовольство политической ситуацией в Югославии и оппозиционность по отношению к титовскому режиму были связаны как с национальной принадлежностью, так и с политическими убеждениями, что подтверждается тем фактом, что среди югославских эмигрантов в Восточной Европе имелось много представителей национальных меньшинств: 1.016 болгар из Югославии – чуть меньше, чем сербов (1.120) и в три с половиной раза больше, чем хорватов (320)! Эмигрантов из числа албанского меньшинства – 403, а венгров - 252³⁶.

Разумеется, у КПЮ имелись резоны, чтобы публично дискредитировать и клеветать на собственных политических противников - эмигрантов в СССР. Однако закономерен вопрос: почему сотрудники УГБ все это вносили в свои *внутренние* документы? Ответом отчасти может служить то обстоятельство, что в то время, когда произошел раскол в партии, взаимоотношения ее членов характеризовались высокой степенью эмоциональности. Поэтому эмигранты в глазах своих бывших товарищей превратились в олицетворение зла. Их биографии - отчасти сознательно, отчасти неосознанно – окрашивались нарочито темными тонами. В каждой из них по несколько раз используются эпитеты «враг» и «вражеский». Часто встречаются слова «предательство» и «клевета». Не исключено, что определенные

32 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Јована Продановића, № 427.

33 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Такие сведения имеются о: Ајдин Ајдиновић, № 3; Иван Арсец, № 17; Иван Брушевац, № 62; Ненад Малић, № 280; Андрија Полак, № 421; Салих Шкапуровић, № 520.

34 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Об этом упоминается в биографиях Златана Азиновича, № 20; Драгослава Имприча, № 175 и Рудо Капиджича, № 205.

35 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Рудо Капицић, № 205.

36 *Marković D. Istina o Golom otoku... S. 59.*

сведения дискредитирующего характера включались в документы по причине некритичного отношения к некоторым показаниям и доносам. Также возможно, что, по крайней мере, в некоторых случаях речь действительно шла о лицах, амнистированных в 1944 г. Сегодня уже не поддается установлению неопровержимая истина, похороненная под наслоениями обвинений, с помощью которых бывшие товарищи пытались очернить друг друга.

Однако, имелись и совершенно иные примеры. Некоторые лица оказались в СССР, будучи еще детьми. Поэтому тот факт, что они остались, не может считаться следствием их сознательного решения или политической позиции. Так, например, о Бранко Вуйовиче, рожденном в 1935 г., и отправленном в 1945 г. в СССР обучаться ремеслам, написано, что «после выхода Резолюции он требовал вернуть его на родину, но советские власти запретили ему это»³⁷. Некоторые отправились на учебу в СССР как сироты войны. Поэтому неясно, могли ли они вообще высказаться – хотят они остаться, или вернуться в Югославию. Там у них, впрочем, никого из родных не осталось³⁸

Другие югославские граждане, отправившись на обучение в Советский союз, впервые оказались вдалеке от семьи и родного края. В новой среде многие завязали романтические отношения, а затем вступили в брак. Считалось, что некоторые из них остались в СССР, поддавшись влиянию своих девушек и супругов. Ничуть не меньше подозрений вызывали и те, кто вернулся в Югославию со своими женами-иностранками. Милован Джилас записал в своих мемуарах: «Русские супруги» наших офицеров и функционеров были разоблачены, почти без исключения, как советские шпионки»³⁹. С другой стороны, некоторые колеблющиеся остались в СССР, подпав под влияние своих однокурсников или, как было указано, «под влиянием остальных черногорцев»⁴⁰. Имеются сведения, согласно которым отдельные лица, особенно молодые, посчитали, что, оставшись в СССР, они скорее преуспеют в общественном и профессиональном плане. Так,

37 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Б. Вујовића, № 586.

38 Это были курсанты Суворовского училища в возрасте 9–12 лет. 91 из них отправили на обучение, а 63 высказались за то, чтобы остаться в СССР. Только в 1957 г. еще 60 из них вернулись в Югославию, а 3 остались. См.: *Marković D. Istina o Golom otoku... S. 52–53.*

39 *Đilas M.* Op. cit. S. 181.

40 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Славка Стојановића, № 494.

один эмигрант, ставший в СССР летчиком, писал родным, что «достиг своей цели». Другой решил остаться, «потому что в СССР лучшие условия для получения образования, а с Югославией его ничто не связывает»⁴¹.

Озабоченность югославских властей в связи с активностью политических эмигрантов была вызвана опасениями, что Советский союз может использовать некоторых из них для формирования альтернативного коммунистического правительства. Оно могло пригодиться в случае массовых волнений в Югославии или после вторжения сил стран народных демократий и свержения Тито. На возможность такого развития событий указывал тот факт, что, с разрешения СССР, председатель Координационного центра югославской политической эмиграции в Москве беглый генерал Югославской армии Перо Попиводе выступал на международных конференциях в качестве представителя Югославии. В 1952 г. эмигрантка Босилька Марьянович вместе с Попиводей приняла участие в прошедшем в Вене Конгрессе в защиту мира, на котором выступала с речью от имени женщин Югославии⁴². Кроме этих двух в Советском союзе имелись и другие эмигранты с амбициями, а особое подозрение вызывали бывшие министры и другие служащие министерств⁴³, дипломаты⁴⁴, старшие офицеры⁴⁵, сотрудники Отделения по защите народа (ОЗН-а – предтеча УГБ)⁴⁶. В одном из докладов УГБ, написанном в 1964 г., особое внимание сосредоточено на проблеме использования ибеовских эмигрантов иностранными разведками после

41 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Бранислав Дунић, № 122; Радомир Марић, № 290.

42 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Босилька Марјановић, № 294.

43 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Вељко Ђиковић, № 128; Радоња Голубовић, № 152–153; Исхак Лаличић, № 249; Бранка Спасојевић-Шабан № 505; Јован Шабан № 506; Лаза Трајковић 548; Мирчета Васиљевић № 562.

44 Побегу югославских дипломатов в СССР зафиксированы в дипломатических и торговых представительствах в Тегеране, Александрии, Каире, Осло, Бухаресте и Оттаве. См.: АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Никола Бошковић, № 50; Радоња Голубовић, № 152–153; Момчило Јешић, № 189; Исхак Лаличић, № 249; Миле Остојић, № 379; Бранка Спасојевић-Шабан, № 505; Јован Шабан, № 506; Бранко Вукелић, № 588.

45 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Пере Попиводе, № 422–423.

46 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Љубомир Кариња, № 206; Шахим Шахинпашић, № 508; Мевлида Шерић, № 508; Мате Урличић, № 554; Станимир Вучковић, № 581.

нормализации отношений Югославии и СССР, а также на проблеме вернувшихся в Югославию эмигрантов (с точки зрения безопасности) и их реабилитации (их социальная адаптация нейтрализовала бы их как оппозиционный политический фактор)⁴⁷.

По тем же причинам, то есть с целью предотвращения формирования альтернативного правительства Югославии, в лагере Голи-оток в 1950-1954 гг. функционировала так называемая Петрова нора⁴⁸ – место с наиболее тяжелыми условиями труда. Оно предназначалось исключительно для бывших видных руководителей, некоторые из которых имели советское гражданство. Степень бесчеловечности, с которой там относились к заключенным, была пропорциональна страху, который испытывали руководители КПЮ в то время⁴⁹. Они хорошо представляли, что их ожидает в случае потери власти⁵⁰. Поэтому УГБ продолжила отслеживать деятельность и перемещения политических эмигрантов и после 1955 г. И поэтому в их справочнике рядом с отдельными именами стоят рукописные пометы: «верн[увшийся]», «умер», «приезжает», «прибыл», «умер в 1966 году», «умер в 1973 г.», «II 1969», «в 1982 г. посетил Ж[елезнодорожно]-Т[ранспортную] О[рганизацию] Белграда» и т.п. Это значит, что за деятельностью этих лиц следили, практически, до развала Югославии.

Статистический обзор югославской эмиграции в СССР

Неполность, несистематизированность и недостаточная достоверность сведений, содержащихся в документах, требует осмотрительности при вынесении окончательных суждений. Прежде всего,

47 См. доклад: Emigracija u socijalističkim zemljama i povratnici – bivše pristalice rezolucije IB // *Mitrović M.* Tri dokumenta o ibeovcima... S. 82–98.

48 Место названо «в честь» Петра Комненича – бывшего председателя скупщины Черногории, который оказался там в числе первой группы заключенных лагеря. Петрова нора также именовалась «Объект Р-101» и «Монастырь». *Marković D.* Istina o Golom otoku... S. 113; *Радвољина И.* Дугачко писмо које није стигло до примаоца. Сремски Карловци; Нови Сад, 2011. С. 265–293.

49 Об обращении с заключенными лагеря см.: *Mihailović D.* Goli otok na tragu Gulaga i holokausta // *Jugoslovenko-sovjetski sukob 1948. godine* (zbornik radova sa naučnog skupa). Beograd, 1999. S. 236–238.

50 Когда в 1954 г. из-за конфликта с Тито Милована Джиласа отлучили от власти, его с супругой Штефицей охватил такой страх перед «невиданными и невыслымыми застенками» на Голом отоке, что они размышляли о том, чтобы совершить двойное самоубийство. См.: *Dilas M.* Op. cit. S. 271–272.

следует иметь в виду, что несмотря на предпринятые дополнения и проверки, существует вероятность, что список югославских информбюровских эмигрантов в Советском союзе не полон. Это означает, что цифры и проценты, которые мы приводим далее, представляют собой лишь нижнюю границу представленности некоторых категорий рассматриваемой группы (эмигрантов в СССР) в общей массе эмигрантов. В некоторых категориях их могло быть и больше, что в определенной, хотя и не в решающей мере, изменило бы соотношение ранее установленных фактов и, следовательно, итоговую картину. Тем не менее, и на основании имеющихся сведений представляется возможным что-то узнать или хотя бы сделать обоснованное предположение в связи с информбюровской эмиграцией.

Югославские эмигранты в Советском союзе были в основном мужчины. Из 628 – только 13 женщин. В момент публикации резолюции Информбюро в 1948 г. 66 человек из них были несовершеннолетними (18 лет и меньше). При этом достоверно известно, что 50-ти из них было 16 лет или меньше. Четверым младшим - по 10 лет. Только о 28 информбюровцах-эмигрантах известно, что им в 1948 г. было больше 30 лет, а старше 50 лет выявлено только 11 человек. Самому старшему исполнилось 56 лет. Следовательно, в 1948 г. это были в основном очень молодые люди. 95,55% было моложе 30 лет.

Доподлинно известно, что среди эмигрантов имелось как минимум 407 офицеров и солдат, которых резолюция Информбюро застала во время обучения в СССР. Это число охватывает и детей – так называемых суворовцев. Только о 40 эмигрантах есть сведения, что они посещали в СССР гражданские учебные заведения. К тем, кто в 1948 г. находился в Советском союзе на обучении, следует прибавить тех, кто перебежал туда или из Югославии, или из разных консульско-дипломатических и торговых представительств. Установлено, что шестеро из них находились на военной службе, 14 – на дипломатической, а 27 имели гражданские профессии. Согласно информации УГБ, 165 эмигрантов в СССР вступили в брак с советскими гражданами и гражданками. Со временем это число, безусловно, увеличивалось, если принять во внимание молодость и относительное материальное благополучие офицеров в СССР, а также нехватку мужчин репродуктивного возраста в стране после Второй мировой войны. Только о 113 лицах (17,96%) есть сведения, что они вернулись на родину. Одни решились вернуться после амнистии 1957 г., другие – после выхода на пенсию в 1960-е. Третьи – аж после распада СССР в

1990-е гг. Можно сделать вывод, что после амнистии в СССР в основном остались военнослужащие. Обзаведясь семьями, они прожили в России всю жизнь.

Относительно территориального происхождения имеется следующая статистика: из Сербии с Воеводиной и Косово и Метохией – 235 человек (206 сербов, 4 черногорца, 3 хорвата, 2 словенца, 1 болгарин и 1 венгр, а также 18 лиц, национальность которых в источниках не указана); из Хорватии – 131 человек (69 хорватов, 48 сербов, 2 русских, 1 еврей, 1 чех и 10 человек без определенной национальности); из Боснии и Герцеговины – 91 человек (54 серба, 6 хорватов, 6 мусульман⁵¹, 1 чех, 1 еврей и 23 человека без определенной национальности); из Черногории – 75 человек (57 черногорцев, 1 хорват, 1 серб и 16 человек без определенной национальности); из Македонии – 36 человек (31 македонец, 1 албанец, 3 серба и 1 человек без определенной национальности); из Словении – 26 (23 словенца и 3 человека без определенной национальности). Как минимум три эмигранта родились *за пределами Югославии*. Невозможно установить, в какой республике родились 30 человек, к которым относятся, в основном те, чьи имена либо добавлены в список в начале справочника, либо упоминаются в биографиях других людей, либо установлены позднее.

Об отдельных лицах неизвестно, в какой республике они родились, однако удалось установить их национальность. Согласно доступным сведениям, из 628 (100%) идентифицированных лиц было, как минимум, 314 (50,00%) сербов; 80 хорватов (12,74%); 61 черногорец (9,71%); 34 македонца (5,41%); 25 словенцев (3,98%); 6 мусульман (0,96%); 2 еврея; 2 русских; 2 чеха; 1 албанец; 1 болгарин; 1 венгр и 99 (15,76%) лиц, национальность которых не определена. Судя по фамилиям, их собственным именам и именам родителей, можно предположить, какие две национальные группы были наиболее многочисленными среди «неустановленных». Сербы – около 65 человек (10,35% от совокупного числа) и мусульмане – около 15 (2,39%).

51 В то время бошняки/мусульмане не выделялись в отдельную нацию. Так как нет данных о том, сами ли они определили свою национальную принадлежность, или за них это сделало УГБ, следует указать, что наряду с упомянутыми шестью лицами, в Боснии и Герцеговине также родились Асим Арнаутович, Шахим Шахинпашич, который в документе определены как сербы, а также Салем Латифич – хорват. В Черногории родились Исо Османович и Исхак Лалич, которые определены как черногорцы.

Некоторые выводы общего характера об ИБ-эмиграции в СССР можно сделать, если сопоставить имеющиеся у нас данные с теми, которые приводит в своей книге Драган Маркович. Он указывает, что в эмиграции в восточноевропейских странах оказалось 4.928 югославских граждан – как тех, кого резолюция застала за границей, так и тех, кто покинул страну после нее. На основании Закона об амнистии в Югославию вернулись 1.336 человек; умерли или исчезли 179; а продолжили жить за границей 3.413 человек. Считается также, что из совокупного числа около 1000 и до 1948 г. проживали на Востоке, около 1.500 выехали на обучение и по служебной надобности, а после публикации Резолюции Информбюро около 2.4000 человек эмигрировали различными способами. Что касается социального происхождения и профессиональной принадлежности, большинство в совокупной массе эмигрантов составляли крестьяне – 905; за ними следовали военнослужащие – 791; студенты – 503; рабочие – 454; представители интеллигенции – 271; школьники – 247 и проч. По национальному составу: сербы – 1.120; болгары – 1.016; албанцы – 403; хорваты – 320; черногорцы – 296; венгры – 252; македонцы – 222; словенцы – 101. Хотя приведенные данные нельзя считать ни полными, ни в какой-то мере до сих пор подтвержденными, они, тем не менее, позволяют как-то ориентироваться и сравнивать общую картину с той, что складывается на основе сведений об эмигрантах в Советском союзе⁵².

Те, кто отправился в СССР, составили всего 12,78% совокупного числа югославских эмигрантов в восточноевропейских странах. При этом советская диаспора заметно выделялась из общей картины. Прежде всего, в СССР преобладали военнослужащие, а именно 408 человек – более половины всех военных лиц, эмигрировавших из Югославии в связи с Резолюцией Информбюро (всего 791, согласно Д. Марковичу). Среди них сербы и черногорцы составляли убедительное большинство – 59,71% всех, чья национальность подтверждена (а вместе с «неустановленными» – 70,06%!). С другой стороны, к национальным меньшинствам относились лишь 1,43% эмигрантов-военнослужащих в СССР, а в совокупной массе всех эмигрантов в Восточной Европе нацмены составляли более 1/3. Эмигранты в СССР от остальных отличались и заметно меньшим количеством вернув-

52 *Marković D.* Istina o Golom otoku... S. 56, 59. Те же сведения указаны в докладе: *Emigracija u socijalističkim zemljama i povratnici // Mitrović M.* Tri dokumenta o ibeovcima... S. 82.

шихся на родину – всего 17,96%. В совокупной массе югославских эмигрантов в Восточной Европе возвращенцы составили 27,11%⁵³.

* * *

Югославская политическая эмиграция в СССР сформировалась в специфических условиях перемены внешнеполитического курса, предпринятого КПЮ. Всем ее членам пришлось сделать выбор между своим малым отечеством и «отечеством всех пролетариев» - СССР. Выбор в пользу одного из них подразумевал неизбежное расставание с другим. В этом состоял трагизм ситуации, в которой оказались югославские коммунисты. К мотивам, которыми они руководствовались, принимая решение, относились преданность высшему авторитету, идеализм, влияние окружения, личные пристрастия и интересы. Пик политической значимости эмигрантов, а также их присутствия в общественной жизни пришелся на период с 1948 г. по 1956 г. Отведенная им политическая роль стала невостребованной и, более того, невозможной в результате улучшения отношений между Югославией и СССР. На протяжении последовавших десятилетий судьба этих 628 (как минимум) человек не попадала в поле зрения общественности их родного государства. Заинтересованность в ней проявляли лишь две компартии, консульские службы и органы безопасности. Эмигрантская диаспора в СССР выделялась на фоне 5.000 югославских политических эмигрантов, проживавших в странах народной демократии. В ней преобладали офицеры, в большинстве своем моложе 30 лет, в основном сербы и черногорцы по национальности.

53 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у; *Marković D. Istina o Golom otoku...* S. 56, 59.

Goran Miloradovich, Ph.D.,
Institute for the contemporary history

Yugoslavian political emigration in the Soviet Union in 1948-1956

Abstract: The article deals with the phenomenon of the Yugoslavian political emigration in the Soviet Union during the Cominform dispute in 1948. The topic is under-researched because both Yugoslavia and the USSR after the improvement of the relations in 1955-1956 had no interest in the public discussion of the problem. There were at least 628 Yugoslav emigrants in the USSR, mostly military personnel, mainly ethnic Serbs or Montenegrins. Among them were a few former diplomats, party and state officials. They were mostly very young people, even underage - “the suvorov’s”. The majority of the political émigrés in the USSR have never returned to Yugoslavia.

Key words: political émigrés, Soviet-Yugoslav connections, Cominform Resolution, communist ideology, nationalism.

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС/
ЮГОСЛАВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**
**Russian emigration in the Kingdom of SCS/
Yugoslavia in the first half of the 20th century.**

АРСЕНЬЕВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ

независимый исследователь

(Нови-Сад, Сербия)

aarsenjev@gmail.com

Прибытие русских беженцев-эмигрантов в Королевство СХС: свидетельства

Аннотация: В статье публикуются свидетельства, отложившиеся в памяти людей, переживших свой исход с родины. Автор отобрал эпизоды эвакуации, приема и размещения одиночек и семейств в различных регионах Королевства СХС с тем, чтобы показать, как русские вписались в свою новую среду обитания.

Ключевые слова: русские беженцы, эмигранты, Королевство СХС.

Видный сербский историк Мирослав Йованович подробно изучил феномен приезда русских беженцев в Королевство СХС, в 1920-е годы¹. Наше намерение проиллюстрировать этот сюжет свидетельствами, отложившимися в памяти людей, переживших свой исход с родины. Мы отобрали эпизоды эвакуации, приема и размещения одиночек и семейств в различных регионах Королевства СХС, с тем, чтобы показать, как русские вписались в свою новую среду обитания. Интересно познакомиться и с впечатлениями местного населения – какими они видели беженцев. Эти яркие свидетельства (среди которых имеются и неопубликованные) мы посчитали излишним трактовать, обобщать и делать выводы. Приводим их без комментариев.

Тома К. Попович, краевед-летописец древнего приморского города Херцег-Нови, в своей тетради за 1921 год отметил:

«В порт Зеленика прибывает на кораблях разбитая армия генерала П. Врангеля. Среди них есть женщины и дети. Все люди знатные и образованные. Бродят без дела и продают вещи, которые уда-

1 *Йовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.

лось привезти с собой. Каждый из них готов приняться за любую работу. И это те, кто до войны жили, наслаждались изобилием, были обласканы почестями. <...>

Русский народ слишком набожен, если не сказать – суеверен. Нам, сербам, самым либеральным в этом смысле из всех славян, как-то странно видеть в храме, как русский генерал или адмирал или ученый падает на колени и бьётся лбом о пол. Конечно же, эти наши братья нам милы, поэтому им во всём необходимо как можно больше помогать, чтобы хоть немного облегчить их муки»².

Вера Сорокина в своих воспоминаниях «Бегство из Харькова» записала:

«Высадили нас в Херцег-Нови, в порту Адриатического моря. Всех поместили в громадных ангарах для аэропланов. Мы устроились на чемоданах, подразделились, завесились одеялами. Был декабрь месяц. 6-го января 1921-го года – наш православный сочельник. Дул сильный ветер, море бушевало. Слабый свет освещал наше огромное помещение. Двери скрипели при каждом порыве ветра... Нашелся среди нас священник, собрал молящихся среди ангара, папа организовал хор. И какая это была служба! Под далматинским небом – далеко, далеко от нашей дорогой родины, выброшенные, обездоленные, потерявшие всё! Молились, плакали, пели, обращая свои сердца к рожденному Младенцу Христу, с надеждой простирали свои руки к яслям Его и пели *Слава в вышних Богу и на земли мир*. <...>

Нас отвезли в Боснию, в мусульманское село Козарац. Там нас продержали несколько месяцев. После мы переехали в город Баня-Лука (тоже Босния). Папе, как полковнику, предлагали служить в Сербской армии чином ниже, но он отказался, говоря: «Мне мой чин пожаловал мой царь. Я его заслужил в кровавых боях, и никто не может его у меня отнять!» <...> Он устроился простым рабочим на лесопильном заводе, который находился в 4-х километрах от города. Там устроилась почти вся группа приехавших русских. Ходили, конечно, пешком. Лиля поступила работницей на табачную фабрику»³.

2 Руси у Црној Гори: Руска емиграција у Црној Гори након Октобарске револуције и грађанског рата / пр. З. Локтионов. Бијело Поље, 2011. С. 17–18.

3 Цит. по: Гимназия в лицах: Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920-1944) / Авторы-составители А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. Белград, 2018. Кн. 2. С. 93–94.

Встреча Бориса Севериновича Яковлева (1896, Новочеркасск – 1972, Миндельсхайм, Германия) с герцеговинцем в Мостаре:

«В конце 1920 года, по дороге из Которской бухты в Боснию, поезд, в котором ехало нас несколько десятков русских беженцев, остановился в г. Мостар. Нас двое-трое вышли, чтобы в харчевне при вокзале отведать *сливовицу*. В трактире мы застали лишь одного гостя. Некий "Королевич Марко", под огромным герцеговинским тюрбаном сидел за столом и поверх огромных, взъерошенных и грязных усов со знанием дела втягивал в себя дым сквозь длинный чубук.

Завидя нас, его полна достоинства осанка вмиг улетучилась. Он взволнованно прыгнул со стула и подбежал ко мне:

– Ты русский?

Получив ответ, простодушно обнял меня и расцеловал... Его голова опустилась на мое плечо. Он плакал.

Сколько времени потребовалось, сколько проявлений, без шума и бутафорий, непрерывно и могуче выстраивалось от брата к брату, – чтобы эта настолько искренняя и великая любовь вошла на голой горной скалистой герцеговинской местности, чтобы переполнить сердце этого мрачного, пылающим солнцем обжигаемого, леденящими ветрами провеянного, можно сказать, окаменелого подобно его холмам, – горца!»⁴.

*Дмитрий Евгеньевич Панфилов на шахтах «Ртань»,
Восточная Сербия*

В боях отец был неоднократно ранен. У него был пробит нерв правой руки, и она безжизненно повисла. <...> При эвакуации из Крыма на пароходе царил голод. Пересекли Черное море, прошли Босфор и долго стояли на внешней якорной стоянке в Исламабаде. Отец от карабельных моряков получил маленький тазик каши с просом, взамен на свои золотые часы. Тазик он держал здоровой левой рукой (правая была неподвижной), а на кашу со всех сторон набросились изголодавшиеся люди и хватали руками, кто как мог. Отцу не оставалось ничего другого, кроме как окунуть лицо в тазик и быстро глотать. Мне, 15-тилетнему, он это рассказывал пару лет позднее. Ему было стыдно, а мне было его безгранично жалко. Я глотал слезы. <...>

4 Мачкић З. Из Родине у Бањалуку: Руска емиграција у Бањалуци. Бањалука, 2018. С. 13–14.

В Стамбуле они наконец узнали, что направляются в Королевство СХС. Их высыдили в Херцег-Нови. Там поступили умно: постепенно возвращали к жизни. В первый день дали немного какого-то супа и очень мало хлеба. На второй день дали молока и побольше хлеба. Каждый день увеличивали порцию. В основном прибывшие были военные лица, инвалиды и раненные.

Вскоре отец оказался в области Бачка, в селе на берегу Тиссы. Там, у одного из крестьян он работал за еду. Делал всё, что может делать человек, имеющий одну руку. Узнав, что в Сербии рудник каменного угля «Ртань» принимает рабочих всех специальностей, он подал заявление. Как инвалида, его приняли на место воловоза. Дали лошадь и повозку с прикрепленной к ней бочкой. В работу отца входила забота о лошади, поездка ранним утром к роднику, находившемуся на окраине шахтерского поселка, наполнение бочки родниковой водой и развоз воды по квартирам инженеров, чиновников и рабочих. Возил он ее 12 часов в день. Отцу платили 13 динаров в сутки, но вскоре за безупречную работу зарплата была повышена. Работал он и по воскресеньям, и по две смены, когда господа купалась или стирали белье. Сам он жил буквально на хлебе и воде. Копил деньги. Первые два года даже не пробовал мяса, а потом его стал добывать охотой. Это были дикие голуби, гнездившиеся по пещерам.

После ежедневного массажа левой рукой, постепенно стали шевелиться пальцы правой, а потом и целая правая рука. Стал он на руднике работать как слесарь. Подрабатывал продажей заячьего меха, мехами горной белки и лисицы.

Жил он в бараках с 12-15 квартирантами, в основном шахтерами. Там царили постоянные пьянки, драки, скандалы и брань. Не зная языка, «белый» русский офицер оказался в чужой, часто враждебной среде шахтеров, если и не коммунистов, но симпатизировавших большевикам. Работой на износ, отец едва накапливал 10 долларов, которые ежемесячно отправлял семье в Россию – жене и четверым малолетним детям. Они голодали. У него не было времени остановиться, осмотреться, узнать, что происходит вокруг него⁵.

После высадки русских с парохода «Сегед» в дубровницком порту Груз мэр Дубровника д-р Нонвайлер в местной газете обратился с предупреждением к местному населению:

5 Панфилов Е. Воспоминания. (Рукопись). - Собрание д-ра Д.Е. Панфилова, Сремские Карловцы. Евгений Дмитриевич Панфилов (1910 – 1974).

«Наблюдаются, и с полным основанием осуждаются действия многих горожан, вступающих в контакт с русскими беженцами, частично из любопытства, а в большинстве случаев в целях приобрести от них товар, либо за наличные, либо в обмен. Необходимо иметь в виду и помнить, что из-за неблагоприятных условий, среди этой пестрой массы распространены опасные и заразные болезни, скажем более, среди них были случаи сыпного тифа»⁶.

Горожане были изумлены, наблюдая, как русские в первый день Нового 1921 года в Дубровнике купались в море и загорали на солнце⁷.

Несколько заметок о них было опубликовано в белградской газете:

«**Из Дубровника и Гружа.** Если судить по цифрам, в этих населенных пунктах, захлестнутых волной русских беженцев с Крымского полуострова, люди ворочают миллиардами. Нет дома, в котором не осело несколько сотен тысяч рублей. Не иметь их как-то даже неприлично. Один знакомый спросил меня:

– У вас есть русские рубли?

– Нет.

– Как так? Я принесу их вам, на память.

И действительно, на следующий день он принес 15 тыс. рублей, но не хотел мне их продать. Говорит: я обменял их за буханку хлеба. Не подумайте, пожалуйста, что это злоупотребление в их несчастье! Боже упаси, это дневной валютный курс русского рубля. Народ к этому уже привык.

А представьте себе мину на лице одного парикмахера в Груже, когда ему, сразу по высадке беженцев с парохода, один русский предложил оплатить бритье русскими деньгами и тот, согласившись больше из курьеза и любопытства поглядеть на эти деньги, принял от русского господина ни более, ни менее, как 35 тыс. рублей! Парикмахер не соглашался, но русский его убеждал, что таков тариф бритья и стрижки в Крыму.

Жители Дубровника берут рубли как сувенир. Никому не приходит в голову скупать их и торговать ими в городе, где и последний портовой грузчик следит за курсами франка, лиры и доллара и торгует ими, где каждый из них ожидает благодати от большевиз-

6 Narodna svijest. 1920. 8. XII.

7 Там же. 1921. 5. I.

ма, верная картина которого предстает перед ним в виде миллионов рублей от русских беженцев»⁸.

В первые месяцы 1921 года несколько русских интеллигентов группировались вокруг С.М. Власьева, редактора-издателя русской еженедельной газеты «Русский листок» (редакция и контора: Дубровник, Мол, Сербская типография). Вышло всего четыре номера: первый – 15 января, последний – 5 февраля 1921 года. В первом выпуске содержалось трогательное обращение:

«Братьям Славянам. Вынужденные покинуть свой родной кров, мы – дети поруганной и разграбленной России – пришли искать приюта у вас, наши дорогие братья.

Сегодня выходит на Приморские берега гостеприимной и родной нам Юго-Славии первый номер русской газеты. К вам, хозяевам этой земли, настоящее наше слово. Слово не только искреннего приветия, но и задушевного сердечного *спасибо* за теплое радушие, за то, что не чужих, а своих близких вы видите в нас. <...>

Но мы не хотим быть только гостями; мы рады стать на работу, принять участие в строительстве вашей земли не только потому, что это нам даст кусок хлеба, но главным образом потому, что мы верим в великое будущее доблестной Юго-Славии»⁹.

Между тем, лишь смутно представляя ужасы революции и большевистский террор, часть югославской интеллигенции левого уклона с самого начала обращалась к пришельцам:

«В наших общих интересах мы требуем от них, чтобы они приступили к поискам путей возврата на свою родину. Они нужны ей, как мы знаем; они и сами заявляют, что представляют умы России»¹⁰.

Анонимный обозреватель столичной газеты писал:

«Если в первое время после прибытия русских мы к ним относились с состраданием, настала пора государству стремиться получить от них пользу. Так поступают Париж и Прага»¹¹.

8 Иллюстровани лист. 1921. 20–27. I.

9 Русский листок. 1921. 15 января.

10 Nova Evropa. 1922. № 8. S.12.

11 Политика. 1924. 24. VIII.

*Сергей Андреевич Кисловский:
Прибытие в Дубровник (1920 г.) и Апатин (1921 г.)*

На следующий день мы приплыли в Груж – порт города Дубровника, Рагузы. Два дня нас не выгружали, подготавливали помещения, и только 28 ноября [вернее: 3 декабря – прим. А.А.] 1920 года вечером выгрузили на берег. Из Гружа повели в Дубровник. Наконец нас, вшивых и грязных, поселили в старые средневековые крепости. <...> Наша группа попала в крепость без окон и дверей – в Ревелин, остальные, в большинстве случаев семейные, были помещены в средневековый женский монастырь, который возвышался над морем и назывался *Монастырь Святая Мария*.

Среди нас было много больных, главным образом, тифозных, и поэтому нас никуда не выпускали. Мы должны были 14 дней пробыть в карантине. Разместив нас в Ревелине, через несколько дней нас повели снова в Груж, где стоял санитарный поезд. В его составе были баня и отделение для дезинфекции. Нас хорошо вымыли, выкупали, а наши вещи продезинфицировали. После дезинфекции совсем пропали кожаные пояса, а одежду – брюки и куртки – едва можно было снова надеть. Наконец, до некоторой степени мы избавились от вшей. Но не совсем. <...>

Так мы 14 дней просидели в карантине. Время шло очень медленно и у кого были карты, – играли в преферанс и другие игры. Карт было мало, а желающих играть много. Вскоре Дубровник и наш Ревелин посетила делегация из Белграда. Ее предводил российский посол Василий Николаевич Штрандтман. Важный, хорошо одетый, с брезгливой grimасой, он смотрел, как мы расположились на полах, а в Ревелине в то время не было ни окон, ни дверей. В первые же десять дней нашего пребывания в карантине нам выдали двухмесячную ссуду – помощь, в обмен: разменивали наши добровольческие деньги – *колокольчики* на динары. За два месяца дали по 400 динар в месяц. Каждый из нас получил 800 динар. По тем временам это была огромная сумма.

Приловский, мой бывший сослуживец, воспитанный в петербургских бильярдных, умный пройдоха, предложил нам одну операцию, на которой мы рассчитывали хорошо заработать: свои 800 динар, плюс Женины и мои – всего 2.400 динар, он истратил, скупая по всем ресторанам и кафанам в Дубровнике раз игранные карты. Принес в Ревелин три-четыре мешка. Мы два дня эти карты сортировали, разбирали по рубашкам, составляя полные колоды. Нам удалось

составить около двухсот колод. Их мы легко продали сидящим в карантине и жаждущим играть. Продавали по 50 динар за колоду. В эту операцию мы вложили 2.400 динар, а заработали больше 10-ти тысяч. В то время это были огромные деньги. Заработок мы разделили на три части, и я сразу же пошил себе штатский костюм.

Кубанские казачки, которые в Ревелине ютились над нами, на третьем этаже, тоже получили двухмесячный *размен* – по 800 динар. В один из вечеров они у себя устроили выпивку. Здорово напились. Пели песни «Ах, Кубань ты, наша родина» и другие, танцевали, горланили. Один из них почувствовал, что ему надо отправиться «к ветру», покинул компанию и направился к дверям, но по полному делу не попал в дверь, а пошел к окну. Станичник шагнул и с третьего этажа упал на острые скалы. Остальные в беспокойстве выбежали наружу, подбежали к скалам. На камнях лежало неподвижное тело. Стащив его с камней, принесли в помещение. Упавший только мычал и храпел. Утром казачок проснулся. Не верил, что выпал из окна третьего этажа, считал, что земляки его разыгрывают.

После удачной и выгодной распродажи всех колод, весь Ревелин, Мол и монастырь Святой Марии играли в карты. Вскоре и мы выбрали себе компанию желающих играть в преферанс. Нас трое сравнительно хорошо играли в эту игру, а наши партнеры, большинство поповских сынков, имели мало представления о преферансе. Женя [Евгений Гибшман – прим. А.А.], Приловский и я всё свободное время, а его было вдоволь, проводили за картами. Мы садились играть отдельно – каждый с отдельной группой, и почти ежедневно выигрывали около 80–100 динар. Это был солидный доход; мы привыкли каждый день выигрывать на дневные расходы.

Наступил Новый год. В Ревелине мы жили уже больше месяца. Русских по партиям стали расселять по разным городам Королевства. Запрещенной зоной, куда мы не могли попасть, считались Земун, Белград, Панчево, где уже осело слишком много русских из предыдущих эвакуаций. Расселяли группами по 50–70 человек. Эти группы называли русскими колониями. В одну из таких групп попали наши партнеры, у которых мы, играя в преферанс, постоянно выигрывали. Когда подошло время отъезда и их повели в Груж, мы пошли их провожать на вокзал. Там, в ожидании посадки и отправки, мы играли с ними, сидя на перроне – пытались в последний раз выиграть еще несколько динар.

Уехали наши партнеры, и прекратился наш ежедневный заработок. Мы слонялись по Ревелину, как сонные мухи. В больших залах остались лишь старички. Привыкши ежедневно выигрывать, нас трое предложили старичкам сразиться. Они охотно согласились.

– По какой?

– По какой хотите.

Сели мы с ними играть – отдельно Приловский, отдельно Женя и отдельно я. Результаты были плачевные. Каждый из нас проиграл старичкам около 200 динар. За один день мы проиграли то, что зарабатывали в течение недели. На этом игра прекратилась, и распалось наше акционерное общество.

Подошел и наш черед. Группа, около 70-ти человек, в их числе находилось и нас трое, в Грузе была погружена в товарные вагоны и по узкоколейной железной дороге отправлена внутрь страны. Бесконечно, почти сутки, поезд тарыхтел, полз вокруг Попово-поля. Медленно мимо проплывали незнакомые пейзажи, и к концу второго дня мы подъехали к Мостару. Поезд стоял там несколько часов. Нам был приготовлен ужин. Многие ходили в город и из города принесли ведро вина «Жилавка». Это вино мы в вагоне распили.

В Сараево опять нас накормили и перевели в вагоны широкой колеи. Теперь начали ехать быстрее. Приехали в Нови-Сад. Там нас накормили обедом, а к вечеру мы попали в наше место назначения, в Апатин.

Года два тому назад этот город оказался в составе Королевства СХС. Большинство жителей были богатые немцы и венгры. С вокзала повели нас по длинным, бесконечным улицам. Вели, вели – нет конца – всюду однообразные, одноэтажные дома, настоящие крепости – типичные немецкие дома. Наконец, привели к периферийному трактиру, «кафане». Разместили там и угостили ужином. На ужин были приготовлены огромные, диаметром 15 см свиные колбасы. К ним подали и картошку.

На следующий день нас начали расселять, по два человека, по домам зажиточных немцев и венгров. В городе еще ощущался дух старой Австрии и власти принуждали владельцев домов принять нас у себя.

Я и поручик Яковлев были поселены у немца – богатого купца. Этот немец имел большой мануфактурный магазин, дом и молоденькую, хорошенькую 18-летнюю дочку. Вселившись к нему, не проживи и пяти дней, как хозяин пришел в нашу комнату. Он был маленького

роста, толстенький, аккуратный. Войдя в комнату, он внезапно упал перед нами на колени, сложил руки как для молитвы и вскрикнул:

– Пожалуйста, прошу вас, исполните мою просьбу! Переселитесь, я вам найду комнату, буду платить за нее. У меня же молоденькая дочь, и если вы останетесь в моем доме, вы ее испортите!

Удивленные такой просьбой, мы подняли его с пола и, конечно, согласились. Радостный папаша нашел нам комнату недалеко от своего дома и от пивного завода. Замечательную комнату. Она была в саду, совсем отдельный домик, рядом с летней кухней. Принадлежала она аптекарше, старой, важной родовой венгерке. <...>

Началось житье-бытье апатинское. С «разменом» денег возникли какие-то трудности, вместо 400 динар в месяц, каждый беженец стал получать по 240 динар, а вскоре и этот размен прекратился. Наступили тяжелые времена.

В нашей русской столовке можно было за 5 крон (1,25 динар) получить жидкую похлёбку и чай с сахарином. Многие начали подумывать найти работу. Немцы брали поденщиков и им за целый день платили 5 крон, батрака и кормили. В то время начал строиться новый пивной завод и туда на работу устроилось много русских. Поденная плата была 12 крон, то есть 3 динара, при 10-тичасовом рабочем дне. На эту фабрику пошли работать Женя и я. Первый раз в жизни я попал на физическую работу. Целый день мы переносили большие плиты искусственного льда, носили кирпичи, качали воду пожарным насосом, по четыре человека с каждой стороны. К первому вечеру я совсем выбился из сил. К несчастью, когда окончился наш 10-тичасовой рабочий день, с железнодорожной станции привезли три вагона ячменя. Этот ячмень надо было спешно перенести и поместить на третьем этаже магазина. Нам продлили рабочий день еще на два часа. Таская 60-тикиловые мешки с ячменем, я на десятом мешке упал на лестнице от усталости. Придя домой после работы, у меня не было ни одной части тела, которая не болела бы.

Подошли какие-то летние, католические праздники. Меня определили помогать развозить бочёнки пива (по 25 литров), по апатинским трактирам. <...>

В Апатине в русской колонии насчитывалось около 70-ти человек. Состав колонии был неоднородный – она делилась на две половины: Первая – это старые генералы, полковники и пожилые семейные, и другая – мы, холостые нижние военные чины, молодежь. Бразды правления находились в руках первой группы. Нас моло-

дых считали бытовщиками, чуть ли не большевиками. Происходило это оттого, что мы всегда протестовали и требовали правильного распределения присланных американских вещей. Требовали, чтобы эти вещи не раздавались любимцам, а доставались по жребью. Один раз я вытянул счастливый билет и получил кожаную куртку – безрукавку. <...>

Приехав [осенью 1921 года – прим. А.А.] в Белград, вместе у Жени и меня было всего 3 динара. Надо было питаться и мы в «народной кухне» на обед взяли по тарелке молока (молоко я терпеть не мог) – по динару за порцию, и за динар хлеба. Это был наш обед и ужин в первый день переезда в Белград.

На следующий день мы уже работали: я попал на работу, как чернорабочий, на починку «турской калдрмы» – мостовой из крупных булыжников. Рабочий день продолжался десять часов и за работу мы получали 24 динара (а не 3 динара, как в Апатине).

Так начался новый этап в моей жизни – студенческий период. Мы были зачислены студентами и получили право жительства («дозволу») в Белграде¹².

Сохранились сведения о прибытии русских в Велики-Бечкерек, в Банате:

«После первых, *новороссийских* беженцев, которых судьба привела в Бечкерек еще в 1920 году, в начале 1921 года город на берегу р. Бегей принял новые сотни людей *Крымской эвакуации*.

Пережив карантин на берегу Которской бухты в деревянных бараках и ангарах, первые эшелоны Крымской эвакуации тронулись в марте 1921 года узкоколейкой до города Славонски-Брод. Покачиваясь в расхлябанных товарных вагонах, измученные люди, женщины и дети с нетерпением ожидали долгожданный покой в союзном государстве. В пассажирных вагонах они доехали до Белграда и Нови-Сада. После длительной стоянки на запасных путях эшелон прибыл на заурядную станцию Велики-Бечкерек. Отцепили еще три вагона с назначением в село Нови-Итебей. С вокзала всех повели на пристань, возле *Малого моста*. Переночевали под открытым небом. Узнав, что прибыли новые беженцы, на набережной появились русские дамы с чаем и угощениями. Многих отвели спать к себе домой. Завязались знакомства.

12 *Кисловский С.* Воспоминания. (Рукопись) – Семейный архив Кисловских, Нови-Сад. Сергей Андреевич Кисловский (1899, Прилуки, Полтавская губ. – 1995, Нови-Сад), агроном-селекционер.

На следующий день погрузились на пароход *Српче* и после двух часов дороги прибыли под вечер в место назначения – Итебей. На пристани пароход встретили представители местной власти. Встреча была сердечной. Устроили ужин с музыкой и вином. Произносили речи, принимали тосты. Переночевали в школе, на соломе. Всего прибыло около 80 человек.

Через несколько дней женатых оставили в Сербском Итебее, а холостых повели в венгерскую часть села. Вскоре началось распределение на разные работы. Жизнь требовала своего. Сначала подвернулось вкапывание в землю железнодорожных столбов. Нашлась работа и у мужиков, плативших за полевые работы 5 динар в день.

Постепенно налаживалась связь с Бечкерекем, где уже была создана русская колония с помещениями в кофейне *Кригер*. Там существовало и общежитие в доме немецкой школы, а также *Бюро для посредничества в принятии на работу русских эмигрантов*. Прибывшие из Итебея в мае 1921 года в Бечкерек, расположились в общежитии. Спали, как и в Итебее, на соломе. Гораздо легче было нескольким эмигрантам еврейского происхождения. В первые же дни работы на погрузке пшеницы на главной железнодорожной станции, их увели и устроили у себя на работу брата по крови, в чьих руках была торговля зерном и кукурузой»¹³.

Крупный землевладелец и магнат, австрийский граф Рудольф Котек (1852–1921) принял в свой особняк в местечке Стари-Футог (близ Нови-Сада) несколько дворянских семейств: графов Ламсдорф, князей Голицыных, Бехтеевых, Гаевских, Смитен, Вовси, Ясинских, Жеребковых, Цимбалистовых, Турчаниновых, Вишняковых, Чайковских. Алексей Сергеевич Бехтеев (1883, Орловская губ. – 1967, Касабланка, Марокко) вспоминал:

«Мало кто из них верил в то, что большевизм долго продержится. Они ожидали своего скорого возвращения в Россию, а тем временем читали газеты, играли в бридж, гуляли, ездили в Нови-Сад и там тратили деньги. Вскоре оказалось, что в лучшем положении были те, кто не увез с собой золото и драгоценности. Те сразу были вынуждены найти какую-нибудь работу и начать трудовую жизнь.

Граф Котек оказался дальновидным:

– Бедные, – говорил он своим гостям, – они надеются на скорое возвращение домой, а я уверен, что до того времени пройдут де-

13 Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде – Зренянине). Зренянин, 1994. С. 13–15.

сятилетия. Маловероятно, что кто-либо из этих беженцев дождет-ся увидеть Россию»¹⁴.

Наблюдения Юрия Львовича Ракитина

По приглашению директора Королевского сербского национального театра М. Грола, театральным режиссер Императорских театров в Санкт-Петербурге Юрий Львович Ракитин (1882, Харьков – 1952, Нови-Сад) в задних числах декабря 1920 года прибыл из Константинополя в Белград. Свои первые впечатления о столице Королевства СХС он высказал в одном интервью:

«Белград мне показался убогим небольшим городом. Повсюду уличная грязь. И нехватка квартир. Нам с женой едва удалось найти комнату. Прожив в ней месяц, из нее мы были выдворены, так как комната стала "необходимой для родственников хозяйки". Однако, из Театра протелефонировали в городской участок, и я торжественно был возвращен в эту квартиру. Тут же квартальный потребовал от меня позаботиться о том, чтобы его дочь была обеспечена театральным костюмом для маскарада»¹⁵.

Отдыхая летом 1929 и 1930 года в Дубровнике, Ю.Л. Ракитин отметил печальную картину жизни части русских, которые не покинули Дубровник, а остались жить в городской крепости Ревелин. Он намеревался написать пьесу из эмигрантской жизни, и в своем дневнике 26 июля 1930 года записал:

«Думаю о пьесе. Действие происходит в дубровницком Русском доме, в залах крепости Ревелин. Тут разместились эмигранты после высадки с парохода. Годы идут, а они и далее живут тут, проводят дни в рассуждениях, воспоминаниях и грезах. Бездеятельная эмиграция! Обуреваемые ссорами, интригами, непримиримые друг к другу. Революция опустошила их души, ничего сами не умеют, вернее не могут. Варятся в собственном соку. Герои моей драмы – в основном народ положительный, сердца благородного. Или это аристократизм, до которого уже никому нет дела и с чем труд-

14 Арсеньев А. Самовари у равници: Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. С. 21.

15 Сећања г. Ракитина на прве дане у Београду // Правда. 1920. 19. X.

но примириться, или их всех разъедают сплетни – вторжение в их жизнь действительности. Основной их порок – отсутствие воли»¹⁶.

Эвакуация Харьковского девичьего института из Новороссийска

В марте 1917 г. Временное правительство закрыло Ведомство Императрицы Марии Федоровны и передало Харьковский девичий институт в ведение Министерства народного просвещения. В декабре 1918 г. Харьков был занят большевиками, которые приказали в 3-х дневной срок закрыть Институт. Благодаря энергичным мерам начальницы Института Марии Алексеевны Неклюдовой, около 150 воспитанниц удалось устроить у знакомых Институту лиц по частным домам. Остальных разобрали родители. В 1919 г. в июне Харьков был освобожден армией ген. Деникина и Институт опять начал функционировать, имея свыше 200 воспитанниц. При приближении большевиков в ноябре 1919 г. Институт был эвакуирован в Новороссийск. Эвакуация совершалась в очень тяжелых условиях, но еще страшнее было попасть опять к большевикам. М.А. Неклюдова посетила представителя Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, ген. Ненадича, прося его содействовать переезду Института в Королевство СХС. Через несколько дней разрешение было получено, и 29 января 1920 г. на пароходе «Афон» Институт отплыл в Варну (Болгария), а из Варны поездом отправлен в Белград. 4 марта Институт, в составе 114 воспитанниц, 20 лиц персонала, 12 членов их семей и 5 служителей, прибыл в Нови-Бечей, получив от правительства три школьных здания. Первый выпуск был уже в 1921 г., а всего было 12 выпусков. До его закрытия в 1932 г. Институт окончило 319 воспитанниц¹⁷.

Эвакуация кадет из Одессы

Ко дню эвакуации Одессы, 25 января 1920 года, в здании кадетского корпуса размещались не только одесские кадеты, но и 2-я рота Полоцкого корпуса, а также и Киевский корпус, вывезенный в Одессу после занятия Киева красными. <...>

16 Арсењев А. Ракитин међу руским емигрантима // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. 1995. № 16–17. С. 254.

17 Цит. по: Харьковский институт. 1812–1932. Памятка. Нью-Йорк, 1983. С. 5–6.

С утра были отправлены в порт подводы с личными вещами кадет и персонала, под охраной двух взводов 1-й роты Одесского корпуса и кадет полочан. Немного позже были посланы в порт самостоятельно кадеты 1-й роты Киевского корпуса, без офицеров. Обе части добрались до порта с большими трудностями, так как в городе уже шла стрельба и нападения на отряды белых, проходивших через Одессу. <...> Кадеты и все скопившиеся в порту, подверглись жестокому пулеметному обстрелу со стороны Воронцовского дворца; были ранены два и убит один кадет киевлянин. <...>

Кадеты и чины персонала были подобраны английским крейсером «Церес», а всё имущество пришлось бросить на молу, где оно было разграблено <...> После ухода «Цереса» из порта, все кадеты и чины персонала были пересажены в открытом море на пароход «Рио Негро», который и довез их до Салоники, откуда поездом они через Белград были отправлены в Панчево. По дороге, на узловых станциях какие-то организации, в том числе и русские, кормили кадет. В Панчево все были размещены в здании школы, где во дворе находились российские солдаты [бывшие военнопленные – А.А.], возвращавшиеся в Россию. В скором времени, кадет киевлян (взвод 1-й роты) перевезли в Сисак, вблизи Загреба. Их разместили в военных казармах. С назначением ген. Адамовича директором Сводного русского кадетского корпуса, остатки трех корпусов в Сисаке и Панчево стали одним военно-учебным заведением, которое в июне 1920 года было направлено в Сараево, в бывшую австро-венгерскую казарму¹⁸.

Лидия Михайловна Ираклиди, урожд. Соловьева

Родилась я 17 октября по новому стилю, 4 октября – по старому, 1893 года, в Кишиневе. Там в 1912 году с золотой медалью окончила гимназию и переехала в Одессу, поступив на Высшие женские курсы, историческое отделение, я после четырех лет получила диплом Одесского университета. Изучала и языки, училась в консерватории. <...>

Было мне 27 лет – жила в Одессе. А этот город переходил из рук в руки 18 раз: то к белым, то к красным, то украинцам, то немцам, то французам, грекам... Нам уже всё это было невмоготу. Захватив с собой два чемодана, в 1920 году муж и я направились в порт,

18 Цит. по: Кадетские корпуса за рубежом 1920-1945 / Редакционная комиссия А.М. Росселевич и др. Нью-Йорк, 1970. С. 329-333.

где стояли на якоре английские пароходы, уже переполненные беженцами. Матросы сделали живую цепь, отгораживая тех, кто еще стремился проникнуть на борт. Благодаря моему знанию английского языка и привлекательной внешности – 64 года тому назад я довольно хорошо выглядела – нас пустили на пароход. Я думала, он плывет на Мальту и в Египет, а там нам сказали, что везут нас в Югославию, вернее – в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Я ужасно расстроилась – не видать мне пирамид. Отправляемся в Сербию, а там одни холмы да козы.

И прибыли мы в Скопье. Нас радушно встретили и повели в турецкие ночлеги. Помню, будто это было вчера – 15-е февраля, нас пять супружеских пар. Улеглись мы спать, и каждый из нас прячет свои сумки-портфели под подушку. При мне были документы, а у моего мужа золото и деньги. Нас разбудили уже в 6 часов утра – продолжить путь на Белград. Мы побежали к вокзалу, а я замечаю, у моего мужчины пустые руки. Спрашиваю:

– Портфель где? – А он:

– Я думал...

– А что ты думал?!

Мы остановились посередине моста Царя Душана, я и смотрю: Шара-гора, вся под снегом... блестит... небо темносинее и сапфировое, цветет миндаль – целые облака розовые, мимо проходят женщины с чадрой, мужчины в фесках. Меня обуял хохот, говорю:

– Сейчас, когда мы лишились всего, давай останемся здесь, насладимся этими красотами!

Прожили мы в Скопье три года. Я легко устроилась на работу, так как знала пять мировых языков. Служила я в банке, а муж – в библиотеке. Потом мы переехали в Белград¹⁹.

Пережив в Белграде аресты Гестапо и подкупом освободившись из тюрьмы, после Второй мировой войны Лидия Михайловна поселилась у сестры на ее вилле «Камен мали» в очаровательном городке Цавтат близ Дубровника. По иронии судьбы последний, самый старый русский эмигрант дубровницкого региона скончался как «новый беженец». В годы военных бурь 1990-х годов в Югославии, с «Камня малого» (острого скалистого морского мыса) солдаты обстреливали Дубровник. Вилла была превращена в военный пункт. Пожилую женщину друзья эвакуировали в черногорский порт Хер-

19 Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа. Международный альманах. 2011. № 10. С. 132–133.

цег-Нови, а затем – в воеводинский город Апатин, на берега Дуная. Окруженная заботой и вниманием сербской семьи, Лидия Михайловна Ираклиди (1893–1995) там тихо скончалась на 102-м году жизни.

Семья Родзянок на курорте Враньска-Баня, Южная Сербия

Семья последнего председателя Государственной думы Императорской России покинула Крым на трофейном пароходе «Гамбург». Из Греции, через Болгарию, они прибыли в Королевство СХС. Пятилетний внук Володя (в будущем епископ Василий Американской православной церкви) вспоминал:

«Мы уже подъезжали на телегах, которые день и ночь тащили волю по Южной Сербии, к местечку Враньска-Баня. Это был маленький курорт, деревенско-сельский. Нас встретил молодой сербский священник. Он сразу взял меня на руки и проявил невероятную ласку, любовь, заботу, познакомил со своей матушкой. Оба были очень приветливы. Они поняли главное, что мне нужно в тот момент, – это спать. Меня уложили на огромную подушку, я почувствовал себя словно в раю и сразу заснул. Но главное – выражение лица этого человека. Я никогда его не забуду. <...>

Я полюбил сербов. Я почувствовал, что Сербия – родная для меня страна. *Моя Сербия*, как сказал дедушка. Она стала *моей Сербией* тоже. Я понял, что Сербия дала нам, русским беженцам, рай на земле в известном смысле, так как то, что было до этого – и на корабле, и до корабля, было адом на земле»²⁰.

Жители Сремских Карловцев о русских беженцах

В мемуарах и литературных произведениях сербов в Сремских Карловцах встречаются высказывания о русских. Эти описания красочны, часто неверны, иногда ироничны и ограничиваются внешними наблюдениями. Сегодня они нам скорее говорят о местных нравах и культуре того времени. Так, тетюшка Пава и дядюшка Раде вспоминали:

«А эти русские люди действительно всколыхнули наше местечко, только-только пережившее Мировую войну. <...> В один пре-

20 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн 1. С. 343.

красный день в Карловцах оказались части побежденной армии Врангеля. Нам, свидетелям развала австрийских войск, а вслед за ними прибытия сюда их истомившихся сербских преследователей, русские показались случайными пришельцами на маневры, готовыми также внезапно возвратиться домой. Штаб барона Врангеля расположился в старом *Благодеянии* Стратимировича, во дворе которого был установлен столб с императорским российским знаменем. Ежедневно утром и вечером исполнялся торжественный церемониал отдания чести флагу, а казачья музыка ступала нашим местечком, исполняя громкие марши. Сопровождаемый свитой, представительный, барон Врангель ежедневно совершал утреннюю прогулку, верхом на белом коне, пока солдаты его прилежно *эзерцировали* по окрестным холмам. Создавалось впечатление, что триумфальное возвращение войска зависит лишь от этого молчаливого долговязого человека, который, вместе со своими офицерами, не пропускал ни одной воскресной литургии в Соборном храме.

Одновременно с этим воинством появились и священники, монахи. Карловчан особенно тронул пожилой, почти неподвижный митрополит Антоний. Его коляску толкал могучий, бородатый казак, вооруженный кинжалами. Сербское церковное пение вмиг превзошли мощные военные и монашеские хоры, возвращая самым непримиримым скептикам-карловчанам утраченную веру в несокрушимую силу Православия.

Щеголеватые офицеры были расквартированы по лучшим домам, а балы навевали дурман на всё местечко, за одну ночь превратившееся в шумный военный табор. Первые долги господ погашали серебряными табакерками и фамильными драгоценностями. Русские их отдавали с аристократическим легкомыслием, кичливо и с некоторым пренебрежением к недоверчивым мещанам, перед таким богатством неспособными скрыть свое ошеломление и восторг»²¹.

Преподавательница гимназии в Сремских Карловцах, Теодора Петрович, более сдержанная и объективная:

«Здесь русские не общались с местным населением. У них был свой клуб. Собирались они в старом здании *Благодеяния*, некоторые там и жили. Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами, преимущественно русскими, привезенными с родины. Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привести эту уйму

21 *Медаковић Д.* Ефемерис: Хроника једне породице. [Том] 1. Нови Сад, 1998. С. 215–216, 219–222.

книг. Не только книги, но и иконы, самовары, части мебели и множество драгоценностей, от продажи которых большая часть и жила. В те годы в Карловцах были в ходу золотые кольца, браслеты, ожерелья, кулоны, ручные часы. Всё это можно было дешево приобрести.

В среде русских не было трудящихся, а, по-моему, осело и малое число дворян. По совести говоря, помню одну только княгиню Туманову, внешность которой сразу выдавала ее происхождение. Прожила она тут некоторое время, вместе со своей компаньонкой, похожей на нее. Обе одевались роскошно, ходили в больших шляпах и с белыми кружевными зонтиками. Жили в доме покойного профессора Глиши Лазича.

В своем клубе эмигранты создали кружки. Там они *музицировали*, пели, декламировали, ставили спектакли. Среди них были талантливые и разносторонние люди. Выделялся некий полковник Чижов, всегда ходил в штатском. Пока он здесь жил вокруг него протекала и вся культурно-увеселительная жизнь Карловцев. <...> Библиотека Русского клуба и культурная жизнь русских, в особенности хоровая песня, постепенно втянули в их круг некоторых местных жителей, которые, состоя благотворительными членами этого клуба, могли брать на прочтение книги и принимать участие в деятельности любительских кружков. На этой почве так и начались контакты карловчан с русскими, продолжавшиеся пока эмиграция была в сборе и содержала свой клуб, значит – всего несколько первых лет.

С теми же эмигрантами, которые осели здесь надолго, контакты оставались сдержанными. Насколько помню, здешние русские не женились и не выходили замуж. Молодых вроде бы и не было, их можно пересчитать по пальцам. Некоторые приехали с детьми, но те учились в русских школах, вне Карловцев.

Русские царские офицеры, исключая полковника Чижова, ходили в форме, пока она не изнасилась – один так и ходил до конца своей жизни. Пожилые женщины летом предпочитали ходить в белом – у нас это не принято. Большая часть любила выставлять свое дворянское происхождение, но наши им не во всем верили. В особенности тем, кто, кроме русского, другого языка не знал. Были и такие, которые владели французским в совершенстве. Благодаря этим дамам, дававшим частные уроки, много карловацкой молодежи овладело французским языком, за небольшое денежное вознаграждение.

Необходимо подчеркнуть, что наш народ не был хорошего мнения о семейной жизни русских. Мужья им виделись подкаблун-

чниками, а жены лентяйками. Говорили – “те” отлеживаются, читают, командуют, а “эти” готовят обед, совершают покупки, занимаются уборкой»²².

Во время Великой войны русский военнопленный Павел Игнатьевич Семенов (1893, Смоленск – 1963, Бачка-Паланка) был привезен на работы в деревню Гайдобра (Бачка). Попал в семью деревенского врача Пайера, немца. Не пожелав репатрироваться в Советскую Россию, он остался в этой деревне и в 1926 году женился на кухарке врача, Елене Шмидт.

В 1921 году в ту же семью Пайер была направлена группа русских беженцев. Среди них был и офицер Русской армии Сергей Иванович Капкало, уроженец Екатеринослава. В России у него осталась жена, с которой вскоре пришлось прервать переписку, но она ему дала развод и порекомендовала взять в жены Анну, дочь врача Пайера. Так он и поступил. Позднее, вторая дочь врача, Мария Шмидт, вышла замуж за молодого Александра Павловича Семенова. В деревне он получил работу в канцелярии местного управления²³.

Семья Корбе в Петроварадине (пригород Нови-Сада)

Владимир Александрович Корбе (1909, Голта, ныне г. Первомайск, Украина – 2011, Сакраменто, Калифорния), в частном письме и в своих поздних воспоминаниях писал:

«В трагические годы русской революции, когда Украина была оккупирована немецкими и австро-венгерскими войсками, в нашем имении на берегу Южного Буга около города Голта стояла конная батарея. Среди военного персонала был унтер-офицер серб Джаков из Петроварадина. Мои родители делали ему много любезностей, которые он не забыл и, когда первые русские “избеглице” появились в Югославии, он начал нас разыскивать. Найдя нас, он перевез нас из Бока-Которска в Петроварадин. Нашел папе работу в Новом Саду, в страховом обществе “Югославия”, а маме подыскал учеников французского языка. Он нам всячески помогал и платил сторицею за ока-

22 *Петровић Т. Сећања. Нови Сад, 1981. С. 524–543.*

23 *См.: Миловановић С., Петујевић А. Бела Русија: Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2014. С. 150.*

занное ему внимание в России. В то время он был *Вели капетан* – начальник полиции в Новом Саду»²⁴.

Судьба семьи Локтионовых с Дона необычными путями привела их в Королевство СХС. Георгий Алексеевич Локтионов (1920-е гг., Суботица – 2004, Биело-Поле) из черногорского города Биело-Поле рассказал:

«Вихрь Октябрьской революции уничтожил семейное счастье моих предков, виновных лишь в том, что они были состоятельными людьми. Дед Георгий был убит во дворе своего дома на глазах всей семьи. Бабушку Марию Митрофановну, урожд. Власову, посадили в тюрьму. Моего отца Алексея спас Иван Радоичич, сбежавший из австровенгерской армии и сдавшийся русским. Он спрятал Алексея среди сербских добровольцев, а затем и Марии, моей бабушке, помог выйти из тюрьмы, объяснив властям, что она любовь всей его жизни, и что он увезет ее в Югославию.

Эта любовь, родившаяся в годы смерти и убийств, спасла ветвь Локтионовых и сохранила ее в Черногории. Мать моего отца, Мария Митрофановна, продолжила свою совместную жизнь с Иваном Радоичичем в городе Суботица. А мой отец вскоре влюбился в красавицу из Суботицы, Даницу Джуричич. Любовь увенчалась браком»²⁵.

Русский офицер в селе Дунасекереш

Когда мы приехали в Боку Которскую я все порывался удрать с парохода. Наконец, мне удалось устроиться на подходившем ялике, и я очутился на берегу. Здесь меня зарегистрировали в комендатуре и послали в ангары. Была ранняя весна. У меня ничего не было кроме шинели и я спал, завернувшись в нее на цементном полу ангара.

Через некоторое время уполномоченный выдал нам по 50 динар. Я проиграл эту сумму в шашки. Потом нам выдали по 250 динар и отправили в Дунасекереш. Это небольшое село в Баранье, тогда оккупированное сербскими войсками, а теперь отошедшее к Венгрии при возвращении ей так называемого Байского треугольника.

Приехав в село, мы отправились, как нам было сказано, к «бележнику», представляющему в таком месте высшую власть. Он

24 Корбе В.А. Первый переворот в Югославии: конец первого этапа нашей эмиграции // Кадетская переписка. 2006. № 77. С. 183; Письмо В.А. Корбе к А.Б. Арсеньеву от 20.2.1999. – Собрание А. Арсеньева.

25 Русы у Црној Гори... С. 123–124.

распределил нас по крестьянам и каждого из нас в сопровождении «редара», или вернее – «пандура», как говорят сербы, а по нашему – сотского, отправил на место жительства. Что они между собой говорили, то есть «бележник» и сотский, а затем крестьянин, к которому меня привел сотский с последним – я не знаю, ибо языка я не понимал. Знаю только, что хозяйка сразу же отвела меня в погреб и показала, что я должен разбирать картошку.

Был март, хород еще держался, руки у меня зябли, картошка была полугнилая, скользкая, мокрая, леденяще-холодная. Затем хозяйка предложила мне сала, но я отказался. Тогда она предложила мне молока, что я с удовольствием выпил.

Вечером хозяин привел меня в сарай, где стояли сани, наполненные соломой, и знаками объяснил мне, что здесь я буду спать. Измученный душевно и физически, я завернулся насколько мог протнее в шинель, повалился на салому и заснул тяжелым сном.

Утром я проснулся от того, что кто-то тащил меня за ногу. Это оказался мой «хозяин». Было раннее, серое утро. Мы выехали в поле и там он предложил мне пахать. Будучи мальчиком, я часто ездил в поле с моим дедом. Там я из шалости просил учить меня пахать и наши рабочие конечно очень охотно возились со мной и учили меня. И теперь я стал за плуг умея. Но сильно сказывалось мое ранение и к вечеру я почувствовал себя совершенно разбитым. Но ни на следующий день, ни после я этого абсолютно не показывал, делая всю тяжелую работу, которую на меня взваливали. Я чистил лошадей, что даже любил, так как это мне напоминало юнкерские годы, к тому же у моего крестьянина были чудные кони. Помню только, что я отказался чистить коров.

Но так долго не могло быть, мое здоровье было сильно надломлено, и я не мог подниматься с постели, то есть вернее из своих саней с соломой. Было мне очень плохо, я чувствовал, что дальше вытянуть не могу. Помню, что хозяйка, видя что я болен, хотела давать мне горячее молоко, но хозяин сказал, что если я не работаю, то мне не надо и есть. Правда, это меня мало трогало, ибо когда у меня боли в сердце, я есть не могу вообще.

Дня через два, с помощью одного русского, который меня навестил, я отправился к бележнику, надевши все свои боевые отличия. Что я ему говорил – не помню. Знаю, что мне было всё равно, жить так я всё равно не мог. Результат был тот, что опять со мной пришел «стражар» и что-то говорил хозяину. Правда, в дом меня не переве-

ли, я остался на старом месте. С тех пор никто меня не трогал и никакой работы я не делал.

Вся наша партия, 16 человек, начала тогда собираться у одного нашего члена партии, который случайно устроился по человечески. Его «хозяин» был в России, понял, что он офицер, вообще вошел в его положение и старался облегчить ему его участь как мог. Он дал ему комнату, кормил и поил его и всех его гостей. К нему мы все и ходили.

Сговорившись, мы решили отправиться к бележнику и требовать, чтобы он нас лучше устроил. После долгих переговоров он дал нам две комнаты в центре села, где мы все и поселились. Мы получили кровати, матрацы, но и только. Есть нам было нечего. Мы ждали ссуды, она всё не приходила, и мы буквально голодали. Бележник достал нам откуда-то мешок фасоли, и мы ели ее без всякой приправы²⁶.

*Воспоминания детства Марии Михайловны Чаплинской,
урожд. Волковой (1913, Елисаветград – 1997, Савиняк,
полуостров Истрия, Хорватия)*

Весной 1920 года мы на большом пароходе «Владимир» двинулись дальше. Целый месяц провели в карантине в открытом море вблизи залива Бока-Которская. Затем отплыли далее и выгрузились в порту Кральевица. Устроились в местечках Бакар и Бакарац. Стояла весна. Цвели фиалки. Мы расположились в тесных комнатах. В лесу собирали грибы, было их там много. Я играла с детьми наших хозяев. Наступило лето. На пляже появились гости. Отец в ресторане играл на виолончели, а мои старшие братья разносили мороженое, которые готовили сами. Они стали официантами. Севе было 10 лет, Юре – 11, а мне – 6. Каждый день мы купались в море.

Поздней осенью мы все на поезде отправились в Загреб. Поселились на окраине, в западной части города. Пришла зима. В комнате печки не было. Мама готовила на примусе. Помимо кроватей, стола и двух стульев, в комнате никакой другой мебели. Туалет был во дворе. Папа примкнул к военному оркестру. На второй год Рождества у нас уже была елка и подарки. В комнате и далее царил холод. Мы мерзли. <...>

26 Запись княжны Екатерины Сергеевны Эристойой, г. Суботица, нач. 1920-х гг. (Рукопись) – Собрание А. Арсеньева.

Весной отец от Армии получил квартиру в северо-западном районе города. Реквизированную квартиру. В ней там еще жила вдова австрийского офицера, Йозефина Сигисмунд. Когда мы туда въехали, она уже не могла ходить и лежала на заколоченных ящиках – это была ее кровать. Вокруг нее было еще много таких. Она уезжала в Австрию. Нам досталась одна комната и кухня. Наконец, мы стали прилично питаться: на кухне была печка. Можно было справить Пасху. Мы побывали на Заутрене, были у нас кулич, сырная пасха, крашеные яйца.

Жили мы на холме, был свой садик. Нашими хозяевами оказались мясники Мокрович. Старый хозяин уже не работал, лишь его сыновья. У хозяина были и две дочери. Ёлка весь день ела сладкие печенья, а Анка весь день готовила. Держали они коней и коров.

В Загребе открылась Русская гимназия и меня отдали туда. <...>

Австрийка вскоре скончалась. Просто уснула на ящиках. Ее имущество забрал город. Таким образом, нам досталась вторая комната. Но после смерти Йозефины хозяева старались нас выдворить из квартиры. Их сын нам делал ужасные вещи: запирал общий туалет, вилами проколол нашу собаку. Один раз, когда мы все были в городе, он пробил стену нашей квартиры. Стену им пришлось починить и отпереть туалет, но всё-таки стало очень тревожно²⁷.

Владимир Алексеевич Мошин в Копривнице (Хорватия)

Историк, славист, византист, археограф, протоиерей, академик Македонской Академии наук, Владимир Алексеевич Мошин (1894, Санкт-Петербург – 1987, Скопье) прожил большую жизнь. Из 92 лет, отпущенных ему судьбой, 65 лет он прожил в Югославии.

Как бывший студент Петроградского, Тифлисского и Киевского университетов, в августе 1920 года он вступил в Добровольческую армию, затем воевал в составе Вооруженных сил Юга России. После взятия красными Перекопа, вместе с женой, Ольгой Яковлевной (исполнявшей обязанности полкового врача), был эвакуирован из Крыма на угольщике «Аскольд». В декабре 1920 года семья высадилась с парохода «Владимир» в порту Бакар и была направлена по железной дороге в городок Копривница, в Хорватии, на границе с Венгрией. В 1921 году Владимир Алексеевич в Белграде сдал выпуск-

27 Čaplinski M. Moj život // Književna smotra (Zagreb). 2001. № 119 (1). S. 89.

ные экзамены за университетский курс на историческом отделении историко-филологического факультета, перед Белградской комиссией Общества русских ученых. Оставшись в Копривнице, супруги получили преподавательскую работу в местной гимназии. В своих «Воспоминаниях», написанных в конце жизни, В.А. Мошин отметил:

«Благодаря гостеприимному отношению всего местного общества, оказавшего приют как русским семьям, так и беженцам-одиночкам, очень быстро все мы живо вошли в местную среду, где культурное хорватское общество, семьи тамошних сербов и богатые еврейские дома соперничали между собой в размерах внимания к нам и посильной помощи особо нуждающимся беженцам. <...>

В коллективе гимназии царил дух славянофильства, отражая общее настроение хорватской интеллигенции. В служебной обстановке преподаватели жили дружно, не перенося в школу настроения улиц, в связи с политической борьбой хорватской националистической партии»²⁸.

Переезды семьи Волковых по Королевству СХС

Во время Великой войны Григорий Васильевич Волков (1891, Киев – 1942, Югославия) был произведен в прапорщики, участвовал в разведывательных полетах на аэропланах – «этажерках», на Северном фронте. Жена его и трое детей в то время жили в Гельсингфорсе. После большевистского переворота 1917 года и получения Финляндией независимости, Волковы двинулись на юг. Им удалось добраться до Новороссийска, откуда они были эвакуированы в Константинополь.

После длительных скитаний они оказались на небольшом хорватском острове Шолта в Адриатическом море. Там Григорию Васильевичу удалось собрать из местных жителей духовой оркестр, концертами которого какое-то время кормилась семья. Позднее, в монастыре Раковица он работал в каменоломне. Затем последовал переезд в Македонию. Глава семейства, уже с пятью детьми, зарабатывал преподаванием музыки в гимназиях. В августе 1926 года он был рукоположен в иереи. Свой первый приход получил в Башином-селе в Македонии. Тут молодому русскому иерею пришлось срочно спасти здание храма, которое могло рухнуть под тяжестью покрытой

28 Мошин В., протоиерей. Воспоминания. Осташков, 2012. С. 77, 83.

каменными плитами крыше. Отца Григория определяли в разные деревенские сербские приходы, отчего семья редко надолго задерживалась в одном месте.

В 1941 году война пришла в Югославию. А в следующем году семью Волковых постигла беда: бесследно исчез в селе глава семьи, отец Григорий. Сын Анатолий был арестован в Белграде, и в 1944 году пропал без вести.

Вдова и четверо детей после войны обосновались в Венесуэле и США²⁹.

Есауловская Донская казачья станица в селе Томашевац

Две донские казачьи станицы в воеводинской области Банат были единственными в мире. Своё название они получили не по местам, в которых обосновались на чужбине, а сохранили изначальное – Есауловская и Верхне-Курмоярская, Второго Донского округа, соседствующие и в Банате – в селах Томашевац и Сакуле (общей численностью до сотни казаков). Из своих станиц казаки двинулись в поход во главе со станичными атаманами, правлением, казной, административными книгами и печатью.

«Есауловская имела бурную историю и была одной из самых многочисленных на Дону. Из нее Пугачев высватал себе жену – Софью Недюжину. Перед Мировой войной станица имела 37 поселений с общим населением свыше 30-ти тыс. душ. Большинство станичников погибло в войну и революцию. Под натиском большевиков 29 декабря 1919 г. казаки покинули родное пепелище. По пушистому глубокому снегу, непрерывной цепью, длиною в восемь верст, растянулся транспорт отступающих станичников. Арбы, телеги, сани, запряженные лошадьми и волами, по бокам верховые; многие шли пешком с сумами за плечами. Печальны, угрюмы были лица отступающих; понурились головы, по колена в снегу, шли Есауловцы в изгнание, по временам оборачиваясь на свою родную станицу, крестясь и посылая ей молчаливый прощальный привет. С колокольни храма Св. Архистратига Михаила печально гудел редким перезвоном станичный колокол. На выезде из станицы стоял глубокий старик, с длинной до пояса белой бородой, участник еще Кавказской войны, спод-

29 См.: Волков П.Г. История моей жизни. (Рукопись). – Собрание М.Л. Ордовского-Танаевского, Санкт-Петербург.

вижник Бакланова. Когда проходили мимо него последние, снял он шапку, перекрестился – и покатались слезы по длинной бороде, замерзая на концах ледяными сосульками...

В эту ночь отступающие переходили Дон по льду, перебираясь на левый берег. Началась беженская Голгофа. Сначала Сальские степи, уже опустевшие, потом неприветливые Ставропольские села, кубанские хутора и станицы, высокие горы Кавказа, голодное Черноморское побережье. Часть казаков села на пароходы и в сопровождении посланных атаманом помощников переехала в Крым, а остальные продолжили свой крестный путь на Туапсе, Сочи, Адлер, Гагры, Сухум, Поты, Батум. Побывали и в Трапезунде, откуда удалось основной массе станичников, во главе с атаманом, переправиться на Крым.

А там снова переезды – Босфор и, наконец, братская Сербия. С 10 января 1921 г. Есауловцы поселились в селе Томашевац – вместе со станичным атаманом Василием Архиповичем Алферовым и полным составом Правления. С местным населением свыклись, породнились. Почувствовали себя тепло – благо, и доктор в селе был русским, и в сельском правлении чиновник оказался уроженцем Ростова-на-Дону, и учитель сербской школы – свой же, донской казак».

Так в 30-е гг. об Есауловской станице писал парижский журнал «Иллюстрированная Россия», публикуя и фрагменты переписки, которая в первые годы эмиграции велась между атаманом в Томашеваце и Канцелярией колхоза на Дону.

Приводим пример обмена официальными бумагами начала 20-х гг.:

На бланке «В.В.Д. [Всевеликое Войско Донское] Есауловский Станичный Атаман Второго Донского округа, село Томашевац, Банат, Сербия» атаман В.А. Алферов, сообщением за № 99, пишет «Станисполкому Стеньки-Разинской станицы 2-го Донского округа, Царицынской губернии»:

«Урядник хутора Сизова вверенной мне станицы Федор Анисимович Донсков, переписи 1894 года, 20 декабря в 9 час. вечера от рака желудка умер и 22 того же декабря похоронен на городском кладбище в г. Панчево, Банат, Сербия. На могиле покойного поставлен крест. Оставшееся после его смерти имущество продано с аукционного торга на сумму 190 динар, из них 98 динар 50 п. израсходовано на поминавание покойного, а остальные пока хранятся при Станичном Правлении и при первой возможности будут пересланы наследникам. О вышеизложенном прошу объявить жене и детям по-

койного. Станичный Атаман Подъесаул Алферов. И.д. Писаря Киреев». Печать Ст. Правления с изображением оленя, пронзенного на быстром бегу стрелой.

Ответ пришел приблизительно через месяц. Отвечают тоже на бланке: «Р.С.Ф.С.Р. Ст. Разинский Станисполком. 2. Дон. Окр. Цариц. губ. Делопроизв. Административное № 690 на № 99»:

«Есауловскому Станичному Атаману. Сербия. – Стенько-Разинский Станичный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, 2. Донского округа, сообщает, что таковым не приняты никакие меры по Вашему отношению, т.к. 22-х тысячное население района станицы (не считая лево-задонские хутора, как отошедшие в Потемкинскую станицу) в 12-й раз переизбранием своим членов Исполнительного Комитета доверило управлять станицей последним, но не Станичному Атаману (как это Вы воображаете), которое не сочли нужным снять с учета того умершего урядника, который числится у Вас по списку Станичного Правления, т.к. нами урядникам учет не ведется, а ведется только тем славным стойким бойцам Рабоче-Крестьянской Армии. Кроме того, при всем желании Исполнительный Комитет в лице 5 человек не мог найти в карте Европы, в частности Сербии, хутора Сизова, вверенного Вам, а значит таковой в Союзе Советских Социалистических Республик – Царицынской губернии. Вместе с тем тов. Алферов (не питайте обиду, что не называем по Вашему чину г. Подъесаул), давно бы уже Вам нужно явиться с повинной головой к Рабоче-Крестьянскому Правительству и взяться за восстановление хозяйства научным способом, так как Вы уже прошли большую часть земного шара, т.е. От Востока и до Запада, Сибирь – Сербия, а нам такие люди дороги, и не строить такие ненужные вещи в Вашем отношении. Председатель Ст. Разинского Станичного Исп. Комитета П. Беляев, Секретарь Н. Акользин, Делопроизводитель А. Загудаев».

В.А. Алферов, тем же официальным порядком, указав, что полномочий своих никому не сдавал, уведомил Станисполком: «Сношение Ваше за № 670 мною получено, за приглашение благодарю, но явиться к рабоче-крестьянскому правительству не желаю»³⁰.

Нам удалось проследить дальнейшую судьбу этой станицы. В 1956 году на седьмом десятке своих лет атаман В.А. Алферов писал казачке Нестеровой в Швецию:

30 Н.М. [Николай Мельников]. Станичники на чужбине // Иллюстрированная Россия. 1932. № 41 (387). С. 18-19.

«Многоуважаемая Мария Александровна!

Уведомляем Вас, что письмо Ваше, писанное 11-го апреля, мы получили 16 апреля... Мы живем по-старому в том же селе Томашевац. Старший сын Георгий там же у нас в селе, служит в сельском правлении бухгалтером, а жена его сербка-учительница. Живут от нас отдельно, детей не имеют. Второй сын Александр, инженер-архитектор, находится в Южной Америке, в Аргентине. При нем жена-русская и сын 10-ти лет. Сергей окончил Белградский университет и сейчас служит ветеринарным врачом при трех деревнях недалеко от Бечкерека – Лазарево, Эчка и Деспотовац (бывшее Эрнестиново); еще не женат. Четвертый сын Алексей находится при мне, также не женат. При мне и две дочки – Вера и Надежда. Занимаются шитьем женской одежды, как модистки, еще не выданы замуж.

Мы с женой уже в приклонном возрасте и по старости лет к труду мало способны, но по-малу работаем, имеем свой домик.

Все наши русские из Томашеваца расплылись. Остался я один с семьей, да еще один Кубанец в Уздине. Кроме Симона-хромого, кажется, никого там нет. Степан Григорьевич и Мария живут в Сакуле, но давно я их не видел. Илья Филиппович Темарев из Орловата года три как умер, а Феня, его жена, купила дом и живет одна. Было, выдалась замуж за одного старика и разошлась.

С Дона писем никаких не получаем. Кто знал нас – одни состарились, другие поумирали, а молодежь не знает нас. Да и много изменилось там, в особенности в наших краях. Образовалось Цымлянское море, от станиц Котельниково до Нижне-Чирской. Все хутора: Чапурный, Березки, Балабанский, наша станица – все затоплены, остались только на горе Ремесленная и Острог. Образовалось море из-за того, что в Цымлянской станице построили гидроцентральный Дамб. Дон загородили и уровень воды поднялся на 25 метров.

Передавайте наш привет дочке Вашей, кажется Таней звать, и зятю. Думаю, он службу тогда имел в Гардиновце. Итак, бывайте здоровы, В. Алферов»³¹.

Атаман Есауловской скончался в 1961 году.

Современный историк Дона опубликовал историю прославленной Есауловской и в ней упоминает, что в 1924 году из-за малого числа казаков станица стала хутором им. Степана Разина, получившим название по известному казаку из ближайшей станицы. Автор

31 Письмо В.А. Алферова к М.А. Нестеровой от 23 апреля 1956 г. (Рукопись). – Собрание А. Арсеньева.

не указывает настоящую причину переименования станицы – стереть с земли и забыть непокорную в гражданскую войну Есауловскую.

Жизнь молодого русского врача в Южной Сербии

Николай Валерианович Боротинский (1898, Санкт-Петербург – 1940, Ниш, Сербия), участник «Брусиловского прорыва», 1-го Кубанского («Ледяного») похода, воевавший на бронепоезде «Офицер», через Галлиполи попал в Королевство СХС. Шесть лет проучился в Загребском университете и в 1928 году получил диплом врача. Для приобретения врачебной практики Николай Валерианович с женой Ниной Алексеевной, урожд. Хмельовой, был направлен в Скопье, в санаторий «Вардар». Там родилась их дочь Вера и семья приняла югославское подданство. Свое первое место врача Н.В. Боротинский получил в живописном сербском городке Баина-Башта на реке Дрина. Там родилась вторая дочь Мария. Вскоре, по распоряжению Министерства здравоохранения, отец семейства был назначен уездным врачом в глухую провинцию, в село Клисурса Босилеградского уезда, у самой границы Сербии с Болгарией.

Жизнь и работа Боротинских были сопряжены с большой опасностью, так как тогда в пограничных районах орудовали болгарские националисты, *комиты*. Не случайно власти Белграда в отсталые и опасные регионы страны направляли русских выпускников югославских высших учебных заведений.

Вот, какой случай из детства запомнила его дочь Вера:

«Мы ужинаем дома при свете керосиновой лампы. Со двора кто-то окликает врача и сообщает, что группа комитов перешла границу и направляется в деревню. Сразу же задули лампу. Отец, бывший офицер, вынимает пистолет, сажает маму у камина, а в сам камин прячет нас, дочерей. Мать следит, чтобы мы сидели смирно. Папа становится у дверей и наблюдает за лестницей, примыкающей к внешней стене. Если кто попытается по ней бежать вверх, раздастся выстрел. Казалось, что это напряженное ожидание длится целую вечность. Наконец, внизу раздается голос, что группа отступила. Конец осадного положения. Подобное происходило вплоть до 1934 года, до убийства короля Александра I. С тех пор комиты прекратили свои набеги»³².

32 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн. 2. С. 419.

Понимая, что дочкам нужно получить среднее образование, Николай Валерианович, уже больной, в апреле 1940 года взял неоплачиваемый отпуск и переехал с семьей в город Ниш. В августе того же года он скончался. Через год вдова с детьми перебралась в Белград, где обе дочери поступили в Русско-сербскую женскую гимназию.

Alexey Arsenyev,
independent researcher

**The arrival of the Russian refugees-émigrés
in the Kingdom of SCS: testimonies**

Abstract: The article publishes the testimonies which were kept in memory by the people who went through the exodus from the homeland. The author has selected the episodes of the evacuation, reception and deployment of the individuals and families in the different regions of the Kingdom of SCS in order to show how the Russian have fitted in the new environment.

Key words: The Russian refugees, émigrés, the Kingdom of SCS.

КУЗЬМИЧЕВА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА

Кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории южных и западных славян
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
kuzmicheva3@yandex.ru

Деятельность Королевского Двора Югославии по организации помощи русским эмигрантам

Аннотация: Помощь тысячам русским беженцев, прибывших в Королевство СХС после Гражданской войны, оказывали государственные организации, специально созданные по распоряжению короля Александра и правительства. Но наряду с ними Королевским Двором, членами правящей династии Карагеоргиевичей оказывалась личная адресная помощь русским эмигрантам, обращающимся к ним за помощью. Документы, свидетельствующие о масштабах этой помощи, хранятся в Архиве Югославии в фонде «Двор Королевства Югославии 1918-1948». Король Александр из своего гражданского листа выделял нуждающимся русским беженцам как разовую помощь, так и назначал им стипендии. Его сестра княгиня Елена Петровна Романова из личного апанажа выделяла значительные суммы на помощь соотечественникам своего покойного мужа. Особая роль в деле распределения этой помощи принадлежит ее помощнику и управляющему С.Н. Смирнову. Русский инженер, архитектор, нумизмат, разделивший с Еленой Петровной тюремное заключение в Советской России, он делал все возможное для помощи русским беженцам, в том числе и подыскивая им работу по заданию короля и Двора. Русские художники, архитекторы и ученые получили работу от Дворцового ведомства по постройке и оформлению храма в Опленце и в Археологической комиссии. Множество русских учебных заведений, культурных, научных и спортивных организаций, сиротских приютов находились под высоким покровительством членов правящего Дома Карагеоргиевичей. Поддерживались Двором и программы патриотического воспитания российской молодежи в изгнании, в том числе и сокольского движения.

Ключевые слова: Королевство Югославия, Династия Карагеоргиевичей, король Александр Карагеоргиевич, княгиня Елена Петровна Романова, С.Н. Смирнов, русские эмигранты, организации русских беженцев в Югославии.

*«Сироты, некому за нас вступиться: ебо над нами, вода под нами – только и всего. Правда, не все заграничные такие. Сербушки вон пенсию нашим калекам положили, ихний царь так и указал: “Всех под крыло соберу, угрею”».**

Иван Сергеевич Шмелев, вложивший эти слова в уста московской нянюшки, разделившей вместе со своей воспитанницей все тяготы послереволюционной эмиграции, не понаслышке знал о той помощи, которую получили русские изгнанники в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Отозвавшись на гибель короля Александра Карагеоргиевича в 1934 г. статьей «Ты победил, Галилеянин», Шмелев высоко оценил деятельность короля, утолившего по его словам «чутко и благородно» «страдание наше русское», подчеркнув, что «...он – наш, духовно. Сербией порожденный, воспитанный ее духом героизма и верности, он вдохновлен был великой русской культурой, человеколюбивой, широкой и глубокой, благостной и благоговейной, верной великому завету: «Свет Христов просвещает всех». Шмелев назвал Александра Карагеоргиевича Королем-рыцарем и посвятил ему свой роман «Богомолье»¹. Дань уважения и признательности писатель отдал 17 октября 1928 г. Александру Карагеоргиевичу в статье «Событие» в эмигрантской газете «Возрождение», посвященной работе Первого зарубежного съезда русских писателей и журналистов проходившем в Белграде с 25 сентября по 1 октября под личным покровительством короля Александра Карагеоргиевича. Около 600 делегатов съезда представляли русских писателей за рубежом и решали насущные проблемы издательского дела и авторского права. В работе съезда участвовали выдающиеся русские писатели, в числе которых был и А.И. Куприн. Его дочь вспоминала: «Писатели были приглашены во дворец на чашку чая к сербскому королю [...] Один из участников написал, что “как никак ведь это единственный король в Европе, который просто, по-человечески заинтересовался нашей судьбой, захотел с нами познакомиться, поговорить, посмотреть на нас поближе, позвать к себе чай пить. До этих пор иностранцы - большие и маленькие говорили с нами толь-

* Шмелев И.С. Няня из Москвы // Шмелев И.С. Неупиваемая чаша. Романы. Повести. Статьи. М., 1996. С. 322.

1 См. подробнее: Сорокина О. Н. Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994. С. 192-196.

ко о визах, о нансеновских паспортах, о праве на жительство и о более или менее срочном выселении из пределов...” [...] Вернувшись Александр Иванович написал серию очерков о Белграде и сербском народе. Сербы продолжали оказывать материальную помощь писателям, а король Александр присылал коробки папирос Александру Ивановичу, похвалившему его любимый табак»². Это не единственное свидетельство личного участия короля Александра и его семьи в деле помощи русским изгнанникам.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграли в обустройстве русских эмигрантов в Югославии король Александр и вся королевская семья Карагеоргиевичей. Объяснялось это во многом тем, что Россия, ее история, культура, судьба были близки представителям этой семьи.

Король Александр Карагеоргиевич, как известно, учился в Пажеском корпусе в Петербурге, часто гостил у своих тетушек, сестер матери великих княгинь Милицы и Станы Романовых. Его двоюродный брат Павел, ставший в 1934 г. после убийства короля принцем-регентом при малолетнем Петре II до 1903 г. был русским подданным, также как и его отец, князь Арсен Карагеоргиевич. Матерью Павла Карагеоргиевича была Аврора Демидова из славного рода российских промышленников. Жёны короля Александра и принца-регента Павла - королева Мария и княгиня Ольга были по материнской линии потомками династии Романовых. Единственная сестра короля Александра Елена была замужем за князем императорской крови Иоанном Константиновичем Романовым, разделила с ним ссылку в Алапаевск, а после его мученической кончины отсидела несколько месяцев в тюрьмах ВЧК Перми и Москвы³. Вернувшись после ссылки и тюремного заключения в начале 1919 г. в Сербию, великая княгиня Елена Петровна Романова стала активно помогать соотечественникам своего мужа, нашедшим приют в Королевстве СХС.

Связанные с Россией родственными узами Карагеоргиевичи горячо откликнулись на беды и нужды русских эмигрантов. Поэтому неудивительно, что наряду с созданной в июне 1920 г. Государственной комиссией по приему и устройству беженцев, шла еще и активная работа собственно Двора, Дворцовой канцелярии, лично членов королевской семьи по оказанию помощи русским эмигрантам.

2 Куприна К.А. Куприн - мой отец, М., 1971. С. 163-164.

3 См. подробнее: Кузьмичева Л. Карађорђевићи и крај династије Романов // Србија и руска револуција 1917. Нове теме и изазови. Београд, 2017. С. 143-166.

В Архиве Югославии (Белград) в фондах Королевского Двора и личных фондах членов королевской семьи хранятся документы, характеризующие эту деятельность и, прежде всего, адресность оказываемой помощи. Обширный фонд № 74 (Двор Королевства Югославии 1918-1948)⁴ содержит документы, свидетельствующие о различных формах помощи русским эмигрантам со стороны Королевского Двора.

Так дела №№ 490-491 содержат сотни расписок от русских беженцев в получении единовременной или постоянной помощи со стороны Двора. Здесь же хранятся и документы о гонорарах, полученных русскими учеными входящими в состав Археологической комиссии, финансируемой Двором, а также гонорары русским художникам - Колесникову, Кузнецову, Краснову и др. Эти дела входят в большой раздел фонда под названием «Касса Короля. 1918-1941» и содержат документы о выплатах русским беженцам из средств личного гражданского листа короля Александра. То есть это была не государственная помощь Королевства, которую инициировал во многом сам югославский король, а дополнительная помощь из его личных средств. Помощь эта была как разовой, в ответ на конкретную просьбу, так и в форме назначения стипендий и пенсий из личного фонда короля.

Так, например, в ответ на обращение с просьбой о помощи вдовы летчика полковника Александра Александровича Кованько, преподавателя летной школы в Нови-Саде, погибшего при испытательном полете в 1926 г., король в феврале 1930 г. предоставил ее сыну Георгию стипендию сроком на два года для обучения в кадетском корпусе⁵.

В этом разделе хранятся сотни писем русских эмигрантов с обращением к королю, причем из самых разных стран - Греции, Китая, Финляндии, Франции, Чехословакии. Это прошения военных, благотворительных, культурных, научных и других организаций русских эмигрантов к королю и затем к принцу-регенту. А таких организаций, как свидетельствует известный исследователь русской эмиграции А.Б. Арсеньев, в Югославии было сотни⁶. Русские беженцы обращались непосредственно к королю не только за денежной

4 Архив Југославије. Ф.74. Двор Краљевине Југославије 1918-1948.

5 Архив Југославије. Ф.74. Д.203. Л.90-91.

6 Арсеньев А.Б. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 49-55.

помощью, но и с просьбами защитить их от произвола югославских властей. Удивительно то, что часть из них сообщает, что они уволены с работы, либо даже помещены в тюрьму за коммунистические взгляды. И документы свидетельствуют, что король помогает и этим «коммунистам».

Почти все просители получают единовременную помощь или ежемесячную выплату или работу. Так, Королевский Двор поручил в сентябре 1929 г. «дивизионному генералу русской армии Андрею Шкуро» вести в Белграде земляные работы для защиты от паводков⁷. В этой работе участвовали многие русские казаки, получившие таким образом средства к существованию.

Помощь русским офицерам можно увидеть и в деле 438 «Адъютантская служба короля 1919-1941» в подразделе «Внутренняя политическая жизнь». В документах за февраль 1925 г. содержится список кандидатов на персональную помощь короля Александра русским военным беженцам, представленный следующим образом: «Кандидаты в крестники Александра: Полковник Неелов Николай Леонидович. Военный инвалид 2-й категории. 29 лет. Кавалер ордена Св. Георгия 4 степени. Кадровый офицер Лейб-гвардии Волынского полка. Тяжело ранен в бедро разрывной пулей на Германском фронте. Страдает серьезной грудной болезнью. Ходит при помощи протеза. Холост. Войсковой старшина Донского войска Симонов Иван Иванович. Военный инвалид 1 категории. 31 года. Во время первого наступления русских войск на р. Стоход получил тяжелую контузию в голову последствием чего были две операции, во время которых была удалена значительная часть черепной кости. Имеет жену 28 лет и сына 5 лет. Жена опасно больна, и в настоящее время находится в хирургическом отделении Панчевского госпиталя». На документе резолюция управляющего Двором, что с 1 марта ежемесячно выдавать каждому из Королевской кассы по 600 динаров лично или через Штрандмана.

Особое место в благотворительности Королевского Двора занимает помощь Русской церкви за рубежом в Харбине, на Афоне, в Польше, Милане, Женеве, Брюсселе⁸. За королевский счет организуются также и похороны многих русских эмигрантов в Югославии⁹.

7 Архив Југославије. Ф.74. Д. 276. Л.423.

8 Архив Југославије. Ф.74. Д.203. ЛЛ. 435- 513.

9 Там же. Л. 514.

Много внимания королевская семья уделяет русским детям и молодежи, и задачам воспитания их в любви к оставленной родине. Король Александр покровительствует русским учебным заведениям, во множестве открывавшимся на территории Югославии. Эта тема становится важной и в его переписке с представителями Дома Романовых, оказавшимися в изгнании. Король излагает свое мнение об обучении в русских кадетских училищах в письме к великому князю Николаю Николаевичу от 5 февраля 1928 г.¹⁰ Кстати, русский кадетский корпус в Париже также находится под покровительством короля Александра. Получает поддержку короля и русское сокольское движение. В фонде хранится отчет за 1932 г. «бывшего генерала русской армии» В.А. Артамонова о работе «Краевого союза русского сокольства в Югославии»¹¹. Из фонда короля Александра союзу выделено 12.000 динар. После гибели в 1934 г. короля Александра эстафета переходит к его сыну малолетнему королю Петру II. Так, в августе 1938 г. русское отделение сокольского общества Биоград собрало девочек «сокольского подмладака» из бедных семей и вывезло их для укрепления здоровья в лагерь в Сремских Карловцах. Председатель лагеря Людмила Артамонова обратилась за помощью к молодому королю, который послал «соколицам» 1500 динаров¹².

Вопрос о будущей судьбе России многие эмигранты тесно связывали с воспитанием молодого поколения русских эмигрантов. Так, «генерал от кавалерии» П.Н. Краснов предлагает подготовить русскую молодежь к дальнейшему делу освобождения России от большевиков в своей обширной записке на имя короля от 12(25) июля 1930 г.: «О необходимости создания за рубежом Русской армии, которая должна явиться в Россию тогда, когда там внутри русская борьба достигнет известного напряжения».¹³ Он пишет: «Ваше королевское величество дайте возможность русской молодежи отбывать воинскую повинность и учиться любви к родине и военному делу в рядах доблестной Вашей королевской армии. Устройте среди дивизий Сербской Армии – Русский корпус, подобный Иностранному легиону во Франции, Русской батарее Северо-Американских штатов, Русской роте международной шанхайской полиции и когда-то бывшему в Императорской России – Греческому легиону». Проектов таких немало в материалах фон-

10 Архив Југославије. Ф.74.Д.21. Л.22.

11 Архив Југославије. Ф.74. Д.20. Л.174.

12 Архив Југославије. Ф.74. Д.20. Л.274.

13 Архив Југославије. Д.21. ЛЛ.47-60.

да: королю присылают письма с рецептами спасения от коммунизма, большие аналитические записки, объясняющие, почему пала Россия. Свои услуги предлагает генерал Данилов, строить новые пути сообщения готов Мамонтов, разработанное им новое оружие представляет Тельников, новый двигатель для самолетов Плешков. Были среди них и письма авантюристов или просто нездоровых людей. Так, Николай Трегубов из Ниша сообщает, что, непрестанно работая шесть лет в полной нищете и голоде по производству игрушек, которые продаются очень плохо, он написал секретный труд о том, как легко и почти даром можно уничтожить Третий Интернационал и просит прислать к нему верного человека, например историка А. Погодина¹⁴.

Каждое из таких предложений внимательно изучается и отдается для оценки специалистам. Делопроизводственные записки на всех записках и прошениях свидетельствуют об отлично налаженном деле учета всех русских прошений. На обороте имеются, заверенные подписями и печатями чиновников Двора, сведения о решении вопроса, содержащегося в прошении.

Отдельное место занимает в деле помощи русским изгнанникам меценатство членов Королевского Дома Карагеоргиевичей. Королевская семья способствовала проведению выставок произведений русских художников в Белграде. Многие из представленных картин покупались королем и членами его семьи, среди них полотна С.Ф. Колесникова и Н.Д. Кузнецова и других художников, работавших в Югославии, а также работы русских мастеров, живущих в других странах. Так король купил картины З.Серебряковой, И. Билибина, С.Чехонина, А. Яковлева, а также великой княгини Ольги Александровны, сестры последнего русского царя¹⁵.

Королевский Двор напрямую оказывал действенную помощь русским беженцам, принимая их к себе на работу. Так при Дворе служили русские беженцы: лакеи Владимир Головин, Владимир Алексеев, Назарий Карасоль, кучер Иван Сердюков, садовник Андрей Пастухов, конюший Василий Кондратов. Последний был отпущен со службы 8 марта 1925 в связи с отъездом на родину¹⁶. Особое место

14 Архив Југославије. Д.21. Л.43

15 См. *Аникеев А.С.* Художники русской эмиграции в Королевстве Югославия в 20-30-е годы XX века // 100-летие русской эмиграции в Сербии: итоги и судьбы: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2019. С. 59-71.

16 Архив Југославије. Ф.74. Д. 271. Л. 434.

при Дворе занимал Русский хор Дворцовой церкви, во главе с Михаилом Белицким¹⁷.

Важное место в организации помощи русским эмигрантам со стороны Королевского Двора занимает деятельность Сергея Николаевича Смирнова¹⁸. Он оставил существенный след в культурной и научной жизни двух стран – России и Сербии. Талантливый инженер, архитектор, нумизмат, библиофил и археограф, историк искусства и активный общественный деятель он был одновременно и придворным высокого ранга. В Югославии, где С.Н. Смирнов находился вместе с семьей с 1919 по 1944 г., он занимал пост управляющего Двором в изгнании Елены Петровны Романовой, дочери короля Петра Карагеоргиевича. Пребывание в Королевстве СХС, стало важным этапом в жизни Сергея Николаевича Смирнова. Здесь прошли его наиболее плодотворные 27 лет жизни с 40 до 67 лет, здесь выросли его дети, здесь его знали как исполнительного, квалифицированного, инициативного придворного архитектора и директора королевской библиотеки.

Сергей Николаевич Смирнов, удостоенный в России придворного звания камер-юнкера и высокого чина статского советника, родился 4 (16) марта 1877 г. в Санкт-Петербурге, а умер 28 июня 1958 г. в Монтевидео, (Уругвай). Его отец военный инженер и архитектор участвовал в строительстве и реконструкции многих зданий и сооружений Москвы и Санкт-Петербурга. С.Н. Смирнов продолжил дело отца и после окончания Первого кадетского корпуса в Санкт-Петербурге в 1893 г. поступил в Институт инженеров путей сообщения. Как инженер и архитектор он участвовал в строительстве Троицкого моста в Санкт-Петербурге, храма Спаса-на Водах в Петербурге¹⁹, моста Александра III в Париже, и многих других сооружений.

17 См. о Дворцовом хоре: *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М., 2006. Ч. I. С. 212-213.

18 См. *Кузьмичева Л.* Активность Сергеја Николајевића Смирнова при Краљевском Двору Југославије (1918-1941) // Руски некропол у Београду. Знамење историјског пријатељства. Београд, 2014. С. 122-140; *Кузьмичева Л.В.* Воспоминания С.Н. Смирнова как источник по истории сербо-русских отношений в годы Первой мировой войны и Гражданской войны // Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений. М., 2017. С. 253-274.

19 Сергей Николаевич Смирнов написал книгу о строительстве этого храма: Храм-памятник морякам, погибшим в войну с Японией в 1904-1905 гг. Издание Высочайше утвержденного комитета по сооружению Храма / Сост. С.Н. Смирнов. Петроград, 1915.

Революционные события в России тяжело сказались на судьбе С.Н. Смирнова и его семьи. Ему пришлось пережить месяцы заключения в тюрьмах Перми и Москвы, угрозу расстрела²⁰. Но после всех испытаний ему удалось вместе семьей перебраться в 1919 г. в Королевство Сербов, хорватов и словенцев, где он находился до 1945 г. Затем он был вынужден бежать от новых коммунистических властей в Уругвай, где и умер в результате несчастного случая при невыясненных обстоятельствах.

В Югославии С.Н. Смирнов служил при Дворе Карагеоргиевичей. Знакомство его с представителями этой сербской династии началось еще в России, когда он в 1916-1918 гг. служил управляющим Павловского дворца и усадьбы и одновременно был личным секретарем Князя Императорской Крови Иоанна Константиновича и его жены сербской принцессы Елены Петровны Карагеоргиевич-Романовой.

Находясь при королевском Дворе Югославии, С.Н. Смирнов координировал дело помощи русским эмигрантам со стороны членов королевской семьи Карагеоргиевичей. Колоссальную работу вел он как представитель фонда княгини Елены Петровны, в деле помощи русским эмигрантам. В Архиве Югославии отложились многочисленные материалы, связанные с деятельностью этого фонда²¹. Из них следует, что С.Н. Смирнов от имени княгини Елены из ее личных средств оказывал помощь русским беженцам. По большей части это небольшие суммы в 200-500 динар (прожиточный минимум составлял тогда около 400 динар в месяц) выдававшиеся в первую очередь больным женщинам и детям²².

К Смирнову поступали письма с просьбой о помощи от частных лиц и организаций. Сами по себе они уже являются свидетельствами той трагедии, которая постигла Россию и ее народ в годы революции и гражданской войны, но одновременно и повествуют о той великой помощи, которую оказала русским иммигрантам королевская семья Карагеоргиевичей.

В качестве одного из тысяч примеров этой помощи процитируем фрагмент письма Попечительского совета Земунской русской гимназии к Королевскому Двору с просьбой о помощи в мае 1926 г.: «... В городе Земуне собралось 40 русских юношей, желающих пройти

20 См. об этом его книгу: *Смирнов С. В плену у царевубийц*. Белград, 2016.

21 Архив Југославије. Ф.74. Д. 276 ЛЛ. 130-147; Д.544, ЛЛ.407-568.

22 Ibid.

матуранский (т.е. *гимназический* – Л.К.) курс и получить права зрелости. Одни из них были офицерами великой и гражданской русской войны, другие остались круглыми сиротами после страшной смерти (расстрела) своих отцов-офицеров русской армии. Некоторые из них окончили в России гимназии и другие школы, но потеряли все свои документы о том; иные же только теперь хотят получить матуру [*аттестат зрелости* – Л.К.] и права на получение высшего образования. Большинство из них собственным трудом приобрели некоторые средства для своего содержания. Они работали или в рудниках, или на пробивке тоннелей, или на устройстве железных дорог и шоссейных путей. Но собранных ими самими средств недостаточно для сколько-нибудь сносного содержания». Далее говорится, что юношей кормят на «пожертвования от Е.К.В. княгини Елены Петровны, Министерства Социальной политики и Русского Красного Креста»²³. Король Александр в свою очередь в качестве единовременной поддержки отправил этим юношам на Пасху 3.000 динаров.

С.Н. Смирнов вел громадную организационную работу по приему прошений к Елене Петровне от русских беженцев, проверке их условий жизни и распределении денежных сумм из личных средств принцессы. В Архиве Югославии хранятся сотни расписок русских эмигрантов, получивших денежную помощь от Елены Петровны через С.Н. Смирнова²⁴. Деньги получали вдовы бывших участников сербо-турецкой войны 1876 г., жены инвалидов Первой мировой войны, генералы Иван Широков и Георгий Данилов, князь Иван Енгаличев, графиня Екатерина Коновницына, жена инвалида Анна Дурново, Татьяна Тальберг, полковник Андреевский, Борис Арапов для его маленькой дочери, и больной туберкулезом студент Флор Петровский и сотни других.

Прошения о помощи – это драматические истории великого исхода русских людей из охваченной революционным пожаром и гражданской войной страны. Сотни расписок за 1924-1927 гг., особенно трудные для прибывших в страну русских беженцев свидетельствует, что ни одному из них обратившихся с просьбой княгине Елене Петровне отказано не было. В среднем люди получали единовременное пособие в размере 500 динар. Так, пяти родственницам офицеров и генералов, участвовавших в сербо-турецкой войне 1876 г. - Лазаревой, Поливановой, Грек, Арсеньевой и Антонине Черняе-

23 Архив Југославије. Ф.74. Д.491. ЛЛ.32-33.

24 Архив Југославије. Ф.74. Д. 276. ЛЛ. 130-147; Д.544 ЛЛ.407-568.

вой было выплачено по 500 динаров в августе 1926 г²⁵. Поддержка оказывалась как частным лицам, так и организациям, целый ряд которых находился под личным покровительством Елены Петровны и ею финансировался. Это, например, «Общество помощи русским сиротам под высоким покровительством княгини Елены». Его председательница Зора М. Боди в письме на имя маршала двора от 10 декабря 1937 г. пишет, что общество было создано в 1925 г. и содержало два детских приюта в Белой Церкви и в монастыре Хопово, и что многие питомцы этих приютов «выведены на широкую жизненную дорогу и уже заканчивают высшие учебные заведения»²⁶.

Оказание помощи русским эмигрантам стало важным делом Смирнова при Дворе²⁷. Он не только выполнял поручения Елены Петровны, но и занимал официальный пост в Государственной комиссии по делам русских беженцев. Можно сказать, что вклад его в дело организации жизни и трудоустройства русских беженцев был немалым. Об этом свидетельствуют многие мемуаристы. И даже составленная спецслужбами СФРЮ в 1955 г. книга о русской эмиграции, враждебно в целом характеризующая С.Н. Смирнова, как убежденного монархиста, позитивно оценивает его деятельность по организации помощи русским беженцам.²⁸

Эту деятельность Сергей Николаевич вел параллельно и в сотрудничестве со специальными представителями из числа бывших российских дипломатов С.Н. Палеологом и В.Н. Штрандтманом²⁹. Интересный материал об этой стороне деятельности С.Н. Смирнова, хранящийся в бумагах С.Н. Палеолога (Гуверовский фонд) в Стэн-

25 Архив Југославије. Ф.74. Д. 544. Л.544.

26 Архив Југославије. Ф.74. Д.491. Л.177.

27 В Архиве Југославији хранятся документы, свидетельствующие о неустанной работе С.Н. Смирнова по оказанию помощи соотечественникам - Архив Југославије. Ф.74. Д. 490,491.

28 Белоэмиграција у Југославији 1918-1941 / пр. Т. Миленковић, М. Павловић. Београд, 2006. Кн. 1. Т. II С. 158, 220-222.

29 Палеолог Сергей Николаевич (1877-1933) – посланник в Сербии, уполномоченный по делам русских беженцев в Югославии, член Государственной комиссии по делам русских беженцев, заместитель почетного председателя Комитета помощи русским воинам и их семьям на Балканах. Умер в 1933 г. в Белграде, похоронен на Новом кладбище.

Штрандтман Василий Николаевич (1877-1963) – русский дипломат, член Государственной комиссии по делам русских беженцев.

фордском университете представил в своей работе Андрей Владимирович Квакин³⁰.

Это 22 листа писем-отчетов Сергею Николаевичу Смирнову, написанных Глебом Васильевичем Алексеевым 20 октября-14 ноября 1920 года. Алексеев совершил по заданию и при финансовой поддержке С.Н. Палеолога и С.Н. Смирнова поездку в Белград, Нови-Сад, Сомбор, Осиек, Загреб, Сараево и Дубровник «с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний на местах». Эти чрезвычайно подробные аналитические отчеты, полные ярких характеристик и глубоких социально-психологических размышлений адресуются С.Н. Смирнову. По тону автора записок видно, что он высоко ценит мнение С.Н. Смирнова и рассчитывает, что тот сумеет использовать полученные сведения для доклада королю Александру.

С.Н. Смирнов активно занимался устройством дел русских беженцев не только в Югославии, он много ездил по Европе и хорошо знал положение русских эмигрантов, что позволяло ему ходатайствовать перед королем Александром об оказании помощи и тем из них, кто жил и вне пределов Югославии.

Участие Смирнова в организации всех сторон жизни русской эмиграции в Югославии еще ждет своего исследователя, поскольку деятельность его продолжалась и после расчленения страны в 1941 г. как на оккупированных территориях, так и в новых государствах. Документы свидетельствуют о его переговорах с немецкими властями по вопросам проблем русских эмигрантов вплоть до 1944 г.

Важным направлением деятельности С.Н. при Дворе Карагеоргиевичей была его работа в качестве придворного инженера и архитектора. И на этом посту он не забывал своих соотечественников.

С апреля 1925 по февраль 1935 гг. он как инженер «Строительного отдела Двора», а затем и как инженер Управления Двором получал по 2.000 динаров в месяц плюс дополнительные выплаты за командировки.³¹ Документы свидетельствуют, что он не только руководил постройкой новой королевской резиденции в пригороде Белграда Дединье, но ему была поручена и ответственнойшая работа по организации возведения мемориального комплекса Карагеор-

30 Квакин А. «Путевые заметки» и судьба литератора Глеба Алексеева. Нью-Йорк, 2000. Т. 219. С.155-172. См. также публикацию Квакина А.В. «Дело № 32». Путевые заметки литератора Глеба Алексеева. 1920 г. // Исторический архив. 2001. № 5. С. 79- 103.

31 Архив Југославије. Ф.74. Д.491. ЛЛ. 368- 449.

гиевичей в Тополе (Опленац). Эта работа давала ему еще 2000 динар ежемесячно с 1924 по 1935 гг.³² Король Александр доверил ему оформление храма-усыпальницы Карагеоргиевичей в Опленце. Эта сторона деятельности русского ученого и инженера посвятила статью исследовательница Юлия Гудович³³. Документы Архива Югославии дополняют ее исследование и свидетельствуют, что С.Н. Смирнов дал работу и средства к существованию многим талантливым русским архитекторам и художникам при возведении памятного комплекса Карагеоргиевичей в Опленце.

В Архиве Югославии хранится большая папка документов, где содержатся все счета и расписки по постройке и оформлению храма в Опленце³⁴. Анализ этих документов показывает, что С.Н. Смирнов привлек к оформлению храма русских архитекторов, художников, фотографов. Расписки за выполнение работ Владимира Предоевича, Николая Краснова, Николая Маендорфа, Борис Образкова, Виктора Шевцова, Ивана Дикого, Бориса Ивашенцева свидетельствуют, что на протяжении более чем десяти лет они получали за свою работу стабильное и солидное вознаграждение из фондов Двора. Таким образом, С.Н. Смирнов не только способствовал созданию замечательного памятника архитектуры, но и дал работу и средства к существованию своим талантливым соотечественникам.

Одновременно с марта 1924 г. по февраль 1935 г он возглавляет в Библиотеку Двора³⁵. Это была не только работа по систематизации королевской библиотеки, но и серьезная научно-исследовательская деятельность. Документы, включающие расписки и отчеты о командировках свидетельствуют, что С.Н. Смирнову была поручена ответственная работа по сбору и анализу древних письменных памятников сербской и югославянской в целом культуры. Отложились здесь и документы о деятельности Русского Археологического общества в Королевстве СХС, созданного в 1921 г., первым председателем которого был избран профессор Белградского университета, филолог и историк-славист Александр Львович Погодин (1872-1947).

32 Архив Југославије. Ф.74.Д.519. ЛЛ. 629-764.

33 Гудович Ю.С. Инженер и археолог С.Н. Смирнов (1877 – 1958) на службе при дворе Карагеоргиевичей (к вопросу о вкладе русской эмиграции в культуру и науку Югославии) // Руска дијаспора и изучавање руског језика и руске културе у инословенском и иностранном окружењу (Београд 1-2 јун 2011). Београд, 2012. С. 223-233.

34 Архив Југославије. Ф.74. Д.519.

35 Архив Југославије. Ф.74. Д.491. ЛЛ. 450 – 526.

Примечательно, что общество это также находилось «под высоким покровительством ее королевского высочества княгини Елены Петровны Романовой». Летом 1922 г. состоялась научная командировка группы русских специалистов во главе с С.Н. Смирновым по заданию сербского короля Александра для изучения 29 сербских монастырей и церквей. Экспедиция проделала огромную работу по описанию сербских памятников. В ней наряду с учеными и участвовали архитекторы, художники, чертежники и фотографы. Были сделаны копии фресок, привезено около 500 чертежей храмов. Это была первая масштабная комплексная исследовательская работа по изучению средневекового наследия Сербии. И в этой работе участвовали русские специалисты, получившие возможность не только проявить свои знания и умения, но и заработать.

В марте 1935 С.Н. Смирнов вышел на пенсию. Его пенсия составила 3.000 динаров ежемесячно и он получал ее вплоть до 2 января 1941 г.³⁶ Это свидетельствует о том, что Двор Карагеоргиевичей и после смерти короля Александра высоко оценил заслуги С.Н. Смирнова.

Выплаты, которые он получал от Двора Карагеоргиевичей, позволили С.Н. Смирнову, его жене и детям жить вполне обеспеченно. Он даже сумел построить для своей семьи по собственному проекту весьма солидный дом в Белграде на Пожаревацкой улице, дом 26. Финансовая стабильность, в отличие от большинства русских эмигрантов, постоянно ищущих заработка, позволяла Смирнову уделять много времени научной и научно-изыскательской работе, а также продолжать комплектовать свою уникальную библиотеку и, главное, работать над мемуарами. Наряду с тем, что он сам написал несколько объемных фолиантов о событиях русской революции, Смирнов начал собирать коллекцию рукописей мемуаров о революции и гражданской войне своих соотечественников, находившихся в эмиграции. Но при этом он не оставлял работы по оказанию помощи своим соотечественникам.

Характеризуя деятельность Сергея Николаевича Смирнова при Королевском Дворе Карагеоргиевичей следует сказать, что, оставаясь последовательным сторонником монархии, он преданно служил Дому Карагеоргиевичей как придворный инженер, архитектор и библиотекарь. Но не меньше усилий он приложил для помощи русским беженцам. Используя свое влияние при Дворе, он доби-

36 Архив Југославије. Ф.74. Д.491. ЛЛ.527-580.

вался субсидий, покровительства королевского Дома над русскими учебными учреждениями, сокольским движением, находил для эмигрантов работу, в том числе и при Дворе.

Заканчивая рассказ о С.Н. Смирнове, хотелось бы привести еще одно свидетельство особого отношения короля Югославии к деятельности русских людей в его стране. Известный исследователь русско-югославянских отношений В. А. Маевский, который жил в Уругвае в одно время со Смирновым, по-видимому, с его слов пишет в своей книге «Русские в Югославии» (Нью-Йорк 1966) о «близко стоявшем ко двору русском инженере С.Н. Смирнове»: «В конце тридцатых (*ошибка в дате – Л.К.*) годов Смирнов был командирован королем с особыми поручениями во Францию, Бельгию и Англию. И вот, когда он возвратился, Король расспрашивал его о том, как в разных государствах живут русские люди. Смирнов, рассказав все, что видел и слышал о жизни русских за границей, добавил: «все-таки, благодаря заботам Вашего Величества нигде так хорошо не живет русским людям как в Югославии». На это Король Александр ответил: «Может быть, да ... Но и русские люди не остаются у нас в долгу»³⁷.

Итак, документы, хранящиеся в Архиве Югославии в фонде «Двор Королевства Югославии. 1918-1948» свидетельствуют о том, что судьба русских беженцев не оставила безучастными представителей правящего Дома Карагеоргиевичей. Король Александр, его сестра, двоюродный брат Павел, престолонаследник Петр являлись покровителями ряда русских организаций, гимназий, школ, сиротских приютов, они осуществляли и адресную помощь нуждающимся беженцам из своих личных средств. Во многом это объяснялось личной инициативой короля Александра, который преодолевая порой сопротивление собственного правительства, принял тысячи русских беженцев в своей стране³⁸. Большая заслуга в деле помощи русским эмигрантам принадлежит и его сестре княгине Елене Петровне Романовой и ее верному помощнику С.Н. Смирнову.

37 Маевский В.А. Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. С. 58-59.

38 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах (1920–1940). М., 2005. С. 32-33, 97-104.

Lyudmila Kuzmicheva, Ph.D.,
Moscow state University

Activities of the Royal Court of Yugoslavia in organizing the assistance to the Russian emigrants

Abstract: The state organizations created especially by the order of King Alexander and the government have provided the assistance to the thousands of the Russian refugees who have arrived in the Kingdom of SHS after the Civil war. But along with them, the Royal Court, members of the Karađorđević ruling dynasty, have provided the personal assistance to the Russian emigrants who have turned to them for help. Documents showing the extent of this assistance are kept in the Archive of Yugoslavia in the Fund "Court of the Kingdom of Yugoslavia 1918-1948". To the Russian refugees in need the King Alexander allocated from his civil list a one-time aid, as well as the scholarships. His sister Princess Elena Petrovna Romanova from her personal funds donated the significant amounts in order to help the compatriots of her late husband. A special role in the distribution of this aid has belonged to her assistant and manager S. N. Smirnov. The Russian engineer, architect, numismatist, who shared with Elena Petrovna imprisonment in the Soviet Russia, he did everything possible to help the Russian refugees, including finding them a job by following the instructions of the king and the Court. The Russian artists, architects and scientists have taken the job from the Palace office for the construction and decoration of the Church in Oplenac, and the Archaeological Commission. Many Russian educational institutions, cultural, scientific and sports organizations, orphanages were under the high patronage of the members of the Karađorđević ruling house. The Court also supported the programs of the Patriotic education of the Russian youth in exile, including the sokol movement.

Keywords: The Kingdom of Yugoslavia, Karađorđević dynasty, King Alexander Karađorđević, Princess Elena Petrovna Romanova, S.N. Smirnov, Russian emigrants, organizations of the Russian refugees in Yugoslavia.

ЖИВАНОВИЧ МИЛАНА

Доктор исторических наук сотрудник
Институт новейшей истории Сербии
milana.zivanovic@yahoo.com

Чемодан русского беженца: горсть родной земли, книги, иконы*

Аннотация: В статье внимание уделено вывезенным беженцами из России предметам – горсти родной земли, книгам, иконам. Подчеркнуто, что многие кладбища в Сербии сохранили не только русскую землю, но и традиции и обычаи дореволюционной империи. Православные храмы и церкви в стране стали домами русских икон, а русские же книги породили несколько десятков новых библиотек.

Ключевые слова: горсть родной земли, кладбище, книги, библиотеки, иконы, церкви.

1917 г. и Гражданская война в России стали катализаторами исхода значительного количества людей с Родины, которые с 1919 г. стали прибывать в Королевство СХС/ Королевство Югославия.¹ Уезжая в изгнание, эти люди привезли с собой только лишь самые нужные и драгоценные вещи. В их скромных, небольших чемода-

* Статья написана в рамках проекта Института новейшей истории Сербии «Традиция и трансформация – историческое наследие и национальная идентичность в Сербии в 20 веке» (№ 47019) при поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

1 О русской эмиграции в Югославии: Руска емиграција у српској култури XX века. Сборник радова. Т. 1-2. Београд, 1994; *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996; *Арсеньев А.* У излучини Дунаја: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). М., 2000; *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920-1940). Београд, 2006; *Косик В.И., Тесемников В. А.* Русский Белград. М., 2008; *Арсеньев А.* Руси у Банату // Банат кроз векове. Слојеви култура Баната: Сборник радова. Београд, 2010; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941-1945. Београд, 2011; *Арсеньев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011.

нах, кроме денег и ценностей (украшений), находились горсть родной земли, книги и иконы – кусочки их Родины.

У русских – особая связь с родной землей. В связи с тем, что, как отметил Б.А. Успенский, слово «земля» по-русски имело абстрактное и конкретное значение, означая как территорию (terra), так и материальную субстанцию (humus), русские крестьяне, отправляясь в путь (например, при переселении, уезжая бурлачить и т. п.), как правило, брали с собой горсть родной земли, носившей в сумочку с ладаном («ладанке») на шее, рядом с крестом.² Землю зашивали в эту же мешочку, уверены, что этим способом избавятся от тоски по родине.³ Иногда даже человеку отправляемому в дальний путь, подсыпали горсть родной земли в обувь, чтобы все время ходить не по чужой, а по своей земле.⁴ «Приезжая на чужбину, эти люди (особенно в тех случаях, когда прибывший намеревается остаться здесь на более или менее продолжительное время) высыпают на землю горсть родного песка и, ступая по нему, приговаривают: «По своей земле хожу». При этом они твердо верят, что „если захватишь с собой родной земли, тебе заздоровится, не будешь болеть и скучать по родине“»⁵ «Вся та земля, куда схоронены кровные и близкие, называется родительской и считается священной: она могущественна до такой степени, что горсточка её, взятая с семи могил, укрывающих заведомо добродетельных людей, спасает всех родичей, оставшихся в живых, от всяких бед и напастей. Почти такой же силой обладает и вообще родная земля.»⁶ - так писал российский этнограф Сергей Васильевич Максимов. Эту же самую связь с землей и обычаи сохранили и изгнанники с Родины после революции 1917 г. – они вывозили с собой на чужбину русскую землю для того, чтобы быть похороненным вместе с ней.⁷

На примере русской эмиграции и обряде погребения беженцев на чужбине тоже видно особое место, которое занимала родная

2 Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 384-385.

3 Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.,1996. С. 135.

4 Мороз А. «От земли уродиться да в землю ложиться...» // Отечественные записки. 2004. № 1 (16). С. 392-400.

5 Максимов С.В. Указ. соч. С. 135.

6 Там же. С. 134.

7 Успенский Б.А. Указ. соч. С. 385.

земля в русских представлениях. Связь с русской землей бывала такой сильной, что некоторые не хотели покинуть Родину – «Наш пароход отплыл, а я все плакала, потому что бабушка с нами не поехала, а сказала: я не хочу умирать на чужбине.»⁸ Другие, решившиеся на тот шаг, продолжали упомянутую традицию. С собой в изгнание русские привезли горсть родной земли, храня ее в ладанках.⁹ На чужбине именно с этой горстью изгнанники и похоронены – в гроб покойного и в могилу бросали русскую землю. В гроб генерала Петра Николаевича Врангеля, которого в 1929 г. по его желанию, похоронили в русской церкви св. Троицы в Белграде¹⁰, бросили привезенную несколько дней тому назад из России землю, находившуюся на могиле русского священника Досифея, похороненного в одном монастыре.¹¹

Горсть русской земли была положена и в основание памятника российским воинам на Новом кладбище в Белграде – памятника Русской славы¹². В 1934 г. представитель короля Александра Карагеоргиевича положил в основание памятника-склепа камень и горсть земли из России, доставленной заботами княгини Марии Александровны Святополк-Мирской, председателя русского Мариинского церковного сестричества и Общества попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве СХС / Югославии.¹³ В 1931 г. при освящении Иверской часовни¹⁴, находящейся против па-

8 *Јовановић М.* Руска емиграција... С. 493.

9 *Арсеньев А.* У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.

10 О русской церкви св. Троицы: *Маевский В.А.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 23-29; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921-1939 годы // Славяноведение. 1996. № 6. С. 69; *Јовановић М.* Руска емиграција... С. 344-346.

11 Време. 1929. 5. X. С. 4.

12 О памятнике Русской славы на Новом кладбище в Белграде: *Костић Б.* Ново гробље у Београду. Београд, 1999. С. 16; *Обреновић В.* Руси на Новом гробљу у Београду // Ново гробље у Београду. Отворено сведочанство историје – поводом 125 година од оснивања. Београд, 2011. С. 210; *Протојереј Тарасјев В.* Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије, Српски Руси. Београд, 1994. С. 353-354; *Маевский В.А.* Русские в Югославии... С. 38; *Кадијевић А.* Београдски опус архитекте Романа Николајевича Верховскоја (1920-1941) // Наслеђе. 1999. № 2. С. 37; *Никифоров К.В.* Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 37.

13 Царский вестник. 1934. 26 августа. С. 1.

14 Копия московской Иверской часовни была сооружена на белградском Новом кладбище в 1931 г. О Иверской часовне см.: *Маевский В. А.* Иверская Богоматерь

мятника Русской славы на Новом кладбище в Белграде, горсть русской земли была замурована в престол в алтаре.¹⁵

Обряд бросания горсти родной земли стал частью похоронных обрядов русских изгнанников в Королевстве СХС / Королевстве Югославия. В межвоенный период они проходили следующим образом: похоронные процессии двигались по городским улицам¹⁶, затем в церкви (русской или сербской) совершались отпевания. По окончании заупокойной молитвы произносились речи, и затем процессия отправлялась на кладбище. Отпевания и похороны совершали русские священники. Погребения воинских частей были торжественны: местный гарнизон и русская колония провожали покойного к месту упокоения с почестями. Гроб везли на лафете, русские кадеты несли ордена и венки. При опускании тела в землю производился оружейный залп.¹⁷ Один русский писал: «Наконец, здесь единственная страна, где русскому воину при погребении отдаются все воинские почести. Только тут за гробом русского офицера, везомым на лафете (если он участник войны), следует наряд югославянских офицеров, рота солдат с хором военной музыки и только тут вы услышите последнее братское прощание из залпа югославянских винтовок.»¹⁸

Изначально русских беженцев хоронили вблизи главных аллей и на передних участках городских и местных православных кладбищ. Потом для умерших изгнанников городские/местные власти выделяли (официально или неофициально) участки земли на периферии тех же кладбищ.¹⁹ Почти во всех городах, где существовала более или менее многочисленная русская колония, на их православных кладбищах сформировались те же участки.²⁰ И эти русские участки не были «частями русской земли» только на словах – в могилах беженцев хранилась их родная земля.

на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград, 1932; *Тарасјев А.* Четири капеле Иверске божије мајке // Светигора. 1997. № 56-57. С. 46-49.

15 *Никифоров К.В.* Указ. соч. С. 37.

16 *Ђирић Д., Станић Б., Томић В.* Време улице: политика на јавним просторима Београда у XX веку. Београд, 2008.

17 *Арсењев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011; *Живановић М.* Смерть на чужбине: Сербия как последний приют русских беженцев // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. Международная научно-просветительская конференция Москва, 26-28 октября 2017 года. М., 2017. С. 654.

18 Часовой. 1939. 5 июня. С. 16.

19 *Арсењев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011.

20 *Јовановић М.* Руска емиграција... С. 522.

Кроме ладанок с горстью русской земли, беженцы в своих чемоданах привезли в изгнание и книги.

«Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привести эту уйму книг. Не только книги, но и иконы, самовары, части мебели и множество драгоценностей, от продажи которых большая часть и жила.»²¹, - так в межвоенный период писала преподавательница знаменитой сербской гимназии в Сремских Карловцах, городка в котором осело небольшое количество русских. «Его квартира с фотографиями предков, иконами, семейными реликвиями и книгами больше подходила на музей или на петербургский аристократический уголок. Показывая мне книги, Свищев (Георгий Иванович Свищев – М.Ж.) говорил, что это лишь остатки огромной библиотеки, которую его отец вывез из России. Все они представляли большую ценность...»²²

«Оказавшись на чужбине, русские много читали. Местные поразились, откуда у пришельцев столько книг, толстых журналов, газет.»²³ У сербов сложилось представление о русских как о постоянных читателей книг. Это представление прекрасно иллюстрировала белградская газета «Политика», которая в 1936 г. опубликовала фотографию одного пожилого человека, читавшего книгу, прокомментировав: «Если видите в белградском трамвае кого-то читающего книгу – это обычно русский человек.»²⁴

В изгнание русские привезли в собой не только книги, но и традицию и культуру чтения – открывали библиотеки во всех местах, где это допускали обстоятельства. Так, например уже в 1920 г. в беженском лагере в Галлиполи русские создали центральную библиотеку.²⁵

В межвоенный период в Королевстве СХС / Королевстве Югославия русскими было основано множество библиотек. Открывались публичные, общественные библиотеки, читальни – одна даже находилась в Доме русских инвалидов в Белой Церкви²⁶. Большинство

21 Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2008. С. 31.

22 Борђевић Р. Библиотекар Георгије Свишчев (Ђорђе Свишчов) // Српска теологија у двадесетом веку. Књ. 2. Београд, 2007. С. 218; Арсеньев. А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л. Гимназия в лицах. Т. 1. С. 316.

23 Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 159.

24 Политика. 1936. 29. X.

25 Јовановић М. Руска емиграција... С. 419.

26 Часовой. 1939. 5 июня. С. 37.

русских колоний в стране создало свои библиотеки.²⁷ Даже и мало-численные – так в здании «Благодеяния» в уже упомянутом городке Сремские Карловцы находилась большая библиотека с «отборными книгами, преимущественно русскими, привезенными с родины.»²⁸

В Белграде уже в начале 1920-х существовало несколько русских библиотек. Одну из первых в 1920 г. основала организация Всероссийский союз городов.^{29,30} Библиотека находилась в их помещениях в центре города. В 1922 г. она имела 2.500 названий на русском и иностранных языках.³¹ Основанием этой библиотеки стали 100 русских книг, пожертвованных одной сербкой, которая их собрала и сохранила. В 1928 г. ее книжный фонд составлял 20.000 экземпляров. Но так как в это время средства Всероссийского союза городов были уже в значительной мере истощены, его представительство обратилось за помощью в созданный³² в этом же году Русский Культурный Комитет.³³ На первом заседании была зафиксирована цель организации – подъем и развитие науки, литературы и искусства, а потом было принято решение о формировании им Русской публичной библиотеки (реорганизации библиотеки Всероссийского союза городов).³⁴ С того же момента она находилась в поле деятельности Русского Культурного Комитета. К концу 1929 г. число читателей достигло 900 человек. Этому способствовал быстрый рост книжных фондов – лишь за десять месяцев 1929 г. было приобретено свыше

27 Тимофе́ев А. Опр. cit. С. 85.

28 Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. С. 31.

29 Ее деятельность была направлена прежде всего на открытие и финансирование русских детских садов и школ на чужбине, а также на организацию курсов изучения языков, открытие библиотек и больниц. В Королевстве СХС она открыла две гимназии, две прогимназии, три начальные школы, два детских сада и две библиотеке – в Сараево и в Белграде. *Јовановић М.* Руска емиграција... С. 369-370.

30 *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920-1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1990. С. 33.

31 Цео Београд: адресно-информациона књига за Београд, Земун и Топчидер. Београд, 1922. С. 135. Автор благодарит М. Јуришича за помоћ.

32 Русский Культурный Комитет сформирован на основе соглашения Министерства иностранных дел и Министерства просвещения Королевства СХС с Президиумом Государственной комиссии по делам русских беженцев. *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии. 1921 – 1939 год // Славяноведение. 1996. № 6. С. 26.

33 *Маевский В.А.* Русские в Югославии... С. 53.

34 *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии. 1921 – 1939 год // Славяноведение. 1996. № 6. С. 26.

4.000 томов на сумму 150.000 динаров.³⁵ В 1930 г. насчитывалось 50.000 томов.³⁶ Благодаря деятельности Русского Культурного Комитета Русская Публичная Библиотека развилась и приобрела громадное культурное значение для русского населения. И потому ряд других общественных организаций признал желательным передать в эту библиотеку свои книгохранилища.

По сведениям Владислава Альбиновича Маевского, личного секретаря Сербского патриарха Варнавы, перед началом Второй Мировой войны она имела больше 2.000 подписчиков, что с их семьями составляло 7.000-8.000 человек. Таким образом, по его словам, можно было считать, что почти весь русский Белград пользовался услугами той же библиотеки. Но при этом надо не забывать, что и большое число сербов – в особенности профессоров и студентов – состояли в числе подписчиков ее. При библиотеке имелись две читальни. Первая обслуживала читателей газетами и журналами в течение всего дня. Во второй занимались писатели, ученые и журналисты. И они пользовались особо ценными книгами, которые не выдавались на дом.³⁷

До 1932 г. она находилась в здании Академии наук, на втором этаже.³⁸ В начале 1930-х гг. в белградской прессе была опубликована одна статья под названием «Параллель». Автор статьи писал: «В здании Академии наук – где-то на последних этажах - находится одна русская библиотека. До ее – в большинстве случаев, надо пользоваться лифтом. Оплата за лифт стоит 1 динар – сегодняшний динар, тяжело заработанный динар, серебряный динар, который сегодня труднее заработать чем иногда наполеон.»³⁹ По словам охранника, именно из-за русской библиотеки пассажиры часто пользовались лифтом – большинство из них ходили в русскую библиотеку, хотя в том же здании находились разные бюро. «А сколько их идет по этой, шумной, деревянной лестнице?»⁴⁰, – автор спрашивал. В заключении он резюмировал: «Не дай Бог, нашу Национальную библиотеку, находящуюся на Варош-капии, переселят где-то на какой-то этаж. Честное слово – через три месяца должно было бы закрыть ее.»⁴¹ В 1931 г. в

35 Там же. С. 27.

36 Општинске новине. 1930. 15. I. С. 82.

37 *Маевский В.А.* Русские в Югославии... С. 52-53; *Ђурић О.* Руска литерарна... С. 33-34.

38 *Ђурић О.* Руска литерарна... С. 33; *Време.* 1930. 15. I. С. 5.

39 *Време.* 1932. 21. I. С. 2.

40 Там же.

41 Там же.

прессе писали о публичной библиотеке как о «большой». «Не надо особо подчеркивать, насколько важной является деятельность той же библиотеки направлена на развитие русской культуры на чужбине.» - резюмировал автор статьи.⁴²

В 1932 г. библиотека переселилась в новое здание Русского дома императора Николая II^{43,44} С того же момента она находилась в этом здании.⁴⁵ В годы Второй мировой войны из-за ликвидации ряда общественных организаций и отъезда из Сербии на заработки в Германию ряда семей, оставивших свои книги библиотеке, ее книжный фонд в 1942 г. превысил 100.000 – к лету 1944 г. он составлял свыше 130.000.⁴⁶

Также, при Союзе русских писателей и журналистов в Югославии, сформированным в 1925 г., существовала хорошо устроенная библиотека – это была библиотека имени А.С. Пушкина основана в 1927 г.⁴⁷ Бесплатная читальня, по словам автора статьи в белградской прессе, «всегда была полной.»⁴⁸ В библиотеку в 1928 г. поступил весь фонд основанной Иваном Сергеевичем Тургеневым русской библиотеки из Карлсруэ.⁴⁹ Белградском Союзе русских писателей и журналистов удалось получить книжный фонд Тургеневской библиотеки – 3.000 книг, интерес к которой провело советское посольство в Берлине, однако после переговоров секретаря Сергея Страхова с представителями организацией, руководящей библиотекой, было принято решение передать фонд именно белградском Союзе. Фонд же существующей библиотеки в том же союзе составлял свыше 5.000 книг.⁵⁰

В 1920-е гг. общий книжный фонд десятков библиотек, находившихся лишь в Белграде, был более 200.000 экземпляров. По сравне-

42 Правда. 1931. 26. III. С. 6.

43 О Русском доме в Белграде: *Маевский В.А.* Русские в Югославии... С. 46-52; *Ђурић О.* Руска литерарна... С. 40-41; *Ђурић О.* Шездесет година Руског дома Императора Николаја II у Београду (1933–1993) // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова. Т. 1. Београд, 1994. С. 123–128; *Ђурђевић М.* Архитект Василиј (Вилхелм) Фјодорович Баумгартен // Годишњак града Београда. 2004. № 51. С. 185-186; *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе. 2008. № 9. С. 211-220.

44 Правда. 1932. 5. X. С. 5.

45 *Ђурић О.* Руска литерарна... С. 34.

46 *Тимофејев А.* Оп. cit. С. 85.

47 *Ђурић О.* Руска литерарна... С. 153.

48 Политика. 1928. 29. V. С. 8.

49 *Ђурић О.* Руска литерарна... С. 153.

50 Политика. 1928. 29. V. С. 8.

нию с ним, в конце той же декады, фонд центральной, Национальной библиотеки в столице Югославии содержал 212.000 экземпляров.⁵¹

А в провинции, в русских колониях, тоже были библиотеки, нередко с отличным подбором книг: в Сараево, Загребе, Любляне, Скопле, Новом Саду, Герцег-Нови, Сремских Карловцах и многих других местах. Отличные библиотеки подобрались также в русских учебных заведениях: в кадетских корпусах, девичьих институтах, мужских и женских гимназиях.⁵²

О том насколько русские действительно нуждались в книгах свидетельствуют меры предприняты белградским представительством Всероссийского земского союза⁵³. В 1922 г. оно приступило к снабжению книгами для чтения, кроме воинских частей, также и колоний русских беженцев, путем рассылки подвижных библиотек – по 20 книг каждая. Колонии, желающие получить эти библиотеки во временное пользование, обращались в представительство той же организации в центре столицы. Предусматривалось выслать эти же библиотеки почтой или выдаваться лицу, имеющему полномочия правления колонии, желающей получить книги. По возвращении прочитанной библиотеки представительству колонии снабжались новой серией книг. За пользование библиотекой не взимали никакой платы – на колонии были только расходы по пересылке книг.⁵⁴

Насколько для русских в провинции чтение книг действительно являлось социальным явлением, показывает и история с кубанцами. Для русских строителей дороги Вранье-Босилеград (на юго-востоке страны) – членов кубанской казачьей дивизии – нехватка книг являлась проблемой, поскольку, по словам их командиров, «казаки со страстью читают все, что им попадается в руки».⁵⁵ Поэтому им даже прислали библиотеку на 200 названий, среди которых было и собрание сочинений А.П. Чехова. Но, к сожалению, книги «пропали

51 Бурић О. Руска литерарна... С. 37.

52 Маевский В.А. Русские в Югославии... С. 56-57.

53 Деятельность Всероссийского земского союза за границей была направлена в основном на организацию помощи при трудоустройстве, открытие как бюро труда в местах максимальной концентрации беженцев, так и мастерских и организацией различных курсов (иностранных языков, переквалификации), кредитование и помощь при формировании малых и средних эмигрантских фирм, выплату путевых расходов до места трудоустройства. Об этой организации см.: Јовановић М. Руска емиграција... С. 362-368.

54 Новое время. 1922. 12 декабря. С. 3.

55 Јовановић М. Руска емиграција... С. 409.

по дороге». Тогда казаки решили основать свою библиотеку в лагере и вскоре с той же целью собрали большую сумму – около 4.000 динаров. История этих людей, проводивших большую часть своего времени в землянке после работы, может отразить отношение русских изгнанников к книгам.⁵⁶

Кроме публичных, общественных и подвижных библиотек, в стране создавались и личные библиотеки – в русских домах.⁵⁷ Так, в г. Велики-Бечкерек (сегодняшний г. Зренянин, на северо-востоке Сербии) полковник Степан Федорович Климентов содержал частную русскую публичную библиотеку, которая погибла осенью 1944 г. с приходом в город Красной армии.⁵⁸ Личную библиотеку создал и библиотекарь сербского патриарха Варнавы Владислав Альбинович Маевский. Его поведение в моменте бомбежки Белграда в апреле 1941 г. прекрасно иллюстрирует отношение владельцев библиотек к книгам: «Но я решил никуда не уходить, спасая свою библиотеку и архив: квартира была в верхнем этаже, а над нею уже загорелся чердак от зажигательных бомб. Водопровод был разрушен и подача воды прекратилась, но в усадьбе на противоположной стороне улицы сохранился старый колодец, и двое моих друзей, в течение половины дня, подносили мне ведрами воду, когда я орудовал на чердаке, заливая горевшие стропила. И чудом, в течение нескольких часов, удалось пожар потушить; библиотека была спасена и в настоящее время находится здесь, только архив пострадал немного.»⁵⁹

Большим количеством русских книг располагали, как книжные торговли, так и антиквариаты. В магазине русского товарищества книжной торговли «Славянская взаимность» в Белграде, кроме книг, особенно дореволюционных, продавались также иконы.⁶⁰

На выставке домашних изделий жителей славянских стран, организованной в 1931 г. в Белграде, на одном отдельном столе было представлено русское творчество, в том числе русские иконы.⁶¹ Именно они представляли самые драгоценные вещи в скромных русских чемоданах.

56 Там же.

57 Арсеньев А. У излучины Дуная... С. 159.

58 Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.

59 Маевский В.А. Русские в Югославии... С. 260.

60 Новое время. 1921. 21 июня. С. 4.

61 Време. 1931. 15. XI. С. 3.

Утешение и примирение с судьбой русскими приносили молитвы, храмы и иконы. Выражение религиозности – это часть русского человека. Оно представляло собой элемент менталитета и идентичности населения дореволюционной России.⁶² Поэтому иконы для их имели особое, глубокое значение. Почитание и привязанность к этим церковным предметам русские проявляли как в домах на Родине, так и на чужбине.

Роль икон в жизни русских прекрасно иллюстрирует история с перенесением русскими священниками чудотворной иконы Курской Божьей Матери на пароход в марте 1920 г. До момента приезда священников на порту Новороссийска велась битва за места на кораблях. Однако при появлении иконы толпа медленно расступалась, чтобы пропустить священников. Когда они взойшли на пароход толпа желающих отправиться на чужбину вновь сомкнулась и продолжила борьбу.⁶³

Уезжая в изгнание, беженцы привезли с собой семейные или подвенечные иконы в окладах, киоты. В новых, небольших квартирах их вешали с лампадой в красный угол, поверх вышитого белого полотенца. Над постелями и детскими кроватками висели иконки святителей и ладанки; на стенах комнат пожилых вдов могли быть обнаружены десятки дешевых иконок, которые попадали к ним от скончавшихся подруг.⁶⁴ Иконы даже украшали стены русских домов для престарелых.⁶⁵

Русскими в Королевство СХС / Королевство Югославия было вывезено много икон, в том числе чудотворных. Среди них – чудотворная икона Курской Божьей Матери. Ее в 1922 г. через г. Ниш⁶⁶ привезли в белградскую русскую церковь.⁶⁷ Она пребывала в русском храме⁶⁸, причем Епископ Феофан (Курский и Обоянский), который вывез икону из своей епархии⁶⁹, именно с ней периодически объезжал русские беженские приходы по всей Западной Европе.⁷⁰ С конца 1934 по 1935 гг. ее носили по русским колониям и монастырям Франции, Бельгии,

62 *Јовановић М.* Руска емиграција... С. 505.

63 Там же С. 506-507.

64 *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 157.

65 Правда. 1939. 11. I. С. 31.

66 Време. 1934. 20. IV. С. 5.

67 Новое время. 1922. 17 декабря. С. 4.

68 Време. 1934. 20. IV. С. 5.

69 *Маевский В.А.* Русские в Югославии... С. 141.

70 Там же.

Германии и Австрии. В мае 1935 г. ее вернули в Белград. Встреча иконы была торжественной – на столичных улицах русские люди падали на колени и целовали икону.⁷¹ С этой иконой, в моменте немецкой бомбардировки Белграда 6-го апреля 1941 года, прихожане русского храма в Белграде ходили кругом церкви. По окончании литургии, совершенной после ослабления одной волны бомбардировки, митрополит Анастасий (Грибановский), второй Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви⁷², вышел на молебен пред чудотворной иконой Курской Божьей Матери; затем он пожелал обойти с крестным ходом кругом храма. Библиотекарь сербского патриарха Владислав Альбинович Маевский, так вспоминал об этом событии: «Но, когда все вышли с чудотворной иконой, была очередная волна немецкого налета: слышался грохот взрывов, жужжание и вой авионов и снарядов. Над нами пролетело несколько «штук», но снарядов по близости брошено не было, и после крестного хода ветер принял направление от храма.»⁷³ В конце лета 1944 г., уезжав из Белграда, митрополит Анастасий вывез из Югославии Курскую икону Божьей Матери.⁷⁴

Кроме иконы Курской Божьей Матери, в Белграде находилась и копия Иверской иконы Божьей Матери. «В эти жуткие дни (во время бомбардировки Белграда в 1941 г. – М.Ж.), когда рвались бомбы, разваливались дома и полыхали пожары, – многие русские, в поисках спасения, бросились на кладбище, которое было за городом. Искали спасения и защиты у Иверской иконы Богоматери и у гробницы блаж. Митрополита Антония. Там, – у Иверской часовни, где непрестанно совершались моления, и у памятника Русской Сла-

71 Време. 1935. 12. V. С. 10.

72 О Русской Православной Церкви за границей и расколе см.: *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1952; *Jovanović M.* „Sveštenik i društvo: eto parole“ – Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920-1940 // *Tokovi istorije*. 2005. № 3-4. С. 67-100; *Jovanović M.* Руска емиграција на Балкану (1920-1940). С. 316-325; *Jovanović M.* Руска православна загранична црква у Југославији током двадесетих и тридесетих година 20. века // *Српска теологија у двадесетом веку – истраживачки проблеми и резултати: зборник радова научног скупа*. Београд, 2008. С. 160-178; *Пузовић В.* Руска загранична црква у периоду између два светска рата: преглед литературе у Србији // *Српска теологија данас* 2009. Београд, 2010. С. 386-391; *Тимофејев А.* *Op. cit.* С. 92-106.

73 *Маевский В.А.* Русские в Югославии... С. 261.

74 Там же. С. 354.

вы, среди могил дорогих и близких людей, – нашли тогда приют и успокоение многие русские люди.»⁷⁵

С Афона духовником Пантелеймоновского монастыря, отцом Архимандритом Кириком, в 1930 г. в Белград была перенесена копия Иверской иконы Божьей Матери.⁷⁶ Икону торжественно встретил крестный ход во главе с первым председателем Архиерейского синода Русской православной церкви за границей Владыкой Митрополитом Антонием (Храповицким) у ворот Старого кладбища (у русской церкви). После внесения в русский храм у иконы было совершено молебствие о спасении России.⁷⁷ В крестном ходе приняло участие очень много русских. «При приближении св. иконы глубокое волнение охватило русских людей. У маститого Владыки текли слезы умиления и духовной радости и все собравшиеся встречали икону в торжественном молчании с бледными от волнения лицами и со слезами радости на глазах. Сама икона поражала своей дивной красотой», - так в выходившей в Белграде русской прессе «Царский вестник: Орган народного движения за восстановление Престола православного царя-самодержца» описали прибытие копии иконы Иверской Божьей Матери.⁷⁸ До окончания постройки Иверской часовни на Новом кладбище в Белграде, она находилась в русском храме.⁷⁹

В день освящения Иверской часовни в июле 1931 г. из русской церкви в построенную святыню перенесены икона Иверской Божьей Матери и икона Успения Киево-Печерской Божьей Матери. Крестный ход следовал по центральным столичным улицам с песнопениями, с перенесением иконы. По пути крестного хода движение останавливалось.⁸⁰ «Когда духовенство входило в часовню (Иверскую) – оно было засыпано цветами, когда несли св. Икону Иверской Божьей Матери – многие женщины старались прикоснуться к святыне руками – получить от прикосновения благодать ободрения и утешения.»⁸¹ В Иверской часовне также находилась и

75 Там же. С. 261-262.

76 *Маевский В.А.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград, 1932.

77 Царский вестник. 1930. 24 августа. С. 1.

78 Царский вестник. 1930. 30 августа. С. 2.

79 Там же.

80 Царский вестник. 1931. 7 июля. С. 2; Царский вестник. 1931. 3 июля. С. 1.

81 Царский вестник. 1931. 8 июля. С. 3.

икона из домика Императора Петра Великого – копия образа Нерукотворного Спаса.⁸²

Чудотворную икону Леснинской Божьей Матери в монастырь Хопово (один из Фрушкогорских монастырей, в Воеводине, на севере страны) привезла Леснинская обитель Свято Богородицкого женского монастыря бывшей Холмско-Варшавской епархии – насельники той же святыни во главе с матушками Екатериной и Ниной, на обычной барже, прибыли в Белград в 1920 г. Сначала им дали монастырь Кувеждин (также один из Фрушкогорских монастырей), а затем перевели в Хопово. Они там жили до 1943 г. В этом году монастырь Хопово, который во время оккупации находился на территории Независимого государства Хорватия, подожгли партизаны. Вскоре, по приказу немецких властей всех монахинь выслали в Сербию, в Белград. Им выделили бывшее студенческое общежитие, где они устроили домовую церковь и поместили чудотворную икону Леснинскую.⁸³ Однако после разрыва между Сталиным и Тито в 1948 году, положение Леснинской обители ухудшилось. Год спустя скончалась игуменья Нина и новая игуменья Феодора (Львова) решила перебираться на Запад. Одной из проблем для ее обители являлся вывоз иконы из страны, поскольку требовалось разрешения Института по охране памятников культуры (вывоз из страны древних произведений был запрещен). А без иконы, монахини никуда бы не поехали. По их молитвам, им удалось получить разрешение – сотрудница Института поставила печать на икону (т.е. камень).⁸⁴

В русской церкви в Белграде находилась и копия чудотворной иконы Песчанской Божьей Матери, причем русским колониям предоставлялась возможность организовать перенос иконы на время.⁸⁵

В этом же храме большинство икон было из семейных киотов прихожан, которые, желая украсить свою церковь, дарили ей иконы.⁸⁶ Иконы украшали выстроенные русские храмы и часовни (в Белграде, в Белой Цркви, в Цриквенице), в том числе и те храмы, действующие, как при кадетских корпусах, институтов, русских организаций (русской больницей в Панчево) в Югославии, так и в раз-

82 *Маевский В. А.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград, 1932; *Тарасјев А.* Четири капеле Иверске божије мајке // Светигора. 1997. № 56-57. С. 46-49.

83 *Тарасъев А.В.* 4 духовника. Београд, 2013. С. 43-44, 48-49.

84 Там же. С. 51, 192.

85 Царский вестник. 1929. 4 августа. С. 4.

86 *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000.

ных помещениях, перестроенных для русских с целью проведения церковной службы.⁸⁷ И не только. В 1928 г. беженкой Людмилой Евреиновой в Соборную Церковь города Зайчара (на востоке Сербии) была пожертвована старинная икона в серебряной ризе (и потом установлена на видном месте в храме).⁸⁸

Однако русские не только привезли с собой иконы – они и писали их на чужбине. Художниками-иконописцами было написано множество икон, как для сербских, так и для русских церквей и часовен в Югославии; им созданы и росписи.⁸⁹ Так, многие иконы в корпусной церкви при Русском Великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе⁹⁰, были выполнены силами самих наставников.⁹¹ Но следует отметить, что не все эмигранты смогли увезти с собой семейные, родовые иконы. Поэтому на новой земле многие русские заказывали себе иконы у различных живописцев.⁹² Из-за скромных средств заказчиков они были небольших размеров.⁹³

Многие православные кладбища в Сербии сохранили не только русскую землю, но и традиции и обычаи дореволюционной империи. Ставшие последним приютом беженцев из матушки России, они хранят и самую важную часть той же России – ее население. Храмы и церкви стали домами русских икон – икон, вывезенных из России и тех произведений изгнанников в новой среде. И не только. Иконы стали краеугольными камнями русских церквей и часовен на чужбине. А русские же книги порождали несколько десятков новых библиотек, ставших после 1944 г. частью сербских. Таким образом, Сербия стала хранителем русских, русской земли, ее традиции и веры.

87 О русских церквях в Югославии: *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). Зренянин, 1994. С. 19-20; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921-1939 годы // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 66-76; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000; *Жовановић М.* Руска емиграција... С. 344-346; *Арсеньев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011.

88 Царский вестник. 1930. 9 сентября. С. 7.

89 *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000.

90 Русские кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945: Издание Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1970. С. 321–502; *Гурковский В.А.* Российские кадетские корпуса за рубежом. М., 2009. С. 154–228; Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус: Шестая кадетская памятка – юбилейная. 1920–1940. Белая Церковь, 1940.

91 *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000.

92 Там же.

93 *Межински Ј.* Дела руских уметника у београдским приватним збиркама // *Руска емиграција у српској култури XX века*. Београд, 1994. С. 89.

Milana Zhivanovich, Ph.D.,
Institute for the recent history of Serbia

The luggage of the Russian refugee: a handful of earth, book, icons

Abstract: The article focuses on the items which the refugees have brought from the Russian Empire – the handful of earth, books, icons. It's been stated that many cemeteries in Serbia have guarded not only the Russian land, but also the traditions and customs of the prerevolutionary Russia. The orthodox cathedrals and the churches in the country have become a home for the Russian icons, and the Russian books have led to the creation of the few dozens new libraries in Serbia.

Key words: the handful of earth, cemetery, books, libraries, icons, churches.

DOI: 10.31168/0433-6.9

ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ
Доктор исторических наук ведущий научный
сотрудник Институт славяноведения РАН
andrey_ganin@mail.ru

**«Теперешняя наша жизнь – не жизнь, а только
существование...». Русские офицеры в Королевстве сербов,
хорватов и словенцев по материалам архива генерал-
лейтенанта П.И. Аверьянова**

Аннотация: Статья посвящена отражению деятельности русских офицеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в материалах архива генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова.

Ключевые слова: Офицеры, русская военная эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, П.И. Аверьянов.

Один из ярких представителей корпуса офицеров Генерального штаба генерал-лейтенант Петр Иванович Аверьянов (05.10.1867–13.10.1937) был видным отечественным военным деятелем, разведчиком и востоковедом¹. Длительное время он находился за рубежом, служа в российском посольстве в Стамбуле и военным агентом в Эрзеруме. В годы Первой мировой войны исполнял должность начальника Генерального штаба. В 1917 г. являлся генеральным комиссаром и главноуправляющим турецкими областями, занятыми русскими войсками по праву войны. Участвовал в Белом движении на Юге России, эвакуировался из Крыма в 1920 г., поселившись в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Умер в Белграде и похоронен на Новом кладбище.

Перу Аверьянова принадлежат доклады об организации разведки в Турции в военное время, краткий обзор кавказско-турецкого театра военных действий, краткий обзор военных действий на Эриванском театре в 1828-1829, 1853-1855 и 1877-1878 гг., исторический очерк о роли курдов в русско-турецких и русско-персидских

1 Подробнее см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. С. 9-10.

войнах, отчет о поездке по Северному Азербайджану (Северо-Западная Персия), этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Оттоманской империи и другие.

Несмотря на потерю части личного архива в результате Гражданской войны и первых лет эмиграции, Аверьянов оставил обширное мемуарное наследие, среди которого обращают на себя внимание воспоминания под названием «Страницы прошлого». Имевшиеся у него документы и мемуары генерал сдал в Русский заграничный исторический архив в Праге, попавший после Второй мировой войны в СССР и ныне, в значительной степени, входящий в состав Государственного архива Российской Федерации. Воспоминания были написаны Аверьяновым в конце 1920-х гг. (три тома переданы архиву в 1929 г.²).

Свои мемуары, во многом, критически оценивавшие действительность, Аверьянов начал с эпиграфа «Худо ли хорошо ли, но то моя Родина»³. Аверьянов писал: «Велика моя вера в грядущее возрождение моей поруганной Родины. Верю, что уже наши внуки увидят Ее могучей Великой Россией. Но прежней России, столь близкой и милой нашему сердцу, наши внуки не будут знать...»⁴ Воспоминания открывает описание дореволюционной жизни, далее затронуты события Первой мировой войны и Гражданской войны на Юге России, а завершаются мемуары периодом эмиграции.

В той части воспоминаний, которая касалась эмигрантской жизни, мемуариста особенно интересовал вопрос адаптации офицеров к реалиям КСХС и то тяжелое положение, в котором оказалась на чужбине прежняя военная элита России в лице офицеров Генерального штаба. Речь шла, прежде всего, о генералитете и штаб-офицерах – уже немолодых, состоявшихся людях. Адаптироваться приходилось, в том числе при помощи самоорганизации, корпоративного объединения и взаимовыручки.

Аверьянов вспоминал, с чего началось корпоративное объединение русских офицеров – генштабистов в регионе. Первоначально от военного агента в КСХС генерал-майора Д.Н. Потоцкого поступила информация о том, что в Константинополе открылось центральное правление Общества русских офицеров Генерального штаба (ОРОГ-

2 Архив Славянской библиотеки (Прага). Т-RZIA. 3-2-2. Л. 3-4.

3 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

4 Там же.

Ш)⁵, а в Белграде намечалось открытие районного правления этой организации в КСХС⁶. Предлагалось организовать собрание генштабистов, проживавших и в районе Которского залива (лидером здесь считался генерал-майор В.М. Пулевич), организовать местный отдел, избрать председателя и членов правления, обсудить устав. Как выяснилось, в районе залива проживали свыше 60 офицеров, окончивших академию. По итогам собрания возглавил эту группу генерал Аверьянов. Генерал отмечал, что первым и секретным условием приема в ОРОГШ была непримиримость к большевикам. Заседания проводились в комендантском управлении генерала Пулевича в местечке Зеленики.

Появление в КСХС массы образованных русских беженцев вызвало определенные сложности. В наибольшей степени всех волновал вопрос трудоустройства. Положение офицеров различалось. Аверьянов вспоминал, что многие офицеры прибыли в Сербию до врангелевской эвакуации ноября 1920 г. и уже имели службу, работая помощниками правительственных комиссаров в секвестрированных правительством имениях австрийских и венгерских помещиков, были и контрактуральными чиновниками и «дневничарами» (внештатными почасовыми преподавателями), а немногие, обладавшие средствами, жили частным образом⁷. Офицеры Генерального штаба в КСХС получали право преподавания в гимназиях географии и математики наравне с выпускниками университетов КСХС⁸. Некоторые преподавали черчение и иностранные языки.

Кроме того, намечался прием русских генштабистов землемерами в государственный кадастр, а также на должности преподавателей иностранных языков, географии и математики в правительственные гимназии. Благодаря стараниям генерал-майора И.С. Свищева, топографов приняли в Военный географический институт для мензульной съемки Македонии и на границе с Албанией⁹.

Для освежения познаний офицеров по геодезии в 1921 г. открывались двух – трехнедельные курсы в центрах сосредоточения

5 Подробнее об этой организации см.: Ганин А.В. Общество русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Руска дијаспора и словенски свет. Сборник радова (Русское зарубежье и славянский мир. Сб. трудов). Београд, 2013. С. 107-116.

6 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 407об.

7 Там же. Л. 409.

8 Там же. Л. 417.

9 Там же. Л. 409об.

офицеров-генштабистов (Панчево под Белградом, Дубровник, Которский залив). Однако в районе последнего курсы не открылись, несмотря на ходатайство Аверьянова. Тогда местные офицеры инициативным порядком отправились на учебу в Дубровник, а в районе Которского залива остались лишь генералы Аверьянов и И.А. Ребдев. Пришлось отзывать ходатайство. Как отмечал Аверьянов, «подобный поступок членов военной корпорации, людей интеллигентных, большей частью уже пожилых и в больших чинах, совершенно немыслимый в дореволюционной русской армии, оказался вполне возможным в армии послереволюционной, даже характерным для последней и показывает, до какой степени понизились даже в наиболее интеллигентной и культурной военной корпорации после революции требования этики и восторжествовали требования шкурничества. Это печальное явление вообще наблюдалось на всех наших общих собраниях»¹⁰. Генерал-лейтенант Г.Г. Милеант даже вышел из ОРОГШ в этой связи.

В Дубровник Аверьянов и Ребдев прибыли за три дня до закрытия курсов, успев только на последнюю лекцию и съемки¹¹. Тем не менее, в итоге Аверьянов получил свидетельство об окончании курсов¹². Отделением ОРОГШ в Дубровнике руководил генерал-лейтенант В.В. Беляев, а комендантом русских беженцев являлся генерал-лейтенант С.К. Добророльский. Местные офицеры уже закончили курсы, на которых всего обучалось до 40 человек. Из прошедших переподготовку в кадастр устроились три – четыре человека, остальные – в другие места (прежде всего, в министерство народного просвещения и по военному ведомству).

Аверьянов устроился в государственный кадастр геодезистом и в течение двух лет вел съемку в общине села Радицац, что позволило ему упорядочить свой архив и написать мемуары. В общей сложности он проработал землемером пять лет. Об этой работе Аверьянов вспоминал: «Хотя и страшно тяжела была эта служба (благодаря чрезмерным требованиям официальных инструкций), но она имела и привлекательную сторону: почти 8-9 месяцев работы в поле, на свежем воздухе, на “лоне природы”, а главное – вдали от всякого начальства! И оставил я в 1926 году эту службу, главным образом, не вследствие того, что в названном году мне стукнуло 59 лет, а вслед-

10 Там же. Л. 411.

11 Там же. Л. 411об.

12 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

ствие невозможности какого-либо лечения в сербских глухих селах для моей серьезно больной жены... Как ни как, а служба землемера офицеру Генерального штаба ближе, нежели всякая другая»¹³.

Позднее Аверьянов обосновался в небольшом городке Чуприя – административном центре Моравской области, где преподавал математику в гимназии. Узнавание Сербии русскими военными эмигрантами происходило постепенно. Многие казалось странным. Например, генерала Аверьянова в 1921 г. поражило распространение у сербов матерной брани¹⁴.

С мая 1928 г. Аверьянов служил в военно-историческом отделе Главного Генерального штаба КСХС. Здесь же служили генералы братья А.М. и В.М. Драгомировы, В.И. Баскаков, В.М. Черемисин, Б.И. Казанович, Н.А. Обручев, А.П. Филимонов, В.А. Артамонов. По свидетельству Аверьянова, «все мы размещены в двух просторных высоких комнатах нового великолепного и огромного здания на улице Милоша Великого (построенного русским военным инженером Баумгартеном), в котором с осени 1928 года помещаются все отделы Главного упр[авле]ния Генер[ального] штаба Югославии. В наших двух комнатах чиновников или офицеров-сербов не имеется, в них размещены только русские.

В соседних с нами нескольких больших комнатах находится библиотека Генерального штаба Югославии, которой заведует серб майор, а его помощниками состоят: генерал от инфантерии Пржевальский (б[ывший] главнокомандующий Кавказским фронтом), генерал от кавалерии Абациев, Генер[ального] штаба генерал-майор Владимир Николаевич Полтавцев и Генер[ального] штаба генерал-майор Шуберский. В остальных отделах Генерального штаба, а равно и в “Военном министерстве” также служат многие генералы и офицеры русской армии; служат они и в интендантстве»¹⁵.

В 1923-1928 гг. генерал Аверьянов вел обширную переписку с товарищами по прежней службе, прежде всего, с генштабистами. Речь шла о сотнях писем, представлявших ценнейший исторический материал. Впрочем, сохранить Аверьянов решил лишь 75 наиболее значимых в историческом отношении писем 17 лиц. В этих документах анализировались события Гражданской войны, разбирались причины неудачи белых. Объем писем был столь внушительным, что

13 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 65.

14 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 386.

15 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 44об.-45.

Аверьянов подготовил даже объяснительную записку по своей эмигрантской переписке, где обобщил собранные посредством переписки ценные исторические материалы, а, кроме того, привел яркие личные характеристики многих военных эмигрантов. Как отмечал сам генерал, «конечно, не пришло еще время для правильной оценки всех деятелей, и крупных, и второстепенных, пережитого и еще переживаемого нами смутного периода русской истории. Это дело не “мемуаристов” – современников этих деятелей, а будущих историков, притом историков отдаленного будущего. Но дело “мемуаристов” – сохранить для этих беспристрастных будущих историков возможно больше материала для будущих исторических приговоров»¹⁶.

Интересны наблюдения генерал-лейтенанта Н.А. Обручева, писавшего Аверьянову 12 марта 1923 г. о том, что «подавляющее большинство офицеров Ген[ерального] штаба находится в Совдепии. За границей сравнительно небольшая часть, из коих большинство, около 250 (считая в том числе и ускоренные выпуски) в Сербии и очень мало в других странах»¹⁷. Такая оценка справедлива. По имеющимся сведениям, в Обществе офицеров Генерального штаба в КСХС на конец 1923 г. значились 323 человека¹⁸.

Офицеры жили надеждой на реванш и возвращение на Родину. Сведения о подготовке такого реванша сообщал Аверьянову его друг генерал-лейтенант А.П. Архангельский, служивший в штабе генерала П.Н. Врангеля в Сремских Карловцах¹⁹.

Жизнь в КСХС и потеря прежнего статуса провоцировала фрустрацию. Близкий друг Аверьянова генерал-лейтенант Е.Ф. Эльснер с ностальгией писал 26 сентября 1924 г. про их «последнее свидание в Питере, когда мы уже из обер-офицеров для поручений сделались очень и очень большими людьми и, наконец, теперешнее наше положение бесправных, еле терпимых, живущих на подачки “братского” народа, неуверенных в завтрашнем дне... Теперешняя наша жизнь – не жизнь, а только существование»²⁰. Эльснер считал, что оказался в трудном материальном положении. Он преподавал в кадетском корпусе, что было необременительно (нагрузка составляла четыре – пять часов в день плюс два часа подготовки дома; кро-

16 Там же. Л. 2об.

17 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 64.

18 ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

19 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

20 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 183об.

ме того, летом, зимой и на Пасху были каникулы). Однако за все это платили только 1600 динаров, что составляло 30-40 довоенных русских рублей и было меньше жалованья подпоручика – то есть младшего офицера. По свидетельству Эльснера, ему не хватало средств даже на одежду. Такое положение вынуждало думать о переезде во Францию в надежде на лучшую жизнь. «Я никогда не любил денег и не гнался за большими окладами», - отмечал он²¹. Интересны рассуждения Эльснера о перспективах Советской власти. По его мнению, без внешней войны большевизм не падет, и нет надежды на возвращение эмигрантов на Родину.

На страницах воспоминаний Аверьянова можно найти целую портретную галерею его товарищей по службе, оказавшихся в изгнании. Многие характеристики и бытовые зарисовки, несомненно, пригодятся историкам для оценки тех или иных военных деятелей. Например, яркой характеристики удостоился начальник штаба Русской армии генерал П.Н. Шатилов: «К числу таких “вундеркиндов” военная среда относит, прежде всего, “Павлушу Шатилова”, личного друга покойного генерал-лейтенанта барона П. Врангеля. Никто не скажет “генерал Шатилов”, или “Павел Николаевич Шатилов”, а обязательно “Павлуша Шатилов”; это потому, что сам Врангель всегда, даже в официальных случаях и при посторонних, называл его, обращаясь к нему, не иначе, как “Павлуша!”. На Кубани, а особенно, в Крыму генерала П. Шатилова называли “злым гением” Врангеля, подобно тому, как генерала [И.]П. Романовского называли “злым гением” Деникина. Насколько справедлива такая оценка деятельности и влияния ген. Шатилова на Врангеля – я лично не могу сказать решительно ничего. Я здесь привожу лишь мнение большинства военной среды и многих лиц, которым, безусловно, верю и с мнениями которых привык считаться. Что ген. П. Шатилов имел огромное, решающее влияние на генерала Врангеля, об этом рассказывают лица, близко соприкасавшиеся с обоими генералами. Служащий ныне со мной в историческом отделе Генерального штаба Югославии, старый профессор академии Генер[ального] штаба ген[ерал]-лейт[енант] Баскаков также подтверждает это мнение, причем рассказал мне о характерном случае, уже в Константинополе, когда не Врангель распекал и отчитывал своего “подчиненного” Павлушу, а наоборот – Павлуша очень резко отчитал своего начальника генерала Вран-

21 Там же.

геля и это нисколько не возмутило последнего, т.е. было обычным явлением. Насколько велико недоверие военной среды талантам и моральным свойствам генерала П. Шатилова, свидетельствует тот факт, что слухи и газетные заметки о проникновении “Павлуши” и в окружение великого князя Николая Николаевича произвели в разнообразных кругах русской эмиграции в Югославии, особенно же среди военных кругов, крайне неблагоприятное, даже тяжелое впечатление. Эти газетные сведения о близости “Павлуши” к окружению вел[икого] князя возбудили в то время много толков еще и потому, что сперва циркулировали слухи о нежелании вел[икого] князя окружать себя уже “провалившимися” деятелями (как А.С. Лукомский) и, особенно, вундеркиндами (как П. Шатилов) и о якобы крайне неблагоприятном первом приеме великим князем этого последнего генерала. Издававшаяся в то время в Белграде и бывшая в оппозиции генералу Врангелю еженедельная газета “Старое время” (в противовес субсидированному Врангелем “Новому времени” М. Суворина) напечатала по поводу этого приема заметку в форме анекдота, суть которого была вполне понятна лицам, хорошо знавшим историю производства Павлуши в генеральские чины... В чин генерал-майора молодого Шатилова произвел генерал-майор Лебединский, которого поставило главнокомандующим Кавказского фронта правительство “Закавказской республики” вместо генерала от инфантерии Пржевальского, назначенного на этот пост российским Временным правительством. Даже вполне законный главнокомандующий не имел право производить в генеральские чины, а тем более такой сомнительный главнокомандующий как генерал-майор Лебединский. Затем редкую боевую награду орден Святого Георгия 3[-й] ст. “Павлуша Шатилов” получил по присуждению “Георгиевской Думы” Закавказской республики по рапорту самого Шатилова за какие-то подвиги, совершенные им на Кавказском фронте еще до развала последнего! В чин генерал-лейтенанта его произвел его друг генерал Врангель вскоре после первых удачных операций к северу от Перекопа. Наконец, в чин полного генерала его произвел тот же Врангель уже после эвакуации из Крыма, находясь в Константинополе! Естественно, что при наличии столь “законных” производств и награждений, в глазах большинства военной среды и великого князя молодой Шатилов, несмотря на 2 Георгиевских креста и на форму полного генерала, продолжал оставаться всего лишь полковником Шатиловым. Между тем великий князь хорошо знал отца Павлуши, генерала от

инфантерии Шатилова... И вот, когда великому князю, в его замке в Шуаньи, доложили о прибытии генерала от кавалерии Шатилова, то вел[икий] князь (так рассказывался в военной среде этот анекдот и так он затем был напечатан и в “Старом времени”) притворился ничего не знающим о смерти старого Шатилова и о феерической карьере молодого Шатилова и сказал: “Значит, Николай Павлович еще жив? Очень рад его видеть! Пригласите его ко мне сюда”, причем направился сам к двери, как бы спеша обнять уважаемого им старика Шатилова, но, увидя молодого Павлушу с двумя георгиевскими крестами и в погонах генерала от кавалерии, остановился и разочарованно сказал: “Это только Вы, полковник! А я надеялся увидеть вашего глубокоуважаемого батюшку!” Если это только анекдот, то, во всяком случае, хорошо выдуманый. Генерал от кавалерии Шатилов – только наиболее яркий пример “вундеркинда” и тех безобразных хаоса и произвола в производстве офицеров и генералов, который настал после развала русской армии в ее разнообразных осколках. Конечно, все это мелко и ничтожно на общем фоне гибели нашего Отечества и не заслуживает, может быть, даже упоминания, хотя бы и в примечании к “воспоминаниям”. Но ведь эти офицеры-вундеркинды... “спасали Россию” или стояли очень близко к вождям Белого движения, часто даже влияли на них и потому трудно пройти мимо них в полном молчании без жеста негодования»²².

Еще один пример. Видный военачальник периода Первой мировой и Гражданской войн генерал М.А. Пржевальский служил в библиотеке главного Генерального штаба КСХС, жил в Русском доме для высокопоставленных престарелых беженцев из России и, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем, исправно являлся на службу. По словам Аверьянова, Пржевальский «ходит уже с трудом, постоянно молчит, редко отвечает даже на предлагаемые вопросы. Тяжелой формы артериосклероз отразился на его умственной деятельности. Неоднократно предлагало ему сербское начальство не трудиться ходить ежедневно на службу, но он аккуратно приходит ежедневно к началу занятий и высиживает служебные часы полностью. В общем, тяжело видеть “пережившего” себя генерала Пржевальского, его прогрессирующее разрушение (и физическое, и умственное)»²³. Интересны и другие характеристики Аверьянова.

22 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 3об.-4об.

23 Там же. Л. 29об.

Жизнь в эмиграции провоцировала различные конфликты в замкнутом кругу русских офицеров. Даже в ОРОГШ не было должного единства. Существовали политические разногласия. В целом ОРОГШ ориентировалось на великого князя Николая Николаевича-младшего, в результате чего сторонникам великого князя Кирилла Владимировича (так называемым «легитимистам») пришлось выйти из организации. Среди таковых был и генерал Н.А. Обручев, на протяжении нескольких лет состоявший выборным членом районного правления ОРОГШ²⁴. Многие конфликты оказались документированы. В переписке прослеживаются и зависть, и возмущение прежними сослуживцами, совершавшими неблагоприятные поступки.

Эмигрантские трудности, тоска по Родине, известия из СССР порождали сменовеховские настроения и желание вернуться в Россию даже у некоторых генералов. В отношении возможного сотрудничества с большевиками ситуация была достаточно жесткой. Те, кто подозревался в таковом, подвергались преследованиям. Например, генерал-лейтенант С.К. Добророльский, которому пришлось выйти из ОРОГШ в связи с сотрудничеством с берлинским просоветским журналом «Война и мир». Затем у Добророльского на квартире сербские жандармы провели обыск по доносу русского полицейского чиновника по обвинению в связях с большевиками. Генерала уволили со службы и выслали из КСХС²⁵. 5 июля 1923 г. он писал Аверьянову: «Россия поумнела... Мы попали между двух эпох; оставим раз навсегда надежду на возврат в прошлое, но люди будут нужны в новой России – умеющие трудиться, и я смотрю, что пребывание наше в Сербии на ролях чернорабочих принесет нам большую пользу: мы не разучимся работать. Поэтому чем тяжелее нам здесь, тем легче будет в России. Я сомневаюсь, чтобы там нынешняя власть была свергнута, но она преобразуется постепенно в национальную демократическую власть, может быть даже с Царем во главе, но не с таким, какой был последний. Россия начинает медленно успокаиваться, так же постепенно, как постепенно нарастала революция, которая в скрытом состоянии у нас началась еще в годы Александра II, когда мы с Вами только что поступили в кадетский корпус. Размах в 40 лет, немного меньше, понадобится и для ее успокоения, а большевизм – это железный обруч, которым Россия стиснута, чтобы в пе-

24 Там же. Л. 32об., 59об.

25 Там же. Л. 38об.

риод своего перерождения не развалиться на куски, которые стали бы достоянием алчных соседей»²⁶.

Впрочем, злые языки говорили, что этот генерал любил роскошь и комфорт, а жизнь на скромное жалованье контрактального чиновника в КСХС (800-2500 динар) его не прельщала²⁷. Добророльский пошел по пути радикализации. Он даже выступал в Лозанне в ноябре 1923 г. свидетелем против армии Врангеля на процессе бывшего капитана Дроздовского полка М.М. Конради, застрелившего советского дипломатического представителя на Лозаннской конференции В.В. Воровского²⁸. Такие действия окончательно привели к изоляции Добророльского в среде белой эмиграции. Неудивительно, что в мае 1925 г. он уехал в СССР, где, по выявленным нами данным, застрелился в 1933 г.²⁹ Аверьянов свидетельствовал, что по вопросу об отъезде в СССР у Добророльского даже возникла ссора с генералом Е.И. Достоваловым, завершившаяся избиением Добророльского³⁰.

Другим пострадавшим в качестве «большевика» оказался сподвижник генерала М.В. Алексеева генерал-лейтенант В.Е. Борисов. Летом 1923 г. он планировал поехать в СССР, но по суду чести

26 Там же. Л. 40-40об.

27 Там же. Л. 41об.

28 Этот процесс был превращен адвокатом Т. Обером при содействии А.И. Гучкова и других русских эмигрантов в судебный процесс над большевизмом (Ганин А.В. «Красный террор» в черно-белом изображении // Родина. 2019. № 7. С. 126-129).

29 Центральный архив ФСБ России. Д. Р-10466. Т. 2. Л. 128.

30 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 39. Приведем характеристику, которую в июле 1926 г. дал Добророльскому генерал А.А. фон Лампе. По мнению фон Лампе, в документах Добророльского до 1923 г. не было «решительно ничего, что могло бы показать на колебания в смысле перехода [на сторону большевиков]... Наоборот, судя по всему этому, он, несмотря на свои годы, был порядочный жуир, отклонял навязчивую любовь своей старой связи А.Н. А-ой, искал других, более молодых (О. Роговская, какая-то Мирра, Пионтковская и т.д.) – в письмах к нему Аверьянова, Монкевица, Палицына о большевиках говорилось только одно скверное... по наружности он был очень некрасивый, маленький, но очень перцоватый и очень “генерал”... а между тем к большевикам он попал через уничтожение в Лозанне на процессе Конради, когда он за 3000 франков выступал против своих белых товарищей и сослуживцев, когда швейцарские газеты писали про него, что он подлец и т.д. Прошел он и через побои своего товарища по Лозанне Достовалова, который заподозрил Добророльского в том, что он его старается сплавить в Совдепию ранее себя и побил, встретив на улице, воспользовавшись тем, что он значительно больше и крупнее Добророльского... как дошел тот до жизни такой, понять не могу» (ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 26. Л. 40).

был исключен со службы с лишением чина³¹. Служа заведующим библиотекой Военной академии, он открыто высказывал симпатии большевикам как проводникам национальной политики. Благодаря своей эрудиции, Борисов пользовался определенным авторитетом.

Разумеется, офицеров особенно волновало недавнее прошлое – события революции и Гражданской войны, вопрос о поведении тех или иных представителей военной элиты в критические моменты, а также вопрос о причинах неудачи белых. Аверьянов активно интересовался ролью генерала М.В. Алексеева в отречении от престола императора Николая II. Отмечал, что в среде белых существовал культ Алексеева, а всякая критика находилась под запретом³². Обсуждалась в переписке и роль генерала Н.Н. Юденича в неудаче наступления белых на Петроград, и вопросы подбора командных кадров у белых. В частности, генерал от инфантерии Я.Ф. Шкинский писал Аверьянову о том, что молодой комсостав белых «представлял собой полнейшее военное невежество, неуравновешенность, низкий нравственный уровень при необыкновенном самомнении»³³.

Когда генерал от кавалерии В.И. Гурко со страниц берлинского «Архива русской революции» обрушился на принявший революцию Генштаб³⁴, центральное правление ОРОГШ решило ответить и собрать материал для опровержения. Для этого были запрошены все члены ОРОГШ, занимавшие в 1917 г. ответственные посты³⁵. Собранные ответы так и не увидели свет в связи с началом работы штаба генерала П.Н. Врангеля по сокращению штатов, ликвидации дел и отъезду из КСХС. Аверьянов предполагал, что могла быть и другая причина – «материалы освещали деятельность сравнительно ограниченного количества генералов и офицеров Генерального штаба, причем в отношении этого ограниченного числа лиц давали такие данные, которые могли скорее подтвердить справедливость суждений и выводов В.И. Гурко, нежели их опровергнуть»³⁶. Аверьянов признавал, что «в статье В.И. Гурко были лишь чрезмерно широкие обобщения на всю корпорацию деяний, надо сознаться, довольно

31 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 48об.

32 Там же. Л. 9.

33 Там же. Л. 56об.

34 *Гурко В.И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917-1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11.

35 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 42об.

36 Там же. Л. 45об.

значительного количества членов этой корпорации!»³⁷ Признавал он и роль Генерального штаба в отречении Николая II от престола.

В итоге Аверьянов написал председателю центрального правления ОРОГШ генералу В.М. Драгомирову, что «Ни Гурко, ни мы не можем быть нелицеприятными судьями нашего Генерального штаба; правильный приговор над ним сможет вынести только в отдаленном будущем беспристрастный историк (если когда-либо появится такой “беспристрастный” историк) на основании всего (а не частичного лишь, как ныне) документального материала о деятельности чинов нашего Генерального штаба; кроме того, революция ведь еще не закончилась, она в сущности еще продолжается и проходит через известные еще истории этапы, причем мы еще не знаем, какую положительную или какую отрицательную роль сыграют еще на этих этапах наши коллеги по Генеральному штабу; может быть еще появятся среди них светлые герои или же мы еще не раз будем огорчены наличием в нашей среде гнусных предателей»³⁸.

Документы генерала Аверьянова являются важным историческим источником по различным вопросам. Безусловно, значимы они и для изучения истории русской военной эмиграции. Хочется надеяться, что это документальное наследие в обозримом будущем окажется востребованным исследователями.

37 Там же. Л. 46.

38 Там же. Л. 49-50.

Andrey Ganin, Ph.D.,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

**“Our present life is not life, but only existence...» Russian officers
in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (based
on the archive of Lieutenant General P.I. Averyanov)**

Abstract: Based on the materials in the archive of Lieutenant General P.I. Averyanov the article is devoted to the reflection of the activities of the Russian officers in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes.

Key words: officers, Russian military emigration, The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, P.I. Averyanov.

ПИЛИПОВИЧ РАДОВАН

Доктор исторических наук
Архив Сербской православной церкви
beriozushka@gmail.com

Церковные группировки русской эмиграции (1920–1940) между Белградом и Константинополем

Аннотация: В работе на основании архивных материалов, главным образом, Сербской православной церкви рассматривается каноническое и правовое, а также церковно-дипломатическое положение эмигрантской иерархии Русской православной церкви, которая в Королевстве СХС/Югославия сформировала Русскую православную церковь за рубежом. Определены ключевые моменты и персоны православной церкви русского зарубежья, дана характеристика их отношений с Сербской православной церковью, с Константинопольской патриархией, представлен политический фактор – революционный коммунистический режим, от которого зависело как положение Московской патриархии, так и ее отношения с русской иерархией, находившейся как на Балканах, так и в Западной Европе.

Ключевые слова: Русская православная церковь за рубежом, Сербская православная церковь, Московская патриархия, Константинопольская патриархия, патриархи Сербские Димитрий, Варнава и Гаврило, митрополит Антоний Храповицкий, митрополит Анастасий Грибановский, митрополит Евлогий Георгиевский

В пределах сербского языкового ареала Русской православной церкви за рубежом посвящали как отдельные исследования, так и разделы работ общего характера, рассматривающих историю русской эмиграции¹. Обильна русскоязычная литература, проливающая

1 *Мариновић Н.* Бела емиграција у Југославији. Београд, 1996. С. 47–56; *Арсенјев А.* Руска емиграција у Сремским Карловцима. Нови Сад, 2013. С. 45–59; *Јовановић М.* Sveštenik i društvo: eto parole – Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940 // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. С. 67–100; *Јовановић М.* Руска право-

свет на эмигрантские церковные споры 1920-1940 гг., на запутанный клубок каноническо-правовых вопросов, а также на общественную подоплеку церковных отношений и споров². Особое место среди монографий, освещающих церковные аспекты истории русского зарубежья, занимают те, что описывают отношения Русской православной церкви, особенно Московской патриархии, с Константинопольским патриаршим престолом³. Для исследователей этой проблематики особую ценность представляют сборники документов и актов, которые, следует отметить, публиковались, главным образом, в русской среде. В то же время, сербские архивные материалы еще только ожидают тех, кто их опубликует и критически осмыслит⁴.

Исход и формирование организации Русской церкви за рубежом на Балканах

Митрополит Белградский и Всея Сербии Димитрий Павлович был осведомлен о тяжелом положении, в котором оказались русские иерархи в революционном круговороте 1918 года. Согласно сохранившимся документам, представители русской аристократии инфор-

славна загранична црква у Југославији током двадесетих и тридесетих година 20. века // Српска теологија у двадесетом веку – истраживачки проблеми и резултати. 2008. № 3. С. 160–178; Тимофејев А. Руска загранична православна црква и грађански рат у Србији 1941–1945 // Српска теологија у двадесетом веку – истраживачки проблеми и резултати. 2007. № 2. С. 285–295.

- 2 Тем не менее, выделим следующие работы: Митрофанов Г. Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995; Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 2010; Кашеваров А.Н. Печать Русской Зарубежной Церкви. Санкт-Петербург, 2008; Маковецкий А. Белая церковь вдали от атеистического террора (История Русской Православной Зарубежной Церкви). Санкт-Петербург, 2009; Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов (Организация церковного управления в эмиграции). М., 2007; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. (Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью). М., 2011.
- 3 Мазырин А., Кострюков А. А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017; Шкаровский М.В. Константинопольская и Русская Церкви в период великих потрясений (1910-е – 1950-е гг.). М., 2019.
- 4 Акты святейшего Тихона, патриарха московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917-1943, сборник в двух частях / сост. М. Е. Губонин. М., 1994; Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921–2007) / сост. Д. П. Анашкин. М., 2014.

мировали его о судьбе и злключениях русских епископов. Из одного такого письма митрополит Димитрий узнал, что епископ Одесский Платон в послании к архиепископу Кентерберийскому просил его заступиться за троих архиереев, которые оказались в заточении в одном католическом монастыре под Краковом. А именно, граф Владимир Бобринский писал митрополиту Димитрию, что «в тяжелом положении» находятся митрополит Киевский Антоний, Волынский архиепископ Евлогий, а также викарный Киевский епископ Никодим, то есть всех «их петлюровцы заточили... а теперь они находятся в монастыре камальдулов на Белянах под Краковом»⁵.

Не исключено, что так впервые сербские иерархи официальным образом узнали об участии отдельных представителей русского епископата, которым впоследствии было суждено сыграть значимую роль в истории русской зарубежной церкви. Именно тогда родилась идея позволить некоторым из них перебраться в Сербию, то есть предпринять необходимые шаги, дабы «упомянутые церковные сановники обрели свободу, а также возможность приехать в Сербию через Чехию и Вену»⁶.

Также из косвенных источников мы узнаем, что граф Владимир Бобринский поддерживал контакты с русскими епископами и играл важную роль в вызволении их из России, где власть прибирали к рукам большевики. Епископ Евлогий записал в своих мемуарах: «Получил письмо от графа Бобринского, который написал мне, что его с радостью встретили в Сербии. Предложение сербского представителя, составленное в любезной форме, мне понравилось, и я дал свое согласие. “Отлично, - сказал он, - дайте мне как можно скорее список ваших архиереев”»⁷.

Через Крым и Константинополь митрополиту Антонию Храповицкому все-таки удалось выбраться из России, где большевики устанавливали собственную власть. Константинопольский отрезок жизни митрополита Антония Храповицкого сыграл значимую роль в определении будущих церковно-дипломатических процессов. Его личное положение, как и статус русских архиереев в изгнании, зависело от позиции Константинопольской (Вселенской) патриархии.

5 Архив СПЦ. Varia (1918). Граф Владимир Бобрински митрополиту Димитрију, 27. јули 1918. године.

6 Там же.

7 Путь моей жизни – Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Махуниной. М., 1994. С. 327.

Своими строгими предписаниями она устанавливала границы его полномочий и деятельности.

Он также в ноябре 1919 г. выступал как «эксарх Его Святейшества Патриарха Константинопольского», а впоследствии – только как «митрополит Киевский и Галицкий». В этом качестве он предстал перед священниками из Галиции, которые хотели освободиться от влияния римокатолической унионистской пропаганды. Тогда же под его юрисдикцией находилась и Прикарпатская Русь, где проживало некоторое количество православных⁸.

В русской эмигрантской литературе и мемуарах обычно утверждается, что русские епископы перебрались в Королевство СХС из Константинополя и, в целом, с территории Вселенской патриархии по приглашению сербских церковных властей, то есть митрополита (патриарха) Димитрия Павловича⁹. Не подвергались сомнению и с радостью упоминались сердечность сербов, эмоциональная близость и общее расположение населения¹⁰. И, все-таки, следует отметить, что в сохранившихся архивных документах отсутствуют свидетельства того, чтобы патриарх Димитрий направил официальное приглашение, на которое последовал бы официальный ответ.

Прагматичные соображения обусловили следующие линии поведения: русских не устраивало оставаться в Константинополе; архиереи Сербской православной церкви с радостью принимали их, хотя была очевидной комбинаторика русских владык, имевшая целью переезд в какое-нибудь славянское государство. Нерасположение Константинопольской патриархии выражалось в том, что русские епископы и остальные церковные деятели из-за своих политических позиций и выступлений лишались поддержки Константинополя. При этом одновременно они не только становились несостоятельными с канонической точки зрения, но и подвергались политическим нападениям, так как Турция имела дипломатические отношения с Советским союзом.

Сербские архивные материалы следующим образом описывают взаимоотношения русских эмигрантов и Константинопольской патриархии: «Здесь в Константинополе находятся русские митрополиты Анастасий и Александр. Сразу по прибытии из России – после

8 Архив СПЦ. Збирка Russica. Антоній митрополитъ кїевскій и галицкій Іерею О. Михаилу Заяцу, православному священнику Галичанину. 12 ноября 1919.

9 *Іоаннъ (Максимовичъ), архієпископъ*. Русская зарубежная церковь (дополнено Владимиромъ Русакомъ). Jordanville, 1991. С. 6.

10 Путь моей жизни... С. 330–334.

поражения Врангеля – они получили от Всел. Патриархии грамоту, на основании которой они могли осуществлять известные религиозные обряды среди русских беженцев. Однако, на практике эти митрополиты начали отправлять и такие религиозные обряды, которые грамотой не санкционировались, а требовали особого разрешения Всел. Патриархии, то есть Константинопольского архиепископа»¹¹.

Далее сообщается, что русские митрополиты не только не обращали внимание на этот запрет, нарушая все ограничения, оговоренные грамотой Константинопольской церкви, но и «своими политическими выступлениями и поминанием имени Великого Князя Кирилла во время Великого входа превращали каждую церковь, в которой они служили, в место проведения политического митинга»¹². Это не могло не вызвать реакции со стороны советского правительства, которое предпринимало все, чтобы помешать формированию русской эмигрантской церковной организации в Турции.

Вопреки укоренившемуся представлению о приглашении, направленном патриархом Димитрием русскому заграничному епископату, архивные источники свидетельствуют, что митрополит Антоний официально обратился к сербским церковным властям с просьбой перевезти из Константинополя в Королевство СХС русских иерархов, священников и паству. 30 июня 1921 г. Святой архиерейский собор принял к рассмотрению просьбу митрополита Киевского Антония «перевести русскую церковную администрацию из Константинополя в Сербию»¹³.

У процесса формирования русской церковной организации в Королевстве СХС имелся как общероссийский, так и широкий международный контекст. Находившиеся в эмиграции русские архиереи в 1921 г. еще признавали, пускай и формально, юрисдикцию Московской патриархии. С другой стороны, их иерархическая структура простиралась над европейскими странами, в которых проживала новая русская политическая диаспора. Первый собор русской цер-

11 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1924). Писмо је прослеђено Светом архијерејском синоду. Legation Du Royaume des Serbes, Croates et Slovenes a Constantinople Министарству Спољних послова Краљевине СХС. № Пов. бр. 350. 13. мај 1924.

12 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1924). Письмо доставлено Святому архиерейскому синоду. Legation Du Royaume des Serbes, Croates et Slovenes a Constantinople Министарству Спољних послова Краљевине СХС. № Пов. бр. 350. 13. мај 1924.

13 Архив СПЦ. Архивске књиге. Бр. 130; Деловодни записник Светог архијерејског сабора. 1921–1930; 1921/31.

ковной эмиграции, состоявшийся осенью 1921 г. в Сремских Карловцах, имел выраженную политическую окраску. Антибольшевизм, монархизм и поддержка прежнего государственного строя - под этими лозунгами в ноябре 1921 г. в Сремских Карловцах прошло собрание русских епископов, священников и видных представителей паствы.

Обустройство церковной жизни русских беженцев шло рука об руку с выражением ими собственной политической позиции. Несомненно, собрание в Карловцах стало попыткой аккумуляции душевных сил и потенциала, смотром беженской антибольшевистской элиты. Сербы и прочие современники, по-видимому, не осознали полностью значения произошедшего. По их мнению, имела место обычная «церковная скупщина», лишенная статуса и мистического значения, приписываемого церковным соборам¹⁴. Хотя некоторые полагают, что сербский патриарх Димитрий выступил в роли «крестного отца» русского церковного собрания, назвав его «собором»¹⁵.

Общественность узнала об отдельных подробностях работы собора. Для сербов важнее всего было то, что из сербских епископов на нем присутствовали митрополит Зворникско-Тузланский Иларион Радонич и епископ Горнекарловацкий Максимилиан Хайдин¹⁶. Современник событий исследователь русской церковной эмиграции Иринарх Стратонов для обозначения русского церковного собора в Сремских Карловцах использует слова «съезд», «сходка» и «совещание»¹⁷. По-видимому, последний термин наиболее подходящий.

5/18 октября митрополит Антоний письменно проинформировал некоторых сербских архиереев о том, что собор в Сремских Карловцах состоится. Сохранился куртуазный в стилистическом отношении ответ архиерея Черногорско-Приморского Гаврило, который, отдав должное братским сербско-русским отношениям, тем не

14 М. П. Руска црквена скупштина // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1921. № 20. С. 334–335. Обращаясь с благодарностью к королю Александру по-сербски, митрополит Антоний Храповицкий сам именуется «председатель церковной скупщины, митрополит Антоний». (Архив Југославије. Ф. 74 (Двор). 20–300. См.: *Бондарева Е.А.* Духовно искуство руске дијаспоре у Југославији 1920–1944 // *Руски некропол у Београду – знамење историјског пријатељства* / ур. М. Радојевић, М. Ковић. Београд, 2014. С. 105–111, факсимил на страни 106).

15 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. 4–6.

16 Руски сабор у Карловцима // Хришћански живот – месечни часопис за хришћанску културу и црквени живот. 1922. № 1. С. 61.

17 *Стратоновъ И.* Русская церковная смута (1921–1931 гг.). Берлинъ, 1932. С. 33.

менее, заявил, что не сможет присутствовать на «предстоящих заседаниях русского церковного заграничного собора»¹⁸.

Резолюция собора, переведенная на сербский язык, была опубликована во многих церковных газетах¹⁹. Монархистское по своей политической окраске «Послание чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим», подписанное митрополитом Антонием, коммунисты оценили как реакционное и враждебное: «И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша – да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту вере и Церкви и всей земле русской, и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых»²⁰. Так группа епископов-эмигрантов еще раз недвусмысленно обозначила свою антикоммунистическую консервативную монархическую позицию, непримиримую в отношении революционной перемены власти в России. Как верно подметил митрополит Евлогий, «обращение Карловацкого собора имело последствия, которые нельзя было предвидеть. Оно, как минимум, вдвое усугубило и без того тяжелое положение, в котором находился патриарх Тихон»²¹.

Негативное отношение патриарха Тихона к политическим заявлениям епископов-эмигрантов, разумеется, соответствовало его изначальной позиции, сформулированной в послании от 25 сентября/ 8 октября 1919 г., которое гласило: «Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает Себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»²².

18 *Гаврило Дожић, патријарх српски*. Живимо у светињи и слободи (изабрани списи, посланице, беседе, акта, писма и записи). Цетиње–Београд, 2010. С. 555–556.

19 Посланица руског црквеног сабора у иностранству деци Руске православне цркве у избеглиштву и прогонству, одржаног у Сремским Карловцима крајем 1921 године // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1921. № 24. С. 424; Проглас руског црквеног сабора одржаног у Сремским Карловцима // Весник – лист за црквену политику. 1921. 25. XII. С. 4–5.

20 *Никон (Рклицкий), арх.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1960. С. 28–30; *Митрофанов Г.* Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995. С. 19, 89.

21 *Путь моей жизни...* С. 554.

22 *Митрофанов Г.* Указ. соч. С. 11; Акты святейшего Тихона... С. 163–164. И позднее - в середине 1930-х гг. - имелись «умеренные» епископы в эмиграции, которые понимали значение слов патриарха и выступали за невмешательство церкви в политические дела, особенно, когда речь шла об отношениях по ли-

В источниках первого ряда нет подтверждений того, что патриарх Тихон благословил собрание епископов в Сремских Карловцах и направил им свое приветствие²³. По всем признакам мы имеем дело с поздними апокрифическими интерполяциями. Точно так же, отнюдь не только из второстепенных источников мы узнаем о том, что патриарх Тихон намеревался распустить Высшее церковное управление, а Святой синод планировал призвать к ответу отдельных епископов за их публичные политические выступления²⁴. Избрание Евлогия Георгиевского – «бывшего архиепископа Волынского и Житомирского» - митрополитом и его назначение духовным вождем («управляющим») русских церковных общин в Западной Европе послужило протокольно-дипломатическим выражением несогласия с деятельностью «правых» и «реакционных» епископов в Королевстве СХС. Для него самого это обернулось тяжелыми последствиями²⁵. Разумеется, патриарх Тихон, хоть и разыгрывал карту «аполитичности» и «нейтральности», был далек от наивности и с самого начала восхождения большевиков к власти отдавал себе отчет в том, какая опасность грозит Церкви. Свидетельством тому – его позиция, отраженная в нескольких посланиях²⁶.

*Патриарх Тихон Белавин и митрополит Сергей
Страгородский – вызов русской церковной эмиграции*

Официальное общение Сербской патриархии и Русской православной церкви (Московской патриархии) представлялось крайне затруднительным, если принять во внимание обстановку, в которой существовала Церковь в Советском союзе. К тому же поддержание контактов между церковно-административными центрами обе-

нии «эмиграция – церковь в СССР». («Любое иное толкование этих ясных слов и очевидных потребностей церкви следует воспринимать как ложь или проявление сугубого политиканства». Архиепископъ Веніаминъ. „Невмѣшательство въ политику“. Православие – Orthodoxy. New York. 1934. № 18. С. 2–5.

23 Акты святейшего Тихона... С. 181.

24 Акты святейшего Тихона... С. 192; *Кострюков А.А.* Митрополит Евлогий и патриарший указ об упразднении зарубежного ВЦУ от 5. мая 1922. года // Церковно-исторически вестник. 2005-2006. № 12–13. С. 58–66.

25 Акты святейшего Тихона... С. 184–185.

26 Посланица поводом потписивања Брест-Литовског мира (5/18. март 1918), Посланица Совјету народних комесара (13/26. октобар 1918), са руског Ксенија Кончаревић // Голгота Христове Русије – страдање Руске цркве под комунизмом. Цетиње, 1999. С. 153–161.

их патриархий выглядело бы предосудительным в ситуации отсутствия дипломатических связей между СССР и Королевством СХС. С другой стороны, советская политика в отношении церкви предполагала, что предпринимаются определенные шаги и издаются соответствующие документы, с которыми знакомились и епископы «за границей». И Сербская православная церковь, получая опосредованным путем определенную информацию, имела возможность занять ту или иную церковно-дипломатическую позицию. Официальные протокольные контакты сводились к минимуму, а именно, к обмену «мирными письмами», в которых сообщалось о важных переменах и событиях церковной жизни²⁷.

10 апреля 1922 г. Патриарх Тихон направил митрополитам Антонию и Евлогию указ об упразднении Высшего церковного управления Русской православной церкви за рубежом. Причина была политическая, а именно, призыв Собора в Карловцах «восстановить дом Романовых». Управление приходами поручалось митрополиту Евлогию, которому надлежало представить «свое мнение о способах управления этими церквями». А отдельные священники, запятнавшие себя участием в «политических акциях», должны были понести последствия «церковно-судебной процедуры»²⁸. Патриарх Тихон, важно отметить, был арестован 11 апреля – на следующий день после издания указа, а власть 18 мая 1922 г. взяли в свои руки представители Живой церкви²⁹.

Карловацкое управление Русской церкви признало легитимность Московской патриархии, согласившись ему подчиняться. Однако лишавший их полномочий указ митрополит Антоний и его сторонники выполнили в «минимальной мере»³⁰. Власть над русскими

27 Воробьева В., Ефимова О., Косик В., Косик О. Переписка святителя Тихона со святейшим Димитрием, патриархом сербским и архиепископом белградским // Богословский сборник. 2005. № 6. С. 251–267. Один экземпляр письма патриарха Тихона патриарху Димитрию от 3/16 марта 1922 г. с сопроводительными документами находится в Архиве Сербской православной церкви. Это письмо опубликовано в журнале «Церковныя ведомости». 1922. 15/28 мая. С. 3–4.

28 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 14.

29 *Троицкіј С.* Что такое живая церковь? Варшава, 1927. С. 6.

30 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 15.

церковными общинами не была передана митрополиту Евлогию, а состоявшийся 21 ноября 1922 г. собор возложил ее на Синод³¹.

Ослабленная внешне- и внутривосточными потрясениями Русская православная церковь столкнулась с проблемой передела географической карты, обусловившей невозможность осуществления власти патриарха над теми территориями, которые вошли в состав новых государств, образованных после Первой мировой войны. В 1917 г. от Московской патриархии «отделилась» Грузинская церковь, в 1918 г. – Кишиневская епархия (в Молдавии), 14 июля 1922 г. – Польская православная церковь, в августе 1923 г. – Финская православная церковь, 23 сентября того же года – Эстонская православная церковь. Очередной геополитический удар Москва приняла на себя 9 сентября 1927 г., когда Св. Синод заграничной церкви прервал благодатно-литургическое общение с тамошним патриаршим престолом³².

Константинополь был наготове, вербуя представителей разных православных течений, которые согласились бы на его покровительство и позволили бы ему сохранять собственный квази-имперский имидж. Поддержку, оказанную Константинопольским престолом Живой церкви в России, можно было бы расценить как проявление антиславянского злорадства, испытываемого поствизантийским церковным центром, а не только как следствие неосведомленности и недомыслия «Церкви-матери»³³

Сербская православная церковь знала (так как об этом сообщило и официальное издание Патриархии), что патриарх Тихон успел 7 января 1925 г. написать завещательное распоряжение, согласно которому после его смерти и до выборов нового патриарха местоблюстителем престола назначался митрополит Агафангел. А в случае невозможности исполнения им этих обязанностей место-

31 Там же.

32 *Троцкий С.* Размежевание или расколъ. Paris, 1932. С. 20. Сравни: «Церковь Константинопольская не признает автокефалию церкви Болгарской и Албанской, а церковь Русская не признает автокефалию церквей Польской, Грузинской, Финской и Эстонской». (*Троцкий С.* Указ. соч. С. 64–65.)

33 См. рецензию (*Троцкий С.* Црква у Русији // *Летопис Матице Српске.* 1927. Новембар. С. 299–302.) книги Марьяновича (*Марьянович Ч.* Жива Црква у Русији. Београд, 1927), в которой автор обвиняется в небрежности и неточности в описании исторических событий и канонических импликаций.

блюстителем должен был стать митрополит Крутицкий Петр³⁴. К новостям из России о том, что происходило с Московским патриаршим престолом, в Сербии относились с большим интересом³⁵. Процесс передачи патриаршей власти и достоинства после смерти патриарха Тихона характеризовался значительными затруднениями³⁶.

Известно, что во главе Московской патриархии встал Сергей Страгородский, который, будучи «заместителем местоблюстителя Московского патриаршего престола», располагал всей полнотой власти и был прямым наследником патриарха Тихона. Все-таки, митрополит Сергей разработал программу легализации Русской православной церкви в Советском союзе, то есть занял примирительную позицию в отношении советской власти. От нее ожидалось, что она пойдет на компромисс и создаст более благоприятные условия для функционирования церковной организации. В одном из обращений к министерству внутренних дел, в которой излагается вышеуказанная программа, Сергей останавливается и на проблеме «Церкви за рубежом»: «Не признавая себя гражданами Советского союза и не считая себя связанными какими-либо обязательствами перед советским правительством, заграничные священники иногда позволяют себе враждебные выступления в отношении Союза»³⁷. Митрополит понимал, что каждое политическое заявление церковной эмиграции может обернуться меньшими или большими проблемами для православной церкви в Советском союзе.

12 сентября 1926 г. митрополит Сергей Страгородский ответил на письмо Карловацкого правления, жаловавшегося на митрополита Евлогия. На первый взгляд реакция выглядит равнодушной и незаинтересованной: «Дорогие мои святители, вы просите меня быть судьей в деле, мне совершенно неизвестном. Я не знаю, из кого состоит ваш Синод и Собор, и каковы его полномочия. Не знаю я ни предмета разногласий между Синодом и митрополитом Евлогием. Поэтому ясно, что я не могу быть судьей вам»³⁸.

34 Руска црква // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1926. № 1. С. 13.

35 *Парента М.* Руска црква // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1926. № 3. С. 46.

36 *Мазырин А.* Вопрос о Патриаршем Синоде в межсинодский период 1925–1927. гг. // Вестник ПСТГУ. 2010. № 2 (35). С. 61–78.

37 Историјат распре... С. 30.

38 Архив СПЦ, Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 31.

Однако, в то же время Сергей демонстрирует и мощь Московского патриаршего престола, свысока взирающего на происходящее. Проблема эмиграции связывала руки митрополиту, мешая ему попытаться наладить отношения с большевиками. В этой связи он обращается к Русской заграничной церкви со следующим наставлением: «Тогда лучше подчинитесь воле Божией, признайте, что эмигрантская церковь не может обеспечить себе обособленное существования. Поэтому для всех вас пришло время встать на камень канона и подчиниться (временно) местной православной церкви. Например, в Сербии – Сербскому патриарху, дабы трудиться на пользу православной церкви, которая вас приняла»³⁹.

Митрополит Сергей знал, что русская церковная эмиграция имеет огромное значение для духовной жизни национального рассеяния. Еще яснее это понимала большевистская власть, которая всегда стремилась заглушить голос «свободной совести русского народа». Ведь оказавшиеся за границей россияне всегда осуждали и открывали всему миру подлинную природу антирелигиозной политики и преследований церкви в Советском союзе⁴⁰. Митрополит Сергей представлял собой единственное каноническое оружие большевистской власти, с помощью которого она рассчитывала каким-то образом обуздать мятежный дух эмиграции, а именно, подчинить структуры заграничной церкви Московской патриархии.

Такое воздействие политики на церковную жизнь стало особенно заметным после ареста митрополита Сергея в декабре 1926 г. После нескольких месяцев, проведенных в заточении, он вышел на свободу, а в мае 1927 г. в Советском союзе был легализован Синод Московской патриархии⁴¹. Следующей мерой по укрощению церковной эмиграции стало озвученное 14 июля 1927 г. требование московского церковного центра и митрополита Сергея как заместителя патриаршего местоблюстителя, адресованное митрополиту Евлогию и группе архиереев. Под угрозой исключения из Московской патриархии они должны были впредь воздерживаться от политических действий и заявлений⁴². В Декларации от 29 июля 1927 г. митрополит Сергей как глава церкви выражает лояльность и гражданское

39 Там же. С. 32.

40 *Троицкий С.* Митрополитъ Сергій и примиреніе русской діаспоры. Сремскіе Карловцы, 1937. С. 3.

41 Там же. С. 4–5.

42 Там же.

повиновение большевистским властям, повторяя при этом следующее: «Мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности»⁴³. Согласно ультиматуму, письменные гарантии надлежало дать до 2/15 сентября 1927 г. Декларация в частности заклеила «выступления зарубежных врагов Советского государства», под которыми, как полагают некоторые исследователи, имелись в виду Карловацкий синод и собор⁴⁴. Ни публичная демонстрация лояльности советской власти, ни обретение правовых рамок существования Русской церкви не позволили ей достичь главной цели – сохранения жизни и свободы многих иерархов, клириков и верующих⁴⁵. До священников Сербской православной церкви, следивших за тем, что происходило с церковью в России, в эти месяцы доходили скорбные вести о том, что не прекращается разграбление и осквернение храмов, например, - Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге и Владимирского собора в Киеве⁴⁶. Несмотря на усилия митрополита Сергия, последовательно следовавшего по пути компромисса, в 1927-1928 гг. советские репрессии в отношении церкви не ослабевали. Об этом свидетельствовала и новость о том, что существует угроза захвата Троице-Сергиевой лавры («прибежища русской аристократии и контрреволюционеров»⁴⁷) и изгнания 800 проживавших в ней монахов.

В отличие от митрополита Евлогия и западноевропейской части русской эмигрантской церкви, Архиерейский собор Русской православной церкви за рубежом под председательством митрополита Антония 9 сентября 1927 г. принял решение «прервать отношения с Московской церковной властью из-за невозможности поддержания нормальных отношений с ней и по причине ее порабощения безбожной советской властью». Одновременно «решительно отверглось предложение митрополита Сергия и его Синода дать письмен-

43 Там же.

44 *Евсеев Н.Н.* Сравнительный анализ декларации митрополита Сергия и Соловецкого послания // Известия Тульского государственного университета. 2013. С. 181.

45 Там же. С. 186.

46 *Х. Т.* Православна црква у Русији // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1927. № 3. С. 43.

47 Заплена Св. Сергијевског манастира // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1928. № 13. С. 203.

ное обязательство верности советской власти как неканоническое и весьма вредное для Святой Церкви как в России, так и за рубежом»⁴⁸.

Это еще более углубило раскол между сторонниками Евлогия и Антония. Широкий резонанс, вызванный ухудшением отношений между Московской патриархией и русскими церковными фракциями в Европе, побудил правящие круги Королевства СХС поинтересоваться у собственных церковных властей – каково их отношение к Русской православной церкви за рубежом.

Маневры митрополита Евлогия Георгиевского

Наряду с митрополитом Антонием Храповицким, митрополит Евлогий Георгиевский тоже считался авторитетным представителем русской церковной эмиграции в Европе. На практике он являлся вождем русских эмигрантских приходов и колоний в Западной Европе, главным образом, во Франции и Германии. Канонически его статус подкреплялся решением Московской патриархии. В отличие от митрополита Антония, Евлогий в каноническом отношении располагал большими возможностями, особенно, в плане определения собственного положения по отношению к другим православным церквям⁴⁹.

Процесс расхождения митрополита Евлогия с Карловацкой группой протекал в сложной ситуации, в которой находилось русское православие, особенно, после смерти патриарха Тихона в апреле 1925 г. 16 октября 1926 г. в ходе собора в Сремских Карловцах местный церковный и епископский кружок в какой-то момент выступил со следующим предложением: если в Москве не выберут патриарха, возложить на митрополита Антония полномочия патриаршего местоблюстителя до тех пор, пока на наступят нормальные условия для созыва легитимного собора⁵⁰. Также предлагалось рас-

48 *Митрофанов Г.* Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995. С. 141–142.

49 Каноническое положение Православной русской церкви за границей. Издание епархиального управления Западно-европейского митрополичьего округа. Париж, 1927. С. 54. Своим актом № 424 от 1922 г. патриарх Тихон передал ему под управление русские приходы в Западной Европе, которые традиционно были под управлением митрополита Санкт-Петербургского.

50 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1936). Историјат распре Руске цркве у иностранству. С. 18.

ширить права викарных епископов в Западной Европе по отношению к митрополиту Евлогию⁵¹.

Не приходилось сомневаться в том, что карловацкое церковное управление претендовало на статус общерусского церковного центра. Патриарх Тихон Белавин был духовным авторитетом и для антибольшевистски настроенной церковной эмиграции. После его смерти карловацкое управление стало вести себя менее сдержанно при принятии определенных решений. Кульминацией противостояния Антония и Евлогия стало решение карловчан образовать Берлинскую епархию во главе с епископом Тихоном⁵². Свою позицию митрополит Евлогий выразил в письме митрополиту Антонию от 16 августа 1926 г.: «Власть заграничного синода не признаем как временную, канонически подчиненную и ответственную перед правом и специально обязанную соблюдать постановление об автономии Западноевропейского митрополичьего округа на основании указа Святейшего патриарха Тихона митрополиту Евлогию»⁵³.

Митрополит Антоний предпринял следующий шаг, а именно, 26 августа 1926 г.⁵⁴ пригрозил митрополиту Евлогию «запретом на священнодействие». Так впервые в их отношениях появляются тяжкие канонические обвинения и раскольническая риторика, которая нарушала церковное единство и без того пребывавшей в смятении русской эмиграции.

Противоречия, имевшие место в русской церковной эмиграции, не остались секретом для поместных православных церквей. Значение имела позиция некоторых православных иерархов. Так, 3 июля 1927 г. Вселенский патриарх Василий III однозначно высказался в поддержку Евлогия: «Митрополит Евлогий совершенно прав... потому что он назначен патриархом Тихоном. Запрет священнодействия ничего не значит, потому что его издала некомпетентная власть. Патриарх упразднил своим указом Карловацкое управление, и Вселенская патриархия не признавала Карловацкий синод»⁵⁵. Александрийская патриархия (патриарх Мелетий) также был против «ан-

51 Там же. С. 18.

52 Там же. С. 22–23.

53 Там же. С. 24.

54 Там же. С. 25.

55 Там же. С. 39.

тиканонического решения «самозванного» синода русских епископов в Карловцах» (16 апреля 1927 г.)⁵⁶.

Сербская церковь предпочитала держаться в стороне от споров в русской эмигрантской церкви. 18 сентября 1927 г. епископ Нишский Досифей Васич в письме Святому архиерейскому Синоду Сербской православной церкви напоминал, что еще 15 сентября 1926 г. епископ Бруклинский Евфимий сказал, что «русские епископы в Америке не согласны с решениями Карловацкого синода»⁵⁷. Епископ Досифей Васич попросил Святой архиерейский синод СПЦ определить свою позицию в связи с указанными противоречиями и выступить в качестве посредника между русскими церковными фракциями. 19 ноября 1927 г. Синод принял следующее решение: «Не вмешиваться в этот спор русских архиереев, пока они официально не обратятся с просьбой к нашей церкви»⁵⁸.

Священство Сербской православной церкви, следившее за тем, что происходит как в России, так и в эмиграции, полагало, что шаги митрополита Евлогия навстречу Москве ведут к усилению «тихоновской» заграничной церкви в пику «карловацкой», что оправдано с точки зрения канонического права⁵⁹. Лозунг «невмешательства в политику», на который делал ставку митрополит Евлогий, звучал соблазнительно для группы митрополита Антония («карловчан»), - пламенных сторонников царизма, - полагавших, что Церковь не может существовать без земного царя. По их мнению, группа богословов, работавших в Институте в Париже, проповедовала опасный модернизм, пагубный для душ православных⁶⁰.

Сближение митрополита Евлогия с Московской патриархией должно было столкнуться с осуждением со стороны паствы, которая по инерции оставалась антисоветски и антибольшевистски настроенной. Распространение листовок стало одним из способов оправдаться в глазах верующих-традиционалистов, политических приверженцев царизма по своему ментальному складу. Сохранил-

56 Там же. С. 40.

57 Там же. С. 41. См.: Архив СПЦ, Свети архијерејски синод (1927). Епископ нишки Доситеј Васић. Бр. 508. 13. септембар 1927.

58 Архив СПЦ, Свети архијерејски синод (1927). САСинод. бр. 2.348. 19. новембар 1927.

59 Г. Ф. Распра Руске заграничне цркве // Весник Српске цркве – орган српског православног свештеничког удружења. 1927. Мај–јун. С. 351.

60 *Грaббе Ю.П.* Корни церковной смуты – парижское братство Св. Софии и Розенкрейцеры. Београд, 1927. passim.

ся «Манифест Западноевропейского епархиального управления», в котором митрополит Евлогий объяснял, что «дал гарантию (обязательство) митрополиту Сергию только относительно невмешательства Церкви в политику. Никакие другие обязательства – ни тайные, ни явные – не давались. Именно такое обязательство – необходимое и достаточное – митрополиту Сергию и требовалось»⁶¹. Евлогий по возможности обходил молчанием тот факт, что ему пришлось взять на себя обязательство сохранять лояльность в отношении Советского союза.

Разрыв митрополита Евлогия Георгиевского с Карловацким синодом Русской православной церкви за рубежом не остался незамеченным сербской церковной общественностью, о чем свидетельствуют несколько материалов, опубликованных в официальном органе Сербской православной церкви. Эти статьи отражали внутреннюю позицию Святого архиерейского синода и озабоченность патриарха Варнавы в связи с судьбой Русской православной церкви и, особенно, эмиграции. 17 февраля 1931 г. Вселенский патриарх Фотий издал патриаршую грамоту митрополиту Евлогию, которая подтверждала его легитимность и уточняла церковный статус. По праву, причитавшемуся Вселенской патриархии как «Церкви-матери», Фотий брал под защиту митрополита Евлогия, соглашаясь с резонами российского Епархиального собрания и Епархиального совета: «Мы синодальным определением постановили, чтобы все Русские Православные приходы в Европе, сохраняя неизменно и немаленною доселе существующую свою самостоятельность, как особой Русской Православной церковной организации, и свободно управляя своими делами, рассматривались бы впредь, как составляющие временно единую особую экзархию Святейшего Патриаршего Вселенского Престола на территории Европы»⁶².

Согласно переводу оригинального документа, Константинопольская патриархия имела следующие мотивы к сотрудничеству с митрополитом Евлогием: «По долгу и праву попечения Святейшего Патриаршего Вселенского Престола, действительно выступить в настоящих Ваших затруднительных обстоятельствах и оказавшиеся в

61 Архив СПЦ. Збирка Russica. Плакат: Отъ Епархіального Управленія православныхъ русскихъ церквей въ Западной Европѣ, Парижъ, 13/26. августа 1928. года.

62 Грамата Васељенског Патријарха Митрополиту Евлогију // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1931. № 8. С. 124–125.

таким трудном и опасном положении приходы – принять под непосредственную юрисдикцию Святейшего Вселенского Патриаршего Престола для укрепления и ограждения их»⁶³. Патриарх Фотий признавал тот факт, что его вмешательство соответствует принципу икономии, то есть продиктовано временной сиюминутной потребностью – в ожидании того, как «принесет... Господь, призрев милосердие, мир и единство сверх меры пострадавшей Святейшей Сестре – Церкви Российской и да обрадует тем весь благочестивый Русский народ Православный и всех Сестер – Церкви Православные»⁶⁴.

По мнению аналитиков СПЦ, специализировавшихся на канонических проблемах и сочувствовавших митрополиту Антонию, грамота патриарха Фотия придавала существованию Русской православной церкви в Западной Европе временный и независимый характер, а также имела следствием прямое подчинение Константинопольскому патриарху части Русской церкви во главе с митрополитом Евлогием. Митрополит Евлогий впредь будет упоминать в ходе литургии Константинопольского патриарха, а «непосредственная связь (отношения) с Местоблюстителем митрополитом Сергием прерывается»⁶⁵.

Освободившись от бремени сотрудничества с Церковью, подконтрольной коммунистической власти в Москве, митрополит Евлогий мог спокойно объяснить своей пастве мотивы и смысл перехода под эгиду Константинопольского патриаршего престола. Заверив («Архипастырское послание» к верующим от 12/25 февраля 1931 г.), что остается с Москвой в единстве молитвы, любви и веры, он добавил: «Мы даже не смеем осуждать митрополита Сергия – заместителя патриаршего местоблюстителя. Мы только прямо подтверждаем, что здесь, за границами России нам невозможно следовать за ним... невозможно нам исполнять все его приказания, если они ставят под угрозу свободу церковной жизни»⁶⁶. Митрополит Евлогий не сомневался, что «разрыв с Русской церковью означает только временное

63 Грамата Его Святѣйшества Вселенскаго Патриарха Фотія от февраля 1931. Парижъ, 1931. С. 1–2.

64 Там же.

65 *En. J.* Руска црква Западне Европе // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1931. № 10. С. 159.

66 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1931). Архипастырское Послание Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Евлогія. Парижъ. 1931. 1–2.

прекращение административных связей, вызванное особыми обстоятельствами современной жизни»⁶⁷.

Усилия Сербской православной церкви по примирению русских церковных течений

Постепенно в русской церковной печати⁶⁸ начали появляться критические в отношении Константинополя заявления патриарха Варнавы: «Соглашаясь с каноничностью местоблюстителя патриаршего престола всея Руси митрополита Сергия, против Вселенской патриархии, принявшей под свою юрисдикцию митрополита Евлогия, мы высказали жалобу... по причине неканонических действий Вселенской патриархии, которые состоят во вмешательстве в дела русской автокефальной церкви»⁶⁹.

В повестку дня Святого архиерейского собора Сербской православной церкви (май 1933 г.) было включено обсуждение послания заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия, просившего о «братском посредничестве, дабы русские архиереи и духовенство в эмиграции вернулись под юрисдикцию своей Матери-Церкви - Московской патриархии»⁷⁰.

Разумеется, патриарх Варнава также поддерживал контакты и с Русской православной церковью за рубежом. 8/21 июля 1933 г. митрополит Антоний ответил, во-первых, что не может признать лояльность в отношении советского режима, во-вторых, что возможный запрет на священнодействие со стороны Сербской церкви и поддержка ею Московской патриархии поставили бы в тяжелое положение заграничных архиереев и, в-третьих, что единственным выходом в имевшихся обстоятельствах стало бы сохранение фактического положения вещей, то есть самостоятельной деятельности Русской православной церкви за рубежом⁷¹.

67 Там же.

68 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1932). Глас православне литванске епархије. Ковно. 14. фебруар 1932. Официальный перевод на сербский язык.

69 *Јером. Д.* Српска црква и Васељенска патријаршија // Гласник – службени лист Српске православне патријаршије. 1932. № 11. С. 170–171.

70 Архив СПЦ. Свети архијерејски синод (1933). Заседање од 16–29 маја 1933. Записник 10. седнице. С. 66.

71 *Пузовић В.* Посредовање српског патријарха Варнаве Росића у канонском спору између Московске патријаршије и Архијерејског синода Руске заграничне цркве // Српска теологија данас (28–29. мај 2010). Београд, 2011. С. 458–459.

Митрополит Антоний Храповицкий оповестил свою паству о намерениях и дипломатических усилиях Московской патриархии, напомнив лишний раз, что для него как церковного архиерея неприемлема позиция митрополита Сергия, заявившего, что «радости и успехи советских властей – это его радости и успехи, а враги советских властей – это его враги». Антоний напомнил, что речь идет о безбожниках⁷².

Администрация патриарха Варнавы и синодальные круги Сербской православной церкви следили за событиями и располагали точными данными о соотношении сил русских церковных группировок «за границей». В 1934 г. оно было следующим: за границей находилось 32 русских архиерея, из которых старшинство митрополита Антония признавали 22; 6 входили в состав группы митрополита Американского Платон; 4 – митрополита Западноевропейского Евлогия⁷³.

В 1935 г. Сербская православная церковь организовала несколько встреч Карловацкого синода Русской церкви за рубежом с митрополитом Евлогием. Первое совещание епископов Русской православной церкви за рубежом по вопросу восстановления мира и единства состоялось под председательством патриарха Варнавы Росича 18/31 октября 1935 г. в Сремских Карловцах. Присутствовали митрополиты Евлогий, Теофил, архиепископ Анастасий и епископ Димитрий. Евлогий заявил, что из отношений «заграничных епископов исчезли взаимная связующая братская любовь, уважение, взаимное доверие, а вместо этого развивается атмосфера подозрительности и враждебности. Необходимо избавиться от этой вредной психологии, и тогда быстро восстановится прочный церковный мир»⁷⁴. На вопрос патриарха Варнавы – готов ли митрополит Евлогий выйти из-под юрисдикции Константинопольского патриарха – тот ответил, что это могло бы произойти только с благословения первоиерарха церкви на Босфоре. Этого знака было достаточно для

72 Окружное послание Собора Русскихъ заграничныхъ Архіереевъ православной русской паствѣ по поводу посланія Заместителя Местоблюстителя Патриаршаго Престола Митрополита Сергія отъ 23. марта 1933. Года. Новый Садъ, 1933 (без пагинации).

73 Руски епископи у иностранству // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1934. № 23–24. С. 372.

74 Совещание глав Русской зарубежной церкви под председательством святейшего патриарха Варнавы, под редакцией Г. М. Солдатова. Minneapolis, Minnesota, 2004. С. 24.

того, чтобы патриарх Варнава собрал воедино все церковные и дипломатические силы и предложил свое посредничество⁷⁵.

В ходе прямых переговоров митрополит Евлогий твердо, хоть и дипломатическими средствами, оправдывал свой статус «экзарха Константинопольской патриархии», напоминая, что и митрополит Антоний был «экзархом» Константинопольского патриарха Иоакима III в «Галиции и Прикарпатской Руси» в 1921-1922 гг. Архиепископ Анастасий и епископ Димитрий отвергали эту аналогию под тем предлогом, что «экзархат» Антония опирался на разрешение Русского священного синода, а с другой стороны, канонической опорой существования Русской православной церкви за рубежом служил указ патриарха Тихона № 362 от 7/20 ноября 1920 г.⁷⁶

27 октября / 9 ноября 1935 г. на втором совещании обсуждался принципиальный вопрос территориального охвата архиерейской власти (митрополичьи округа) в Русской православной церкви за рубежом, а также проблемы выбора епископов и соборной деятельности (Собор и Синод)⁷⁷. О том же говорили и 1/14 ноября⁷⁸. В ходе четвертого заседания, состоявшегося 2/15 ноября 1935 г. митрополит Евлогий ясно обозначил свою позицию: «О моем положении как экзарха Константинопольского патриарха. Я и моя паства, мы все высоко оцениваем это положение, потому что оно нас в тяжелые годы защищало и продолжает нас защищать от всех нападков из Москвы. Даже если бы их и не было, оно нас привело к общению с Вселенской церковью, оно дает нам, моей церковной совести и моей пастве мир и спокойствие. Поэтому я не могу и не стану просить Вселенского патриарха освободить меня от этого звания»⁷⁹. Митрополит Евлогий по-прежнему полагал, что может участвовать в переговорах о единстве Русской православной церкви за рубежом, однако при этом он не хотел лишиться мощного покровительства со стороны исторически значимой и авторитетной Константинопольской патриархии, то есть «Вселенской церкви».

Русская эмигрантская печать с воодушевлением восприняла посредническую роль патриарха Варнавы Росича в деле примирения церковных фракций русского зарубежья. Выдержки из газет «Право-

75 Там же. С. 25.

76 Там же. С. 26.

77 Там же. С. 28–29.

78 Там же. С. 29–30.

79 Там же. С. 31.

славная Русь» и варшавского «Слова» были доступны для чтения на сербском языке. Статья из последней гласила: «Подвижничество и духовный подвиг Его Святейшества Патриарха Сербского Господина Варнавы в этом великом и святом деле во благо Православной церкви оценят по достоинству история и души миллионов православных русских людей, которые сидят и плачут “на реках вавилонских”... потому что сербский первоиерарх “в годы тяжелых искушений православной русской Церкви протянул сильную и братскую руку помощи”»⁸⁰.

*Патриарх Гаврило Дожич и митрополит Анастасий
Грибановский*

Выбор митрополита Черногорско-Приморского Гаврило Дожича патриархом Сербским, его восшествие на престол и начало активного служения не стали неожиданностью для высших иерархов Русской православной церкви за рубежом. В ходе церемонии возведения на престол, состоявшейся 22 февраля 1938 г. в Кафедральном соборе в Белграде, митрополит Анастасий Грибановский как русский заграничный первоиерарх в своем первом обращении к новоизбранному Сербскому патриарху не мог удержаться от того, чтобы выразить чувство благодарности предшественнику Дожича за покровительство, оказанное русским беженцам: «С чувством глубокой радости и наша Русская церковь за рубежом принимает участие в этом торжестве и радости Сербской православной церкви, вспоминая при этом с благодарностью о той любви, которую оказывал Блаженнопочивший король Александр и Ваш предшественник Блаженноупокойшийся Патриарх Сербский Варнава»⁸¹. Если и присутствовал оттенок дипломатической учтивости в процитированном отрывке выступления Анастасия, рассчитывавшего продолжить пользоваться необходимой поддержкой, то завершающие его слова нельзя назвать дипломатичными, так как в них новый патриарх как-бы предстает в тени своего предшественника: «Молю Бога,

80 Страни листови и часописи – успостављен је мир у Руској цркви // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1935. № 33. С. 612.

81 Свечано устоличење Његове Светости патријарха српског господина Д-р Гаврила // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1938. № 7. С. 128, 122–128.

чтобы в лице Вашем Сербская церковь обрела опять достойного вождя, каким был Ваш предшественник»⁸².

Любопытно, что составителю первой официальной патриаршей биографии Гаврило Дожича пришлось в подтверждение русофильства нового патриарха опираться на традиционные исторические стереотипы: «Как и любой черногорец, Его Святейшество Патриарх Гаврило, по традиции, любит православную славянскую Россию и с участием следит за варварскими преследованиями, которым подвергается Православная Церковь в России. Так, в 1923 г. в ходе Всеправославного конгресса он выступил с предложением осудить тяжкие преследования Православной Церкви в России со стороны советских кремлевских властителей»⁸³. Известно, что его предшественник – патриарх Варнава – учился в России и был знатоком русской культуры и церковной жизни⁸⁴.

Под влиянием прискорбных событий и начала войны в Европе в 1939 г. патриарх в своем рождественском послании призвал к согласию, поддержанию единства общего государства, а также высказал некоторые опасения: «В это время, когда встал вопрос, что кому принадлежит, Святой архиерейский собор верит, что зрелая рассудительность, которая так нужна в свете происходящего в мире, позволит привести в гармонию интересы нашего отечества в целом с пользой и прогрессом всех ее частей... потому что твердо верит, что сербская кровь, пролитая за создание и величие этого отечества, за народное и государственное единство, пролита не напрасно»⁸⁵. Сербская православная церковь не аполитично, а с живым интересом восприняла формирование Бановины Хорватия.

82 Там же. С. 128.

83 Његова Светост патријарх српски господин Д-р Гаврило – живот и рад Његове Светости // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1938. № 7. С. 131.

84 Игумен Аверкий из Прикарпатской Руси опубликовал статью о патриархе Гаврило в журнале «Православни карпаторуски весник», где подчеркнул следующее: «Хотя патриарх Гаврило, в отличие от многих сербских иерархов, не учился в России, он, согласно своим собственным убеждениям, позиционирует себя как подлинный черногорец. И самим этим определяется его отношение к России» (Његова Светост патријарх Гаврило // Гласник – службени орган Српске православне патријаршије. 1938. № 16. С. 402–403.)

85 Гаврило Божијом милошћу архиепископ пећки, митрополит београдско-карловачки и патријарх српски са Светим архијерејским сабором Српске православне цркве свему часном презвитерству... // Гласник – службени лист Српске православне цркве. 1940. № 1–2. С. 4–5.

В своем обращении к пастве в канун нового 1940 г. патриарх вспомнил и о положении русского народа и церкви, попросив верующих молить Бога «вернуть воскресение свободы и подарить мир и благополучие великой славянской земле России и братскому русскому народу»⁸⁶.

После ухода митрополита Антония Храповицкого, умершего в 1936 г., а также преждевременной кончины патриарха Сербского Варнавы в 1937 г. новые люди встали во главе Русской православной церкви за рубежом и Сербской православной церкви. Можно сказать, что, несмотря на учтывую протокольную риторику, постепенно происходило личное и институциональное отдаление двух церковных общностей, потому что ушли в прошлое готовность и стремление совместными усилиями справляться с общими вызовами и заботами.

Заключение

Существование Русской православной церкви за рубежом и ее деятельность, в особенности, политические выступления ее иерархов пали тяжким бременем на плечи Московской патриархии, оказавшейся под наблюдением и давлением со стороны полицейско-бюрократического аппарата советской власти. Благодаря русским эмигрантам Сербская православная церковь была хорошо осведомлена о ситуации в Советском союзе, а именно, о преследовании православных иерархов, уничтожении храмов и многих исторических святынь православия, убийстве высшего и низшего духовенства, нарушении свободы совести и вероисповедания... В отличие от Константинопольской (Вселенской) патриархии, Сербская православная церковь никогда не поддерживала связей с «Живой церковью» и обновленцами. Та представляла собой большевистское изобретение, эдакий *сogrus seragatum*, образованный из овдовевших и женатых (в том числе по несколько раз) священников, псевдоцерковное движение, которое должно было превратить Русскую православную церковь в организацию, удобную для нового режима. И, более того, примирить ее в доктринальном отношении с такими общественными реалиями, как марксизм и социализм.

86 Негова Светост патријарх српски Господин Гаврило пастви својој на прагу нове 1940. године // Гласник – службени лист Српске православне цркве. 1940. № 3. С. 83.

После смерти патриарха Тихона Белавина в 1925 г. и непродолжительного «межсинодского периода» во главе Московской патриархии встал заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергей Страгородский. Его курс на компромисс с советской властью, отправной точкой которого стала известная «Декларация» (1927), а также позиция, что члены Православной церкви могут быть лояльными гражданами Советского союза, встретили осуждение со стороны находившихся в эмиграции традиционно и консервативно настроенных иерархов Русской православной церкви за рубежом – так называемого Карловацкого управления. Группа русских заграничных архиереев, сплотившихся вокруг Антония Храповицкого, после 1927 г. еще отчетливее высказывала свою антибольшевистскую направленность и временами позиционировала себя как совесть и духовный центр гонимого русского народа и Церкви, располагающий последователями не только в Королевстве СХС/Югославия, но и по всему русскому зарубежью – в Северной Америке, Западной Европе, на Балканах, Дальнем Востоке, то есть во всех пределах, охваченных соборно-синодальным устройством Русской церкви за рубежом.

Имевшие место расхождения двух духовных лидеров русского зарубежья – митрополита Антония Храповицкого и митрополита Западноевропейского Евлогия Георгиевского – обострились до открытого противостояния и разрыва церковного общения после того, как последний согласился с церковной политикой митрополита Сергея, а именно, с его компромиссной позицией в отношении советской власти. Сербскую православную церковь обе церковные фракции русской эмиграции – Карловацкое управление и Экзархат в Западной Европе – информировали о развитии ситуации или, говоря другими словами, доносили до ее сведения собственное видение происходящего. Несмотря на практическую помощь, оказываемую карловацкой группе архиереев, Сербская церковь никогда публично не осуждала ни одну из русских церковных фракций. Будь то архиереи, оказавшиеся в эмиграции, или Московская патриархия, которая, хоть и подверглась репрессиям со стороны политических властей, по-прежнему оставалась легитимным историческим духовным центром русского народа и его православного самосознания. При этом для Сербской православной церкви назначение митрополита Евлогия Георгиевского «Экзархом Западных церквей», предпринятое Константинопольской патриархией в 1931 г., обернулось определенными, хотя и незначительными затруднениями.

Radovan Pilipovich, Ph.D.,
Archive of the Serbian Orthodox Church

The Russian emigration's church fractions between the Belgrade and Constantinople (1920-1940)

Abstract: Based on the archival sources, mainly Serbian church provenience, the article deals with the canonic-legal and diplomatic status of the emigrant hierarchy of the Russian Orthodox church that have formed in the Kingdom of SCS / Kingdom of Yugoslavia the Russian Orthodox Church outside Russia. Acknowledging and analyzing the key moments and persons of the Russian Orthodox Church outside Russia, its relations with the Serbian Orthodox Church and Ecumenical Patriarchate of Constantinople, it's been shown the political factor as well – the communist regime, that have generated the status of Moscow patriarchate, as well as her relations with the exiled Russian hierarchy in the Balkans and in Western Europe.

Key words: Russian Orthodox Church outside Russia, Serbian Orthodox Church, Moscow patriarchate, Ecumenical Patriarchate of Constantinople, Serbian patriarchs Dimitry, Varnava and Gavrilo, Metropolitan Antony Khrapovitsky, Metropolitan Anastasy Gribanovsky, Metropolitan Eulogius Georgiyevsky.

DOI: 10.31168/0433-6.11

ГОРИНОВ-МЛ. МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Кандидат исторических наук ведущий научный сотрудник
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
mihail_gorinov@mail.ru

Русские врачи в Югославии: новые биографические данные

Аннотация: Статья посвящена биографиям российских врачей, эмигрировавших в КСХС / Югославию после революционных событий 1917 г. Особенно подробно рассматривается судьба медиков Гавриила Гладилина (1878–1957), Петра Мамонтова (1890–1952) и Константина Мазурина (1866–1959). Работа дополняет биографический словарь осевших в Югославии русских врачей-беженцев, изданный в 2012 г. Автор опирается на новые архивные материалы и сведения, полученные от потомков и друзей российских врачей.

Ключевые слова: Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Белград, Гавриил Гладилин, Константин Мазурин.

Особое место в деятельности Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына занимает сотрудничество с сербскими коллегами. Многие издательские, выставочные и научные программы Дома связаны с Сербией. Одним из результатов двусторонней профессиональной работы по изучению места российской эмиграции в жизни Югославии стало издание в 2012 г. книги «Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946)»¹. Она является результатом профессиональных усилий совместной группы сербских и российских исследователей из Архива Югославии и Дома русского зарубежья. Издание вводит в научный и общественный оборот наших стран биографии почти двух сотен русских врачей-беженцев, работавших в

1 Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946) = Руски лекари у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца / Југославији: Биографски речник и анкете (1918–1946) / Отв. ред. М. Милошевич, В. Москвин. Сост. М.М. Горинов-мл., М.Ю. Сорокина, Н. Петрович, М. Медакович, Р. Радженович. Белград; М., 2012.

КСХС, расширяет сведения о деятельности российской медицинской диаспоры в Югославии. Каждая персоналия представлена в словаре: 1) биографической справкой на русском языке, написанной российскими составителями данного издания на основании архивных и литературных источников преимущественно российского происхождения; 2) анкетой того же медика из фонда Министерства социальной политики и национального здравоохранения Королевства Югославия (Ф. 39) Архива Югославии, заполненной самим лицом в 1946 г. на сербском языке. К сожалению, использованные в книге источники и биографические интернет-сайты не позволили в полной мере осветить период жизни российских врачей-беженцев после 1946 г.

Во введении к изданию мы указали нашу электронную почту и попросили коллег откликнуться на публикацию: присылать критику, замечания и дополнения. И за семь лет с момента выхода книги в свет отклики, дополнения и новая информация появились. В 2013 г. Алексей Борисович Арсеньев, замечательный исследователь русской эмиграции, живущий в городе Новый Сад и помогавший нам в работе над книгой, подарил Дому русского зарубежья материалы о русских в Югославии, в том числе фотографии врачей, которых у нас не было. Мы получили изображения врача общей практики в городе Бор Л.Б. Юдина (1892-1962), создателя Клиники внутренних болезней в Белграде А.И. Игнатовского (1875–1955), директора здравоохранительного кооператива в с. Венчане Аранджеловацкого уезда А.С. Завалиевской (1890–1969). Уникальны фотографии педиатра, заведующего поликлиникой Красного Креста в Белграде А.А. Солонского (1882–1976) в рабочей обстановке. А в 2018 г. Алексей Борисович прислал по нашей просьбе прекрасный фотопортрет эпидемиолога В.С. Кисловской (1904–1986). Выпускница медицинского факультета Белградского университета, Вера Степановна работала в Главной областной больнице Нового Сада вплоть до своей смерти. Ее муж, С.А. Кисловский (1899–1995), агроном, создал в Югославии десятки новых сортов злаковых культур². Фото предоставил Арсеньеву их сын Кисловский Владимир Сергеевич (р. 1939).

Более тщательная работа с архивными документами Государственного архива РФ, в частности, с фондом Земгора в Праге, позволила обнаружить на личной анкетно-регистрационной карточке

2 Русские в Сербии: Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX в.; Русская эмиграция в Сербии; Россияне в Сербии – последних 60 лет и сегодня. Белград, 2009. С. 157.

фотографию С.И. Могилевского (1897 – не ранее 1946)³, выпускника Карлова университета (1925), эпидемиолога, специалиста в области борьбы с тропическими заболеваниями. С 1945 г. он работал врачом в городе Кочани (на территории современной Македонии). А в Государственном архиве городе Киева было выявлено личное дело студента Университета св. Владимира Н.В. Стабникова (1887 – не ранее 1946). С 1925 г. он занимался частной практикой в городе Аранджеловац, а в 1944 г. возглавил там же военную амбулаторию. Мы уточнили данные о его среднем образовании (учился не только в томской гимназии, но и в рязанской), получили его фотографию и информацию о его родителях и первом браке⁴.

Особенно интересна судьба военного врача-терапевта Гладилина Гавриила Ивановича (1878–1957). Сведения о его оставшейся в России семье, последних годах жизни, отсутствующую в нашем справочнике информацию и времени и месте его кончины нам сообщила его внучка Елена Александровна Гладилина, найдя нас по интернету. Дворянин, выпускник Московского университета (1898–1903), Гавриил Гладилин работал ординатором госпитальной терапевтической клиники Московского университета (1906–1908), а затем стажировался на Ессентукской группе Кавказских Минеральных Вод (1904–1914). С началом Первой мировой войны был призван в действующую армию, состоял старшим врачом в 3-м Сунженско-Владикавказском полку Терского казачьего войска, затем служил во Владикавказском военном госпитале. С 1920 г. находился в эмиграции в КСХС: в 1925–1941 гг. был начальником военного госпиталя в городе Петроварадин, с 1945 г. работал врачом в амбулатории в городе Земун. За «ревностную службу» получил ордена св. Саввы IV и V степени⁵.

От Елены Александровны Гладилиной мы узнали, что женой Г.А. Гладилина в первом браке была Анна Ивановна, дочь купца 2-й

3 ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 3. Д. 3626. Л. 1.

4 Отец Николая Владимировича Владимир Алексеевич был приставом 4-го стана Рязанского уезда, коллежским ассессором, старшим помощником правителя канцелярии курского губернатора. Мать – Мария Ивановна, урожденная Соловьева. В 1914 г. Н.В. Стабников вступил в первый брак с орловской мещанкой, акушеркой Ольгой Григорьевной Зиновьевой (р. 1893). Его второй супругой станет Александра Платоновна Яковенко (р. 1906). ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 20164.

5 Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). С. 83–85.

гильдии И.А. Полетаева. Пока Гавриил находился на фронте, у него родился сын Александр (1914–1980), в будущем выпускник МГТУ им. Н.Э. Баумана, инженер. Его дочь – Елена Александровна – внучка Гавриила Гладилина, тоже инженер. А второй, сербской женой Гавриила, стала Наталья (ур. Димич; 1894–1979). Общих детей у них не было. Но у Натальи была дочь от первого брака Радмила.

В России считалось, что Гавриил Иванович пропал без вести в 1916 г. На этом основании его брак с Анной Ивановной был расторгнут. В 1923 г. она вышла замуж за Сергея Арсеньевича Морозова (1877–1932), члена правления Всероссийского текстильного синдиката, благотворителя. Сергей Арсеньевич был осуждён по делу Промпартии и умер в заключении в 1932 г. А Анна Ивановна Морозова со своим сыном Александром была выслана из Москвы в город Юрьев-Польской. Она была широко образованным человеком, в совершенстве знала французский и немецкий языки. Несмотря на это, ей пришлось работать учётчицей брака на фабрике, затем в детском саду для глухих детей. В 1939 г. она скончалась от скоротечной ангины.

От Елены Гладилиной мы получили больше данных о второй, сербской, семье ее деда, о времени и месте его смерти: Гавриил Иванович скончался 27 марта 1957 г. в Земуне и был похоронен на Земунском кладбище. В западной части этого кладбища расположено Русское кладбище, где похоронены русские эмигранты – офицеры царской армии, профессора, инженеры, врачи и другие образованные люди, принесшие пользу Сербии. Осенью 2013 г. Елена Александровна со своим сыном Александром отправилась в Сербию на встречу с потомками сербской жены своего деда. А адрес они узнали из нашей книги, из сербской анкеты Г.И. Гладилина. Он указывал, что жил в Земуне на улице Косовчева в доме 11. Теперь там же живет правнучка его сербской жены Наталья, только теперь эта улица носит имя Николая Островского. Елена Александровна посетила могилу бабушки и госпиталь в Петроварадине, с которым были связаны 15 лет его жизни.

Таким образом, благодаря нашей книге, Елена Александровна нашла своих родственников. А она, в свою очередь, предоставила прекрасные фото Г.И. Гладилина из ее семейного архива. Мы узнали дату его смерти. Кроме того, исправили грамматическую ошибку в написании фамилии второй жены Г.И. Гладилина: ее девичья фамилия была не Динич, а Димич.

Новые сведения мы получили и о враче Мамонтове Петре Петровиче (1890–1952). Он окончил реальную гимназию в Тифлисе (1909), медицинский факультет Юрьевского университета (1916), эмигрировал в КСХС. В 1921–1932 гг. состоял военным врачом по контракту. С 1932 г. работал уездным врачом в местечках Яша Томич и Грачаница Добойского округа, с 1945 г. – в городе Бихач, где и скончался⁶. Сегодня этот город находится на территории Боснии и Герцеговины. При подготовке книги мы знали, что у Петра Петровича два сына: старший Николай (р. 1933) и младший – адвокат Данко (р. 1938). Позже, в 2017 г., я нашел в интернете почтовый адрес живущего в Бихаче Данко Мамонтова и написал ему письмо. Мне быстро ответил его сын, Андрей, тоже адвокат. Он отыскал меня в фейсбуке. Завязалась интенсивная переписка, мы подружились. Андрей Мамонтов любит все связанное с Россией, интересуется русской историей. Я даже переправлял ему по почте российский флаг, потому что в боснийском городе Бихач, где он живет, достать его негде. Андрей прислал прекрасные семейные фотографии деда из домашнего архива и дополнительную информацию о нем, фотографии его могилы. Мы узнали, что по специальности Петр Петрович был врачом общей практики. После революций 1917 г. жил в Иране и Турции и лишь потом переехал в КСХС. Был большим книголюбом, но не любил говорить о России и жизни там. Его жена, Орель Милева, местная жительница, симпатизировала королевской семье Карагеоргиевичей и некоторое время отсидела за это в тюрьме (в 1940-е). Супруги Мамонтовы находились под наблюдением югославских спецслужб. Андрей обещал разыскать для нас материалы о своей семье и в государственных архивах Боснии и Герцеговины.

Благодаря Андрею Мамонтову, мы узнали, что его дедушка скончался не в 1955 г., как указано в нашей книге, а на три года ранее (в 1952 г.), и был похоронен в городе Бихач на Сербском православном кладбище. Символично, что прямо за его могилой растет русская береза. Семья Мамонтовых уникальна. Примечательно, что дети и внуки Петра Мамонтова унаследовали его профессию. Его старший сын, Николай, тоже был врачом и умер в 2007 г. в боснийском городе Баня Лука. Два сына Николая – Петр и Александр – тоже медики! Работают в Сербии. Петр – ортопед в Белграде, а Александр – гинеколог в городе Прокупле. Между прочим, второй сын адвока-

6 Там же. С. 209–210.

та Данко – Предраг, родной брат Андрея Мамонтова, – врач-уролог в хорватском городе Пула.

За прошедшие годы у нас появилась новая информация о последних годах жизни медика Константина Митрофановича Мазурина (1866–1959) и его захоронении. Он известен не только как врач-гинеколог, но и как предприниматель, музыковед, поэт. Это был очень разносторонний, выдающийся человек, которого вполне можно назвать русским Леонардо да Винчи. Сын текстильного фабриканта Митрофана Сергеевича Мазурина (1834–1880) и итальянской балерины Лауры Яковлевны Герра, в 1893 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета. Был удостоен двух серебряных медалей университета: за сочинения по патристике («Тертуллиан и его творения», М., 1892) и истории искусств («Винкельман: его жизнь и сочинения», М., 1894). С юношеских лет Константин занимался пением. В 1890-е гг. разработал собственную методику преподавания вокала, автор двухтомного труда «Методология пения» (М., 1902–1903). С 1889 до 1905 г. член правления «Товарищества Реутовской мануфактуры». Начиная с 1887 г. выпустил несколько стихотворных сборников. В 1901 г. издал под псевдонимом К. Герра (по фамилии матери) небольшую книгу стихов «Строфы Нирузама»: первый перевод стихов Омара Хайяма на русский язык⁷.

К.М. Мазурин был женат на Елизавете Григорьевне из московской купеческой семьи Голиковых. У них было трое детей: дочери Татьяна (р. 1887) и Ольга (р. 1888) и сын Константин (р. 1891). Однако Константин Митрофанович развелся с женой, и та, забрав детей, вышла замуж за банкира П.П. Рябушинского (1871–1924). Мазурин женился повторно, но случилась трагедия: в конце 1890-х гг. вторая супруга умерла в родах. В 1904 г. Мазурин решил кардинально изменить свою жизнь и вновь, в возрасте 38 лет, поступил в Московский университет – на медицинский факультет, который окончил в 1909 г. По завершении медицинского образования занимался проблемами гинекологии и хирургии, содержал акушерско-гинекологическую лечебницу на Неглинке, бесплатную для неимущих. Работал врачом-гинекологом в амбулатории Российского общества Красного креста им. князя В.А. Долгорукова. Издал несколько работ по аку-

7 Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). С. 198; Мазурин К.К. «Это мы уже жили...»: (Интервью В. Ганчикова с внуком К.М. Мазурина) // Русская мысль. 2005. № 21. С. V.

шерству, изобрел новую модель акушерских щипцов⁸. В годы Первой мировой войны работал ординатором 17-го Сводного полевого госпиталя, составил два сборника наставлений по военной медицине для ротных фельдшеров⁹.

В апреле 1919 г. К.М. Мазурин эмигрировал в КСХС вместе с третьей женой – Лидией Михайловной (1869–1936), учительницей музыки и французского языка. С 1923 г. заведовал гинекологическим отделением Окружной больницы в городе Шабац, а с 1931 г. – отделением рентгенологии той же больницы. Он скончался 7 февраля 1959 г. и был похоронен рядом с супругой на шабацком Доньошорском кладбище на участке, на котором хоронили русских беженцев. В 2012 г. жительница города Шабац Миряна Врбич, лично хорошо знавшая Мазурину, сообщила, что могила утрачена, и это было зафиксировано в нашем справочнике¹⁰. На тот момент это было правдой.

Хоронила Мазурина Митра Михайлович, врач, тетя Миряны Врбич. Она была коллегой Константина Митрофановича по работе в Окружной больнице Шабаца, они дружили семьями. Она соорудила каменное надгробие, идентичное тому, какое Мазурин поставил своей жене. Это была двойная могила. К сожалению, эта часть кладбища с могилами русских беженцев уже не существует. В начале 1980-х гг. все старые надгробия здесь были снесены, и на их месте были поставлены новые, ввиду того что на кладбище больше не оставалось пустых мест.

Миряна несколько десятилетий искала место захоронения Мазуриных. Администрация кладбища заявляла, что у них нет никаких сведений о могилах Мазуриных, что они ничего о них не знают и не могут их найти. Наконец, в феврале 2013 г. Миряна отыскала место захоронения Константина Митрофановича и его супруги (ориентиром послужила находящаяся рядом могила Виноградовых): были обнаружены покрытые землей каменные рамы. В апреле того же года они были откопаны из-под слоя земли. После того как могилы были найдены, администрация кладбища дала разрешение их обновить. И 30 августа 2013 г. было установлено новое надгробие. Миря-

8 Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). С. 198–199; Мазурин К.К. «Этот мы уже жили...». С. V; Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. Воспоминания. М., 1999. С. 55–57, 66, 720–721, 803.

9 «Гигиена и дезинфекция» (М., 1915); «Фармакология» (М., 1915).

10 Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). С. 198.

на Врбич сделала это на свои деньги. Могила Константина Митрофановича Мазурина восстановлена и более не является утраченной.

Таким образом, изучение российской медицинской диаспоры в Югославии требует не только скрупулезной работы в архивах, но и общения с потомками российских врачей, их друзьями, родственниками, с коллегами-исследователями стран бывшей Югославии. Почта – электронная и обычная – а также интернет и фейсбук тоже крайне необходимы в этом процессе. Надеюсь, что теплые личные и профессиональные контакты будут способствовать не только успешному осуществлению научных проектов, но также более тесному сближению наших народов.

Mikhail Gorinov junior, Ph.D,
Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

Russian doctors in Yugoslavia: new biographical information

Abstract: The article focuses on the biographies of the Russian doctors who have emigrated to the Kingdom of SCS / Yugoslavia after the revolutionary events in 1917. Specific coverage was given to the faith of the doctors Gavril Gradilin (1878-1957), Peter Mamontov (1890-1952) and Konstantin Mazurin (1866-1959). The article complements the published in 2012 biographical dictionary of the Russian émigrés-doctors, who have lived in Yugoslavia. The paper is based on the new archival materials and information, given by the decedents and friends of the Russian doctors.

Key words: The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Kingdom of SCS), Belgrade, Gavril Gladilin, Konstantin Mazurin.

DOI: 10.31168/0433-6.12

СОРОКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА

Кандидат исторических наук зав.
Отделом истории российского зарубежья
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
msorokina61@gmail.com

Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке

Аннотация: В статье рассматриваются коммуникативные стратегии и интеграционные механизмы беженского научного сообщества на примере избрания русских ученых-эмигрантов в Сербскую академию наук и искусств в XX веке.

Ключевые слова: Научные беженцы, русское научное зарубежье, коммуникативная стратегия, научная интеграция, Сербская академия наук и искусств, русская эмиграция, русское зарубежье, социальная история науки.

С окончанием Первой мировой войны европейское научное сообщество налаживало прерванные связи, стремясь восстанавливать их вне прямой зависимости от наличия дипломатических отношений между странами и опираясь прежде всего на персональные и институциональные контакты. Этот процесс имел тем большее значение, что еще рубеже XIX–XX веков европейская наука претерпела существенную институциональную трансформацию, важными элементами которой было появление российского национального научного сообщества и масштабного славянского научного мира. Сохраняя традиционные инструменты научного общения (стажировки, конференции, публикации, личные связи, совместные проекты), все национальные научные сообщества межвоенной Европы разрабатывали свои новые коммуникативные стратегии с учетом и еще одного фактора - постоянных и значительных по масштабам миграций населения, в том числе и научных специалистов.¹

1 *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «русское научное зару-

На национальном и персональном уровне трансформация коммуникативных стратегий означала появление категорий «выбора» и «перспективы». Остаться ли в рамках «старой» традиции или стремиться к интеграции в «новую» и какие инструменты избрать для реализации этого выбора – решение этих вполне конкретных вопросов нередко определяло как научную карьеру отдельного ученого, так и национальных научных сообществ в целом.

Как в условиях глобальных социально-политических и военных кризисов сочетались и сочетаются стратегии научных дисциплин, научного сообщества в целом и национального научного сообщества, в частности, – проблема большой исследовательской программы. В настоящей статье на материале взаимодействия двух научных сообществ – российского и сербского, а также, в частности, российской научной диаспоры в КСХС / Сербии, мы наметим некоторые подходы к ее решению.

Столетие «первой волны» русской постоктябрьской эмиграции, ставшей следствием Русской революции (1917) и гражданской войны на территории бывшей Российской империи, – хороший повод для подведения некоторых итогов изучения феномена «русского зарубежья» в целом и тем более стимул для его осмысления и концептуализации в рамках истории XX века.

Если в СССР научное изучение «русского зарубежья», в том числе научного, было фактически табуировано, то с началом эпохи «перестройки и гласности» в конце 80-х – начале 90-х годов XX века русская эмиграция, прежде всего «первой волны», получила статус объекта профессионального исторического исследования. Российские исследователи, в том числе соотечественники русского происхождения – потомки «белой» эмиграции, изучают «русское зарубежье» как неотъемлемую часть «внутренней» истории Российской империи / СССР, как историю прежде всего «потерь» и «страданий», а в последние годы – и как проблему «вклада» русских беженцев в мировую культуру и науку.²

бежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 75-94.

2 Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М., 2006; Пушкадия-Рыбкина Т.В. Эмигранты из Рос-

Процесс сложной адаптации и интеграции беженцев в новое языковое, культурное и ментальное пространства затронул многие страны мира, в том числе и Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), которое в это же время, наравне с Россией, испытывало сложную постимперскую трансформацию. Как выжить в новых, неожиданных для многих, условиях и не потерять при этом человеческого и профессионального достоинства, сохранив русскую культурную идентичность – эти вопросы повседневной практики беженцев составляли и основу их духовной драмы, и в то же время формировали своего рода стартовый трамплин в новую жизнь. Они отразились в исторической памяти самого эмигрантского сообщества, создавшего мощный образ «русского зарубежья», переданный им современной российской историографии.

Центры русской эмиграции в европейских столицах – Берлине, Париже, Праге и др., концентрировавшие общественно-политическую и культурную жизнь постреволюционной диаспоры, стали одной из магистральных тем историографии, затмив изучение многочисленных и очень своеобразных «провинций изгнания».

Между тем, именно в «провинциях изгнания», к которым многие десятилетия относились КСХС и Белград, в частности, были выработаны многочисленные и своеобразные модели интеграции беженцев в новую среду, в том числе и в области научной жизни и деятельности, которые, однако, до сих не получили должного признания.

Так, известный американский историк русского происхождения Марк Раев, отмечая высокую активность русских ученых в Югославии, считал, что это был «намного менее искушенный и созидательный центр, чем Берлин, Париж или Прага».³ Оценивая единственный в своем роде Русский научный институт в Белграде «как средний», он писал: «Приглашенные извне в Научный институт отмечали его „провинциализм“ и узость эмигрантских интересов в Югославии – возможно, этим объясняется тот факт, что большинство ученых так и не смогло абсорбировать службу в югославских

сии в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007; Русские в Сербии / Отв. ред. А.А. Максаков. Белград, 2009; Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Москва – Србија, Београд – Русија. Документа и материјали. Т. 4 / Руско-српски односи. 1917–1945. Отв. ред. / Одг. Уред. Я.А. Онопенко, М. Перишић. Авторы-сост. / Пр. А. Тимофејев, Г. Милорадовић, А.А. Силкин. М.: Белград, 2017.

3 Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 88.

учреждениях. Другой причиной были специфические промонархические и консервативные, если не сказать реакционные, настроения в этой русской колонии, связанные с наличием большого числа военных и казаков».⁴

Между тем, еще известный философ-эмигрант С.Л. Франк (1877–1950) проницательно замечал: «Вопреки распространенному в русской эмиграции мнению, белградская русская колония отнюдь не состояла сплошь из „черносотенцев“. Кроме некоторого числа серьезных русских ученых, пожалуй, большая часть русской колонии, в том числе и некоторые профессора, были просто средними обывателями, ведущими типично русский провинциальный образ жизни, заполненный едой и картами».⁵

Иное описание белградской жизни русской профессуры давал в 1922 г. участник этого процесса Ю.Н. Вагнер, сразу после эмиграции получивший место профессора зоологии на Сельскохозяйственном факультете Белградского университета: «Все профессора, приехавшие сюда, так или иначе устроились. Большинство получили кафедры. У нас на агрономическом факультете теперь семеро русских профессоров <...>. Долгое время упорно не принимали русских на медицинский факультет, но неимение своих специалистов и тут заставило, в конце концов, прибегнуть к русской помощи. Всего менее русских профессоров на философском факультете, всего больше на агрономическом и техническом <...>. Жизнь здесь в смысле внешности вполне нормальная – как у нас в давнее время <...>. Жалования здесь небольшие, так что семейному человеку необходимо прирабатывать. Сравнительно с чиновниками в лучшем положении рабочие специальности, так как рабочие руки здесь дороги. Какой-нибудь наборщик получает больше, чем профессор университета или учитель гимназии. Простой чернорабочий зарабатывает столько же, как ассистент <...>. Мне моего заработка вполне хватает. Кроме того, я еще преподаю в гимназии. Вообще я в материальном отношении ни в чем не нуждаюсь и могу даже помогать другим. <...> Хуже дело обстоит с духовною пищей. Страна мало культурная. Хороших библиотек нет, решительно все для работы научной, начиная с приборов и кончая простыми банками и обыкновенными реактивами, – надо выписывать из-за границы. Необходимая научная литература совершенно отсутствует. Например, нет ни одной книги, даже популярной, по эн-

4 Ibid. С. 65.

5 Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 156.

томологии, нет ни одного определителя насекомых <...>. Одним словом, положение плохое, как было у нас преимущественно в начале шестидесятых годов <XIX в.> <...>. Считаю, что наш долг не уезжать отсюда, пока не оставим стране нужных учебников и других необходимых руководств по своей специальности. Это надо сделать, хотя бы за оказанное нам гостеприимство...».⁶

Несмотря на то, что в отличие от других европейских стран в КСХС вообще не было самостоятельной русской высшей школы, столица Королевства – Белград на многие годы стала крупнейшим научным центром русского зарубежья, что пока совершенно недостаточно оценивается в историографии. Единственной значительной аналитической работой, затрагивающей этот вопрос, стала диссертация В.С. Путьгина «Российские профессора югославских университетов (1920–1941)», защищенная в МГУ в 2010 г., а также монография В.И. Косика «Что мне до вас, мостовые Белграда?» и отдельные статьи в материалах конференции «Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в.».

Между тем, именно в Белграде местные власти, научное сообщество Королевства и русские ученые-эмигранты сумели создать такую модель интегративного взаимодействия, которая, в отличие от других европейских стран, действительно функционировала на всем протяжении межвоенного периода и не только поддерживала социальные связи внутри значительной русской беженской общины, но и способствовала активному и эффективному взаимодействию эмигрантских и местных научных институций.

В университетах КСХС, по данным М. Йовановича, преподавало свыше ста русских профессоров и ученых, только в Белградском университете их было более семидесяти,⁷ что, безусловно, отражало заинтересованность властей и общества недавно возникшего государства в расширении своих интеллектуальных ресурсов за счет притока высококвалифицированных кадров из России. Этот интерес способствовал созданию условий для реализации профессиональных карьер ученых-беженцев. Так, в КСХС, в отличие, например, от западноевропейских стран, свидетельства и дипломы об образо-

6 Цит. по: Фокин С. И. Зоолог Юлий Николаевич Вагнер: Неаполь – С.-Петербург – Киев – Белград // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009. С. 112.

7 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. М., 2005. С. 332.

вании, научные степени, полученные в России до 1917 г., считались имеющими законную силу.

Другим важным движущим механизмом этой интегративной модели служила Сербская королевская академия наук / Сербская академия наук и искусств (САНИ). Помимо признания научных заслуг избранных и их вхождение в научную элиту государства, членство в академии открывало почти безграничные возможности для расширения и продвижения профессиональной научной карьеры. Только до Второй мировой войны членами САНИ разного статуса было избрано восемь российских ученых-беженцев, все они были профессорами Белградского университета. Еще больше россиян, покинувших родину в первой половине XX в., получили признание в Академии после Второй мировой войны. Ни одна другая зарубежная научная академия межвоенного периода не принимала в свои ряды такого количества русских ученых, тем более эмигрантов. Это настоящий историко-научный феномен, требующий самостоятельного историко-научного изучения.

Первым из россиян членом-корреспондентом Сербской академии наук был избран уже в 1921 г. известный филолог-славист Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941); в 1926 г. состав Академии пополнился математиком Антоном Дмитриевичем Билимовичем (1879–1970), в 1932 г. – геологом Владимиром Дмитриевичем Ласкаревым (1868–1954) и правоведом Федором Васильевичем Тарановским (1875–1936), в 1934 г. – математиком Николаем Николаевичем Салтыковым (1872–1961) и правоведом Евгением Васильевичем Спекторским (1875–1951).⁸

Иностранцами членами Сербской академии в довоенный период стали историк-византист Александр Александрович Васильев (1867–1953) и правовед Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (1892–1955). Каждый из них сделал индивидуальную научную карьеру в зарубежье, не связанную с русскими эмигрантскими учреждениями и опирающуюся на их личный научный авторитет и международные научные связи.

Президент Археологического института им. Н.П. Кондакова (с 1936) А.А. Васильев на протяжении многих лет был своего рода жи-

8 *Сорокина М.Ю.* Пересекая границы: российские ученые-эмигранты – члены Сербской академии наук и искусств // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.). Белград, 2012. С. 69–77.

вым связующим центром между российскими учеными-эмигрантами и их коллегами из западного и балканского научных сообществ. Похожая судьба и миссия были у эмигрировавшего в 1920 г. Б.С. Миркина-Гецевича, который впоследствии возглавлял международные научные институции во Франции и США.

Практически все российские специалисты приехали в Королевство уже в звании профессоров университетов, преимущественно Харькова и Одессы, но большинству из них понадобилось 10–12 лет для утверждения своего научного авторитета в сербской научной среде и пик избрания русских ученых в Сербскую академию пришелся на 1932–1934 гг. Но в отличие от многих своих коллег – ученых-эмигрантов, вынужденных неоднократно менять страну пребывания, что нередко заканчивалось потерей профессионального статуса, почти все крупные русские ученые-беженцы, оказавшиеся в КСХС, навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с этой страной, став основателями многих научных школ и направлений, директорами академических институтов, и закончили свой жизненный путь здесь же.

Сразу после Второй мировой войны, в 1946–1948 гг., в составе Сербской академии наук и искусств появились еще несколько бывших русских ученых: химик Николай Антонович Пушин (1875–1947), инженер-механик Владимир Владимирович Фармаковский (1880–1954), византолог Георгий Александрович Острогорский (1902–1976). В 1955 г. в состав Академии вошли инженер-механик Яков Матвеевич Хлытчичев (1886–1963) и лингвист Роман Осипович Якобсон (1896–1982), в 1958 г. – специалист в области прикладной механики Константин Петрович Воронеж (1902–1974), в 1959 г. – археолог и историк Андре Грабар (1896–1990), в 1988 г. иностранным членом Академии стал историк Дмитрий Оболенский (1918–2001). Наконец, нельзя не упомянуть и о слависте Ирине Георгиевне Грицкат-Радулович (1922–2009) – члене-корреспонденте Сербской академии с 1978 г., действительном члене с 1985 г., которая родилась уже в Белграде, но всегда подчеркивала свое происхождение из семьи русских эмигрантов.

Впрочем, стоит отметить, что в наше время объем и содержание понятия «русский» (и даже «российский») существенно изменилось. Сегодня принадлежность к той или иной национальной школе и / или ветви эмиграции, в том числе и прежде всего из Российской империи / СССР, определяется в европейской историографии, заим-

ствующей этот подход из американской исторической традиции и миграционной практики, местом рождения человека. Например, родившийся в Житомире в семье военного, стоявшего в этом городе гарнизоном, известный ученый и общественный деятель А.Д. Билимович, сегодня автоматически становится причисленным в историко-научной и биографической литературе к «украинской» эмиграции. Подобного рода метаморфозы исторических практик и политик коренным образом изменяют взгляд как на миграционные потоки всего XX века, так и на описание русского эмигрантского сообщества в КСХС / Королевстве Югославия.

Если учесть, что беженцами в этой стране оказались прежде всего российские подданные / граждане, родившиеся и проживавшие в южных губерниях бывшей Российской империи, то приходится констатировать, что историческая «русская научная эмиграция» буквально исчезает на наших глазах...

Постоянное избрание русских ученых, писателей и общественных деятелей, в том числе ученых-беженцев, в Сербскую академию символизировало историческую преемственность связей культур и интеллектуальных элит двух стран. Оно не могло бы состояться без многолетних персональных и научных контактов и связей между русскими и сербскими специалистами.⁹

По нашим подсчетам, всего на протяжении 1842–2006 годов в САНИ было избрано 118 россиян¹⁰. Еще в дореволюционный период ее членами стали 47 человек, в абсолютном большинстве (46) – представители гуманитарных наук. Первым из них был избранный в 1842 г. русский учёный, критик, философ и журналист, этнограф Николай Иванович Надеждин (1804–1856). Почётным членом Сербской королевской академии наук был писатель Л.Н. Толстой; среди избранных в разные категории членов Академии были известные ученые и писатели: И.С. Аксаков, Ф.И. Буслаев, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский и др. – все, так или иначе, идеологически и / или научно, непосредственно связанные с идеями панславизма, славянского единства и ренессанса. Единственный естественник среди избран-

9 *Петрович А.* Мост, через который еще предстоит перейти: русские ученые – члены Сербской академии наук после Октябрьской революции // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009. С. 77-88.

10 Здесь мы учитываем только первое избрание ученого.

ных россиян – выдающийся химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907), член Сербской академии с 1904 г.

В то же время избрание русских ученых – политических изгнанников в своей стране после 1917 г., было своего рода демонстрацией корпоративной солидарности и их поддержки со стороны югославянского научного сообщества. Даже после Второй мировой войны Сербская академия наук и искусств, наряду с избранием в свой состав представителей научного сообщества СССР, продолжала пополнять свои ряды и учеными российского происхождения, вынужденно покинувшими родину по политическим причинам. Тем самым коммуникативная стратегия САНИ на поддержание связей с российским научным сообществом, где бы ни находились его представители, получала полномасштабную реализацию и в послевоенный период.

Всего на протяжении 1945–1991 гг. (то есть до распада СССР и Югославии) в САНИ было избрано еще 47 человек – граждан СССР и русских ученых-эмигрантов. В этот период количество представителей наук физико-математического и естественного цикла стало значительно выше за счет ученых из СССР и достигло 30 человек, что составляет почти 75 % избранных. Самыми “урожайными” годами избрания для советских ученых были 1965 г., когда в САНИ появилось сразу 11 новоизбранных членов из СССР, 1991 г. – 5 человек, 1959 и 1971 г. – по 6 человек.

Ни один специалист русского происхождения не был избран в САНИ в 1950–1954, 1956–1957, 1960, 1962–1964, 1966–1970, 1972–1975, 1977–1980, 1982–1984, 1986–1987, 1989–1990, 1992–1993, 1995–1996, 1998–1999, 2001–2005 гг.

Конечно, было бы интересно детально изучить и документально подтвердить сам процесс выдвижения всех российских / советских кандидатур в члены Сербской академии наук: кто, когда и с какой аргументацией их предлагал, какие отзывы приходили, кто оппонировал кандидатам и т. п. Важно было бы обратить внимание и на то, как в рамках избирательных процедур учитывались вопросы гражданства, а также проследить, как складывались судьбы семей русских ученых-эмигрантов. Эти и другие историко-научные вопросы могли бы составить основу программы по изучению русской научной элиты как в изгнании, так и в целом в динамическом взаимодействии с сербским научным сообществом КСХС / Королевства Югославия / СФРЮ.

Marina Sorokina, Ph.D.,
Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

Russia Abroad and the Serbian Academy of Sciences and Arts in the Twentieth Century

Abstract: The article discusses the communication strategies and integration mechanisms of the refugee scientific community by the example of the election of the Russian emigrant academics to the Serbian Academy of Sciences and Arts in the twentieth century.

Key words: Scientific refugees, Russian scientific abroad, communication strategy, scientific integration, Serbian Academy of Sciences and Arts, Russian emigration, Russia Abroad, social history of science and scholarship.

DOI: 10.31168/0433-6.13

БОНДАРЕВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

кандидат исторических наук руководитель центра
издательских проектов Фонд исторической перспективы
lebond@list.ru

Русский мир в работах русских историков белградского круга 1920-1940

Аннотация: В статье освещается история русской эмиграции в Югославии после 1917 г., рассматривается ее значение для развития югославского государства, автор делится опытом личного знакомства с представителями русской эмиграции в Белграде.

Ключевые слова: русская эмиграция, Югославия, Россия, православие, византийская культура, историческая наука, русские историки.

Как известно, русское «рассеяние» по миру после 1917 г. включало в себя более 1 млн человек. Наиболее многочисленными были русские колонии в Европе, в числе которых заметное место принадлежало русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). В разные годы количество русских в Югославии было разным, так как через ее земли пролегал постоянный транзитный путь из Турции и Болгарии в остальную Европу. Большинство исследователей называют цифру 44 тыс. человек применительно к периоду 1922–1923 гг., когда русская колония была наиболее многочисленной. В последующие годы она несколько сократилась, в период конца 20–30-х годов русских эмигрантов в Югославии насчитывалось около 30 тыс. человек. Их численность упала до 18–19 тыс. человек к 1940 г., существенно сократилась в годы Второй мировой войны и сразу по ее окончании, в результате изменения политического строя Югославии и прихода к власти Иосипа Броз Тито, к 1950 г. уменьшилась до 8-9 тыс. человек.¹

1 *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996. С. 187.

Согласно сохранившимся данным, людей с высшим и средним образованием среди русских эмигрантов в Югославии было более 75%, а совершенно неграмотных – всего 3 %. С точки зрения возрастной структуры самой многочисленной группой оказалась наиболее социально активная и трудоспособная часть – люди от 19 до 45 лет, составлявшие более 65 % от общего числа.² Столь квалифицированные и активные специалисты нашли применение знаниям и способностям в молодом югославском государстве, безусловно, заинтересованном в том, чтобы закрепить эти кадры и привлечь их к научной, педагогической и хозяйственной деятельности. Следует отметить, что правительству, и в особенности королю Александру Карагеоргиевичу, удалось достичь этой цели и создать в своей стране режим наибольшего благоприятствования для русских людей. Как мы помним, Александр Карагеоргиевич учился в России в Пажеском корпусе, хорошо знал русский язык, культуру и как никто смог оценить, какой интеллектуальный потенциал представляет собой Зарубежная Россия. В глазах эмиграции он всегда был «Королем-витязем» – олицетворением православного монарха. «Одним из замечательнейших государей истории» считал его философ И. Ильин.³

В связи с этим нельзя не сказать, что отношение к русским эмигрантам в Югославии, и прежде всего в Сербии и Черногории, было особым. На русских беженцев было перенесено традиционное отношение этих православных народов к исторической России, уцелевшей частью которой они и являлись в глазах местного населения. Многовековая защита Россией интересов православных славян, и в особенности роль России и императора Николая II в событиях Первой мировой войны, не могла остаться без ответа. Понимали в Югославии и то, что, по определению профессора Г.Н. Пио-Ульско-го, «потеря русскими их родины есть следствие войны», войны в защиту Сербии.

Общее настроение прекрасно выразил председатель совета министров Никола Пашич на заседании Скупщины 25 января 1922 г.: «...Что касается России, дело вам хорошо известно. Мы, сербы, а также и другие наши братья, которых нам довелось освободить и объединить, мы все благодарны великому русскому народу, поспешившему нам на помощь от гибели, которой нам угрожала Австро-Венгрия,

2 Там же. С. 281, 283.

3 Подробнее на эту тему см.: *Бондарева Е.А.* «Сейчас вы для меня еще дороже...» // Родина. 1996. № 10.

объявив войну. Если бы Россия не совершила этого, если бы не встала на нашу защиту, мы бы погибли... (Россия) увлекла и своих союзников, и мы были спасены от смерти. Мы этого не можем забыть. Мы сейчас приняли русских эмигрантов, и мы их принимаем без различия, к какой партии они принадлежат, мы в это не вмешиваемся. Мы только желаем, чтобы они остались у нас, мы их примем, как своих братьев, и пусть они располагают свободой...»⁴

Позиция, сформулированная Николой Пашичем, проводилась в жизнь государственными органами с первых дней прибытия русских беженцев на югославскую землю. В Белграде и после революции не прекратило деятельность русское посольство, оно существовало вплоть до 1924 г., а после того как под давлением СССР его деятельность была формально прекращена, фактически было просто переименовано в «Делегацию по защите интересов русских беженцев», с тем же руководством. Располагалась «Делегация» в здании русского посольства, там, где сейчас воздвигнут величественный памятник Императору Николаю II. На фасаде посольства напротив императорского дворца красовался двуглавый орел и развевался флаг Российской империи. Важно отметить, что в отличие от многих других стран, въезд русских в Югославию не был стеснен какими-либо квотами, визами и прочими формальностями. Государственная комиссия выделяла денежные пособия и расселяла вновь прибывших. Отделения трудовой подкомиссии занимались вопросами трудоустройства и организацией курсов по приобретению различных профессий, в которых было заинтересовано югославское общество.

Сербский историк М. Йованович, столь рано ушедший из жизни, оценивая значение русской эмиграции для развития югославского государства, выделяет несколько важнейших аспектов, в рамках которых вклад русских был особенно важен и существенен.

1. Личное участие русских специалистов в работе различных научных и культурных институтов (с именами русских связано рождение югославского балета, формирование оперного репертуара, возникновение целых отраслей фундаментальной науки...). При этом исследователь особо подчеркивает, что югославское государство получило уже готовых высококлассных специалистов, не затратив средств на их подготовку.

4 Йовановић М. Оп. cit. С. 60.

2. Привлечение русскими в Югославию специалистов из других стран: гастроли ведущих театральных трупп, ансамблей, проведение международных съездов, научных конференций – все это расширяло горизонты югославского общества.

3. Непосредственное осуществление русско-сербских рабочих контактов во всех сферах культурной, научной и хозяйственной жизни.

«Появление... большого числа русских интеллектуальных профессионалов различного профиля (среди которых было девять ученых, уже в 30-е гг. ставших академиками сербской Академии наук, а также свыше 600 преподавателей, что, возможно, имело даже большее значение) заполнило тот вакуум, который образовался в сербском (прежде всего) и в югославском обществе, экономике и культуре в результате гибели огромного числа людей в только что закончившейся войне. Появление русских беженцев представляло собой сильнейший общественный импульс для этого измученного народа, и что особенно важно, именно в тот момент, когда новое поколение национальной интеллигенции еще только начало формироваться».⁵

Как уже отмечалось, общий образовательный уровень русских был достаточно высоким, поэтому культурная жизнь колонии отличалась активностью и разнообразием. В 20-е гг. были созданы Общество славянской взаимности, Русский народный университет, Русская матица в Любляне (и ее филиалы), Союз ревнителей чистоты русского языка, Комитет русской культуры и др. К важнейшим общенациональным праздникам создавались специальные объединения – Юбилейный Пушкинский комитет, Комитет к празднованию 950-летия Крещения Руси.

Эмигранты считали Югославию «единственной страной, где существовали условия для создания системы образования российской молодежи» (свидетельство профессора Петербургского университета В.Д. Плетнева). К 1924 г. в Королевстве находилось 5317 русских детей, 28 % детей были сиротами. В сложных послевоенных условиях, когда на нужды собственных школ едва хватало средств, Государственная комиссия югославского правительства ежемесячно выделяла крупные суммы на русскую систему образования. В середине 20-х гг. в Югославии было около 30 начальных русских школ

5 Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века – границы и перспективы исследований // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 19.

и ряд специальных средних учебных заведений. В них преподавали русские учителя, по русским программам и методикам, в соответствии с югославской программой были добавлены сербский язык и литература, а также история и география народов Югославии⁶.

Школы, гимназии, институты и кадетские корпуса позволили сотням русских молодых людей получить полноценное национальное образование в условиях эмиграции. Из этих стен вышли отличные специалисты. Следует подчеркнуть, что после революции русские кадетские корпуса и девические институты сохранялись только в Королевстве Югославия. В этом смысле показательны цифры: среди общего числа русских в Югославии ученики и студенты составляли 11,11 %, в то время как среди населения Королевства процент учащихся был существенно ниже – 2,5 %⁷.

С самого начала 20-х гг., решив проблему хлеба насущного и крыши над головой, русские беженцы принялись самоорганизовываться и налаживать собственную общественно-культурную среду. Разрозненные инициативы увенчались созданием единого культурного и общественного центра – «Русского дома имени императора Николая II», какого не имела ни одна другая русская община ни в одной стране. «Русский дом» был построен по русскому проекту, на русской земле, на русские и сербские пожертвования.

Здесь разместились: Русский научный институт, публичная библиотека с архивом и издательской комиссией, Музей императора Николая II, Музей русской конницы, мужская и женская гимназии, музыкальное общество, художественное общество, мастерские, профессиональные союзы, театр и т. д. Обладая таким «институтом», русская эмиграция в Югославии постоянно выступала с общественными и культурными инициативами, становилась центром объединения русской диаспоры, здесь проходили конференции, съезды, юбилейные торжества. Бывали дни, когда русские люди особенно ощущали свое духовное единство, и к числу таких дней, несомненно, относятся Пушкинские торжества в 1937 г., когда в Белграде разворачивалась специальная программа, увидел свет «Пушкинский сборник», в который вошли статьи Вл. Ходасевича, Н.С. Трубецкого, С. Франка, И. Лапшина, Е. Аничкова, Петра и Глеба Струве, К. Тарановского и др.

6 *Јовановић М.* *Op. cit.* С. 44-46.

7 Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов / Авт.-сост. Пивовар Е.И. и др. М., 1994. С. 91.

Не меньшее значение придавалось в Югославии и другому юбилею – 950-летию Крещения Руси, отмечавшемуся в 1938 г. В этом случае роль русской диаспоры в Югославии была особенно значительной, так как именно здесь располагался Синод РПЦЗ. В Белграде состоялись торжества, на которые съехались представители из разных стран, вышел «Владимирский сборник», куда были включены работы митрополита Анастасия (Грибановского), А.В. Карташева, М.А. Таубе, А.Л. Лаппо, Е.В. Спекторского, Д.А. Расовского, В.А. Розова и др.⁸

Вызывает удивление и почтение и тот факт, что в стране, опустошенной Первой мировой войной, король Александр нашел возможность и выделил пенсии, специальные пособия для таких известных русских писателей, как Бунин, Бальмонт, Мережковский и Гиппиус, которые жили, кстати, не в Югославии, а в Париже. Но из уважения к русской культуре он считал себя обязанным материально поддержать их в нелегкие времена⁹.

«Русский дом» сыграл в жизни эмиграции важнейшую роль культурного, организационного, общественного центра. Перед открытием его высокий покровитель король Александр говорил академику Александру Беличу: «Вы должны сохранить за русскими русскую душу. Смотрите, они приехали со своими семьями. Каждая семья – это народ в миниатюре, это проначало каждого народа. Поверьте, русские найдут в своих четырех стенах свою Родину, если семья будет дышать русской атмосферой. Русская школа – начальная и средняя – должна навсегда закрепить за ними русскую национальность, без которой их семья – оторванный листок от могучего дерева. И это не все, и этого мало. Русский человек не может жить без удовлетворения своих духовных потребностей. Помните это всегда. Приютить, накормить, вылечить – хорошо, необходимо и очень полезно. Но если в то же время вы не дадите русскому человеку отвести душу на лекциях, концертах, выставках, а в особенности в своем театре, в своей опере – вы ничего для него не сделали... Помните всегда, что есть в мире народ, который жертвует хлебом для духовных благ, которому искусство, наука, театр – также кусок хлеба. Это – наши русские».¹⁰

8 *Маевский Вл.* Русские в Югославии 1920-1945 гг. Нью-Йорк, 1966. С. 17.

9 Там же. С. 18.

10 *Кожина-Заборовская М.* Нетленный венок. Белград, 1936. С. 95.

В условиях эмиграции наши образованные люди стремились не только восстановить свой «Русский мир», который они стали по иному ценить после катастрофы на родине, но и изучать его и в этом огромный вклад наших историков, о чем я рассказывала в своей книге.¹¹ Федор Тарановский – академик, человек возрожденческого масштаба, прекрасно сформулировал эту идею: «Русская государственность в своем историческом шествии огосударстила и, значит, цивилизовала необъятные пространства и многочисленные первобытные племена Европы и Азии; многочисленнейшему населению она давала мир, покоящийся на твердом законном порядке: как некогда говорили о рах Romana, можно и должно говорить о рах Rossica».

Rax Rossica – это русский исторический мир, русская цивилизационная сфера, сфера воздействия русской государственности. Именно эта тема стала почвой для многих мифов, стереотипов и предубеждений. Марксисты провозгласили Россию «тюрьмой народов», еще раньше в западном сознании укрепился миф о России варварской, непросвещенной и рабской. XX век прибавил к этому ужас перед большевизмом, и в результате мы сами готовы повторять любые небылицы насчет российской истории. А ведь еще Н.М. Карамзин писал: «Должно приучить россиян к уважению собственного прошлого... надобно знать то, что ты любишь, а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем».

В Белграде трудился особый круг консервативно настроенных русских историков, близких к монархическому мировоззрению, и государственников, объединившихся вокруг Русского научного института. Белградские ученые тесно сотрудничали с другими крупными русскими научными центрами в Европе, откуда к ним приезжали с лекциями Иван Ильин, Евгений Трубецкой, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский... За 30 лет существования белградский круг русских ученых взрастил новые поколения историков, среди них такие титаны, как академик Г.А. Острогорский, академик В.А. Мошин, профессор А.В. Соловьев.

Мое первое личное знакомство с русской эмиграцией произошло в 1980-е годы в Белграде и произвело на меня сильнейшее впечатление. Мы с мужем закончили исторический факультет МГУ со специализацией «История южных и западных славян» и более 10

11 Бондарева Е.А. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М., 2012.

лет работали и жили в Югославии. Нас, конечно, очень интересовала история Балкан; события ее последнего трагического десятилетия XX века разворачивались, по сути, на наших глазах – но это, наверное, особая тема. Тогда, в 1980–1990-е годы, меня заинтересовала судьба русской эмиграции, ведь еще были живы многие «старые русские», как они сами себя называли, – покинувшие Родину после революции в 1920-е годы. Мне удалось с некоторыми из них познакомиться. Назову только несколько имен: настоятель русского храма Святой Троицы на Ташмайдане отец Василий Тарасьев и его семья, семья русско-сербского академика математика и механика К.П. Воронца, художник Георгий Лобачев, реставратор И. Вандровская, Ал. Раевский, А. Полчанинов, профессор Сальников, академик Ирена Грицкат.

Представить себе «старых русских» вне Православия просто невозможно. Для них вера была основой их личной и национальной идентичности; все их мировоззрение, вся их жизнь были сосредоточены вокруг православного храма. Чаще всего можно было встретиться именно в нашей церкви, где все собирались по воскресеньям и праздникам; особенно много прихожан было на Пасху. Почувствовав эту необходимость Православия для их жизни и радость их пребывания в вере, многие из нас глубже стали задумываться об этом – мы же были советскими людьми, комсомольцами, и наша история жизни была совсем иной. В процессе общения возникали разногласия, однако был и большой пласт проблем, связанных с историей, с классической русской литературой, обсуждая которые мы действительно говорили на одном языке. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, другие наши классики оставались непоколебимым мостом между «двумя Россиями», остовом русского мира и никакая советская власть не могла этому помешать.

В это время мы подружились с удивительным человеком – Алексеем Борисовичем Арсеньевым, собравшим уникальную коллекцию изданий, материалов, документов, фотографий, связанных с жизнью русских беженцев в Югославии. Некоторые материалы вошли в его книгу «У излучины Дуная». Тогда же мы познакомились с сербскими учеными, изучавшими феномен русской эмиграции. Один из них – Остоя Джурич, большой знаток русской эмигрантской поэзии и прозы – написал книгу «Русская литературная Сербия».

Позже, работая в Институте российской истории, где сложился коллектив ученых, занимавшихся русской исторической наукой в эмиграции (А.Н. Сахаров, М.Г. Вандалковская, Ю.Н. Емельянов), я стала

уже в академическом плане заниматься этой проблематикой.¹² И для меня открылось другое видение, другая трактовка русской истории, весьма отличная от той, которая нам преподносилась как единственно правильная. И тогда все наследие русской исторической мысли заиграло новыми красками. Русские историки в Белграде занимались разными отраслями знаний: античной историей (М. Георгиевский), западноевропейской историей (С.Р. Минцлов, М.Н. Ясинский). Всего, примерно, 20 имен. А русские византологи, жившие и работавшие в Сербии – в Белграде, представляли в совокупности отдельное, очень сильно и ярко выраженное, запечатлевшее себя в истории науки направление. Венцом этого направления является творчество академика Георгия Александровича Острогорского. Его «Историю Византии» недавно перевели на русский язык, а до этого она многократно выходила на сербском и немецком языках. Ему удалось сохранить кафедру византологии в социалистической Югославии, в отличие от Советского Союза, где эта наука долго, к сожалению, была в загоне. С византологией тесно связано еще одно направление – история византийского искусства. Балканы дали уникальную возможность

12 См.: Бондарева Е.А. Сотрудничество Пражского и Белградского русских научных центров // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М., 2005. С. 125-134; Бондарева Е.А. Историческая судьба России в трудах иерархов русской православной церкви за рубежом. Митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Анастасий (Грибановский), архиепископ Серафим (Соболев) // Бялата эмиграция в България. Материали от научна конференция. София, 2001. С. 328-353; Бондарева Е.А. Духовный опыт русской диаспоры в Югославии. 1920 – 1944 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. Сборник статей / Сост. Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 160-169; Бондарева Е.А. Война и эмиграция // «Стратегия России». Февраль 2012. №2. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?archive=1330502952&id=1330502272&start_from=&subaction=showfull&ucat=14; Бондарева Е.А. Размышления иерархов Русской православной церкви за рубежом о причинах и уроках революции // Русский исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. М., 2011. С. 169-188; Бондарева Е.А. Государственность в самосознании русского народа // Святой князь Владимир Киевский (1015 – 2015 гг.). Сборник статей в честь 1000-летия преставления. Белград, 2017. С. 134-145; Бондарева Е.А. Парадигмы русской истории в работах историков белградского круга // Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы / Отв. ред. М.М. Кононова [и др.]. М., 2007. С. 107-141; Из архива А.В. Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание “русской истории или истории России”» (подг. Е.А. Бондарева) // История и историки. Историографический вестник. М., 2001. С. 325-332.

познакомиться с памятниками византийской культуры: иконами, фресками, архитектурными сооружениями. Греция, Македония и Сербия – страны, сохранившие эти уникальные памятники. На территории Косово, например, есть несколько сотен уникальных ансамблей византийской архитектуры XI–XIV веков, которые практически не перестраивали вплоть до XX века. Огромный вклад в исследование данного наследия внесли русские ученые, в том числе Кондаков и Успенский, которые собирали византийские памятники. Замечательный русский ученый Н.Л. Окунев создал научную группу, с которой объехал Косово, Южную Сербию, современную Македонию. Они копировали фрески византийских церквей и монастырей и потом воссоздавали эти фрески на огромных картонах. В Белграде до сих пор существует музей, где эти картоны выставлены. Благодаря деятельности группы Окунева мы имеем возможность видеть и изучать фрески, которые после бомбежек в 1999 году, после всего, что случилось в Косово, были утрачены. Но эти копии не просто сохранялись – на их основе знаменитый русский архитектор Н. Краснов создал эскизы мозаик по сюжетам старинных фресок сербских монастырей. Они были воспроизведены в уникальном ансамбле храма-памятника династии Карагеоргиевичей на Опленце. Это удивительный храм-усыпальница во имя святого Георгия, сопоставимый по мозаичной площади только с собором Спаса на Крови в Санкт-Петербурге. Таким образом, вклад русских художников, историков, архитекторов в то, чтобы все это сохранить и развить эту традицию, невозможно переоценить. И это только одно направление деятельности русских ученых-историков на Балканах.

Надо сказать, что русские профессора работали, преподавали, как правило, в двух или трех местах и жили очень скромно. Огромная часть средств у них уходила на покупку книг, выписку их из-за границы. Русские ученые, оказавшиеся в эмиграции, были оторваны от России, от русской, советской науки, от архивов, библиотек, то есть от всего того, что необходимо для научных исследований. Они старались это восполнить, используя доступные фонды, прибегая ко всем возможным источникам научных материалов балканских стран, собраниям университетов, архивов, библиотек Вены, Берлина, Парижа... Они ввели в оборот исторической науки большой объем данных, которыми советская наука часто не располагала. Необходимо иметь в виду и ситуацию с исторической наукой в СССР в 1920–1930-е годы. Это было время создания Института красной

профессуры и преследования старых русских академических и университетских ученых. Трагическим примером этого являются судьбы академиков С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле, буквально затравленных властями. Такие «старорежимные выдумки», как византология или славистика, были упразднены, а «дело славистов», по которому проходил, например, и Михаил Несторович Сперанский, практически выкосило специалистов. Последствия идеологических установок и ревизий в исторической науке еще многие десятилетия сказывались на качестве исследований. И даже когда в 1970-е годы Л.Т. Пашуто (он, кстати, переписывался с историками белградского круга и высоко оценивал их вклад в науку) стал заниматься историографией историков-эмигрантов, ему чинились всяческие препятствия, а собранные им материалы до сих пор не только не опубликованы, но даже до конца не разобраны!

Среди титанов белградского круга выделяется несколько имен. Е.В. Спекторский – это удивительный ученый, которого я могу сравнить только с Питиримом Сорокиным, потому что он был человеком энциклопедических знаний, работал на стыке нескольких дисциплин: права, истории и социологии. Науку о государстве он не только знал, он ее, собственно говоря, формировал. Учебники, написанные им в период эмиграции, до сих пор издаются в Югославии на сербском языке как учебные пособия. Он был ректором Киевского университета, профессором Белградского, Люблянского, Пражского университетов, а после войны возглавил русскую академическую группу в США. В трудах Спекторского заключены методологические, ценностные, концептуальные основы науки, на которые можно наращивать эмпирическую массу.

Другой историк и правовед – Ф.В. Тарановский. Федор Васильевич был профессором Варшавского университета. Он знал чуть ли не все европейские языки, причем знал их блестяще. Он был представителем школы государственоведения, которого сейчас вообще нет как научной дисциплины. А в царской России государственоведение было представлено замечательной плеядой ученых: Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, М.Ф. Владимирский-Буданов и др. К этой славной когорте принадлежал и Ф.В. Тарановский. Он знал западноевропейское, византийское, славянское право. Находясь на Балканах, он изучил огромный массив сербских правовых средневековых актов, которые опубликовал, ввел в научный оборот. Точно так же, как русские искусствоведы вводили огромный пласт византийского искусства

в европейскую науку, так и русские правоведы вводили памятники правовой культуры южных славян в общеевропейскую практику.

В.А. Мошин, А.В. Соловьев – это представители более молодого поколения. Они еще не были состоявшимися учеными ко времени эмиграции и доучивались уже в изгнании, досдавали экзамены в Русском научном институте. Их профессорами были как раз Ф.В. Тарановский, Е.В. Спекторский, А.Л. Погодин.

Жизнь В.А. Мошина складывалась сложно. Он работал и в Сербии, и в Хорватии, и в Македонии, но не по собственному выбору, а по обстоятельствам: его все время куда-то переводили. В итоге он поработал во всех республиках бывшей Югославии и везде создал школы учеников. В русской истории он больше всего занимался двумя сюжетами: норманнской теорией и Хазарией. Об этом и те статьи, которые вошли в книгу. Могут только сказать, что те выводы, к которым он пришел в результате своих исследований, до сих пор не утратили научной актуальности.

В 1930-е годы Мошин и Соловьев несколько раз как ученые приезжали на Афон, где занимались описанием сербских рукописных собраний, хрисовулов, грамот сербского монастыря Хиландар. Впоследствии они весь этот огромный пласт документов опубликовали. Но на Афон они отправились не только как ученые, но и как православные люди. И мне кажется, что пребывание там оказало на Мошина огромное влияние. Вскоре после этого началась война. В то время его семья была в Белграде, где вся жизнь русской общины концентрировалась вокруг русского храма. И он вспоминает, что они с женой буквально не выходили из храма. На богословских курсах, которые открылись при храме во время оккупации Белграда, читали лекции ведущие профессора, богословы и философы, в том числе и Евгений Трубецкой. Лекции читались, а священников не хватало, и В.А. Мошин был рукоположен в диаконы, а через полтора месяца стал и священником.

В его воспоминаниях есть потрясающий эпизод. Когда Красная Армия вошла в Белград, он вынужденно познакомился с русским офицером. Это была его первая встреча с советским человеком. И случилась она во время производимых тогда арестов. Его тоже посадили в камеру, где находились самые разные люди, потом вызвали на допрос. Сам Мошин описывает его так: «Сидит передо мной молодой, аккуратный, собранный советский офицер. Я ему все без утайки рассказал. Сказал, что я священник русского храма Пресвятой Тро-

ицы. Он меня спросил, не сотрудничал ли я с немцами. Я сказал, что нет. После этого он пожелал мне всяческих успехов и не просто отпустил меня, а вывел меня за пределы комендатуры так, чтобы со мной ничего не случилось по дороге».

После войны Мошина отправляют в Хорватию, в Загреб, и там он вновь становится клириком русского храма. До самого преклонного возраста он совмещал два служения – служение науке и служение Церкви. Это ему, как ученому, очень дорогого стоило, потому что в социалистической Югославии такое, мягко говоря, не поощрялось. Но он не отступил от своих принципов.

Трагичной была судьба А.В. Соловьева – энциклопедически образованного человека. После многих мытарств его последним местом работы стала кафедра истории Женевского университета – он оказался после войны в Швейцарии. Но перед этим прошел титовские тюрьмы, пересыльные лагеря, дважды терял все свои архивы, библиотеку. Его семью арестовывали, жена стала инвалидом в Сараевской тюрьме, но все же семью ему удалось вытащить. Года три-четыре они провели в пересыльных лагерях и в конце концов обосновались в Швейцарии. Там ему пришлось сдавать огромное количество экзаменов, но он очень быстро доказал свою профессиональную состоятельность. Помогло блестящее знание иностранных языков, европейской истории, римского и византийского права. И как это ни парадоксально, в 1950–1960-е годы некоторые статьи Соловьева – конечно, узкоспециальные – были опубликованы в советских журналах. Он вернулся на Родину своим творчеством еще при жизни. В этом смысле его биография как ученого более успешна. Соловьев написал уникальный цикл статей: «Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи», «Национальное сознание в русском прошлом», «Белая и Черная Русь. Опыт историко-политического анализа». В очерке «Святая Русь» он пишет о самосознании русского народа, о том, каким содержанием в разные исторические периоды наполнялось само понятие «Русь». Его работа о Святой Руси вышла раньше, чем известная статья А.В. Карташёва на эту же тему. И, с моей точки зрения, Александр Васильевич глубже в своей трактовке.

А.В. Соловьев пишет и о том, почему именно в России тоска по утраченному Небесному Отечеству столь глубоко укоренилась в народном сознании. Надо понимать, что на протяжении короткого исторического периода произошли колоссальные сдвиги в средневековом мироустройстве. Пала Византийская империя, Царьград,

куда вошли сначала латиняне-крестоносцы, потом иноверные турки. Страна, от которой Русь приняла христианскую веру, церковные книги – наследие святых Кирилла и Мефодия, оказалась под агарянами. С Запада на Псков и Новгород надвигаются латиняне. С Востока давит Орда. И в таком окружении Русь оказывается единственной хранительницей истинной веры. Отныне в сохранении Православия заключается ее долг, служение и призвание. И эта идея овладела всем обществом – от смерда и кожемяки до князя и митрополита. Вот еще одна причина, почему Русь называется Святой.

Безусловно, в русской истории были периоды, когда не было государственного единства, но было единство церковное, которое позволяло народу сохранять понимание своей национальной общности. Таким образом, именно церковное единство было залогом последующего восстановления единства государственного. И в работах ученых даны конкретные исторические примеры этому. Возьмите Смутное время. Государства нет, оно все раздроблено. Здесь и поляки, и шведы, и внутри самого государства русские воюют с русскими – в общем, полный хаос. Откуда приходит осознание единства и необходимости восстановления государства? От Церкви, от патриарха Гермогена. Как заметил философ Владимир Соловьев, «Святая Русь требует святого дела». Восстановление единства государства после Смуты и было таким святым делом.

Некоторые из поднятых в межвоенный период тем, звучат крайне злободневно и совершенно не утратили полемической актуальности. К таким относится статья Спекторского о либерализме. В межвоенный, послереволюционный период, когда в Европе после Первой мировой войны установились авторитарные режимы – в Италии, Германии, Испании. В России – советская власть, разрушившая исторические основы государства и демократические конституционные институты. В этот период идеи свободы человеческой воли, гражданских свобод переживают упадок. Спекторский говорит, что авторитарные режимы падут, а либерализм еще переживет новый ренессанс, и тогда очень важно будет вспомнить, что свобода регулируется, прежде всего, этическими нормами, нравственностью. Мне кажется, что эта статья крайне актуальна именно сейчас. Еще одна статья Спекторского также, думаю, вызовет интерес уже самой тематической направленностью: «Западноевропейские источники евразийства». Это течение историографии и политологии получило новый импульс к развитию и переосмыслению после рас-

пада СССР, и многие в философии евразийства видят воплощение «третьего пути» для нашей страны. Думаю, будет небесполезным услышать голос такого знатока, как Спекторский, в хоре адептов и критиков «третьего пути». В целом, на мой взгляд, важно отличать экономические и хозяйственные тенденции и векторы развития, обращенные в XXI веке в сторону Азии, от ценностных, мировоззренческих и цивилизационных основ, на которых базируется русская/российская государственность. Ведь даже отец-основатель евразийства в историографии Г. Вернадский говорил о России, что это «особый мир, особая часть света».

При этом вновь хочется обратиться к словам Федора Тарановского о цивилизационной характеристике нашей страны. Он доказывает и просто так проповедует, что в своем развитии русская государственность прошла все те же этапы политической эволюции, которые прошли основные народы Европы: от вотчинного государства через период феодальной раздробленности к централизованному государству, монархии, абсолютной монархии и конституционной монархии. В статье «Государственная культура России» Ф.В. Тарановский все это предельно четко и кратко формулирует. «Царь, – в частности отмечает он, – это славянизованная форма “цесаря”, значит – слово и понятие, идущее от римских истоков европейской культуры; это – принятое у южных и восточных славян наименование монарха великодержавного государства, то есть государства, дошедшего до сознания и возможности действительного всемирно-исторического служения... Существо царской власти выражается термином “самодержавие”. Опять-таки, “самодержавие” не есть какое-то экзотическое измышление каких-то варваров, а представляет собою переведенный с греческого славяно-русский термин для обозначения того свойства государственной власти, которое на романо-германском Западе именуется суверенитетом. Самодержавие – это суверенитет, в частности монархический суверенитет, о каковом в свое время немецкие государствоведы писали целые тома. Неизменным в понятии самодержавия оставалось и остается лишь начало непроизводности верховной власти царя, то есть самостоятельность монархического принципа. Сущность же последнего заключается в начале иерархии, строящейся сверху и исходящей от Бога, в Котором власть получает свое трансцендентное обоснование». Мысли русского ученого сегодня актуальны как никогда. Очень хотелось бы, чтобы в наших поисках национальной идеи, кода развития нашего государства

были учтены цивилизационные основы нашей государственности, о которых размышляли историки и государственноведы в изгнании.

Русский мир – явление сложное, многомерное: прежде всего, русский мир стягается внутри нас – в нашей душе, в нашей семье, в нашем доме; притом русский мир – это уклад нашей хозяйственной, деловой, управленческой деятельности – цивилизационный код развития, как замечательно сформулировала Наталия Нарочницкая; и русский мир – это русское мировидение, русская идея о мироустройстве, о началах сотрудничества с другими народами и государствами, это русские в мире. Очень важно нам сохранить и развить эту уникальную целостность картины, основы которой были созданы русскими в изгнании.

Elena Bondareva, Ph.D.,
Foundation for Historical Outlook

**The Russian world in the papers of the Russian historians from
the Belgrade circle from 1920 until 1940**

Abstract: The article sheds light on a history of the Russian emigration in Yugoslavia after the 1917 and it analyzes its significance for the development of the state of Yugoslavia. The author shares her personal experience from the contacts she's made with the representatives of the Russian emigration in Belgrade.

Key words: Russian emigration, Yugoslavia, Russia, orthodoxy, byzantine culture, history, Russian historians.

DOI: 10.31168/0433-6.14

ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ

независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)
mdot812@gmail.com

Дети России в эмиграции в КСХС-Югославии

Аннотация: В статье представлены странствия и жизнь детей в Королевстве СХС / Королевстве Югославия.

Ключевые слова: дети, беженцы, Королевство СХС, Королевство Югославия.

Гражданская война в России, длившаяся почти пять лет, огненным палом прошла по всей гигантской территории бывшей Империи. Известно, что именно гражданские войны отличаются безумной жестокостью и взаимной ненавистью воюющих сторон. Когда война приходит в твой дом, любой взрослый, хотя бы теоретически, может взять в руки оружие и защищаться, может отступить или, в конце концов, эвакуироваться с армией. Но есть люди, чья боль, чьи страдания обычно невидимы миру. Эти люди – дети, будущее нации. Именно они становятся главной, зачастую неосознаваемой жертвой кровавой междоусобицы, ибо дети беззащитны. Они не понимают, кем и почему разрушено их детство.

В 1918-1919 гг. из северных губерний европейской части страны во все стороны света устремились потоки людей, уходивших из-под большевицкой власти, ставшие в одночасье беженцами в родной стране. Бежали в основном на Юг, где с созданием Добровольческой армии, началось сопротивление новой власти.

Из воспоминаний Б.К. Ордовского-Танаевского (1909 – 2000), сына капитана второго ранга:

В ноябре 1918 года несколько морских офицеров решили уехать с семьями (*из Петрограда, авт.*) на юг России, где по слухам росло сопротивление большевикам. Они где-то достали небольшое торговое судно и на нём решили по каналам Мариинской системы добраться до Волги и спуститься по ней на юг. Зимовать решили в монастыре на Ладожском озере и весной тронуться в путь. Предло-

жили отцу присоединиться к ним. Отец отказался, потому что мы не имели зимних одежд, брошенных в Гельсингфорсе. Эта группа уехала без нас. Далеко они не уплыли. В верховьях Невы, у обводного канала Ладожского озера корабль задержали революционные рабочие и расстреляли всех, включая грудных детей.¹

Двоюродному прадеду автора, действительно статскому советнику по Морскому ведомству, врачу по профессии, Ивану Александровичу О-Т, выехавшему из Петрограда летом 1918 года с семьёй, включавшей 3-х детей, младшему из которых было 9 лет, удалось проехать (пройти) через воюющую страну и добраться до Севастополя. Он владел и профессией гинеколога, что не раз спасло им всем жизнь, поскольку к его услугам не раз прибегали боевые подруги командиров в армиях всех цветов.

Из воспоминаний казака Г.И. Нестерова (1920-2018):

Я высчитал, что по календарю, вероятно, 1-го августа девятнадцатого года было зачатие. И всё время, пока бежали, мать моя была мной беременна. Значит весь этот страх перешёл ко мне уже в чреве матери. И говорят, что страх, который накапливается у твоих родителей, он передаётся ребенку. И потому я считаю, если я позже был такой робкий и трусливый, так я это унаследовал. И знаю, кто в этом виноват. <...>

В Евпатории мы жили в кабинках, в которых раньше переодевались на пляже на берегу моря. Два квадратных метра, но всё ж есть крыша над головой. Вот там мать меня и родила. Во-первых, она голодала, во-вторых, была больна тифом. И я не только пострадал тем, что я стал трусливым. Но кроме того я всё время с самого зачатия и после рождения был вечно голодный. У матери не было молока, и они мне давали такую «жёвку», в тряпочке жёванный хлеб. <...>

Мама описывала, говорит, был как косточки в кулёчке. Гремели только. По счастью оказалось, что одна станичница, у неё было много молока и девчонка постарше меня, так что она меня подкармливала. Я потом её вечно почитал, как мою молочную мать.²

Надо сказать, что по малолетству дети воспринимали эти опасные странствия как увлекательные приключения, не сохраняя в памяти все испытания, выпавшие на их долю в этом бегстве. Это мо-

1 Архив автора.

2 Из интервью Г.И. Нестерова в фильме «Русский Корпус. Свидетельства». Расшифровка интервью в архиве автора. Далее «Расшифровка».

тив часто встречается в мемуарной литературе, ибо человеческая память обычно старается избавиться от тягостных впечатлений. Но, как мы видим, психические травмы остались у многих до конца жизни.

Из воспоминаний Б.К. Ордовского-Танаевского:

Это было одно из самых интересных путешествий, вроде тех, что описаны в авантюрных рассказах о путешествиях по Америке двести лет назад. Из Порт Петровска (*ныне Махачкала, авт.*) в Екатеринодар (*ныне Краснодар*) мы ехали три недели, сначала пароходом до станицы Старотеречной на море. Там пристани не было, высадились в море на парусные рыбацьи баркасы и до самого Екатеринодара мы все пахли рыбой, т. к. выкупаться и помыть одежду никакой возможности не было. Потом ехали на волах в телеге до Кизляра, где предполагали сесть на поезд. Да, поезд был, старенький паровозик и три товарных вагона. Какие-то добрые люди помогли нам влезть в этот поезд и проехать четырнадцать вёрст, а дальше дорога была разрушена гражданской войной. Дальше шли кусочки дороги пешком, ехали на телегах, запряженных волами, со скоростью одна верста в час, телегах с верблюдами с той же скоростью, на лошадях, ночуя на сеновалах в казачьих станицах, опять кусочки поездом, опять пешком и т. д. Предводительствовал нашим караваном, как мы его прозвали, «гусар в красных штанах», с усами как у Тараса Бульбы. Так мы добрались до Екатеринодара, главного города Кубанской области. Увы, город тоже был переполнен беженцами, как и все города России.³

В этом «интересном» путешествии участвовало четверо детей Константина Дмитриевича О-Т (1880 – 1939), младшему из которых едва исполнилось три года.

Большей части беженцев, сумевших добраться к концу 1919 – началу 1920 года до Новороссийска или Крыма, удалось в конце концов выехать из России и спасти свои семьи. Но, конечно, так повезло далеко не всем. Например, кадеты Одесского кадетского корпуса и многочисленные гражданские лица уходили из отечества с боем. Чёрные фигурки людей на белом льду Днестра были прекрасными мишенями как для румын, как и для красных. Среди покидавших Россию был офицер Николай Николаевич О-Т. На этом страдном пути на руках матери умер его первенец.

3 Архив автора.

Жители сибирских городов и посёлков уходили с армией А.В. Колчака на Восток, тяготея к Владивостоку и линии КВЖД.

И всё-таки – и всё-таки! – какие бы горести ни выпали на их долю, рядом с этими детьми были их родители.

О том, как русских «избеглице» приняли в Королевстве СХС в семьях бывших эмигрантов и по сей день хранятся восторженные воспоминания.

Инженер Георгий Владимирович Ярошевич (1909 – 1996):

Было мне тогда 11 лет. Помню, в ноябре 1920 г. наш поезд из Салоник переехал границу. Мы проезжали сербские села, разрушенные и сожжённые. Вдоль дороги попадались поля со следами недавних битв. На вокзалах крестьяне встречали наш поезд с горячим супом, чаем, молоком, бутербродами, жареным мясом, сыром... Постепенно, нас стали рассредоточивать по городам: отцепили вагон, и поезд продолжал дорогу. Ниш – отцепили вагон, Княжевац... Поехали дальше. Заечар... Неготин – последний вагон! В нём были мы.

Помню, толпа встретила нас на вокзале. «Русские приехали!» Сербки в нарядных национальных костюмах, со сплошной вышивкой... Тотчас забрали нас, детей, увели в свои дома. Согрели, выкупали, накормили. Кровати стелены чистым, белоснежным бельём. Два года я не знал про кровать. Заботились, как о родных.

Взрослых также приняли гостеприимно, сердечно. А на следующее утро все пошли в городское управление. Там происходила регистрация и размещение по домам, кого куда.

– Кто примет отца, мать с тремя детьми?

– Я могу.

– Бери!

– Я могу лишь мужа с женой.

– Принимай!

Всех пристроили. Итак, мы оказались на прочной почве, на месте, внушающем доверие. Нас ждала новая жизнь.⁴

Конечно, в жизни далеко не всё было столь радужно, но так или иначе, их «Великий Бег» завершился и впереди были двадцать лет мирной жизни.

4 Запись передачи Белградского радио от 12 октября 1990 г. Собрание А. Арсеньева. Цит. по: Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде. 1920-1944. В 2 книгах / Авторы-составители А. Арсеньев, М. Ордовский-Танаевский. Белград, 2018. Кн. 1. С. 17. (В дальнейшем «Гимназия в лицах»).

Но вот судьба детей, остававшихся во время гражданской войны в учебных заведениях «закрытого типа», коих было довольно много в старой России, оказалась ещё более тяжкой. В первую очередь это кадетские корпуса и девичьи институты находившихся на попечении государства. Однако, государство рухнуло. И в этой ситуации лишь очень немногие из них, оказавшиеся на Юге страны или на Дальнем Востоке, удалось вывезти из России ценой героических усилий персонала и жестоких страданий детей. Из всего обилия российских школ «закрытого типа» в Королевство СХС удалось вывезти только три (сборных) кадетских корпуса и два девичьих института (в общей сложности 274 воспитанницы).⁵ Эти дети уезжали из России без родителей. Для них отъезд был настоящей трагедией, поистине исходом в неизвестность. Во время эвакуации кадеты и институтки пережили ужасы войны, долгую жизнь впроголодь и бесконечные переезды. На этом их пути остались могилы товарищей и подруг, умерших от истощения и эпидемии сыпного тифа, свирепствовавшей в стране. Они прибыли в КСХС, отягощенные психическими заболеваниями, у многих были обморожены пальцы на ногах. Но, благодаря настоящему героизму их наставников, они остались живы и обрели будущее. С тех пор прошло сто лет, но до сих пор нет даже оценочных цифр погибших на беженском пути российских детей.

Попавшие в руки красных закрытые школы были разграблены. Персонал частично разбежался, остальных приказным порядком временно оставляли на службе, а пытавшихся оказать сопротивление уничтожали. Бывшие воспитанники влились в армию беспризорников, бродивших по бывшей Империи. В РСФСР на 1922 г. официально числилось порядка 6 миллионов беспризорных детей. Постепенно их собирали в детские дома и успешно перевоспитывали, осмеивая и выкорчёвывая все то, что успели вложить в их души мама, папа и школьные педагоги.

Согласно анализу и скрупулёзному подсчету историка Мирослава Йовановича, в КСХС осело около 44 тысяч выходцев из России.

В архивных фондах Министерства просвещения КСХС отложился отчёт о численности детей русских беженцев на начало 1922 года:

5 См.: Кадетские корпуса за рубежом. 1920 – 1945. Нью-Йорк, США, б.г.; Мариинский Донской Институт. Нью-Йорк, 1975.

Возраст	Мужского пола	Женского пола	И т о г о
до 1-го года	49	49	98
1 – 2 года	188	198	386
3 – 5 лет	236	225	461
6 – 10 лет	592	538	1.130
11 – 18 лет	2.321	1.262	3.583
И т о г о	3.386	2.372	5.658

Примерно 28% эвакуированных детей оказалось в КСХС без родителей или родственников.⁶ Это более 1.500 человек! Лишь очень и очень немногим удалось воссоединить разделённые войной и границами семьи.

Нужно сказать, что усилиями наиболее активной части русской эмиграции и с помощью Королевского правительства удалось избежать самого страшного – детского бродяжничества. Конечно, были отдельные случаи, но не как массовое явление. Например, семья бывшего дипломата Павла Артемьевича Лобачёва (1874 – 1921) прибыла в 1919 году пароходом в Дубровник в полном составе: родители и четверо детей. И вот случилось так, то отец и мать скончались один за другим. Братья Юрий и Святослав попали в сиротский дом, откуда благополучно сбежали и с полгода беспризорничали, зарабатывая на жизнь чисткой обуви. Скоро им повезло: они были приняты в «плетнёвскую» гимназию в Белграде. Впоследствии Юрий (Джордже) Лобачёв (1909 – 2002) стал художником, создателем югославского комикса. Из книги воспоминаний Юрия Павловича «Когда Волга впадает в Саву: мой жизненный роман» (Белград, 1997):

Мы с братом Святославом рано утром крадучись вышли из товарного вагона и первым пароходом из Земуна прибыли в Белград. Разыскали Новопазарскую улицу, где находилось общежитие Первой русско-сербской гимназии. Прибыли туда к 10-ти часам. Были мы неподстриженными, в лохмотьях, пыльные, очень усталые и... голодные. Заведующий интернатом, Гротто-Слепиковский, воспитатели и ученики, все собрались поглядеть на это чудо. Ещё и потому,

6 *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 186.

что мы оба не особенно правильно говорили по-русски. Выслушав мой рассказ, а я ничего не скрыл, и узнав, что нам неизвестно, где в Белграде проживают наши старшие брат и сестра, заведующий обещал, что постарается решить наш вопрос. Воспитателю Н.А. Чернышёву он велел нас выкупать (к счастью, у нас вшей не было, что их всех очень удивило), кое-как одеть, накормить и отправить спать. После шести месяцев мы впервые помылись тёплой водой, мылом, вытерлись настоящими полотенцами. До тех пор Дунай был нашей купальней, песок – мылом, а солнце – полотенцем. Как в раю, мы вкусили щи, тефтели с макаронами, горячий сладкий чай, хлеба – сколько угодно! А сама кровать! Нас уложили в помещении для больных, и мы вмиг уснули.

На ужин нам подали кашу с горячим сладким чаем, и снова – неограниченное количество хлеба.⁷

Детские приюты, созданные в Панчеве, в Белой Церкви и в монастыре Хопово на Фрушка-Горе, принимали детей до 11-ти лет. Сюда приводили тех, кто остался без близких. И пусть вначале они работали в нищенских условиях, но именно забота и внимание воспитателей и нянечек помогали детям пережить самое тяжёлое для них время. В приютах вновь зазвучал детский смех. Многие сироты были приняты как в русские, так и в сербские семьи. И всё же, всё же... Их детство было убито войной и скитаниями, и, вырастая, они входили в жизнь так и не познав настоящей родительской ласки.

Неимоверно тяжело начиналась эмигрантская жизнь. Понятно, что у родителей, вечно занятых работой, не оставалось времени, чтобы возиться с детьми.

Из воспоминаний Г.И. Нестерова:

С детьми особенно не пешкались. <...> Сколько мне могло быть? Год, может быть. Я начал уже ползать. А там всюду были посажены тутовые деревья. С них ягоды сыпались. И я лазил и ел, наполовину земля, наполовину ягода и вот этим я, наверное, восстановил своё здоровье. Так что в Воеводине я впервые в жизни больше не голодал.⁸

Глядя на сохранившиеся фотографии эмигрантских семей первой половины 1920-х годов, на воспитанников приютов и школ, вы нигде не увидите детских улыбающихся лиц. Напряженные лица, строгие глаза, тонкие шейки, худенькие, если не сказать измождённые

7 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 306-307.

8 Расшифровка. Архив автора.

ные тела. На их одежду сейчас больно смотреть, хотя я помню, что примерно также выглядели и мы, дети в послевоенном Ленинграде.

Дети семей, расселённых в провинции, довольно быстро освоили уличный сербский язык и вошли в компании односельчан своего возраста. Думаю, что дразнилка «Рус – купус» родилась именно в их среде. Однако во всех семьях действовало единое правило: дома только по-русски. В городах было немного сложнее, поскольку родители по возможности оберегали детей от влияния «улицы». Впрочем, кто в детстве соблюдал родительские запреты? Приехавшие с семьями дети очень рано начинали работать. С 8-10 лет они нанимались на сезонные работы в поле, подростки постарше работали с отцами на строительстве дорог и тоннелей. Это было действительно тяжело. Ну и всяческая домашняя работа тоже ложилась на детские плечи.

О том, как работали на строительстве, вспоминал бывший гимназист Антоний Антониевич Мирный (1902 – 1987):

Гимназистом 7-го класса эвакуировался в Сербию с казачьими войсковыми частями в мае 1921 г. Мои родители остались на Кубани. Подкормив и дав нам возможность месяц отдохнуть, нас послали на работу, на постройку железной дороги Ниш-Княжевац. Работа была тяжёлая, особенно зимой. Мы получали по 10 динар в день, на эти деньги должны были кормиться, платить за квартиру, покупать опанки, а обмундирование уже было своё, войсковое. Кормились из общего котла. С обувью было хуже, работали в опанках из свиной сыромятной кожи. От острого щебня на полотне железной дороги ступни ног были в кровавых подтёках. Зимой работали на морозе голыми руками, т. к. не было денег на покупку рукавиц. Носили обледенелые шпалы на плечах; железные клещи, которыми держали рельсы, примерзали к ладоням. Я всё думал о том, как продолжить образование и уйти от такой тяжёлой работы. Но как это сделать?⁹

Прибывшие в Королевство кадетские корпуса поначалу разместили в малых городах в непригодных помещениях. По сообщениям инспекторов из Министерства просвещения крыши многих зданий протекали. Воспитанники и педагоги обучали, обучались и спали в одном и том же помещении. Вещи на ночь клали под голову. Постельного белья не было вообще, нательное и обувь были в жутком состоянии, часть учащихся ходила босиком. Для полноты картины прибавьте сюда и тяжелейшие условия казарменного быта.

9 Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 594.

Гражданских лиц принимали в распределительном пункте на окраине Белграда в пустом трамвайном парке на Александровской ул. №130. Долгое время помещения кишели бездомными русскими всех возрастов и положений. Парк прозвали «домом чудес». Там столовались, ночевали, учились.

О состоянии здоровья прибывших в Королевство детей мы можем судить, например, по сохранившимся отчетам профессора Радована Кошутича, который объездил в июне 1922 года русские учебные заведения по всей стране. Вот что он пишет об учениках 1-й русско-сербской гимназии («плетнёвской») в Белграде, которая была открыта уже в октябре 1920 года.

Ученики производят впечатление детей, страдающих малокровием, из-за недостаточной пищи, и слабо развитых. Их одежда опрятна, но у большинства потрёпана, перекраивалась, много раз латалась и была больше по росту. В интернате еда учеников недостаточно разнообразна и не хватает жиров, сахара, поскольку отпущенные средства ограничены.¹⁰

Еще более тяжёлую картину, отражающую общее состояние русской эмиграции, рисует Александр Александрович Солонский, бывший семь лет гимназическим врачом, начиная с 1 сентября 1922 года. Он пишет, что в составе учащихся первых лет работы гимназии было много «переростков», в старших классах занимались люди 23–25 лет. Многие были участниками боевых действий, с ранениями и контузиями, носили следы голода и лишений.

Неудивительно поэтому, что среди учащихся мы находим 5% нервно больных, что среди них был 1 эпилептик, 2 страдающих травматическим неврозом, 3 с тиком; среди девочек наблюдались 2 случая тяжелой пляски св. Витта, несколько с истерией и истеро-неврастенией. С последствиями ранений было 4 чел. Были ученики, по своему возрасту и болезненности не попавшие ни в одно из других русских учебных заведений, – их приютил и дал возможность окончить среднее образование бывший директор В.Д. Плетнёв.

Были ученики, родители которых остались в России, другие их потеряли во время эвакуации, у третьих материальное положение семьи было отчаянное... <...>

Была ещё чрезвычайно важная причина для большого количества неврастенических проявлений среди учащихся. Дело в том,

10 Архив Југославије. МПС. 66-1111-1442. Извештај од 24.6.1922.

что вследствие бывшей в России обстановки военного времени и частых эвакуаций учащихся, нарушилась система образования, ученики оказались отставшими и должны были восполнять много пробелов. Между тем программа I Русско-Сербской гимназии была чрезвычайно велика... Отсутствие учебников по русским предметам заставляло вести записи, что отнимало и без того небольшое свободное время.¹¹

Говоря о заболеваемости туберкулёзом среди учащихся гимназии доктор А.А. Солонский отмечает, что и КСХС, и Белград с этой точки зрения были весьма неблагополучны.

К этому присоединяется скученность, низкий прожиточный минимум, переобременённость работой. И действительно русские дети очень рано и в большом проценте заражены туберкулёзом. <...>

Особенно неблагоприятно складывались обстоятельства у приходящих учеников в Белграде.

В первое время русские эмигранты ютились в маленьких комнатах на мансардах, где летом нестерпимо душно, а зимой очень холодно, или в низких комнатках одноэтажных домиков, где зимой двери открываются прямо на улицу, а летом душно, отсутствует канализация. Многие дети ходили издалека пешком в рваной обуви и с мокрыми ногами проводили часы занятий. <...>

За десять лет умерло от туберкулёза лёгких 2 чел. Было больных туберкулёзом лёгких 18 чел., костным 12.¹²

С 1925 года дети, подозрительные по туберкулёзу или со скрытыми формами, пользовались лечением ультрафиолетовыми лучами в Детской амбулатории Российского общества Красного креста.

Так или иначе, самые тяжёлые времена, оставляя в душах шрамы и ожоги, уходили в прошлое. Но ведь и хорошие тоже не вечны. Нужно сказать, что отнюдь не вся русская колония «села на чемоданы» в ожидании скорого возвращения домой. Нашлись люди, которые понимали, что, возможно, родные края оставлены надолго, если не навсегда. А деток надо учить...

Полковник юстиции в отставке, профессор СПб университета Владимир Дмитриевич Плетнёв определил эту задачу ещё на пароходе «Константин», вышедшем весной 1920 года из Константинополя в направлении Королевства СХС.

Из воспоминаний протоиерея о. Петра Миловидова:

11 Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 55-56.

12 Там же. Кн. 1. С. 56.

Он (*Плетнёв, авт.*) с горячим воодушевлением убеждал нас позаботиться о воспитании подрастающего поколения, которому предстоит большая и серьёзная работа в новой России. Нужно сейчас же, после водворения в новой стране, открыть русское учебное заведение, в котором наши дети в состоянии будут сохранить русское самосознание, свою веру и обычаи, упорным трудом закалить себя для творческой работы в России.¹³

Сам В. Плетнёв, создатель и первый директор 1-й русско-сербской гимназии в Белграде, позднее писал:

Мы не были оптимистами. Вспоминаю: в разговоре с тогдашним «Государственным представителем», князем Григорием Трубецким, у которого было четверо детей школьного возраста, я настаивал на том, что возникла необходимость срочно найти средства для открытия хоть одной (русской) гражданской школы в Королевстве. Князь Трубецкой считал, что открытие такой школы совсем не нужно, «так как мы (разговор состоялся в августе) не позднее самого августа непременно возвратимся в Россию». К счастью, среди ответственных государственных деятелей Королевства СХС оказалось немало особ, которые поняли всю необходимость срочной культурной сербской помощи русским, по мере возможностей, и в интересах достижения новой идейной системы, которая обеспечит новому поколению те живые источники национальной силы и широкой общечеловеческой воли, характерной для великой исторической нации, поддерживающей её в тяжёлые исторические минуты.

Большое спасибо сербам. Они поняли и первые во всём мире удовлетворили эту культурную нужду. Мне не приходилось прикладывать особых усилий, чтобы убедить людей, занимающихся русскими вопросами, в необходимости оказать помощь при открытии русской гражданской школы.¹⁴

В короткие сроки на новом месте с помощью Державной комиссии по делам русских беженцев удалось создать на всей территории Королевства стройную, разветвлённую систему как начального, так и среднего образования, действовавшую вплоть до исхода русской колонии из Югославии в 1944 году. В эмиграции в КСХС-Югославии оказалось значительное число профессоров из российских университетов, поэтому преподавательский состав в русских школах был исключительно высоким по своему уровню. При этом мно-

13 Там же. Кн. 1. С. 34.

14 Там же. Кн. 1. С. 35.

гие русские профессора, получившие работу в университетах, вели занятия в школах и гимназиях бесплатно. Можно уверенно сказать, что практически все дети, как прибывшие в КСХС-Югославию из России, так и родившиеся уже в эмиграции, смогли, при желании родителей, получить полноценное национальное образование.

Вот некоторые цифры: Донской Императора Александра III кадетский корпус до его закрытия в 1933 году окончил более 600 человек; Крымский кадетский корпус (закрыт в сентябре 1929 г.) окончил 616 юношей; обучение в Русском кадетском корпусе (позднее 1-й Русский ВКККК в Белой Церкви) до его закрытия в 1944 году прошло 906 человек; Харьковский девичий институт до закрытия в 1941 г. выпустил 319 воспитанниц; Мариинский Донской девичий институт, закрывшийся в 1941 г., окончил около 600 девушек; Первую Русско-сербскую девичью гимназию с общежитием в г. Велика Кикинда (закрылась в 1931 г.) успело окончить около 200 учениц; 1-я русско-сербская гимназия в Белграде за 24 года существования выпустила из своих стен более 1000 человек, без учета тех, кто покинул гимназию, сдав только экзамены «малой матуры».

Следует сказать, что соблюдение традиций ушедшего «русского мира» было повсеместным и в кадетских корпусах, и в институтах, но у девушек дореволюционные программы с упором на добротное изучение языков, всё же оказались более практичными. В кадетские корпуса отдавали мальчиков из семей потомственных офицеров. Была и еще одна важная причина: обучение в корпусе требовало от семьи значительно меньших материальных затрат. Из семейств, не исповедовавших монархические идеи, дети чаще попадали в реальные училища и гимназии. Среди родителей бытовало мнение, что в корпусах слишком большое внимание уделяется воспитанию в духе «Бог и Царь!», возврат же на родину с течением времени становился лишь мечтой, да и прежней России не суждено будет возродиться.

Конечно, не одна лишь учёба заполняла жизнь детей. Упрямые русские, ни в одной стране не желавшие ассимилироваться, создали для своих отпрысков Русское Сокольство и многочисленные скаутские отряды. Огромной популярностью в школах и гимназиях пользовались театральные и балетные студии и кружки. Так в рождественские дни декабря 1929 года в Белграде на сцене «Сала Радничке Коморе» был дан гоголевский «Ревизор», поставленный силами гимназистов-«плетнёвцев» под руководством воспитателя в

интернате С.В. Зозулина. В антрактах играл гимназический оркестр под управлением В.П. Ковалевского. Замечательный спектакль надолго запомнился русскому Белграду. Да и сербская пресса отметила его в театральной хронике. Позднее, когда был отстроен Русский дом, в его отличном зале не раз игрались спектакли с участием актёров-детей. Ещё одним школьным увлечением была литература. Молодые люди почему-то очень любят писать стихи. В большинстве русских школ существовали литературные кружки и объединения, выпускались рукописные журналы и классные газеты. Знаменитые поэты второго поколения русского зарубежья, такие как Илья Голенищев-Кутузов, Лидия Алексеева и другие, прочли свои первые вирши в этих объединениях. А в журналах иногда появлялись вещи, заявлявшие о настоящем литературном даровании автора.

Русские дети были постоянными участниками спортивных соревнований, отдали дань повальному югославскому увлечению шахматами и так далее и так далее. Российский Общевоинский Союз (РОВС) создал систему военной допризывной подготовки для юношей. Словом, выходило так, что русские «избеглице» вошли в жизнь принявшей их страны всерьёз и надолго. Обо всём этом существуют серьёзные научные работы и написаны многие страницы воспоминаний.

Приведу любопытные сведения о профессиях отцов (в России) 154-х учеников и учениц, окончивших гимназию, за годы их обучения в 1926-1930 гг.:

- офицеры	47 (30,6%)
- юристы	26 (17,5%)
- инженеры	23 (14,0%)
- чиновники	11 (7,0%)
- врачи	8 (5,1%)
- крестьяне	6 (3,8%)
- купцы	6 (3,8%)
- педагоги	6 (3,8%)
- помещики	5 (3,2%)
- промышленники	4 (2,6%)
- священники	3 (1,9%)
- техники, рабочие, художники, агрономы	2+2+2+2.

В 1940/41 учебном году отцами (профессии уже в Югославии!) выпускников обеих гимназий были:

- преподаватели..... 13 (6,0%)
- чиновники 99 (45,7%)
- врачи, адвокаты, инженеры, интеллигенция 44 (20,3%)
- рабочие 13 (6,0%).¹⁵

Это очень показательные данные. За прошедшие два десятка лет жизнь русских беженцев в той или иной степени вошла в нормальное русло. Страсти утихли, «чемоданные настроения» прошли. Теперь уже в гимназии пришли дети чиновников и интеллигенции, спокойно начавшие свое регулярное образование в основных школах. А в середине 1930-х годов наступит черед тех, кто родился уже в изгнании, вне России. Естественно, что они входили в жизнь в более благоприятных материальных условиях.

Когда в 1939 году в Европе началась Вторая мировая война, Югославии, находившейся в окружении враждебных стран, предъявлявших Королевству территориальные претензии, всё же почти два года удавалось придерживаться нейтралитета. Но логика войны неумолима: она втягивает в свой кровавый омут всё новые и новые народы. После проигранной Апрельской войны Королевство Югославия перестало существовать.

Из воспоминаний бывшей гимназистки Т.А. Дубровá (Плищенко):

Немцы напали на Белград совершенно неожиданно, 6 апреля 41-го года. Через пару часов наша квартира сгорела со всем в ней бывшим. Вот, папа похватал какие-то свои ордена, бумаги, послужной список. Сгорело всё. Мы остались на улице. Сначала пару дней жили у папиного друга, потом в общежитии, но папа скоро ушёл в Русский Корпус, и мама сняла комнату в доме, где жили Хитрово, Раевские и Заботкины. В саду были кусты малины, чем мы, конечно, пользовались. Но шла война! И мы нашли какие-то брошенные сербские шлемы, пилотки и сделали себе какую-то «форму». Короче говоря, играли в «солдатики». Командиром у нас был Михаил Баумгартен, офицером Митя Заботкин, а мы с Катей Раевской – солдатики.

15 Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 54-55.

Даже окоп вырыли! Мне было тогда девять лет. Вскоре вся семья Раевских уехала в Германию, а мы с мамой в другой дом.¹⁶

Дети во всём мире играют в «солдатики», но потом, если повезло, они становятся взрослыми. Вероятно, именно 22 июня 1941 года можно считать датой начала конца русской эмиграции в КСХС-Югославии, финальный акт которого растянулся на десяток лет. В стране развернулось инспирированное Коминтерном партизанское движение под руководством Йосефа Тито. Очень возможно, что немало тех, кто когда-то гонял тряпичный мяч вместе с русскими пацанами, пришли в 1941 году в партизанские отряды. Титовцы начали с нападений на врагов «батюшки Сталина» – белых русских: за лето 1941 года погибло более 150 эмигрантов. Вырезали семьями, детей не щадили. Русская эмиграция оказалась в оккупированной, раздираемой гражданской войной стране. Счастье закончилось.

Повсеместно русских увольняли с государственной службы. В их дома снова вошла нищета и полуголодное существование. При этом на территории Сербии большая часть русско-сербских образовательных учреждений продолжало работу вплоть до осени 1944 года. Учебные программы существенно не изменялись. В качестве иностранного языка обязательным стал немецкий, для мальчиков вводилась физическая и строевая подготовка, девочкам кое-где преподавали стенографию и учили печатать на пишущей машинке. В Независимом государстве Хорватия все подобные школы были разогнаны, ученики и преподаватели разбежались, но многие из них погибли во время геноцида православного населения.

Из воспоминаний Татьяны Решиковой (Фриш), выпускницы русско-сербской женской гимназии в Белграде 1943 года:

Наступила осень и нам, гимназисткам и гимназистам, пришло время возвращаться в классы. Этот первый в оккупацию учебный год был самым тяжёлым. Гимназия перестала получать государственную субсидию и теперь существовала на собственные средства, то есть, учение стало платным. Мы переживали множество лишений: страдали от холода и недостаточного питания. Невольно вспоминается первая холодная зима: окна в гимназии забиты картоном, мы сидим в классах в пальто, шапках и перчатках. Пальцы на руках коченеют, писать трудно; трудно и сосредоточиться – уж больно холодно! С нетерпением ждём большой перемены, когда получим по

16 Там же. Кн. 2. С. 434.

тарелке горячего супа. От этого становилось приятно и тепло, но, увы, ненадолго. А придя домой – та же картина. Но молодость брала своё и все препятствия преодолевались. Увы, не было больше никаких «матинешек», на которые мы с удовольствием ходили «дрыгать ногами», по выражению отца моей подруги. Нам же, по молодости лет, хотелось развлечений, и мы встречались по домам и танцевали под граммофон, но это далеко не заменяло веселых матине, где строгая Варвара Николаевна зорко следила за нашим поведением, а также за нашим внешним видом. Не дай Бог, у кого-то подмазаны губки или «патлы распущены»!

Так наступила осень 1942 года; начался новый учебный год. Гимназические ряды сильно поредели: многие из мальчиков поступали в ряды Русского Корпуса или уезжали на работы за границу. Летом я проводила своих лучших подруг, уезжавших в Германию. Мне было грустно и одиноко. Дома мы с мамой остались совсем одни. Родные, друзья и знакомые поразъехались.¹⁷

Да, спасая детей из кровавой югославской сумятицы, многие уезжали в Германию – но это была лишь отсрочка близкого уже финала. Союзники уничтожали немецкие города ковравыми бомбёжками. В апреле 1944 года союзническая авиация жестоко бомбила Белград и другие промышленные города Сербии, при этом, как обычно, мирного населения, в том числе и детей, погибло значительно больше, чем немецких военнослужащих.

В конце лета командованию Русского корпуса удалось добиться от оккупационных властей разрешения на эвакуацию из Сербии всех тех русских эмигрантов, кто захочет уехать. Власти предоставили вагоны для беженцев. Новый исход начинался из стен Русского дома на улице Кральицы Наталии. Всем было ясно, что уезжают навсегда. На сей раз «увлекательное» путешествие происходило под гул бомбёжек.

Из воспоминаний Надежды Владимировны Коженковой (р. 1930, Белград):

Моя мама и я эвакуировались из Белграда осенью 1944 г. Я успела получить свидетельство «малой матуры» без сдачи необходимых экзаменов. В гимназии нам объявили, что нас посадят в автобусы и потом на поезд, и мы поедem в Германию. И чтобы все книж-

17 I Русско-Сербская гимназия. Памятка. Белград 1920 – 1944. Нью-Йорк, 1986. С. 159-160.

ки, которые у нас были библиотечные, чтобы все вернули до 8-ми часов утра следующего дня.

Утром мы все пришли. Ученики гимназии, и все те, которые уезжали. Я была с мамой. Поскольку отец мой был недавно убит, нам сказали, что мы пойдём в первую очередь. Мы и ещё там две семьи. Нас посадили на поезд, и мы приехали сначала в Панчево. Пришлось нам там ожидать, потому что была бомбардировка. В конце концов поезд отправился. Нам сказали, что едем через Вену, а там оставят всех родителей, которые приехали, а только молодежь отвезут ещё куда-то.

Приехали мы в Вену, маму от меня отобрали, и мы здесь остались. Я осталась и ещё 4–5 человек моего возраста, которые учились со мной. Мы поехали дальше, но мы не знали, куда мы едем. По-немецки мы так, мало-помалу говорили. После целого дня путешествия к ночи мы приехали в Берлин. И тут большая бомбардировка была. Мы все из вагонов бросились бежать в убежище. Когда мы были в убежище, мы увидели всех вместе, тех, кто ехал в других вагонах. А куда мы едем и где мама, где тётя – никого! Ну, начали мы плакать, и нас после этого повели опять в вагон, и Красный крест немецкий нам дал какие-то сэндвичи или что-то в этом роде. Поехали дальше. На следующее утро мы приезжаем, выходим из вагонов, потом мост, а там нас повели на остров какой-то. Говорят, это остров Рюген. И только тогда мы узнали, где мы, а много лет спустя я узнала, что это было место, где ракеты ФАУ-2 выпускали. Нам сказали: вы здесь будете работать. Но ещё целый день прошёл, потому что у нас запись была, сколько лет и так далее. Когда прочитали, что мне только 14 лет, а не 16, тогда через два дня нас, маленькую группу, человек десять, отправили обратно в Германию.

Впоследствии мы с мамой оказались в DP лагере «Парш» в Зальцбурге, в Австрии. Здесь я продолжила обучение.¹⁸

Из Белой Церкви выехал и кадетский корпус. Девичий интернат г-жи М.А. Неклюдовой оказался сначала в чешском городе Рокитнице, а позднее, по мере приближения Красной армии, перебрался в Саксонию, в г. Аннаберг-Буххольц. Но и это не спасло воспитанниц. Все они, кроме нескольких девочек, которых успели вывезти родители, оказались в руках советских воинов. Лишь нескольких девочек удалось позднее вернуть из СССР родителям.

18 Гимназия в лицах... Кн. 2. С. 455.

Но и эта история, и беженские лагеря Ди-Пи, в некоторых из которых даже удавалось создать школы и гимназии для продолжения обучения русских детей – всё это уже другая повесть.

После полного освобождения Югославии в мае 1945 года случилось массовое братание с русскими, (а любой советский заграницей всегда воспринимался русским). В стране остался с десятков тысяч русских эмигрантов, наивно полагавших, что к ним не может быть претензий, поскольку они никак, ни в чем предосудительном в военные годы не участвовали. Они, конечно же, не понимали, что само слово «эмигрант» навсегда останется для них «каиновой» печатью. Возвращавшихся из Германии русских ждали допросы, аресты и трудовые лагеря. Не покладая рук трудился СМЕРШ, выявляя среди оставшихся в стране деятелей НТС, РОВСа и казачьих станиц. В Белграде и в других городах бесследно исчезали «бывшие». Однако, массовый переход в советское гражданство, культ русского языка, цветы, объятия и братание – всё это истерическое буйство окончилось известной Резолюцией Коминформбюро от 23 июня 1948 г. Откат назад был страшен. Аресты, суды, концлагерь на Голом острове. Русских эмигрантов депортировали в принудительном порядке.

Из воспоминаний Павла Григорьевича Волкова (р. 1922, КСХС):

В сентябре 51-го года, в 1½ ночи вдруг неистово затрещал квартирный звонок. «Милиція, открывай!» Когда вошли: «Вы арестованы, собирайтесь!» Я указал на сына 2½ лет: «А он?» «Да. И он арестован. Можете взять только 2 чемодана». Их было трое. Когда нас спустили со 2-го этажа и посадили в «чёрный ворон», в нём уже сидела такая г-жа Жукова Софія Кирилловна. <...>

К рассвету подвезли нас к тюрьме. В ней оказалось уже много народу, а в течение дня подвозили ещё, так что к вечеру в большой комнате на полукаменном и покрытом досками (полу) оказались 64 души: женщина с ребёнком, мой преподаватель истории сербской Всеволод Георгиевич Якимов с супругой сербкой с сыном, немного большим, чем мой, директор нашей гимназии с супругой, одноногий мужчина и т. д. Всю ночь при свете лампочки провели, давя клопов, которые на нас падали с потолка.

Утром всех вывели во внутреннюю двор и тут главный «тюремщик» майор Майзец прочёл нам нотацію и объявил, что наш путь сейчас в Болгарию с пожеланием, чтобы нас проглотила «мутная Марица». На грузовиках нас отвезли на запасную линию железной дороги, посадили в вагон с угрозой, чтобы не вздумали открывать окна – бу-

дут стрелять. И под стражей повезли на юг, к болгарской границе до ничейной полосы земли. Въехав в эту зону поезд замедлил ход, наши проводники соскочили и в ночной тишине пошли к своей границе, а наш поезд покатило дальше до первого болгарского городка.¹⁹

С 1951 года русская эмиграция в Югославии, как историческое явление, перестала существовать.

Но в какие бы дали не забросила судьба всех тех, кто вырос и сформировался как личность в КСХС-Югославии, каждый из них всегда заявлял: «**Отечество моё Россия, а родина – Югославия**».

В 1940 году Королевское правительство (кстати, последними в Европе) установило дипломатические отношения с СССР, что весьма насторожённо восприняла русская колония. Затем, в марте 1941 года состоялось подписание Договора с Германией, результатом которого стал государственный переворот в стране, происшедший не без помощи хитрых англичан, и Договор с немцами был расторгнут. Тут терпению фюрера приходит конец, и 6 апреля 1941 года немецкая авиация варварски бомбит Белград и другие югославские города, а танковые части атакуют Югославию.

19 Гимназия в лицах... Кн. 2. С. 203.

Mikhail Ordovsky-Tanayevskiy,
independent researcher

**The children of Russia in emigration in the Kingdom
of SCS / Kingdom of Yugoslavia**

Abstract: The article deals with the journeys and life of the children in the Kingdom of SCS / Kingdom of Yugoslavia.

Key words: children, refugees, The Kingdom of SCS, The Kingdom of Yugoslavia.

ЛОБАЧЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
lobachevaj@gmail.com

**Российская эмиграция в Королевство сербов,
хорватов и словенцев в годы Гражданской войны
по воспоминаниям эмигрантов-детей**

Аннотация: В статье рассматривается процесс российской/русской эмиграции в Королевство сербов, хорватов и словенцев в годы Гражданской войны с точки зрения младшего поколения эмигрантов. Источниками стали опубликованные и неопубликованные сочинения-воспоминания эмигрантов-детей, свидетелей и участников российского исхода, обучавшихся в Реальных училищах Всероссийского союза городов в Загребе и Земуне в начале 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: российская/русская эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Гражданская война в России, дети эмиграции, воспоминания, школьные сочинения.

О российской/русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – в Королевстве Югославия, многое уже известно, написано, издано. Вместе с тем и сейчас, спустя 100 лет с начала ее оформления, исследователи обнаруживают или открывают заново малоизвестные источники по ее истории, ставят новые вопросы и находят новые подходы к решению уже обозначенных проблем¹.

В центре нашего внимания – процесс эмиграции, каким его увидели, представили, запомнили и позднее воспроизвели в своих ученических сочинениях-воспоминаниях его свидетели и участники: дети, подростки и молодые люди, разными путями прибывшие из разных мест бывшей Российской империи в Королевство СХС в

1 См., например: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. Москва – Белград, 2017.

годы Гражданской войны. Обращение к теме российского исхода через изучение воспоминаний эмигрантов-детей может, полагаем, способствовать привнесению чего-то нового в осмысление феномена российской эмиграции на Балканах, в исследование ее «социально-антропологических и психологических плоскостей», о необходимости которого писал Мирослав Йованович, признанный специалист по истории эмиграции².

Стоит сказать, что идея посмотреть на события Гражданской войны и русский исход «глазами детей» возникла у нас при ознакомлении с документами по эмиграции в Королевстве СХС, в частности с книгой «Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники», которая была подготовлена к печати Л.И. Петрушевой, заведующей архивохранилищем фондов коллекций документов по истории Белого движения и эмиграции в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), и вышла в Москве в 1997 г.³ В книге опубликована некоторая часть из сохраняемых в фондах ГАРФ сочинений беженцев-детей, учащихся русских учебных заведений за границей (в Болгарии, Турции, Чехословакии, Королевстве СХС), написанных ими в 1923–1924 гг. на тему: «Мои воспоминания с 1917 г. до поступления в гимназию».

В общих чертах история их появления такова. Написание сочинений было инициировано 12 декабря 1923 г. в русской гимназии в чешском городе Моравска-Тршебова, когда всем пятистам учащимся было предложено написать сочинение на тему: «Мои воспоминания с 1917 г. до поступления в гимназию». Вслед за этим Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, увидев их ценность, в 1924–1925 гг. организовало написание и сбор подобных сочинений и в других русских учебных заведениях за границей. К 1 марта 1925 г. в Бюро скопилось 2403 сочинения (около 6500 страниц рукописного текста) учащихся 15 русских школ: 2 – из Турции, 1 – из Болгарии, 10 – из Королевства СХС, 2 – из Чехословакии. Выдержки и отрывки из сочинений были опубликованы в Праге в 1924 г. и 1925 г. и вызвали большой резонанс в кругах эмиграции и общественности⁴.

2 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 11.

3 Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / Сост. Л.И. Петрушева / Под ред. С.Г. Блинова и М.Д. Филина. М., 1997.

4 Подробнее об истории этих воспоминаний см.: Цуриков Н. Дети эмиграции (Обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему: «Мои

Сочинения эти в течение многих лет сохранялись в известном Русском заграничном историческом архиве (РЗИА, в Праге) в фонде Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, куда поступили в 1936–1938 гг. После Второй мировой войны РЗИА был передан в Россию, сочинения находились в спецхране ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ), а в 1997 г. часть из них была издана по подлинникам в книге «Дети русской эмиграции»⁵.

Источниковой основой для данной статьи стали сочинения российских учеников, проживавших в Королевстве СХС и обучавшихся в Реальных училищах Всероссийского союза городов в Загребе и Земуне, опубликованные в указанном издании⁶, а также неопубликованные еще полностью сочинения учащихся из Загреба^{7*}, которые сохраняются в ГАРФ⁸. Авторами рассмотренных нами 85-ти сочинений являются учащиеся обоих полов от подготовительного до 8 класса (из Земуна до 7 класса), в возрасте приблизительно от 8 до 20-ти с небольшим лет.

Сочинения эти имеют большую историческую и культурную ценность. С одной стороны, как источник для изучения истории детства (например, таких проблем, как: ребенок/дети и война), а с другой – событий в России в 1917–1922 гг. и истории российского зарубежья. Взятые в целом эти сочинения повествуют о жизни детей и подростков до и после 1917 г., революционных событиях февраля и октября 1917 г., событиях Гражданской войны в России и на Украине, а также эмиграции. Авторы пережили эти события и/или испытали на себе их последствия. Часть из них непосредственно участвовала в Гражданской войне, воевала на стороне Белого движения, в рядах Добровольческой армии. Наконец, все они были свидетелями и участниками русского исхода, сопровождавшего Гражданскую войну.

Разумеется, при изучении сочинений нужно иметь в виду, что у всех авторов есть индивидуальный стиль, субъективный опыт и видение происходившего, обусловленное возрастом, полом и осо-

воспоминания») // Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. М., 2001. (Первое издание – Прага, 1925). С. 25–29; Дети русской эмиграции... С. 5–6.

5 Дети русской эмиграции... С. 19–20.

6 Там же. С. 423–494.

7 * Все сочинения из Загреба датированы 21 ноября 1924 г.

8 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р-5785 (Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, г. Прага). Оп. 2. Д. 98.

бенностями личной истории (многие из них столкнулись с проблемами мира взрослых, смертью, нуждой, голодом, болью, страхом и рано повзрослели), которые влияли на тон изложения и содержание текстов (кто-то больше писал про одно, кто-то про другое, с разной степенью фактической точности и т.д.). Стоит учесть и то, что определенный отпечаток на содержание воспоминаний наложили и конкретные условия их создания – написание сочинений (притом на заданную тему) было инициировано преподавателями, а авторы являлись эмигрантами или беженцами, которые описывали события не только ретроспективно, но и с точки зрения обстоятельств их переселения и уже извне – из Королевства СХС. Эти особенности сочинений, впрочем, не снижают их ценности как источника по истории эмиграции, что мы и постараемся далее показать.

О самом процессе российского исхода в Европу, в частности в Королевство СХС, времен Гражданской войны – его участниках, причинах, волнах, маршрутах и обстоятельствах существует немало подробных исследований⁹. Вместе с тем, проблемы эмиграции, насколько нам известно, сравнительно редко рассматривались с точки зрения младшего поколения, тем более с привлечением указанных сочинений¹⁰. Добавим, что работы о детях, младшем поколении

9 Об эмиграции в Королевство СХС/Югославию см., например: *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137; *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19; *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. М., 1994; *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии, 1919–1945. Харьков, 1996; *Йовановић М.* Досельаванье русских избглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005 и др.

10 Редкие исключения составляют статьи деятелей эмиграции, педагогов, опубликованные в 1925 г. в сборнике «Дети эмиграции»: проф. В.В. Зеньковского «Детская душа в наши дни», Н. Цурикова «Дети эмиграции...», кн. П. Долгорукова «Чувство родины у детей», А. Бема «Наблюдения и выводы», В. Левитского «У последней черты» (Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. М., 2001).

А также работы ученых – М. Йовановича, А.А. Сальниковой и И.В. Нарского. См., например: *Jovanović M.* Accelerated Maturity: Childhood in Emigration (Russian Children on the Balkans 1920–1940) // Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing Up in the 19th and 20th Century / Slobodan Naumović, Miro-

переселенцев, часто посвящены проблемам адаптации и «русской школы» за границей¹¹.

Итак. О чем именно и как пишут учащиеся – дети, подростки, молодые люди, когда обращаются к теме эмиграции? Какие сведения мы можем подчеркнуть из них сочинений?

Анализ сочинений показывает, что в плане изучения процесса эмиграции на их основе возможно подтвердить и/или дополнить, детализировать уже имеющиеся фактические сведения по следующим вопросам: 1. кто эмигрировал (социальный состав, экономическое положение, место проживания); 2) почему или от чего ехали (причины); 3) как – технические обстоятельства и условия переселения (время и маршруты эмиграции, индивидуально или с организованными потоками, как проходили эвакуации). Наряду с этим, можно проследить, как складывались судьбы конкретных людей и то, как индивидуальная история вписывалась в общий контекст происходившего в то время, и лучше представить себе социально-психологический портрет младшего поколения эмигрантов (и не только младшего!) – в частности, как переживалась и воспринималась ими эмиграция.

Далее мы приведем фрагменты^{12*} сочинений учащихся от младшего до старших классов, позволяющие дать ответы на перечисленные выше вопросы, а также представить особенности восприятия и воспроизведения воспоминаний о процессе эмиграции детьми разных возрастов. Разумеется, затронуть все работы и ответить

slav Jovanović (eds.). Beograd, 2001. P. 199–214; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах... С. 414–423; *Сальникова А.А.* Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 324–352; *Нарский И.В.* Взрослые ожидания в детских воспоминаниях: представления детей русской эмиграции о будущем России в школьных сочинениях 1924 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 3–16.

11 См., например: *Российская эмиграция в Турции...* С. 78–116; *Степанов Н.Ю.* Русские школы в Югославии и Чехословакии. К вопросу об адаптации российской диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. М., 2001. С. 149–159; *Силкин А.А.* Русские кадетские корпуса в эмиграции // Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 215–247; *Он же.* Средние русские учебные заведения в Королевстве СХС/Югославии (1919–1945) // «STUDIA SLAVICA – POLONICA» (К 90-летию И.И. Костюшко). Сб. ст. М., 2009. С. 132–151 и др.

12 * Отточием в скобках обозначены сделанные нами сокращения внутри этих фрагментов. Тексты архивных документов приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

развернуто на все вопросы в рамках одной статьи затруднительно, учитывая большой объем материала. К тому же мы стремились предоставить как можно больше пространства для историй отдельных детей, показать разные взгляды на исход.

Все сочинения можно условно разделить на 3 группы по возрасту их авторов и содержанию. Начнем с 1-й, сочинений учеников подготовительного и 1 класса (авторам примерно 8–10 лет в момент написания).

Младший подготовительный класс. Дети пишут почти только про эмиграцию, про отъезд – откуда, почему и как ехали, иногда про семью. К примеру, мальчик из Загреба: «Я ехал на пароходе Георгий, потом я пересаживался на Владер. Мой папа был офицер (...). Я еще помню, как нас выгоняли из России, и я помню, как мы голодали тогда, как мой папа был доктором»¹³. «Я был в Одессе при революции. Нас обыскивали, потому что мой папа был офицером, оставаться нам в России было опасно, и мы уехали за границу, где проехали через Польшу, Германию, Австрию», – читаем в другом, приведенном в данном случае полностью и, вероятно, неоконченном сочинении¹⁴. А, вот, еще одни впечатления (также полностью): «Хотя я был очень мал, но я все-таки помню, как я уезжал из Анапы, мы сели на “Анатолия Молчанова”, и потом мы приехали на остров Кипр, а тогда мой папа был артиллерист 9 батареи. А потом мы приехали обратно в Россию, в Севастополь. А второй раз мы уже приехали в Югославию, где живем три года»¹⁵.

Воспоминания девочек иные: «Помню, как мы ехали в каюте, там нам было удобно. Помню, как я очень была больна. Мы тогда поехали в Югославию. Я родилась в Севастополе»¹⁶. Из текста другой узнаем о причинах отъезда: «Так как мы боялись, чтобы и для нас не настало голодного времени, то мы уехали за границу»¹⁷.

Теперь сочинения учеников из Земуна. Один из них писал: «Я был на острове, потом я уехал в г. Новый Сад (Нови-Сад. – Ю.Л.), а на острове видел медузы»¹⁸. «Я жил в Одессе. И на Лемносе. Я ехал на пароходе “Владимир”. Я был в Константинополе. И оттуда прие-

13 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 4.

14 Там же. Л. 6.

15 Дети русской эмиграции... С. 425.

16 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 8.

17 Дети русской эмиграции... С. 425.

18 Там же. С. 457.

хал в Земун», – вспоминал другой мальчик¹⁹. Ученик **старшего подготовительного класса** описывал похожие события: «Мы ехали на пароходе, на “Владимире”, (...) приехали на Лемнос, там мы жили в палатках. Жили мы двенадцать дней. Потом приехали в Сербию»²⁰.

У девочки из того же класса более обширные, но менее точные, воспоминания: «Когда мы пришли на пристань, чтоб уехать в Сербию, то я увидела большой пароход (...). Мы сели на этот пароход, было очень хорошо, но билетов не было больше во второй класс, а были только в третий класс, и мы взяли билеты в третий класс. Ехали целый месяц, останавливались в Салониках, а также в Константинополе. (...) Потом мы приехали в какой-то город, (...) и мы там пересаживались на поезд, ехали. Потом ехали в товарном поезде и так приехали в Сербию»²¹.

Заметим, что пути и места следования, которые описывают дети и подростки в своих сочинениях, в основном совпадают с маршрутами движения российских эмигрантов в Королевство СХС, которые прослежены в исследованиях. Установлено, в частности, что широкомасштабные эвакуации проходили весной 1919 г. (апрель, Одесса), зимой–весной 1920 г. (январь–февраль, Одесса; март, Новороссийск) и в ноябре 1920 г. (эвакуация крымских портов – Севастополя и др.). При этом зимой–весной 1920 г. часть переселенцев направлялась сразу в Королевство СХС, а другая – сначала в Константинополь и на острова в Средиземном море (Принцезы острова (Принкипо и др.), Лемнос и др.). Часть эмигрантов весной 1920 г. следовала в Египет. Некоторые переселенцы пережили эвакуацию дважды. Осенью 1920 г. эмигранты тоже следовали через Константинополь. (И ехали они на пароходах «Владимир», «Siam», «Херсон» и др.). Другие пути, по которым беженцы прибывали в Королевство СХС, шли через Болгарию, Румынию или Грецию. Известно также, что некоторое число эмигрантов следовало через Польшу или Норвегию²².

Сочинения учеников **1 класса** уже более подробны. Так, воспоминания девочки (из Загреба) отражают ее переживания и некоторые обстоятельства в связи с отъездом (причины, направление):

19 Там же.

20 Там же. С. 458.

21 Там же.

22 Подробнее см.: Российская эмиграция в Турции... С. 10–52; Россия в изгнании... С. 55–67; Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве...; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах... С. 85–92.

«Когда я была маленькая, мне было 8 лет, когда я уезжала из России. Мне было только жалко моих подруг и моих знакомых, а особенно мне было жаль могилки дедушки и бабушки, а больше ничего, я хотела скорей-скорей в Польшу. (...) Мы уезжали из России потому, что наступал голод, раньше в России было очень хорошо, а после становилось все хуже и хуже. (...) Я помню, как мама продавала вещи (...). Мама напекла очень много хлеба, потому что думала, что не хватит денег на дорогу»²³.

Другая первоклассница писала про отъезд: «Пришли в Харьков большевики, и мы должны были уехать (...) пришлось все оставить (...). Когда мы пришли на пристань, то уже везде стреляли. Мама не хотела нас пугать и говорила, что это большой праздник»²⁴.

У мальчика про отъезд из Севастополя осталось такое впечатление: «На другой день мы выехали в заграницу, мама мне говорила, что заграница это не город, а страна, которая за Россией, но я все-таки думал, что это город. (...) И прожили на пароходе 1 месяц, потом пересели на другой пароход, который был должен пойти в Турцию и потом в Югославию»²⁵. Другой ученик из Загреба так вспоминал путь из Одессы: «Потом мы сели на пароход, который был очень, очень большой. Мы отъехали, когда уже по нам стреляли из больших орудий. (...) Мы ехали по морю, один раз я вышел на палубу, но сейчас же упал, была страшная буря и очень большой туман, наш корабль подходил к Босфору в Турции, но никак не мог, хотя капитан был очень опытен, наконец, мы завидели Турцию, Константинополь и мечеть Ай Софию (Айя-София. – Ю.Л.). (...) Мы поселились на одном островке Принкипо, (...) там мы жили 3 года, там было все очень дешево, но мы боялись какого-то паши и приехали в Югославию»²⁶.

Перекликается это с воспоминаниями первоклассника в Земуне, также выезжавшего из Одессы: «Из Одессы мы выехали в Константинополь, мы ехали на пароходе “Габсбург”. Около Константинополя мы держали карантин, стояли долго. Мы пересели на другой пароход и поехали в Принкипо. (...) Мы поместились на даче (...). На Принкипо мы жили больше месяца, а потом поехали в Сербию»²⁷.

23 Дети русской эмиграции... С. 426.

24 Там же. С. 427.

25 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 12, 12 об.

26 Там же. Л. 14, 14 об.

27 Дети русской эмиграции... С. 460.

Иначе писал о приезде «в Сербию» мальчик из Курска: «Мы отправились в Болгарию. По рассказам родителей знаю, что мы из Болгарии выехали на пароходе “Афон”, четыре недели мы стояли во льду, но, наконец, отошли и приехали в Белград, через день мы перешли в Земуна»²⁸. Его одноклассница (из Екатеринодара) тоже описывала путь через Болгарию: «По случаю войны мы переехали в Болгарию на пароходе “Спарта”. Из жизни в Болгарии я помню, как мы жили на даче, и как папа приносил улитки, которые он очень любил есть, а я очень боялась их. А из Болгарии мы переехали в Белград»²⁹. Заметим, что маршрут переселения из России в Королевство СХС через Болгарию описывали и другие учащиеся³⁰.

Вторая группа сочинений – тексты учащихся **2 и 3 классов** в возрасте примерно от 10 до 15 лет. Они уже более детально пишут про нередко предшествовавшие эмиграции перемещения семей из города в город и про сам отъезд.

Среди опубликованных сочинений учеников 2-го класса из Земуна нам встретились три сочинения, в которых говорилось о воссоединении детей с отцом, который был уже «в Сербии»: один из них ехал из Одессы, другой – после нескольких переездов по России через Владивосток, а девочка – из Харькова³¹.

Описание еще одного маршрута в Королевство СХС – через Салоники – мы обнаруживаем в сочинении девочки из того же класса, которая пишет про долгую и тяжелую дорогу из Петрограда в Киев, жизнь там, переезд в Новороссийск, затем в Новочеркасск, потом в Одессу, откуда через Салоники в Белград: «В Одессе мы прожили около недели, спали на полу в одной комнате с солдатами и ели из общего котла. Все думали, что из Одессы пойдут обозы, с которыми должны были отправиться и мы. Но в последнюю минуту прислали с английского парохода “Рионегро” сказать, что можно ехать в Салоники. (...) Когда мы вошли на пароход, меня поразила его величина. Потом я узнала, что на “Рионегро” ехало около трех с половиной тысяч человек. Была сильная качка. От Одессы до Салоник мы ехали около месяца, и все это время нас кормили макаронами и гале-

28 Там же. С. 459.

29 Там же.

30 Там же. С. 479, 481 (сочинения пятиклассников Земуна, уезжали из Одессы в 1919 г.).

31 Там же. С. 462–465.

тами. По приезде в Салоники мы сели в товарный поезд и благополучно доехали до главного города Белграда в Королевстве С.Х.С.»³².

Иначе добиралась семья мальчика из Екатеринодара, дорога которой шла через Новороссийск. «Потом, – пишет он, – мы уехали на Кипр, с Кипра на Лемнос, с Лемноса на Салоники, и в Старую Сербию, в Чичак (Чачак. – Ю.Л.), оттуда в Дубровник, оттуда сюда, в Загреб»³³.

Среди неопубликованных сочинений загребских учеников второго класса нам встретились сочинения двух мальчиков, детально и образно описавших свой отъезд и путь по морю: один выезжал из Севастополя³⁴, другой – из Одессы (его текст даже завершился фразой: «Вот все, что я помню, из моего приключения»)³⁵. Контрастирует с ними общее впечатление о дороге девочки (из Екатеринодара на поезде в Константинополь, дальше на пароходе, а потом снова поездом): «И вообще жизнь на пароходе была очень тяжела»³⁶.

За **3-й класс** имеются только 4 опубликованных сочинения учеников из Земуна. Про эмиграцию впечатлений осталось у авторов мало, больше – о событиях и жизни в России с 1917 г. Один мальчик, сочинение которого не окончено, писал об отъезде (из Батуми): «Мы с мамой на громадном пароходе “Франц Иосиф” поехали в Константинополь; пробыв там 1 неделю, мы поехали в Рим. В Риме мы пробыли 4 месяца и поехали в Лондон. В Лондоне мы прожили 4 месяца, а потом отправились в Париж. В Париже мы прожили 4 года и потом поехали в Берлин, и потом»³⁷. А девочка лишь констатировала, что из Ялты «отправилась в Сербию»³⁸.

Наконец, 3 группа текстов – сочинения учеников с **4 по 8 классы** в возрасте приблизительно от 15 лет до 23-х лет (есть и 13–14 летние). Это самые обстоятельные свидетельства наших авторов о событиях революций, Гражданской войны, о жизни в России, скитаниях из города в город и об обстоятельствах исхода. В их числе воспоминания участников военных действий, вставших на сторону Добровольческой армии. Воевавшие, к слову, нередко скупо описывают отъезд, ограничиваясь лишь констатацией фактов.

32 Там же. С. 466.

33 Там же. С. 429.

34 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 22–22 об.

35 Там же. Л. 23–24 об.

36 Там же. Л. 25.

37 Дети русской эмиграции... С. 468.

38 Там же. С. 470.

Так, среди сочинений учащихся **4 класса** в Земуне – два принадлежали кадетам, только упомянувшим эвакуацию из Крыма и то, что они потом приехали в Сербию/в Королевство СХС³⁹; другой участник войны тоже вскользь указал на отъезд из Крыма и то, что «незаметно докатился до Сербии»⁴⁰, четвертый же – вообще об этом не говорил⁴¹.

Последнее среди сочинений 4-го класса в Земуне, сочинение девочки, напротив, про убегание. «В 1917 году, – начинается она, – я первый раз сделалась беженкой и начала бегствие из одного города в другой. Первое мое путешествие было в Курскую губернию, в имение наших родственников»⁴². А в конце пишет, что из Новороссийска «эвакуировались на пароходе в Константинополь. Там нас высадили на острове Антигона, где и остановились мы. После всего пережитого нам казалось, что мы попали прямо в рай. Нас содержали итальянцы, действительно, они очень хорошо относились к русским. Они нас держали, сколько могли, и наконец, с грустью для нас, они попросили нас об выезде. Они устроили прощальный обед, и мы поехали к папе, где была его служба в Константинополе, и жили в общежитии. И там находились до отъезда в Королевство С.Х.С., в город Земун»⁴³.

Другим опытом делится ученик 4 класса из Загреба (не участвовавший в войне), говоря об эвакуации из Ялты осенью 1920 г.: «Шла спешная погрузка на пароходы. (...) Через неделю мы вступили в Босфор, на другом берегу Черного моря. Мы остановились около Стамбула. Наш санитарный пароход “Георгий”, на котором помещались “Белый и Красный Кресты” стал выгружаться на барки, которые доставляли людей на другие большие пароходы. Мы переехали на пароход “Витим”, который стоял тут же на рейде. Мы там прожили две недели, питаясь только тухлым хлебом, мясными консервами и солено-пресной водой. Вскоре нас перевели на берег в турецкие казармы, где мы чуть не умерли от голода. Но потом перебрались на квартиру за последние деньги. В Турции мы прожили два года, занимаясь кондитерским делом. И в конце 1922 года переехали в Югос-

39 Там же. С. 474, 475–476.

40 Там же. С. 473.

41 Там же. С. 474.

42 Там же. С. 476.

43 Там же. С. 477.

лавию»⁴⁴. Добавим, что про эвакуацию осенью 1920-го, но из Севастополя, подробно пишет и его одноклассница⁴⁵.

В этом же классе был ученик, который прибыл по суше, выезжая через Польшу, и при других условиях. Он рассказывает, что из Инсара Пензенской губернии его семья поехала в Москву, а «когда в Москве начались беспорядки, мы поехали за границу. Я не знаю, почему мы уезжаем, и мне не хотелось уезжать. Из Москвы мы поехали санитарным поездом на Смоленск. (...) Нам помогали американцы, и мы каждый день получали завтрак, обед и ужин. Еда была плохая, и я не всегда ел. От Москвы и до границы Польши мы ехали на одном и том [же] поезде. На границе была пересадка, и дальше мы ехали опять [в] товарном поезде»⁴⁶.

И далее продолжает: «С нами ехало много евреев. На каждой станции мы шли получать обед и получали плохой суп и кукурузную кашу. Мы остановились в городе (...⁴⁷), где жили в бараках около города. Я в городе не был, потому что мы жили далеко. Бараки были окружены колючей проволокой, и чтобы идти в город нужно было получить разрешение. Отсюда мы поехали в город Унгарт-Радилив^{48**}. Здесь мы жили около двух месяцев около города. Когда мы сюда приехали, то все должны были идти в баню. (...) После этого нам дали комнаты. Мы все вместе обедали, устраивали вечера, и вообще здесь жилось хорошо. (...) Здесь мы жили тоже недолго и уехали в Чехию через город Луденбург в (...) Брно. В городе было дорого жить, и мы остановились в деревне Лаутлин. Здесь было много лесов, и в них много дичи (...). Я ходил чешскую школу. Здесь жили, кроме нас, еще десять семей русских беженцев. Мы ходили за дровами, делали варенье из сахарной свеклы. Скоро нас из Чехии выслали, и мы поехали в Австрию, в город Грац. Здесь тоже нам давали обеды, и мы ходили за очень дешевой платой в столовую. В Граце мы жили две недели и поехали в Югославию, где и живем до сих пор»⁴⁹.

Возможно, схожим маршрутом, но по другим причинам, выбиралась из России через Москву и семья девочки (13 лет): «Мы были во многих городах и также побывали в Чехии. В Чехии я поступила

44 Там же. С. 432.

45 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 39 об.-40.

46 Там же. Л. 30.

47 * Название города не удалось разобрать.

48 ** Здесь и далее (Луденбург, Лаутлин) уточнить название и местоположение не удалось.

49 Там же. Л. 30 об.-31.

в школу, в которой пробыла около года. (...) Из Чехии мы поехали в Германию, в город Грац^{50*}. Здесь мы жили в пансионе. Из России мы должны были уехать, потому что папа был австрийский подданный, а все австрийские подданные должны были уехать до революции. Из Граца мы поехали в Югославию через город Вену. В первый день прибытия в Вену всех русских пригласили в театр. (...) На второй день мы сразу уехали в Югославию, потому что папа нашел место для службы в городе Загребе»⁵¹.

Разумеется, были среди учащихся и те, кто выезжал из России в частном порядке. Так, девочка (13 лет) описывает путь ее семьи с 1917 г.: из Архангельска⁵² в город Колу на Кольском полуострове (где были несколько месяцев), затем на пароходе в город Варде в Норвегии (оставались 3 дня), оттуда в Гамерфест^{53**} (где-то на 2 недели), затем в Kristiania^{54***} (около 2-х лет жили в полутора часах от города, «папа служил в банке», «жили мы хорошо») ⁵⁵. И далее рассказывает: «Через год папу перевели в Белград, но папа не хотел, чтобы мы ехали с ним, потому что еще не знал, где и как он устроится, и поэтому нас отослал в Англию. Я и две мои сестры учились в английском пансионе, а младшая сестра с мамой жили в том же доме. Мы учились целый год, и по окончании года мы поехали в Yugoslavia. По пути мы заехали к своим знакомым в Paris, там мы прожили несколько недель. Из Парижа мы приехали в Берлин, и там тоже жили. Затем поехали в Вену, где нашли своих родственников, и, прожив некоторое время там, мы отправились в Югославию»⁵⁶.

Сочинения учащихся **5-го класса** – подробные воспоминания о революционных событиях 1917 г. и особенно о Гражданской войне в России и на Украине, переездах по городам и далее эмиграции в Королевство СХС.

Ученики из Загреба, в частности, описывают эвакуации из Новороссийска (Новороссийск – Константинополь – Принкипо – Лем-

50 * Автор допустила неточность (Грац – в Австрии), или в тексте есть пропуск.

51 Там же. Л. 35.

52 Добавим, что из Архангельска через Норвегию также держали путь ученик/ца 5-го класса (ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 53–53 об.) и ученица 7-го класса гимназии в Загребе (Дети русской эмиграции... С. 448).

53 ** Хаммерфест – город на севере Норвегии.

54 *** Видимо, в Христианию, город около Копегагена.

55 Дети русской эмиграции... С. 432–433.

56 Там же. С. 434.

нос – Египет – Югославия)⁵⁷ и Севастополя (Севастополь – Константинополь – о. Ханки – Константинополь – Югославия)⁵⁸.

Приведем в качестве примера фрагмент рассказа об эвакуации из Севастополя осенью 1920 г.: «В ночь с 28 на 29 октября мы получили извещение, чтобы все семьи офицеров спешно собрались и пришли к пристани, грузиться на пароход, а все офицеры оставались бы на своих местах. Сложившись, мы в 6 утра двинулись в путь, взявши по узелку каждый из нашей семьи. К 8 часам мы подошли к центру города, где была уже паника. Улица, которая вела к пристани, была уже заполнена нагруженными подводами. Нам пришлось прождать два дня, пока допустят на пристань. Но вот в ночь 31 октября нас /уже с папой/ и еще одних знакомых пустили, но, к сожалению, парохода уже не было, и нам пришлось идти назад. Мы, не теряя надежды, пошли на другую пристань, где стоял маленький катерок, наполненный пассажирами»⁵⁹. Затем, поместившись на него и простояв до вечера, «направились к пароходам, стоявшим на рейде. (...) В темноте мы подъехали [к] какому-то пароходу и просили принятия на борт, но они нам ответили, чтобы мы раньше выловили морских кадет, плавающих в море на маленьких лодках, которые были оторваны от их катера. (...) В конце концов, мы благополучно исполнили нашу задачу и были приняты на борт. В эту же ночь мы покинули Севастополь»⁶⁰.

Отметим, что среди воспоминаний пятиклассников из Загреба обращает на себя внимание сочинение (анонимное) как пример восприятия и оценки событий, в котором отъезд представлен, скорее, не как описание некоего действия или события, а как трагический опыт людей, переживающих Гражданскую войну и расстающихся с родиной: «Жизнь становилась невозможная, и поэтому люди бросали свои старые жилища, часто мужья – жен и детей, стариков, уезжали за границу или в другие города России, где имелась возможность влачить жалкое существование. В 1921 г.^{61*} была последняя эвакуация из Крыма, которая, как молния, поразила всех, толпы людей стремились на набережные, им нечего было терять, они уже все по-

57 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 49–49 об.

58 Там же. Л. 51–51 об.

59 Там же. Л. 51.

60 Там же.

61 * Здесь неточность – эвакуация начиналась в 1920-м г.

теряли, кроме своей жизни^{62*}. Каждый хотел спасти свою жизнь и о других не заботился. Многие не верили, что это правда, уже надо забирать пожитки и удаляться из своей родной страны, не зная, что с тобой случится дальше, но мы твердо верили, что всюду хранит нас Сила Всевышнего. Какие счастливые мы были, когда сели на пароход, жалко было расставаться с родной страной, было очень жалко и тех бедных людей, которые оставались на берегу и умоляли со слезами на глазах, чтобы их взяли с собой, но помочь им нельзя было, все корабли перегружены были. И в одно из воскресений декабря месяца 1921 года мы распрощались с нашей родной страной. Вышли на рейд, где простояли всю ночь, изредка слышны были выстрелы Родины. Город всю ночь был озарен пламенем, горели склады, вот последнее впечатление о нашей многострадальной Родине. К утру того же дня корабль отошел, перед этим был отслужен молебен на палубе корабля, все с жаром и со слезами творили молитвы. И после этого начались странствования наши по пустынному морю»⁶³.

И еще несколько созвучных предложений про эвакуацию Крыма в ноябре 1920 г. из текста мальчика, беженца из Ставрополя (Загреб): «Невозможно описать, каких трудов стоило поместиться на пароход. Сидевшие на пароходе чувствовали себя счастливыми, которым удалось избавиться от большевиков. Но не всем удалось сесть на пароход, и пришлось дожидаться своей участи, которая их ожидала. Я выехал из России на итальянском пароходе “Корбин”, который доставил русских беженцев в г. Константинополь. Пересев на пароход “Херсон”, мы отправились в Югославию в надежде на помощь со стороны братьев славян. Жизнь на пароходе была подвержена всевозможным лишениям, но никто не падал духом, в надежде на что-то будущее»⁶⁴.

Упомянем и сочинение пятиклассника из Земуна, в котором описан его опыт переживания двух эвакуаций из Одессы: в первый раз его семья ехала в Сербию через Румынию, а второй – через Болгарию⁶⁵.

В сочинение же ученика **6 класса** более подробные впечатления об эвакуации через Болгарию (из Одессы): «24 декабря 1919 года

62 * Описание эвакуации перекликается с описанием эвакуации Севастополя из сочинения ученицы 8-го класса, которое мы приведем ниже.

63 Дети русской эмиграции... С. 439–440.

64 Там же. С. 440.

65 Там же. С. 478–479.

пароход Добровольного флота “Витязь” принял нас на свой борт, и в 3 часа дня мы отчалили от России. (...) 26 декабря прибыли мы в Варну. (...) В город нас не пускали и отправили в карантин, где и пробыли мы до 1 января 1920 года. Время это было очень тяжелое. В незнакомой земле, среди недружелюбных болгар, и мы торопились выехать отсюда. Но в Софии отец заболел (...), и пришлось задержаться на месяц. В конце концов, преодолев все препятствия, прибыли мы в Белград, были здесь, как одни из первых русских, прибывших сюда, очень гостеприимно приняты»⁶⁶.

Не все учащиеся **6–8 классов**, о работах которых пойдет далее речь, вспоминали про сам отъезд, а некоторые почти только ограничивались его констатацией – большую значимость, по всей видимости, для них имел иной опыт, который они описывают: революции 1917 г. и их последствия, события или прямое участие в Гражданской войне и т.д. – опыт, несомненно, заслуживающий особого внимания. А кому-то, быть может, просто не хватило времени, чтобы написать обо всем, или не хотелось по тем или иным причинам к этому возвращаться.

К этой группе относятся в большинстве своем воспоминания учащихся из Земуна **6–7 классов**⁶⁷. Помимо цитированного выше, лишь в двух еще говорилось про отъезд: шестиклассник упоминал эвакуацию из Евпатории в 1920 г. (через Константинополь) в Королевство СХС, делясь своими переживаниями: «Уезжать из России было очень неприятно, точно чувствовалось, что в Россию мы вернемся уже не скоро. Казалось, что вместе с удалявшимся берегом Евпатории удаляется и моя прошлая жизнь, а впереди что-то неизвестное»⁶⁸. А в сочинении семиклассника читаем про путь из Новороссийска в 1920-м г.: «Затем в апреле мы эвакуировались на Лемнос, где во всевозможных лишениях провели весну и лето. Была там школа <Всероссийского> союза городов, в которой я некоторое время учился, но для учения это время у меня в конце концов оказалось потерянными. С радостью покинули мы неприветливый Лемнос со светлой надеждой на будущее, на возвращение на Родину, но, к сожалению, вместо возвращения в Россию предстояло много испытать в Сербии,

66 Там же. С. 483.

67 Там же. С. 484–492.

68 Там же. С. 487.

которая хотя и гостеприимно приютила русских, но все же не может заменить Родины»⁶⁹.

В эту же группу входит часть сочинений учеников из Загреба **6–8 классов**⁷⁰. И здесь, кстати, как пример влияния условий написания на содержание текстов приведем один фрагмент. Подробное сочинение ученика 6-го класса, называвшееся «Моя жизнь от начала 1917 г. и до 1923 г. и воспоминания об этой жизни» завершилось так: «Здесь (в Новороссийске – Ю.Л.) мы прожили 1 месяц и затем на пароходе “Вгуен” приехали в Константинополь, на Принцезы острова. Здесь я занимался ноской воды, учился в гимназии и проводил свободное время на берегу моря. С островов я переехал в самый Константинополь, а затем через Лигу Наций приехал в Загреб, где и живу уже 1½ года, учась в Загребской Русской Реальной гимназии. Эти мои воспоминания вышли не так, как бы я хотел, потому что за такой короткий промежуток времени я не смог написать все подробно, так как за это время было очень много пережито и пережито»⁷¹.

Из оставшихся воспоминаний учащихся в Загребе приведем четыре примечательных свидетельства об исходе.

В сочинении ученика 7 класса, участвовавшего в войне, читаем про эвакуацию Ялты и его связанные с покиданием родины чувства: «В 1920 г. я приехал в корпус в Батуми, где произошла эвакуация в Крым на турецком пароходе “Кизил-Арват”. Подъезжая к Крыму, я был в полной уверенности, что взять его большевикам не было никакой возможности, но, к великому сожалению, он продержался всего несколько месяцев. Ночью перед днем эвакуации нам было объявлено, что будет эвакуация, и чтобы в городе не были беспорядки, из корпуса были разосланы патрули. Эвакуация в порту Ялты произошла довольно спокойно. Корпус поместился на угольном речном пароходе “Хриси”. Все имели мало надежд куда-нибудь доехать. Странно то, что отъезжая от родной земли, я не чувствовал никакой жалости, настолько развились у меня животные чувства»^{72*}.

69 Там же. С. 494.

70 Там же. С. 441–442 (6 класс), С. 443–448 (7 класс), С. 450–452 (8 класс); ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 64–65 об., Л. 66–67 об., Л. 74–76 об., Л. 77–79 об (7 класс).

71 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 60–60 об.

72 * Про отчасти созвучные этим переживания мы читаем в сочинении другого участника войны (4 класс, Земун): «Многие охали, стонали, что потеряли Россию. Мне Россию было не жалко, потому что я не видел там ничего хорошего. Все время война, а потом эта очередь за хлебом и за всякими продуктами, –

Через восемь дней мы были в Константинополе, кот. меня поразил, когда я его увидел, утром рано при восходе солнца, проснувшись от холода. Целый месяц мы находились на воде и, наконец, в 1920 году в ноябре месяце высадились в земле наших братьев славян, в бухте Бакар. Так кончилось для меня странство вонне по водам и по земле. Но все-таки, несмотря на то, что мы находимся уже четвертый год за границей, я все еще надеюсь вернуться в Россию, но не в большевистскую, а в Россию свою национальную»⁷³.

Из сочинения юноши восьмиклассника узнаем еще об одном сценарии эмиграции (из Екатеринослава, примерно осенью 1919 г.): «Из России я выбрался обманом. Мой отец достал бумаги швейцарского гражданина. Сперва мы перебрались в Одессу, потом в Новороссийск, где жили осенью месяц в холодных бараках в ожидании парохода. Наконец, пришел немецкий пароход “Брильзит”, на нем мы добрались в Триест, откуда переехали в Швейцарию. Из Швейцарии я попал в Югославию, где мой отец получил место»⁷⁴.

И завершим мы фрагментами двух сочинений восьмиклассниц с детальным описанием обстоятельств и условий отъезда, покидания России, а также их, беженок, собственных переживаний.

Девушка из Петрограда пишет про скитания ее семьи после Октябрьской революции, начиная так: «В 1917 г. начался ужасный большевистский переворот, и с этих пор наша несчастная Родина до сих пор находится под ужасным игом большевизма. Все население России очень пострадало от большевиков»⁷⁵. И затем вспоминает про оставление Севастополя и России: «1 ноября 1920 года и началась Крымская эвакуация». Говорит она о сборах в дорогу, о том, что целую ночь ожидали на мосту катер, чтобы попасть на пароход «Якут»: «Прозябнув и измокнув дотла, так как шел дождь и был сильный ветер, мы представляли из себя самую плачевную картину, картину беженцев».

И далее, попав на «Якут»: «Обозрев пароход, мы увидели, что места все заняты, и, следовательно, поместиться нам негде, кроме как на палубе. Ужасная грязь парохода нас ужасала, но приходилось

мало прельщала меня такая жизнь. Я стонал только, когда мне хотелось есть. Жизнь моя за время революции была похожа на жизнь животного, которому не было никакой заботы, кроме желудка, и так я незаметно докатился до Сербии» (Дети русской эмиграции... С. 473).

73 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 71-71 об.

74 Дети русской эмиграции... С. 450.

75 Там же. С. 452.

мириться. Но вот около полудня подняли трап, пароход издал гудок, снялся с якоря и поплыл, колыхаясь, по морю. Какое-то странное чувство овладело мной при этом. Мне казалось, что этим гудком пароход в последний раз прощался с Россией, как бы в последний раз прощался с родной ему частью Черного моря. И мне тоже казалось, что я никогда больше не увижу дорогой моей Родины, которую я так люблю всем моим сердцем, всей душой, и без которой не могу жить. Все остальные государства перед ней ничто. Да и, кроме того, у меня вертелась мысль, что нас всех ожидает за границей, куда-то мы попадем, и как к нам отнесутся? Вот какое состояние овладело мной при расставании с родными берегами»⁷⁶.

А потом был Константинополь и пересадка на «Владимир»: «Этот пароход был также нагружен беженцами до предела, выше которого нагрузить было нельзя. Опять все разместились там, где мог. Кто в трюме, кто на палубе. (...) Этот переезд от Константинополя до Бакара был кошмарный. Пароход не топили, холод был страшный, спать было негде, есть нечего, а главное, грязь, грязь, грязь. (...) и отсюда (из Бакара. – Ю.Л.) нас разослали по всем городам Хорватии»⁷⁷...

Сочинение нашего последнего автора, ученицы из Загреба, пережившей две эвакуации за границу, начиналось такими словами: «Самым ужасным, неслыханным событием русской истории явилась русская революция 1917 г. и ее последствия. (...) Ко времени же образования Добровольческой армии ген. Деникина положение в Грузии становилось все невыносимее»⁷⁸.

Далее автор прослеживает путь их семьи (Тифлис (Тбилиси) – Екатеринодар – Ростов-на-Дону – Екатеринодар – Новороссийск), отмечая сопутствовавшие события Гражданской войны. И рассказывает о первой эвакуации и возвращении в Россию: «В феврале 19 г. мы эвакуировались, но без мужчин из Новороссийска. Нас посадили на английский пароход и повезли неведомо куда. На 21 день мы прибыли в Александрию, в Египет. Проведенные там 6 месяцев в пустыне были бы, конечно, очень интересны для описания. Вся природа, особенности жизни, обычаи, нравы, характер народа. В сентябре мы вернулись обратно в Россию, но уже в Севастополь. (При возвращении останавливались в Константинополе.) После всей роскоши как в Каире, Александрии, Порт-Саиде, Константинополе, ви-

76 Там же. С. 453–454.

77 Там же. С. 454.

78 ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 98. Л. 86.

денных нами, Севастополь показался каким-то маленьким, невзрачным городком. Но сразу какое-то чувство боязни закрадывалось, какое-то страшное предчувствие. И действительно, (...) жить приходилось среди огромных лишений. Самое же неприятное было то, что (...) была как-то подорвана энергия, замечался упадок сил, чувствовалось приближение конца»⁷⁹.

И далее вспоминает о второй эвакуации – из Севастополя (рассказ сокращен): «И вот в ноябре 1920 г. началась эвакуация. Это было ужасное событие, событие, которое извратило всю жизнь, событие, которое не забудется никогда, которое осталось в памяти как черное, ужасное пятно. С 5 часов утра стали тянуться по улицам обозы к пристаням. Все торопились, волновались, суетились. Все люди были заняты одной лишь мыслью: бежать, ехать, спастись. Пошли и мы на пристань. Дождь, слякоть, холод. На пристани ждали парохода целый день. (...) В городе пылали склады, большие магазины. (...) В 3 ч. ночи был подан французский угольщик Siam. Без освещения началась погрузка. (...) Толкотня была страшная. Какая-то женщина упала в море и утонула, другая упала, сломала себе руку и ногу, посуду раздавались крики, стоны. (...) Наконец, наши были на борту, когда пароход снялся. Все имущество было, конечно, брошено на пристани. Siam стоял на рейде еще целый день. Вечером, когда он выходил из порта, по нему стали стрелять выпущенные арестанты. (...) но всем уже было даже не до этого. (...) Все были подавлены. Но для многих и среди этого тихого ужаса были ужаснейшие минуты. На пароходе появился тиф, который стал беспощадно истреблять людей. (...) Среди всех этих ощущений вы не замечаете и лишений, напр., когда сидите по 2 дня без пресной воды, без хлеба и т.д. На 20 день путешествия Siam прибыл в Бухту Которскую. Этим закончился период эвакуации, и этим начинается новая, совершенно своеобразная жизнь отщепенцев на чужбине»⁸⁰.

Что тут можно добавить?!...

В этих воспоминаниях отразились так или иначе исторические реалии и судьбы конкретных людей. Мы видим эмигрантов-детей из семей военных, служащих, интеллигенции, предпринимателей, юношей из кадетских корпусов и других участников войны на стороне Белых. Эмигрантов с разным уровнем материального достатка, из разных городов – Петрограда, Москвы, Одессы, Курска,

79 Там же. Л. 87.

80 Там же. Л. 87–88 об.

Харькова и многих других. Детей и подростков, уезжавших и/или бежавших, зачастую преодолевая разнообразные лишения, по морю и суше, единичными переселенцами или вместе с крупными потоками эмигрантов (в составе массовых эвакуаций), чтобы избежать голода и режима большевиков или в силу других причин. Для кого-то из них эмиграция означала отъезд, для кого-то – бегство, «беженство», «отщепенство» и т.д. Одни расставались с родиной, с Россией с тяжелым сердцем, кому-то это было безразлично, кто-то не понимал – почему, а кто-то еще не задавался вопросами о том, куда и зачем они едут. По-разному воспринималось младшим поколением и то место, в которое они в итоге прибывали – «за границу», в Югославию, в Сербию, в Земун, Хорватию, «в Королевство С.Х.С.», и где им еще предстояло обрести свое место, если, конечно, их, эмигрантов, скитания заканчивались здесь.

Yulia Lobacheva, Ph.D.,
The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

**The Russian emigration in the Kingdom of Serbs,
Croats and Slovenes during the Russian Civil War according
to the memoirs of the emigrant children**

Abstract: This article aims to consider the process of the Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes during the time of the Russian Civil War from the perspective of the younger generation of emigrants. The article is based on published and unpublished essays-memoirs of the emigrant children, witnesses and participants of the Russian Exodus, who have studied in the Real schools of the all-Russian Union of the Cities in Zagreb and Zemun in the early 1920s.

Keywords: Russian emigration, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, the Russian Civil War, children of emigration, memoirs, school essays.

ПИЛЬКО НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА

Кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
nbg2005@mail.ru

Русская эмиграция на словенских землях в 20-30-е гг. XX в.

Аннотация: В 1920-е на словенских землях Королевства СХС (Югославии) оказались эмигранты из России. Некоторые из них сумели найти себе применение и внесли свой вклад в развитие словенского искусства, гуманитарной и прикладной науки. О некоторых из них идет речь в данной статье.

Ключевые слова: Королевство Югославия; русская эмиграция, словенские земли, театр, авиация, архитектура.

В 20-е гг. XX в. на словенских землях оказалось значительное количество эмигрантов из России, что вызвало немалое беспокойство у местного консервативного и закрытого общества. Их боялись, их презирали, им сочувствовали. Различного рода неурядицы, проступки и даже преступления, совершенные русскими эмигрантами, рассматривались с особым пристрастием и вызывали особый интерес у общественности. Если в Сербии общность религии, исторически сложившаяся «братская любовь» между двумя народами, откладывала свой отпечаток на отношение к эмигрантам, а король Александр Карагеоргиевич и патриарх Варнава, обучавшиеся в императорской России, испытывали личные теплые чувства к русским эмигрантам¹, то на словенских землях все складывалось несколько иначе. Словенцы приняли русских далеко не с раскрытыми объятьями.

В словенской прессе неоднократно подчеркивалось, что русские эмигранты деморализованы. Многие опускаются до скотского состояния. Однако были и те, кто поддерживал их. Так, в мариборской газете «Табор», в статье, посвященной русской эмиграции, было написано: «Имеем ли мы право бросать камень в русского эмигран-

1 Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. М., 2010. С. 13.

та? Русский эмигрант находится в постоянном поиске работы и бросается на все, что ему предлагают. Вы можете встретить инженера, учителя, бывших полковников и генералов, которые на улицах торгуют газетами, а их жены стирают и шьют. Кто из нас имеет право упрекать их в деморализации. Как югославы и как славяне мы не должны разделять их ни на сторонников царизма, ни коммунизма, мы должны видеть в них только братьев, которым нужно помогать»².

Закрепиться и пустить корни в Словении оказалось делом нелегким, поэтому кто-то оставался в этом регионе, а кто-то в поисках лучшей доли двигался дальше. Это были представители различных слоев и профессий. Было много научной и творческой интеллигенции, военных, молодежи, которая пыталась получить высшее образование.

В 1920 г. на словенских землях оказались два русских кадетских корпуса: Крымский и Второй донской, которые в декабре того же года были размещены в лагере Странишче недалеко от г. Птуй. Оба корпуса разместили в бараках бывшего австро-венгерского госпиталя. Условия в которых оказались кадеты были тяжелейшими. Не функционировали канализация, водопровод. Местами стены прогнили, крыши прохудились, не работала электропроводка. Но несмотря на невзгоды, обучение продолжалось. В первом учебном году образование закончили 78 кадетов. Директор корпуса генерал-майор Александр Иванович Бабкин сумел навести строжайшую дисциплину. Были открыты ремесленные мастерские, читальня, создан духовой оркестр, который возглавил капельмейстер Лейб-гвардии Преображенского полка дирижер Цибулевский. Лагерь просуществовал до 31 января 1922 г. Решением областных словенских властей по причине больших расходов на его содержание лагерь ликвидировали³.

Что касается профессиональных русских военных, то было решено использовать их для обороны государственных границ, прежде всего на границах с Австрией и Италией. Русские части врангелевской армии, которые пополнили солдатами Королевства, защищали государственные границы на словенских землях до декабря 1922 г.⁴ После завершения службы их использовали для строительства до-

2 Табор. 1922. 25. III.

3 Пулко Р. Австро-Венгерский военный лагерь для пленных и судьба находившихся в нем русских военнопленных // Slovenica III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. М., 2014. С. 148-152.

4 Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921-1941. Logatec, 2004. S. 33, 79.

рог и железнодорожных путей. В Словении они строили железную дорогу Ормож-Лютомер-Мурска-Собота⁵. Строительные работы на приграничной железной дороге были завершены в 1924 г. В ее проектировании принимали участие и русские инженеры.

Именно с этой дорогой была связана кровавая драма, развернувшаяся в маленьком городке Лютомер в семье инженера Александра Ганусова. Была убита его жена Юлия и малолетний сын Ростислав. Об этом двойном убийстве с особым смаком писала словенская пресса: «В ночь с пятницы на субботу произошло убийство, которого Лютомер не знал. Русский инженер Ганусов, проживал с женой, трехлетним мальчиком Ростком и старым слугой в Лютомере. В тот день он уехал по делам в Пожаревац. Его жена, русская, говорят, имела любовную связь с врангелевским капитаном Овчаровым... Утром слуга инженера сообщил, что его хозяйка и ее трехлетний сын убиты»⁶. Об этом происшествии сообщали все словенские газеты⁷. Расследование длилось несколько месяцев, главным подозреваемым был слуга в доме Ганусовых бывший рядовой солдат Василий Черненко.

В Лютомере была довольно большая русская община. Состояла она из инженеров, офицеров и солдат, работавших на строительстве. Из следственного дела мы узнаем о некоторых деталях их быта. Согласно полицейским отчетам, семья инженера жила весьма скромно. Они снимали первый этаж двухэтажного дома в центре Лютомера. Жили в трех комнатах. Одна из комнат была для прислуги. Согласно полицейским отчетам все хозяйство содержалось в идеальном порядке⁸. Недалеко от их дома располагалась столовая русских офицеров. Исходя из показаний можно заключить, что русские жили довольно замкнуто, своим кругом, сведя контакты с местным населением только к деловым. Из показаний мужа мы узнаем, что Юлия Ганусова была дворянкой по происхождению, графиней Тарновской. Ее тяготила жизнь в этом захолустном городке, который в то время в шутку называли Благоград (болотный город) и она нередко устраивала сцены мужу. Убийство молодой женщины и ее трехлетнего сына вызвало бурю в словенском обществе, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в газетах. Согласно криминальной хронике, убийства не были чем-то исключительным, но

5 Ibid. S. 34.

6 Tabor. 1923. 10. VII.

7 Jutro. 1923. 10. VII; Slovenski gospodar. 1923. 12. VII.

8 Ratej M. Ruski diptih. Ljubljana, 2014. S. 32.

это преступление вызывало особый резонанс: русская барыня была убита своим слугой из-за ревности.

Когда железная дорога была построена, русские военные части расформировали, и солдаты оказались перед необходимостью искать себе работу каждый сам по себе. Кто-то пошел на службу в королевскую армию, другие были вынуждены осваивать иные профессии, так с целью обеспечить себе жизнь в новых условиях в Любляне группа русских морских офицеров создала кузнечную мастерскую, а кто-то отправился дальше искать лучшей жизни⁹.

В Любляне в старой крепости (Люблянски град), которая располагается на холме в самом центре города, Люблянский женский комитет в старых огромных залах в 20-е гг. обустроил русский студенческий дом. По инициативе того же Комитета открылась бесплатная студенческая столовая. В Граде также были отведены помещения для проживания эмигрантов с семьями.

Убранство общежития выглядело весьма аскетично. Для студентов выделили так называемый «Рыцарский зал»: длинное помещение с огромными окнами. Вдоль стен стояли походные кровати с матрасами набитыми соломой и шкафчики для личных вещей, а в центре – грубые деревянные столы для занятий. О деталях жизни в Граде мы узнаем из воспоминаний Петра Сергеевича Грессерова, русского офицера, оказавшегося в Любляне в 1920 г., куда он прибыл с намерением поступить в Университет. В общежитии ему выделили койку и отнеслись весьма дружелюбно. Один из его новых товарищей отметил, рассматривая его форму, что «здесь есть представители всех родов войск и, если понадобится, можно создать армию»¹⁰. Оказалось, что поступить в Люблянский университет нетрудно. Нужно просто прийти и записаться на факультет.

Эмигранты с семьями располагались в другом крыле, эти помещения были сырыми, плохо протапливаемыми со скудной обстановкой. Вот как их описал Грессеров, который встретил в Граде своих знакомых: «Условия, в которых проживали две женщины, были малопригодными для жизни: маленькая сырая, плохо отапливаемая комнатка над часовней, отгороженная от соседей тонкой деревянной стенкой, из мебели только стол и кровать». Эта встреча потрясла Грессерова. В своих воспоминаниях он записал следующее: «наше социальное положение быстро изменилось и, в итоге, мы преврати-

9 Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921-1941. S. 34.

10 P. Gresserov – Golovin. Moja ljuba Slovenija. Ljubljana, 1985. S. 16.

лись в ничто. Теперь нам нужно было напрячь все силы, чтобы снова встать на ноги и занять достойное место в жизни»¹¹.

Грессеров записался на электротехнический факультет Люблянского университета. Легкость поступления не гарантировала такой же легкости в поиске работы. Иностранному дипломированному специалисту сложно было найти работу по профессии, так как приоритет отдавался словенцам. С этим столкнулся и Грессеров, обратившийся за помощью к профессору Душану Сернецу, который мог помочь с назначением, но тот его встретил довольно холодно, отметив, что в последнее время югославские электротехнические факультеты выпускают слишком много молодых инженеров, и нет никакой возможности обеспечить их всех работой, и ему лучше поискать работу в другом месте, например, в театре, где по слухам, он уже давно подрабатывает. Эта подработка была необходима Грессерову, поскольку финансовая поддержка, которую оказывало правительство русским студентам, была незначительной¹². На этом карьера молодого инженера-электротехника закончилась.

Во время обучения в Университете Грессеров действительно подрабатывал осветителем в театре, который стал средоточием русской творческой эмиграции. Театр являлся отдушиной, местом, где можно было уйти от реальности, жить другой, придуманной, а не нищенской и многотрудной жизнью¹³. С миром Мельпомены в Любляне Грессерова познакомил его друг Игнатов Михаил Иванович. Он пригласил его к своему хорошему приятелю профессору Ручу, который приехал в Люблян из Петербурга, где до революции в консерватории преподавал игру на фортепьяно, а затем был аккомпаниатором в Мариинском театре. Он и его жена снимали квартиру на Римской улице (Rimska cesta) вместе с балериной, бывшей солисткой Мариинского театра и Русского балета Дягелева в Париже Еленой Дмитриевной Поляковой, ее мужем, адвокатом по профессии и ученицей Елены Дмитриевны Алисой Никитиной. Полякова в то время была ведущей балериной люблянской оперы. Ее муж зарабатывал тем, что шил балеринам пуанты. Руч предложил Грессерову заниматься пением, а Полякова настояла на том, чтобы он вспомнил юность и начал снова заниматься классическим танцем. Полякова сказала ему: «Не бросайте балет. Он вам может дать хороший кусок

11 Ibid. S. 19.

12 Ibid. S.32.

13 Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. М., 2014. С. 324.

хлеба. У вас есть все необходимое, чтобы стать хорошим танцовщиком. Если хотите, я вам помогу получить работу здесь в балете». Однако это знакомство долго не продлилось. Никитину пригласили в Лондон в Ковент Гарден. Затем Любляну покинули Руч и Полякова, которая переехала в Белград, где с осени 1922 г. стала ведущим хореографом Актерско-балетной школы Народного театра, а в 1927 г. открыла свою балетную студию¹⁴. Полякова сумела пробудить много лет спавший интерес Грессерова к балету.

В то время одним из режиссеров драматического и оперного театра был Борис Владимирович Путята. До Первой мировой войны он играл в труппе театра Ф.А. Корша. В 1914 году был призван в действующую армию, но после ранения демобилизован, что дало ему возможность вернуться на сцену. С 1916 г. по 1919 г. играл в харьковской труппе Синельникова. В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС в Любляну, где служил в Драматическом театре. В оперный театр его приглашали, когда ставились русские оперы. Путята предложил Грессеру станцевать гопак в Майской ночи Римского-Корсакова. Грессеров согласился и это был его дебют, после которого он взял псевдоним Петр Головин. Вскоре в Любляну приехала супруга Путяты, актриса Мария Николаевна Наблоцкая, которая быстро влилась в театральную жизнь Любляны, молниеносно освоив словенский язык и став ведущей актрисой Драматического театра, коей оставалась и после Второй мировой войны. Так в статье о премьере Анны Карениной, критик отмечал, что «Наблоцкая в очередной раз показала свой исключительный талант. Ее радость, ее грусть, страсть, надежда, сопротивление и мужественное решение, ее жертва – все это выглядело не как игра. Эта актриса знает, как удерживать зрителя в напряжении...»¹⁵

Следует отметить, что в начале 20-х гг. в Любляне было очень много русских артистов. Исполнявший в то время функции директора Драмы Павел Голия с воодушевлением принимал всех русских. В журнале «Театр и жизнь» за 1921 г. говорилось: «Иностранцы иронически относятся к нашей политической бездарности, презрительно смотрят на наши бесконечные внутренние дразги, – но когда перед

14 Павлович М. Становление оперы и балета в белградском Народном театре и русские артисты // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 308.

15 Jutro. 1924. 15. IV.

ними явление русского искусства, они невольно покорены и почти-тельно вспоминают о творческом первородстве России»¹⁶.

Однако подобные взгляды разделяли далеко не все представители словенского театрального мира. После того как Голия нанял полностью так называемую труппу Муратова, назначив русским артистам более высокую заработную плату, 1 ноября 1920 г. началась забастовка словенских артистов. Борис Путята не оставался в стороне от разгоревшегося конфликта. 6 ноября 1920 г. в газете «Словенец» (Slovenec), он выразил свой взгляд на сложившуюся ситуацию. В частности, он отметил, что прежде не считал забастовку направленной против русских, но после того как прочел обращение артистов от 27 октября, где «черным по белому было написано, что ангажирование русских само по себе является ошибкой, что общественность не довольна русскими представлениями, и что русские актеры никогда не смогут удовлетворить требований словенского национального театра»¹⁷. Далее Путята уязвленно писал: «не знаю о чем думало Управление театров, когда нанимало нас. Однако мы полагали, что мы беремся за великое дело и несем молодому словенскому театру в начале его самостоятельной жизни 200 летнюю культуру русского актерского мастерства и открываем ему новые формы выражения славянской души»¹⁸. Забастовка продолжалась 12 дней и прекратилась только после визита представителей Министерства просвещения из Белграда.

Что касается театра оперы и балета, то словенское оперное искусство находилось на неплохом уровне, чего нельзя было сказать о танцевальной школе. Руководители танцевальной труппы постоянно менялись. Занявшая эту должность Мария Александровна Тулякова, смогла навести дисциплину и обучить танцовщиков основам классической хореографии. Однако она покинула Люблянину в 1927 г. переехав в Белград, что привело и без того слабую балетную школу в упадок.

Вскоре Головин (Грессеров) становится режиссером оперетт. Именно оперетты стали приносить театру доход, который можно было использовать для развития балета. К концу 30-х гг. Головин уже ставил оперы. Среди его постановок «Аида» Верди, «Князь Игорь» Бо-

16 Цит. по: *Литаврина М.Г.* Русский эмигрант на randevу // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья. СПб., 2008. С. 24.

17 Slovenec. 1920. 6. XI.

18 Slovenec. 1920. 6. XI.

родина, «Сусанин» Глинки, эту оперу он ставил и в Белграде, «Евгений Онегин» Чайковского, «Фауст» Гуно. С большим успехом прошли гастроли в 1938 г. Триесте. Ярким событием 1939 г. стала постановка одноактных балетов на музыку словенских композиторов Бравничара, Жеберта, Остерца, Шкерьянца. По словам Головина это была первая встреча словенской музыки и балета. В 1940 г. был поставлен еще один балет для детей «Принцесса и дракон» Янко Грегорца.

Одним из мест, где любила собираться русская эмиграция была гора Вршич, печально известная тем, что в годы Первой мировой войны после схода снежной лавины там погибли русские военнопленные, строившие дорогу Краньска Гора – Трент. Впоследствии те, кто остался в живых, построили на месте их гибели небольшую православную часовню в северном стиле, которая сохранилась до наших дней. Сохранилась и могила с памятной плитой, где похоронены погибшие. Об одной такой поездке Грессеров вспоминал: «мы присели на траву и закурили. «Не кажется ли вам странным, – спросил он у своего спутника, – что мы два русских офицера, которые много дней провели на войне, защищая родину, оказались здесь, в Альпах, вместе с тенями наших погибших соплеменников»¹⁹.

Помимо артистов, деятелей культуры и науки, как уже говорилось выше несколько русских имен связано с зарождением югославской гражданской авиации. Так первый гражданский словенский аэропорт Девы Марии в Полье был сконструирован и построен русским архитектором Юрием Николаевичем Шретером в 1933 г. После Второй мировой войны аэропорт стал военным, в 1954 г. был закрыт. В 2016 г. здание было признано памятником архитектуры местного значения, в котором должен разместиться музей словенской авиации. Шретер оказался на территории Королевства СХС в 1919 г. Первоначально поселился в г. Нови Сад, получив работу в Управлении строительными работами, в должности «архитектора 3-го класса», помимо этого преподавал рисование и черчение в Русской реальной гимназии»²⁰. В Нови Саде в соавторстве с архитектором Паризо де ла Валетт им были построены палаты семьи Джукич (1923–1924), «Дома с львиными масками» (1923–1924), две виллы на ул. Сараевска (1924). Среди самостоятельных проектов: здание амбулатории

19 *P. Gresserov – Golovin. Moja ljuba Slovenija...* S. 42.

20 *Арсеньев А. Б. Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шретер // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья. СПб., 2008. С. 357.*

(1923–1925), Офицерский дом (1923–1926), вилла Лабинских (около 1924)²¹. В середине 20-х гг. Шретер покидает Управление строительными работами и начинает работать в Командовании военной авиации, которое в середине 30-х гг. было переведено в Земун. Там Шретер строит здание аэропорта «Бежания». До 1941 г. он проектирует и строит военные объекты по всей территории Югославии, включая аэропорт «Гробничко поле» в Сушаке. За заслуги был награжден орденом Св. Саввы²².

Что касается русских пилотов, то они были объединены в организацию, которая называлась Объединение офицеров русского воздушного флота в Королевстве СХС. Ее штаб находился в г. Нови Сад и возглавлял его генерал-майор Вячеслав Матвеевич Ткачев. Почетным членом организации был знаменитый русский конструктор и изобретатель вертолета Игорь Иванович Сикорский, который уже в то время имел американское гражданство²³. Среди членов организации были два летчика, чьи имена связаны с Люблянским аэропортом. Эти авиаторы, помимо всего прочего, основали школу гражданских и военных пилотов²⁴.

Виктор Михайлович Никитин после поражения Врангеля в 1920 г. покинул родину и в 1921 г. поселился в г. Нови Сад в Королевстве СХС. Он начал преподавать в Летной школе, также работал в качестве механика. 17 июня 1927 г. в Белграде было создано общество «Аэропут» (ставшее десятым по счету гражданским авиоперевозчиком в Европе). Никитин проработал в компании шесть лет, летая по маршруту Салоники-Белград-Загреб-Вена²⁵. В конце сентября газета «Словенец» наняла его для демонстрационного полета над Любляной и окрестностями во время празднования 60-летия издания²⁶. Никитин участвовал также в открытии люблянского аэродрома в Полье, которое состоялось 20 августа 1933 г. Открытие первого гражданского аэропорта было большим событием. Мероприятия по сообщениям «Словенца» посетило более 10 тыс. человек. Однако 12 сентября 1933 г. Никитин разбился.

21 Там же. С. 358.

22 Там же. С. 357.

23 Пулко Р. Русские военные пилоты первые гражданские летчики Люблянского аэропорта // Россия и Словения. Опыт военного прошлого во имя мирного будущего. Тула, 2019. С. 55-64.

24 Beloemigracija u Jugoslaviji 1918-1941. Т. I. Beograd, 2006. S. 177.

25 Slovenec. 1933. 14. IX.

26 Slovenec. 1932. 26. IX.

Другой летчик Михаил Семенович Ярошенко родился 17 ноября 1893 г. в Белгороде. Так же, как и Никитин он устроился механиком в летную школу в Нови Саде, в 1923 г. был переведен в Скопье. Позднее работал в авиационной компании «Аэропут». Ярошенко считался надежным и высококвалифицированным летчиком, за все время у него не было ни одной аварии. Он налетал 750 тыс. км. Однако ранним утром, 15 июля 1936 г. его самолет с механиком и пятью пассажирами, отправившийся в Сушак, при взлете задел верхушку елки и разбился. Было проведено расследование, в ходе которого установили, что самолет был полностью исправен, что катастрофа произошла из-за неблагоприятных погодных условий, однако упорно ходили слухи, что Ярошенко недостаточно отдохнул после предыдущего перелета. Так известный словенский политик Иван Хрибар выразил свое сомнение в газете «Словенец», отметив, что не сомневается в результатах расследования, однако, писал он, «в некоторых отелях много примеров того, когда гости приглашают весело провести время (летчиков). Расследование должно установить, достаточно ли после трудового дня отдохнул пилот»²⁷. Ярошенко в те дни остановился в отеле «Миклич»²⁸. Кроме того Хрибар потребовал, чтобы близ аэропорта было построено специальное здание, где были бы квартиры для летчиков, нуждающихся в отдыхе. Был поднят вопрос о качестве самолетов, т.к. потерпевший крушение YU-SAP Спартан был произведен в Земуне, также делались намеки на некоторые коррупционные схемы в компании «Аеропут».

В защиту Ярошенко выступил преподаватель Люблянского университета и председатель люблянской русской колонии, бывший ректор Киевского университета, Евгений Спекторский, который о погибшем пилоте сказал, что он был скромным, спокойным и достойным человеком, который всегда ответственно относился к своим обязанностям, и все обвинения необходимо доказать²⁹. После расследования отдел гражданской авиации при штабе военной авиации издал постановление, в котором было записано, что мотор самолета был в исправности, что самолет приобретен в 1935 г. Комиссия пришла к выводу, что катастрофа произошла из-за неблагоприятного стечения обстоятельств и природных условий³⁰.

27 Slovenec. 1936. 2. VIII.

28 Slovenec. 1936. 16. VII.

29 Jutro. 1936. 17. VII.

30 Jutro. 1936. 17. VII.

Таковы наиболее яркие представители русской эмиграции на словенских землях Королевства СХС, однако были и те, кто так и не сумел устроиться, многие нищенствовали, а кто-то добровольно уходил из жизни. Неоспоримым остается тот факт, что наши соотечественники своими знаниями и умениями в немалой степени способствовали развитию словенской культуры и науки.

Nadezhda Pilko, Ph.D.,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

**Russian emigration in Slovenian lands
in the 1920s and 1930s**

Abstract: In the 1920s the émigrés from Russia have arrived in the Slovenian lands in the Kingdom of SCS (Yugoslavia). Some of them were able to find self-determination and have made the contribution to the development of the Slovenian art, social and applied sciences. This article deals with some of them.

Key words: The Kingdom of Yugoslavia, the Russian emigration, the Slovenian lands, theater, aviation, architecture.

DOI: 10.31168/0433-6.17

ПУТЯТИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории южных и западных славян
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
putatin@mail.ru

**Филолог-славист С.М. Кульбакин и другие российские
профессора Философского факультета в Скопье
в 20-30-е годы XX в.**

Аннотация: Российская эмиграция сыграла немалую роль в становлении и развитии университетского образования не только в основных научных центрах Югославии (Белград, Загреб, Любляна), но и имела решающее значение для появления новых центров высшего образования (Суботица, Скопье). Только благодаря привлечению российских профессоров и ученых к преподаванию на Философском факультете в Скопье, стало возможно открыть и сохранить факультет, несмотря на все сложности, с которыми столкнулись преподаватели.

Ключевые слова: российская эмиграция, российские профессора, Скопье, Вардарская Македония, Белградский университет.

Интерес к изучению феномена российской эмиграции XX в. (в первую очередь к «первой волне») по-прежнему не утихает среди исследователей. Одно время лицом белой эмиграции в Болгарии и Югославии были офицеры и казаки Русской армии во главе с П.Н. Врангелем, прибывавшие в эти страны из военных лагерей в Галлиполи, в Чатаджи и на острове Лемнос. Впоследствии Русская армия по приказу своего главнокомандующего была преобразована в Русский общевоинский союз (РОВС). Эта и другие политические организации российских эмигрантов находились в поле зрения советских спецслужб, безусловно вписав свою страницу в политическую и военную историю России. Вместе с тем для российской послереволюционной эмиграции характерна не только мощная идеологическая составляющая, но и высокое «качество», элитарность эмигрантского

корпуса¹. Это «качество» предопределило особую миссию российской эмиграции не только по сохранению русской культуры вне границ Советской России, но и ее распространению в славянских странах. О российских эмигрантах в Белграде и Сербии известно достаточно много, поэтому не случайно, что последнее время внимание исследователей привлекают и другие регионы и центры русской диаспоры в Югославии². В их числе была и Вардарская Македония, имевшая свою специфику.

Судьба Вардарской Македонии, являвшаяся яблоком раздора на Балканах, была решена во время Балканских войн. После Первой балканской войны вся территория Македонии оказалась под контролем болгар, сербов и греков. Между недавними союзниками вспыхнули противоречия, приведшие ко Второй Балканской войне, в результате которой Эгейская Македония вошла в состав Греции, Вардарская Македония в состав Сербии, а Пиринский край и район Струмицы в составе Болгарии. В ходе Первой мировой войны, Болгария перешла на сторону Центральных держав, и ее войска заняли территорию Вардарской Македонии в 1915 г. Для болгар македонский вопрос был одним из важнейших в это время³. После поражения Болгарии в Первой мировой войне и подписания Нейского договора, вступившего в силу 9 августа 1920 г., перекройка границ высветила, а точнее усугубила, существовавшую еще со времени Балканских войн (и даже раньше) проблему македонских беженцев, перебравшихся не только в Болгарию, но в США, Австралию и Латинскую Америку. Их численность к началу 1924 г. составила более 5% населения только в Болгарии⁴. Среди македонских эмигрантов в Болгарии, Греции и других странах было достаточно много представителей интеллигенции и политиков. В условиях доминирования сербско-

-
- 1 Цит. по: *Ливовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 96.
 - 2 *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2011; *Пушкади-я-Рыбкина Т.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007.
 - 3 Подробнее о действиях Болгарии на территории Македонии в годы первой мировой войны см.: *Каширин В.Б.* На вулкане. Русская разведка о необъявленной войне в Македонии и Косове // Родина. 2004. № 9. С. 12-16.
 - 4 *Маковецкая Т.Ф.* Внешнеполитический статус и экономическая конъюнктура в период правления «земледельцев» // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 141.

го культурного влияния оставшаяся в стране интеллигенция могла сохранить свою национальную идентичность главным образом посредством создания национально окрашенных литературных и музыкальных произведений⁵.

Многотысячная «болгаро-македонская диаспора» в Болгарии, сосредоточенная по большей части в Софии и провинциальных городах, поддерживалась в своих желаниях и настроениях болгарскими армейскими чинами, офицерскими братствами, частично чиновниками, имела горячих сторонников во всех политических партиях Болгарии⁶. Даже оппозиция не менее правительства была озабочена воцарением в Македонии «болгарского духа», рекомендовала направлять туда лучших учителей, причем активнее привлекать к этому делу выходцев из самой Македонии⁷.

Ситуация в самой Вардарской Македонии был сложной. Она была наречена Южной Сербией, а ее жители официально считались сербами. Несмотря на значительный исход населения, обладавшего болгарским или македонским самосознанием, интеграция жителей этого региона в Королевство СХС проходила тяжелее, чем, например, самоидентификация населения областей, присоединенных к Сербскому княжеству в 1878 г. К тому же, на территории Македонии сохранялся значительный болгарский элемент, а также было немало тех, кто разделял представление о македонской этнической самобытности. Осознававшие себя сербами составляли меньшинство, проживавшее в северных районах. Атмосферу смятения и нестабильности создавали вылазки четнических отрядов с территории Болгарии. Власть не могла опереться на органы местного самоуправления. Чиновников и учителей приходилось приглашать из других районов страны⁸.

Вопрос об интеграции Вардарской Македонии в сербское культурное пространство был поднят сразу после ее завоевания в 1913 г., когда министр просвещения Сербии Любо Йованович в качестве меры по укреплению сербского влияния в регионе предложил основать в Скопье философский факультет как филиал Белградского

5 *Janićević M. Stvaralačka inteligencija međuratne Jugoslavije. Beograd, 1984. S. 175.*

6 Цит. по: *Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX веков. М., 2008. С. 170.*

7 *Шкундин Г.Д. Болгария в годы первой мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 72-73.*

8 *Чиркович С. История сербов. М., 2009. С. 329.*

университета. Но начавшаяся Первая мировая война нарушила эти планы. К реализации проекта правительство Королевства СХС приступило уже после вхождения территории в состав нового государственного образования. Необходимо отметить, что создание факультета являлось частью общегосударственной культурной политики Королевства СХС. Помимо существовавших Белградского и Загребского университетов, в 1919 г. был учрежден Люблянский университет, что должно было демонстрировать равноправие трех народов, вошедших в новое государство.

Уместно напомнить, что требование о создании университета в Любляне прозвучало из уст словенской интеллигенции в период краткого существования Государства словенцев, хорватов и сербов. В конце 1919 г. в газете «Политика» появилась краткая заметка о подготовке к открытию факультета в Скопье⁹. Из переписки министра просвещения П. Маринковича и ректора Белградского университета Й. Цвиича, понятно, что он должен был стать «сильным центром сербской цивилизации» не только для Македонии, но и для Старой Сербии и Черногории¹⁰. Официальный указ об основании философского факультета в Скопье был опубликован 2 февраля 1920 г. Факультет относился непосредственно к Белградскому университету, но наделялся при этом достаточной широкой степенью автономии, что позволило ему уже после Второй мировой войны безболезненно превратиться в университет и стать полноценным республиканским центром высшего образования и культуры. Показательно, что факультет создавался в регионе со смешанным населением, в том числе сербским. В условиях крайне низкого уровня образования среди населения появление факультета должно было решить как амбициозную задачу возвращения просербски настроенной интеллигенции из числа македонцев, так и образования собственно сербского населения.

Таким образом, пропаганда собственной культуры посредством развития образования стала основополагающим инструментом установления влияния в регионе, как для болгар, так и для сербов. С принятием 28 июня 1921 г. Видовданской конституции можно говорить о начале официальной политики «трехименного народа», в которой не нашлось место для македонцев. На территории Вардарской Македонии конкретное воплощение эта идеология получила в

9 Политика. 1919. 4. XII.

10 *Јовановић В.* Вардарска бановина 1929-1941. Београд, 2011. С. 440.

политике фактической ассимиляции местного населения со стороны сербов. Стремясь укрепить свои позиции в Македонии, королевское правительство стало переселять туда зажиточных сербских крестьян, а также жандармов и представителей российской эмиграции, попавших сюда по железной дороге из Салоник. Сербским переселенцам предоставлялись льготные условия, их освобождали от налогов, а у македонских крестьян отнимали лучшие земли. Эти действия не могли не вызвать акций протеста со стороны местного населения, которые жестоко подавлялись правительственными войсками¹¹.

Другим важнейшим элементом новой культурной политики по воплощению идеологии «трехименного народа» была сфера образования, начиная от начальных школ и заканчивая университетами.

Ярким примером проведения подобной политики служит национальный состав преподавателей новобразованного факультета в Скопье в 20-30-е гг. XX в.: хорваты – Грга Новак¹², Йосип Матасович¹³, Милан Прелог¹⁴; русские – С.М.Кульбакин, П.М.Бицилли, Н.Л.Окунев, В.А.Розов, А.К.Елачич, П.А.Митропан. В.А.Мошин. Но в целом преобладали сербские преподаватели, о чем в частности свидетельствует тот факт, что четырьмя деканами факультета до Второй мировой войны были сербы. Если наличие среди преподавателей представителей разных югославских народов укладывалось в рамки новой государственной политики, то появление русских профессоров было вызвано банальной нехваткой высокообразованных специалистов не только в Вардарской Македонии, но и в целом в Королевстве СХС.

Тем любопытнее первые впечатления и описания трудностей, с которыми пришлось столкнуться русским в Скопье, изложенные в обнаруженной нами в архиве Сербской академии наук и искусств (АСАНУ) переписке С.М.Кульбакина с Александром Беличем¹⁵: «Должен сказать, что Скопье красиво. Из наших окон чудесный вид! Но восточной красавицей приятно полюбоваться издали. От интимного сближения, Боже, упаси! Ни одного дома без миллиона клопов. Европейская часть ничем не отличается от Азиатской. Но и помимо клопов

11 Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А. Балканский узел. М., 2005. С. 83.

12 Новак Грга (1888-1978) – хорватский историк, археолог, ректор Загребского университета.

13 Матасович Йосип (1892-1962) – хорватский историк нового времени, архивист.

14 Прелог Милан (1919-1988) – хорватский историк искусства.

15 Белич Александр (1876-1960) – в это время председатель Государственной комиссии, занимавшейся оказанием помощи русским эмигрантам, впоследствии председатель САНУ, ректор Белградского университета.

здесь есть большие минусы. Вардар, зеленый Вардар завален сором и навозом, в него выводят нечистоты, а он мелкий, потому «благоухает». Самое же ужасное – это пыль – такой пыли я и в Одессе – на Пересыпи не видел. И жители Скопье полны ею; она лезет и в нос, и в рот, и в уши, и в горло и легкие. Поливают раз в неделю. И довершение всего малярия!»¹⁶.

Первым деканом философского факультета в Скопье был выбран сербский филолог Тихомир Остоич¹⁷, с большим энтузиазмом приступивший к организации факультета фактически с нуля. Декан 6 апреля 1920 г. подтвердил решение совета Философского факультета об избрании Кульбакина ординарным профессором славянской филологии по контракту¹⁸. Достаточно долго решался вопрос собственно о выделении здания для факультета, поэтому занятия первоначально проходили в Учительской школе. К занятиям приступили лишь 16 декабря и только на историко-филологическом отделении, поскольку возможности для открытия других отделений попросту не было. С 21 декабря начались регулярные занятия с 60 студентами¹⁹. На самом деле по воспоминаниям очевидцев студентов было гораздо меньше. Вот что пишет С.М.Кульбакин в письме Александру Беличу от 24 декабря 1920 г.: «После обеда бывают ученики Учительской школы, а до обеда от двух и до пяти-шести студентов. У меня на церковно-славянском языке сегодня были трое: из них двое окончили болгарскую гимназию и хотя понимают речь, но записывать не могут, ибо недостаточно для этого знакомы с сербским...Время идет, а мы читаем в пустых аудиториях! Были у нас и вступительные лекции, на которых была публика, но и ее мало. По-видимому, университетом здесь очень мало интересуются. Больше всех во всем Скопье интересуется им генерал Мирко Милославльевич, командующий армией, который не только был на всех вступительных лекциях, но и хочет послушать некоторые курсы дальше»²⁰.

В своем следующем письме А.Беличу от 21 января 1921 г. С.М.Кульбакин указывает на преждевременность и поспешность

16 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.16. 20.09.1920.

17 Остоич Т. (1865-1921) – сербский историк, филолог, первый декан философского факультета в Скопье.

18 Русская колония в гр. Скопье (1920-1943 гг.): сборник документов. Скопье, 2015. С. 776.

19 *Јовановић В. „Просвета – најбржи творац нације“: Филозофски факултет у Скопљу 1920–1941 // Токови историје. 2011. № 2. С. 24.*

20 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.23-24.

открытия факультета: «Я прихожу к выводу, что в Скопье слишком рано открыли университет...Нужно было раньше больше сербских гимназий в этом крае открыть. Ты вот жалуешься, что уходишь из аудитории, как из бани. А я предпочитаю такую баню пустой аудитории нашей, которая не дает ни импульса к научному творчеству, ни удовлетворения»²¹. Но проблема заключалась не столько в недостаточном количестве гимназий, сколько в крайне плачевном состоянии начальных школ и уровня образования в целом.

С 1919 до 1931 гг. в крае появилось 680 новых школ, большая часть из которых располагалась вдоль границы с Болгарией. Ко многим из них не было проложено дорог должного уровня, а финансирование возлагалось на сами общины (в бюджете Вардарской бановины на школы предназначалось лишь 1,9 из 8,5 миллионов динар)²². Несмотря на эти меры, согласно результатам переписи 1931 г. лишь 29,1% населения старше 10 лет владело грамотой²³. Эта ситуация весьма напоминает то, что происходило в самой Сербии на рубеже XIX – начала XX в.: «В селе, где школа существует 30 лет и где почти все прошли через нее, при призыве в армию оказалось, что из 40 бывших учеников только двое умеют читать и писать; 15 человек не умеют писать, но кое-что читают, а остальные и не читают, и не пишут. В том, что эти дети, по окончании школы, уходят в горы пасти скот и никогда больше не берут книгу в руки, виноваты не учителя. Просто у нас никто не желал об этом думать – ни одно правительство не предложило лекарства от болезни. И какой смысл в том, что такие большие деньги тратятся на учителей и школы, если в действительности народ не имеет от них никакой пользы, ибо те, кто после сельской школы решает продолжить занятия, идут в чиновники, священники или становятся сельскими писарями – остальные дети забывают все»²⁴. К тому же философский факультет в Скопье долгое время считался «женским», так как большую часть его студентов в 1920-е гг. составляли девушки. В основном это были дочери сербских чиновников и военных из Южной Сербии, предпочитавших оставлять их при себе. Серьезной проблемой для обустрой-

21 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.26.

22 *Димић Л.* Културна политика Краљевини Југославији. 1918-1941. Београд, 1997. Књ. 2. С. 101.

23 Там же. С. 113.

24 *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX - начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. СПб., 2004. С. 43.

ства студентов стало элементарное отсутствие здания общежития, которое было построено и открыто лишь в 1931 г. при помощи личных средств короля Александра Карагеоргиевича и сербского патриарха Варнавы. При этом собственно большая часть студентов была не македонцами, а сербами из близлежащих регионов, что вполне укладывалось в те задачи, которые ставились перед факультетом еще перед его открытием.

Учитывая непростую ситуацию в регионе в целом, вопрос о целесообразности существования факультета и сомнения в проводимой Белградом культурной политике возникали на протяжении всего времени его существования. Так, в письме от 14 июля 1921 г. С.М.Кульбакин отмечал: «Кнежевич²⁵ сказал, что устройство университета в Скопье было политической ошибкой, что об устройстве каких бы то ни было музеев в Скопье нечего и думать, т.к. все предметы нужно направлять в Белград, чтобы не создавалась иллюзия, будто Македония представляет какую-либо самостоятельную культурную или политическую единицу. Неужели от взгляда правительства; т.е. неужели из опасения, что явятся какие-то иллюзии должно отказаться от задачи культурного завоевания Македонии, долгое время испытывавшей болгарскую политическую и культурную пропаганду. Во всяком случае, если Скопский университет ошибка, то разумнее сознаться в этом и его упразднить, а не тратить деньги на бутафорию, на 20 студентов, из которых 10-15 бугаршей»²⁶.

И это действительно были не пустые слова, поскольку в октябре-ноябре 1921 г. профессор Грга Новак сообщал, что «Прибичевич²⁷ решил было перевести наш университет в Сараево, но Станое²⁸ воспротивился этому и вопрос отложен, хотя и не закрыт окончательно...это было бы действительно грубой политической ошибкой»²⁹. Но кроме политики, существенной проблемой для новообразованного государства оставалась нехватка специалистов и финансовых возможностей. Вопрос о закрытии факультета поднимался в 1927

25 Кнежевич Лазар (1876-1932) – директор Первой мужской гимназии г. Белград, занимал ряд постов в Министерстве просвещения.

26 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.42. 14.07.1921.

27 Прибичевич Светозар (1875-1936) – сербский политик, с 1920 по 1922 гг. занимал пост министра просвещения Королевства СХС.

28 Станоевич Станое (1874-1937) – сербский историк, энциклопедист, академик САНУ.

29 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.53.

г., а также во время мирового экономического кризиса в 1932-1933 гг.³⁰, когда государство особенно нуждалось в средствах.

Другой проблемой была постоянная нехватка преподавательских кадров. На факультете в Скопье насчитывалось всего около десятка профессоров, в этих условиях трудно говорить о создании кафедр или новых отделений. Вопрос подчас стоял и о сохранении преподавательского состава, как отмечал С.М.Кульбакин в письме от 24 сентября 1921 г.: «Действительно Скопский университет рождается в муках. По мне это добрый знак. Что сразу идет как по маслу обычно потом лопается. Но все же нужно бы нам в Белграде найти самоотверженных людей, которые бы сюда приехали помочь нам. Но таких мало, а все стремятся из Скопья, как Ристич³¹, и притом чуть ли не немедленно. Остоича, кажется, вообще некем заменить»³². Надо сказать, что не только сербы отказывались от возможности преподавать на факультете, но даже и некоторые русские. Так, Николай Михайлович Бубнов, историк-медиевист и бывший декан Историко-филологического факультета Киевского университета, за первые несколько месяцев своей жизни в Королевстве СХС успел пожить в Нише, Крушевце, побывал в Белграде, Загребе и Любляне, но так и не добрался до Скопье, куда получил официальное назначение. Бубнов предпочел преподавать не на новом факультете, а в новом университете в Любляне, где он и прожил до своей кончины в 1943 г.

Первый декан Тихомир Остоич, проделавший немало работы и потративший много сил для открытия факультета, из-за болезни уже после первого учебного года покинул Скопье и вскоре скончался. В этих непредвиденно тяжелых обстоятельствах выходом могло бы стать привлечение на факультет русских специалистов и создание надлежащих условий для поддержания научной жизни. Безусловным символом принятия русских ученых явилось бы избрание новым деканом наиболее заслуженного профессора факультета в Скопье Степана Михайловича Кульбакина, которому и предложил столь высокий и ответственный пост Александр Белич в приватном письме. Крайне любопытен его ответ: «Ты спрашиваешь, можно ли меня деканом назначить. Но, мой друг, ты хотя и не путаешь мост до-

30 Петреска Д. Филозофскиот факултет во Скопје од 1920 година. http://www.fzf.ukim.edu.mk/index.php/mk/?option=com_content&view=article&id=576&Itemid=637&lang=mk-MK.

31 Ристич Светомир (1886-1971) – философ, лексикограф.

32 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.48. 24.09.21

военный и послевоенный, однако совсем отстал. Интересно, ты знаешь, что Груич³³ меня ненавидит, Джерич³⁴ не может простить, что я вместе с Остоичем и Ристичем выразил ему недоверие, Остоич отсутствует; но дело не в том, а главное: я же не имею права стать деканом. Как заявил Джерич на заседании в связи с предложением Ристича выбрать меня, что согласно с новым университетским уставом, несербские подданные не могут быть ректорами, деканами и даже голосовать. А глава финансовой управы сказал секретарю, что если бы выбрали русского, то он бы не давал университету денег по актам, подписанным деканом не подданным»³⁵.

В самом деле, Королевство СХС гостеприимно приняло многочисленных русских эмигрантов и создало для них максимально комфортные условия, которые только могло себе позволить в условиях послевоенного разорения, перекройки границ и тяжелой внутриполитической ситуации. Однако некоторые сербские преподаватели университета сочли несправедливыми законодательные положения, дающие, по их мнению, необоснованные привилегии их русским коллегам. Государственно-политические и социально-экономические интересы той или иной страны далеко не всегда совпадают с обыденным сознанием и представлениями людей, с их каждодневными материальными заботами, связанными с продвижением по службе, даже если эти люди являются профессорами университета. На этой почве возникли и откровенно конфликтные ситуации на разных факультетах.

Подобное произошло и на философском факультете в Скопье. Так, в популярной сербской газете «Политика» появилась заметка о тревожной ситуации на факультете, в связи с избранием профессором очередного русского, якобы известного своими болгарофильскими симпатиями, в то время как профессорский состав и так в основном русский³⁶. На кого же намекал анонимный автор заметки? Ответ мы находим в письме С.М.Кульбакина А.Беличу от 17 апреля 1921 г.:

«1) Мы единогласно избрали Лаппо на место Бубнова³⁷. Не знаю правильно ли это формально. Но мы не увеличивали числа рус-

33 Груич Радослав (1878-1955) – протоиерей, историк, член-корреспондент САНУ, декан Философского факультета в Скопье, директор музея СПЦ.

34 Джерич Василий – филолог, этнограф, декан Философского факультета в Скопье.

35 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.49. 2.10.21

36 Политика. 1921. 10. IV.

37 Бубнов Николай Михайлович (1858-1944) прибыл в Королевство СХС в феврале 1920 г., и уже 11 июня того же года был назначен внештатным профессором философского факультета в Скопье, но в ноябре перешел в Люблянский уни-

ских профессоров. Лаппо наверное не болгарофил и даже в Софии не был. Избирали: Остоич, Груич, Ристич и я. Бицилли и Окунев не имеют голоса. 2) Мы избрали единогласно ассистентом Флоровского, которого предложил Ристич по рекомендации Бицилли, как талантливое молодое ученого; Груич признает, что никаких данных о его болгарофильстве не имеется. «Негодование» связано с тем, что он живет в Софии; но мы – никто из нас – не видели в этом вины, ибо он не мог выбраться из Болгарии, куда его занесла буря несчастья. Есть люди, которые попали в Египет, отнюдь не из любви к Египту»³⁸.

В результате этой «невинной» интриги, Иван Иванович Лаппо в 1921 г. переехал в Прагу, где стал преподавать на юридическом факультете Русского народного университета, а Георгий Васильевич Флоровский, живший в Болгарии, в декабре 1921 г. также получил приглашение в Прагу, куда вскоре и перебрался. Вся дальнейшая деятельность этих ученых ярко продемонстрировала, каких специалистов потерял не только философский факультет в Скопье, но и все югославское общество и наука.

Этот случай имел и более широкие последствия для первых русских преподавателей факультета. Как уже отмечалось, профессоров было немного, число их варьировалось на протяжении всего межвоенного периода. По сути с нуля, без каких-либо традиций, из людей с разной судьбой, принадлежащих к разным поколениям, имеющих свои собственные научные интересы, создавался новый коллектив. Согласно переписке С.М.Кульбакина с А.Беличем за клеветнической заметкой в «Политике» стоял Радослав Груич, привезший из Белграда лозунг: «русских на 2-ой план, русские не мешайтесь и не мешайте»³⁹. Ситуация внутри коллектива после этой злополучной публикации накалилась до предела: «На заседании был инцидент. Теперь Ристич бросил ему (Р.Груичу. – В.П.) обвинение в лицо. Ристич принял вызов и собирается доказать ему, что он был в «Политике»...Между тем как у нас таким образом продолжаются ссоры, в которых русские не принимают участие, факультет наш оскудевает силами»⁴⁰. К сожалению, и новому декану Василию Джеричу не

верситет на должность договорного ординарного профессора философского факультета. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1 (1920-1930). С. 50–51; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1999. Т. 1. М., 1999. С. 429.

38 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.27-28.

39 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.64.

40 Там же. Л.51.

удалось нормализовать ситуацию и погасить конфликт. С.М.Кульбакин пишет: «Бицилли и Окунев не ходят на заседания и держатся совершенно в стороне – им легче, но они и могут это, т.к. Джерич и не приглашает их. Если бы мне было разрешено не посещать заседаний, я был бы счастлив.

Какой исход из этого? Не знаю. Ясно, что или Ристич, или Груич должен уйти. Но вот, что важно: как сделать так, чтобы не пострадали интересы университета и сербского имени?»⁴¹.

Вскоре факультет покинул Светомир Ристич. Но это были далеко не единственные потери факультета. На следующий год Николай Львович Окунев (1886–1949), читавший курсы лекций по археологии, древней истории, истории христианства и истории искусства. Лекции им читались на русском языке, поскольку, по его мнению, студентам-македонцам было легче понять русскую, а не сербскую речь⁴². Окунев перебрался в Прагу, где стал сотрудником Института Н.П. Кондакова⁴³ и профессором Карлова университета по истории византийского и восточнославянского искусства. Во время Второй мировой войны он работал в Славянской библиотеке в Праге. Прославился Окунев главным образом как собиратель архива и галереи славянского искусства в Праге. Крупным успехом ученого стала организованная им большая историческая выставка русского искусства XVIII–XX вв. – одна из самых значительных в истории эмиграции в период между Первой и Второй мировыми войнами, которая состоялась весной 1935 г. в Праге⁴⁴. Причины, подтолкнувшие Н.Л.Окунева к оставлению преподавания на факультете в Скопье и даже отъезду из страны, были частично изложены выше. К сожалению, изменения в законе касались не только русских специалистов, заслуженно претендующих на кресло декана или ректора, но и тех, кто не успел войти в штат и продолжал работать по контракту, что отразилось на их материальном положении. С.М.Кульбакин горячо просил за своих коллег А.Белича: «Если же неисправимо, то должно провести Бицилли и Окунева в штатные контрактные. Пусть Станое не боится преобладания русских; во-первых, сербов четверо, а русских двое, во-вторых, я ничего дурного для сербов не проголосую; в-третьих, кажется, что по новому университетскому закону ино-

41 Там же. Л.60.

42 Бирман М.А. П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М., 2018. С. 68.

43 Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000. С. 248.

44 Янчаркова Ю. Славянская коллекция профессора Окунева // Родина. 2006. № 4.

странные подданные не имеют права голоса. Пожалуйста, подумай о Бицилли и Окуневе и устрой так, чтобы им не пришлось поступать в приказчики»⁴⁵. Но ситуация не изменилась, и молодой и перспективный Окунев навсегда уехал из страны, что безусловно надломило и П.М.Бицилли, и С.М.Кульбакина.

Если в случае с Окуневым можно говорить о некоей недооценке юного ученого, то ситуация с Петром Михайловичем Бицилли выглядела совсем иначе: «Его управление (В.Джерича. – В.П.) роняет достоинство университета, вредит его интересам и отталкивает нас, русских, приехавших с искренним желанием послужить сербской науке и сербскому просвещению. Меня, конечно, это не может свихнуть, но я не был бы удивлен, если бы другие охладели, ибо утверждаю, что к ним относятся плохо, а они этого не заслужили.

Когда в апреле приехал Груич и сообщил, что отныне ни один русский не будет избран, ни один гонорарный русский не может быть ни экстраординарным, ни ординарным, я думал, что это его фантазии. Но теперь вижу со скорбью, что это как будто так. Говорят, что Станое торопит Костица – напечатать хоть что-либо, чтобы и его представить в экстраординарные профессора. Бицилли написал в 10 раз больше Костица, а главное несравненно выше и Костица, и Новака и как ученый, и как профессор, а не может получить экстраординарного профессора. Впрочем дело не в звании: он не получает как русские гонорарные профессора в Белграде 6 тысяч динар основного оклада, а получает 4,8 тысяч динар... Стало быть элементарная справедливость нарушена. Если бы не было русских в Скопье, то и факультета не было бы»⁴⁶. К тому же, выплаты часто задерживались, постепенно уменьшались и носили нерегулярный характер, что не могло не беспокоить контрактных преподавателей.

П.М. Бицилли жаловался А.В. Фроловскому, что условия работы становятся все хуже, и сказывается отсутствие средств для функционирования кафедр и для научных командировок, в результате чего русские преподаватели стали покидать факультет⁴⁷. Бицилли с пессимизмом смотрел в будущее, где, как ему представлялось, его ждали только одиночество, тоска и полная бессмысленность и беспо-

45 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.67.

46 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.62.

47 Цит. по: Аксенова Е.П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Фроловского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 149–150.

лезность существования. Безусловно эти чувства рождались и из-за неустроенности быта, но немаловажную роль играла и обстановка на факультете, и сама среда, мало способствующая научным изысканиям и преподаванию в университете. К тому же после отъезда С.М.Кульбакина в Белград он стал последним из трех русских преподавателей, работавших на факультете с момента его основания. Неудивительно, что после политических перемен в Болгарии, приведших к отъезду целого ряда российских эмигрантов, на ставшее вакантным местом заведующего кафедрой всеобщей истории Софийского университета 17 октября 1923 г. министерство по рекомендации академика Н.П. Кондакова согласилось на избрание П.М. Бицилли⁴⁸. Весть об этом видимо не сразу достигла до Скопье, т.к. в своем письме от 2 ноября 1923 г. ученый писал А.В. Флоровскому о своей готовности занять в Праге место учителя или корректора в русском издательстве⁴⁹. Несмотря на свое тяжелое материальное положение, Петр Михайлович не сразу оставил Скопье, дочитав положенные ему лекции в осеннем семестре. Вместе с семье Бицилли переехал в Софию в январе 1924 г. Все время пребывания в эмиграции Бицилли был членом Русского академического союза вплоть до роспуска его отделения в Болгарии после переворота 9 сентября 1944 г. Параллельно с научной и преподавательской деятельностью в Софийском университете он активно сотрудничал в периодических изданиях русского зарубежья. В конце 1948 г. по истечении срока контракта с университетом Петр Михайлович был освобожден от должности без права на пенсию. Зарубежная и эмигрантская печать почти не обратила внимания на его смерть. Между тем труды ученого и по сей день представляют собой большую научную ценность⁵⁰. Он был последним из трех русских преподавателей, стоявших у истоков философского факультета в Скопье и покинувших его в столь короткий срок.

Необходимо отметить, что помимо средств на содержание преподавателей, нужны были и средства для развития собственно самой науки (книги, научные журналы, командировки), но их также не хватало. С.М. Кульбакин писал: «Мирославово Евангелие движется медленно. Чувствуется страшное неудобство, что не с кем поговорить,

48 Бирман М.А. Указ. Соч. С. 93.

49 Там же. С. 91.

50 Архив Србије (АС). Ф. Београдски университет. Г-200. Записи Универзитетског већа. 1923. Л.49; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 90–92.

на каждом шагу. Многие книги все еще нельзя достать»⁵¹. В городе не было научной библиотеки, лишь благодаря помощи со стороны Матицы сербской, Сербской королевской академии и сербского семинара Белградского университета удалось сформировать центральную факультетскую библиотеку для студентов, численность книг в которой достигла 60 тысяч наименований к началу 30-х гг. XX в⁵².

Громадной проблемой не только для русских, но и для преподавателей других национальностей после основания факультета стало полное отсутствие научной среды и единомышленников в провинциальном Скопье. Отчасти эту проблему должно было решить создание Скопского научного общества, получившего с 1925 г. государственное финансирование и начавшее издавать собственный журнал «Гласник», на страницах которого печатались статьи по истории, этнографии, филологии и др. наук. Помимо издательской деятельности, общество занималось просветительской работой, читались открытые лекции для широкой публики и студентов. Во многом благодаря именно профессорам университета в 1923 г. в городе появился Музей Южной Сербии, в которой были представлены копии фресок, макетов монастырей и прочие атрибуты средневековой истории края.

В то же время многие русские эмигранты примерно в это время стали явственно осознавать и чувствовать потерю родины. Если большинство из них эмигрировало с намерением в скором времени вернуться в Россию, то постепенно эти иллюзии сходили на нет. «Сегодня особенно ощущаю, что я вне родины, от одного берега отстал, а к другому не пристал, и возможность пристать все более от меня психологически отдаляется. Значит, быть вечным изгнанником и никогда не чувствовать себя среди своих, дома», – писал С.М.Кульбакин А.Беличу в письме от 21 апреля 1922 г.⁵³ Другим разочарованием стали частые столкновения с сербскими коллегами, закономерно расценивавшими русских как конкурентов, к тому же зачастую обладающих большими знаниями. С.М.Кульбакин с горечью сообщал о своих ощущениях А.Беличу: «Я знаю, что народ сербский относится к нам хорошо, может мне лучше проситься профессором гимназии. Я могу преподавать латынь, всеобщую историю и даже матема-

51 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.56.

52 *Јовановић В.* Оп. cit. С. 434.

53 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.71. 21.4.1922.

тику 6 класса. Лучше это, чем оставаться таким контрактуральным профессором, на которого смотрят как на лишнего»⁵⁴.

Особый интерес представляют дневниковые записки П.С. Бобровского, характеризующие сложный характер взаимоотношений сербов и русских в это время: «Притерпелся я к чувству национального позора. И это хорошо. Иначе было бы невозможно жить, ибо на каждом шагу оно бьет по нервам. Я в столице страны, которую без всяких кавычек можно назвать победительницей. Я среди народа, который все поставил на карту в борьбе, потерял даже территорию – и, в конце концов, победил. И не только победил, но и увеличил свое национальное государство во много раз. Я вижу в лицах, в голосах сербов отпечаток заслуженной гордости. И вот среди них мы, русские, еще недавно сыновья огромной и могущественной России, их защитницы, а теперь – оборванные, жалкие нищие. Я ненавижу свой жалкий костюм, по которому всякий серб без ошибки узнает во мне русского «избеглица». Жаловаться на отношение сербов к нам мы не можем. Но ведь это отношение богатого родственника к бедному. И потом это бесправие»⁵⁵.

Поразительно перекликаются с этими записками строчки из письма С.М.Кульбакина, посвященные его супруге: «И если она, успокаивая меня, не удержалась, и слезы появились на глазах, не из-за денег, а от того что и она почувствовала, что на нас смотрят как на каких-то не только чужих, но и на второго сорта людей. Ведь все это связано с другими нефинансовыми чертами в отношениях»⁵⁶.

24 февраля 1924 г. по указу короля Александра Карагеоргиевича Степан Михайлович получил звание ординарного профессора⁵⁷. На следующий год, Степан Михайлович также оставил факультет в Скопье и перешел на философский факультет Белградского университета. 16 февраля 1925 г. Кульбакин первым из российских ученых-эмигрантов стал действительным членом САНУ, что, безусловно, свидетельствовало о его заслугах перед новой родиной. В декабре 1928 г. в СССР произошло массовое исключение членов-корре-

54 Там же. Л.72.

55 *Бобровский П.С.* Крымская эвакуация // Белое дело: Избр. произв. В 16 кн. Кн.13. М., 2003. <http://www.dk1868.ru/history/BOBROVSK.htm>.

56 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.72.

57 Русская колония в гр. Скопье (1920-1943 гг.): сборник документов. Скопье, 2015. С. 797.

спондентов и академиков из рядов Академии, среди исключенных был и С.М. Кульбакин, восстановленный лишь в 1990 г.⁵⁸

Тем не менее, факультет не был полностью оставлен русскими. В 1924 г. на нем только начали преподавать филолог-славист Владимир Алексеевич Розов (18.07.1876, Киев – 21.05.1940, Загреб) и историк Алексей Кириллович Елачич (6.01.1892, Киев – 1941, Белград).

Владимир Розов еще 16 марта 1920 г. обратился к А. Беличу с просьбой помочь ему в трудоустройстве. Просьба, видимо, была удовлетворена, поскольку ученый в том же году переехал в Королевство СХС и с 1920 по 1924 гг. преподавал в духовной семинарии св. Саввы в Сремских Карловцах. Затем Розов преподавал русский язык на философском факультете в Скопье, а в 1930 г. переехал в Загреб, где с 1932 г. преподавал уже на философском факультете местного университета⁵⁹.

В отличие от Розова, оставившего факультет в Скопье, Алексей Кириллович Елачич посвятил ему всю свою жизнь, проведенную и окончившуюся в Югославии. Надо сказать, что к выбору новых преподавателей даже сами русские подходили крайне взвешенно, хотя и отлично понимали то положение, в котором пребывают их соплеменники. С.М.Кульбакин в письме от 17 апреля отмечал: «А мы сами русские отклонили здесь русского Елачича, и я поддерживал желание Ристича провести Лоренца»⁶⁰. Несмотря на это, А.К.Елачич не опустил руки, и после защиты докторской диссертации по философии в Люблянском университете в 1924 г., начал преподавать на философском факультете в Скопье. Однако война прервала не только его научную деятельность, но и жизнь. Согласно воспоминаниям В.А.Мошина, после оккупации Югославии, А.К.Елачич не выдержал психического потрясения и скончался по пути в Белград в Нишской психиатрической больнице⁶¹.

После Елачича, с 1926 г. на факультете начал преподавание Евгений Васильевич Аничков (1866, с. Боровичи— 21.10.1937, Бел-

58 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 198.

59 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.77; Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1 (1920-1930). С.262–264; Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20-40-е гг. XX в.). С. 250; Пушкадия-Рыбкина Т. Указ. Соч. С. 179.

60 АСАНУ. Ф.14386. Оп.3. Д.330. Л.30.

61 Мошин В.А. Под теретом. Београд, 2008. С. 129.

град).⁶² Его предметами были: сравнительное литературоведение, средневековая европейская культура, французская литература XIX в., а для российских студентов читал специальные лекции на русском языке по предмету «Русская литература второй половины XIX в.»

Следующие русские преподаватели появились на факультете уже в самом начале 30-х гг. XX в. По всей видимости, это было связано с принятием в июне 1930 г. нового закона об университете. В преподавательский состав всех факультетов официально (неофициально это произошло много раньше) вводились новые должности – внештатный (гонорарный) профессор, внештатные преподаватели и лекторы. Увеличивалась и зарплата преподавателей университета, несмотря на непростую экономическую ситуацию для Югославии.

Среди русских преподавателей, пришедших на факультет в 30-е гг., был Петр Андреевич Митропан (13.09.1891, Орел – 6.12.1988, Белград) с 1931 по 1941 г. занимавший должность договорного лектора грамматики русского языка. Митропан с 1920 г. преподавал русский язык и литературу в учительской школе г. Скопье, входил в состав правления русской колонии. После Второй мировой войны он работал лектором на философском факультете Белградского университета вплоть до 1962 г., когда вышел на пенсию. Им был написан ряд монографий, наиболее значительной из которых является работа «Периодическая печать Южной Сербии» (1937 г.). Также Митропаном было написано множество статей о русских писателях XIX в. (Лермонтове, Пушкине, Толстом и др.)⁶³.

С 1930 г. на факультете стала преподавать выпускница Елена Александровна Ошанина, в годы Второй мировой войны переехала в Болгарию, откуда в 1955 г. переехала в Москву, работала библиотекарем в Библиотеке иностранной литературы, а затем в Государственной публичной научно-технической библиотеке.

Судьба подчас преподносит удивительные сюрпризы. Так, Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987, Скопье), посвятивший

62 Ко је ко у Jugoslaviji. Beograd, 1928. S. 8; *Тименчик Р.Д.* Аничков Е.В // Русские писатели. 1800–1917. Т.1. М., 1989. С. 77–78; *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. 1920–1940. Београд, 1990. С. 62–64; *Успенски Е.* О поетици симболизма у књижевности руских емиграната у Београду // Руска емиграција у српској култури. Т.1. Београд, 1994. С. 5–9; Српски биографски речник. Т.1. Нови Сад, 2004. С. 235.

63 Ко је ко у Jugoslaviji. Beograd, 1970. S. 682; *Ђурић О.* Op. cit. С. 137–138; *Стојнић М. П.* Митропан // Анали филолошког факултета. 1992. Год. 19. С. 647–650; *Кончаревич К.* Вклад русских эмигрантов-филологов // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 251–253.

большую часть жизни философскому факультету в Скопье, столкнулся с неожиданными препятствиями при своем устройстве. Сам он об этом писал так: «Осенью того года [1930] был распisan конкурс на место доцента византиноведения в Скопье. Я подал заявление. Факультет избрал референтами профессоров Д.Анастасиевича и Ф.Гранича, которые написали самый положительный отзыв о моих работах. Выборы прошли единогласно, с тем чтобы я, кроме кафедры византиноведения, принял от профессора Гранича и предмет древней истории, а поскольку процедура с утверждением моего избрания могла затянуться, факультет в интересах преподавания ходатайствовал о немедленном моем назначении, хотя бы в качестве прикомандированного до моего утверждения. В весеннем семестре 1931 г. я уже преподавал в Скопье историю Византии и Римского царства. Между тем вопрос моего «утверждения» затянулся «по не зависящим от меня обстоятельствам»⁶⁴. Только в 1938 г. В.А. Мошин был снова приглашен в качестве доцента на философский факультет в Скопье, где его застала немецкая оккупация. После перехода Македонии под власть Болгарии, профессорский состав факультета был причислен к философскому факультету Белградского университета. Мошин переехал в Белград, где продолжил преподавание (в том числе в гимназии).

В 1945 г. Мошин принял советское гражданство, но остался в Югославии и не вернулся на родину. Ученый стал директором Архива Академии наук и искусств, в течение шести лет он плодотворно работал в Народной библиотеке Белграда, затем в Народной библиотеке Скопья, в 1971–1974 гг. был ординарным профессором филологического факультета университета в Скопье по кафедре истории южных славян. Свидетельством его заслуг стало избрание членом-корреспондентом Македонской Академии наук. За годы плодотворной работы в Югославии им было написано большое количество работ на сербском и русском языках по византинистике и истории южных славян⁶⁵.

64 Из воспоминаний академика, протоиерея В.Мошина // *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии ... С. 196.

65 *Štefanić V.* Vladimir Mošin o 75 godina života. Zagreb, 1969; *Живојиновић М.* В.А. Мошин – историчар Свете Горе // *Руска емиграција у српској култури XX в.* Београд, 1994. Т. 1. С. 154–162; *Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки – В.А. Мошин // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 183–200; *Живоинович М.* В.А. Мошин как историк Афона // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 174–183; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии...С.

Надо признать, что жизненный путь Владимира Алексеевича Мошина был скорее счастливым исключением из общей судьбы русской эмиграции в Югославии. Многие ученые под воздействием разного рода обстоятельств покинули приютившую их братскую славянскую страну. К сожалению, во многие судьбы вмешивалась не только политика, но и гораздо более прозаичные причины. Именно в Скопье и Македонии эти обстоятельства во многом вредили русским эмигрантам. Несмотря на провозглашение идеологии интегрального югославизма, в Македонии фактически продолжала проводиться политика Сербии начала XX в., направленная на ассимиляцию населения, в том числе и с помощью культурной пропаганды. При этом средств и возможностей в условиях непрекращающейся деятельности ВМРО постоянно не хватало. Весь межвоенный период «македонский вопрос» был в тени «хорватского вопроса». Только после Второй мировой войны, уже в социалистической Югославии македонцы были провозглашены одним из народов Югославии, у них появилась своя республика и университет в Скопье.

В условиях, когда Вардарская Македония провозглашалась Южной Сербией, во взаимоотношениях между сербскими и русскими преподавателями факультета играли роль определенные стереотипы (о том, что у русских исключительные отношения с болгарами, и интересы последних для них выше сербских), а также и самые обыкновенные человеческие страсти. Русские старались не вмешиваться в вопросы политики и заниматься лишь научными изысканиями, что подпитывало существующие стереотипы по отношению к ним. Как для русских, так и для хорватских и словенских профессоров, преподавание на факультете было шагом вынужденным, или из-за молодости и нехватки опыта, или из-за непростых жизненных обстоятельств. Все это порождало постоянную ротацию преподавательского состава на протяжении всего межвоенного периода. В этих условиях, достаточно сложно говорить о какой-либо последовательной культурной политике. К тому же немногие преподаватели разделяли идеологические установки официального Белграда. Сербы рядом своих действий оттолкнули русских профессоров, и это в определенной степени предопределило слабость факультета, как основного элемента проводимой культурной политики в регионе. Уже в

246; *Бондарева Е.А.* Владимир Алексеевич Мошин (1894-1987) // История и историки: Историографический вестник. М., 2003. С. 293–310; *Мошин В.А.* Под теретом. Београд, 2008.

конце 1930-х гг. на факультете достаточно окрепли позиции македонской молодежи, т.е. случилось именно то, чего так опасались сербские интеллектуалы: создаваемые учреждения культуры и образования послужили основой для формирования македонской нации и провозглашения ее государства уже в социалистической Югославии.

Vladimir Putyatin, Ph.D.,
Moscow state University

Philologist-Slavicist S.M. Kulbakin and the other Russian professors of the Faculty of Philosophy in Skopje in the 1920s and 1930s

Abstract: The Russian emigration has played a significant role in forming and developing the University education not only in the key scientific centers of Yugoslavia (Belgrade, Zagreb, Ljubljana), but also was crucial for the emergence of the new centers for higher education (Subotica, Skopje). Only thanks to the involvement of the Russian professors and scientists to teach at the faculty of Philosophy in Skopje, it became possible to open and maintain the faculty, despite all the difficulties that the teachers have faced.

Key words: Russian emigration, Russian professors, Skopje, Vardar Macedonia, University of Belgrade.

МАРИЯ ГОЛУБОВИЧ

младший сотрудник

Институт музыковедения Сербской академии наук и искусства

masa.dj.golubovic@gmail.com

«Поехал казак на чужбину далеко...»: казачье пение в Белграде между двумя мировыми войнами

Аннотация: Приезд казаков в Королевство С. Х. С. произошел в последствии большой эвакуации Русской армии генерала Врангеля с Крыма, которая началась осенью 1920 г, из-за чего межвоенный Белград стал центром кубанских и терских казаков в эмиграции. Благодаря этому, столица Королевства получила возможность ознакомиться с двумя видами их художественной деятельности – джигитовкой и казачьим пением. Значительный след в белградской концертной жизни оставили и гастрологи Хора донских казаков Сергея Жарова.

Ключевые слова: Королевство С. Х. С. / Югославия, межвоенный период, казачьи хор, донские казаки, Сергей Жаров

Несмотря на то, что сербская историография конца XX и начала XXI веков охватывает большое число работ посвященных разным сферам жизни и культурной деятельности русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев/Югославии, казачья эмиграция которая явилась ее немаловажной частью до сих пор почти не входила в круг интересов исследователей. Исключение представляет собой статья А. Б. Арсеньева, включившая обзор истории казачества, эвакуации казаков с Крыма, их приезда и жизни в Королевство С.Х.С.¹. В рамках статьи автор вкратце выделил два вида художественной деятельности казаков которые привлекали внимание новой среды – джигитовка и мужские казачьи хоры². Но более подробных исследований о них нет и это можно объяснить несколькими фактами. Во-первых, интерес к исследованию русской эмиграции в целом мире

1 Арсеньев А. Козаци у Краљевини Југославији // Зборник Матице српске за историју. 2004. № 69–70. С. 137 – 157.

2 Там же. С. 151.

увеличился всего лишь в 90-ые годы после распада Советского Союза. В сербской историографии переломным оказался 1994 г. когда вышел двухтомный сборник о русских эмигрантах в сербской культуре XX века³. Однако, эмигранты своей деятельностью так повлияли на некоторые сферы искусства, что в течении долгого периода почти только эти области были в фокусе исследований. На поле музыки, этим фокусом было восстановление Оперы и Балета Народного Театра в Белграде, поскольку русские музыканты, танцеры и художники сыграли решающую роль в формировании и работе этих ансамблей. О деятельности русских хоров в Сербии писалось главным образом косвенно до 2016 г., когда опубликованы две содержательные статьи о церковных хорах⁴. Вторая причина – это отсутствие источников ввиду того, что один из самых драгоценных источников о жизни эмигрантов в Королевстве С.Х.С./Югославии, русская периодика, в Сербии плохо сохранилась. При всем этом, югославская пресса в течении лет все меньше писала о культурной деятельности русского общества. Ежедневная пресса, которая отличалась хорошими критиками концертов и вообще статьями о культурной жизни югославской столицы («Политика», «Време» и «Правда») в самом начале регулярно сообщала о концертах устраиваемым русскими. Но как в течении лет музыкальная жизнь Белграда становилась все более богатой, их концерты все чаще только кратко анонсировали с самими основными информацией. Однако, исключением частично оказались концерты с участием домашних музыкантов, большие концерты Русского музыкального общества и гастроли русских музыкантов, которые во время приезда уже пользовались мировым успехом. Именно это был случай с хором донских казаков Сергея Жарова. В работе, в первую очередь, будет использована белградская пресса журналами и отчасти материалы из Архива Югославии.

Чтобы полностью рассмотреть место казачьей музыки в Белграде, надо сначала имеет в виду то, что превращение города в столицу новооснованного государства в 1918 г. оказало большое влияние на все области культурной жизни. Это событие в большой степени способствовало и ускорило развитие этого балканского города, в

3 Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1–2. Београд, 1994.

4 Тарасјев А. Руски црквени хорови и хоровађе у Београду (1920–1970) // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. 2016. С. 107–128; Арсењевић А. Руске емиграција и црквени појање у Србији: 1920–1970 // Зборник матице српске за сценске уметности и музику. 2016. С. 129–174.

котором, вопреки тому, что всеми силами старался приблизиться Западу, в течении двадцатых и тридцатых годов все еще ощущалось вековое наследие Востока⁵. Оно чувствовалось и в музыке. Музыковед Н. Мосусова ставит следующий вопрос: «Если сербские авторы итальянскую оперную музыку или венско-пештанскую мелодику считали музыкой нижнего уровня, то почему таким же способом не рассматривали остатки турецкой музыки на Балканах?». Но, как она дальше пишет, сербские композиторы не могли или не хотели отбросить ориентальные призвуки в своих произведениях⁶. Унаследованная из довоенного периода традиция хоровой музыки и хорового пения достигла к этому времени чрезвычайно высокий уровень исполнительства, как у белградских хоров «Первое белградское певческое общество» (Прво београдско певачко друштво), «Обилич» и «Станкович», так и у хоров которые проводили гастроли – хорватские хоры «Коло», «Лисинский» и «Балкан», чешские «Сметана», хор «Моравских учительниц», «Хлахол», итд. Также, подъем исполнительского искусства, который, в то же время был обусловлен формированием домашнего молодого поколения и все боле частыми гастролями выдающихся музыкантов был в полном разгаре⁷. Вдобавок к этому стоит отметить, что стремления молодого Королевства С.Х.С. стать в каждом отношении частью Европы, а Белграда – быть на равне с большими европейскими городами, открыло разнообразные пути, посредством которых проявлялись современные влияния. Вследствие этого, в Белграде удачно продвигалась и популярная музыка (джаз, танцевались современные танцы – чарлстон, фокстрот, танго, исполнялись оперетты, итд)⁸. Видно, музыкальная жизнь была

5 Vučetić R. Evropa na Kalemegdanu: «Cvijeta Zuzorić» i kulturni život Beograda 1918–1941. Beograd, 2018. S. 20.

6 Мосусова Н. Путевни српске музике од 1919. до 1941. године // Музикологија. 2003. № 1. С. 22.

7 Ђурић-Клајн С. Музички живот у граду између два рата // Историја Београда. Т. 3. Београд, 1974. С. 398; Турлаков С. Летопис музичког живота у Београду: 1840 – 1941. Београд, 1994; Пејовић Р. Концертни живот у Београду (1919 – 1941). Београд, 2004.

8 Чалић Ж.-М. Историја Југославије у 20. веку. Београд, 2013. С. 138; Значителну роль в расширении популярной культуры и музыки имели именно русские эмигранты, но этой темой тоже долго пренебрегали. Первый исследователь-музыковед обративший внимание к этой теме – Ивана Весич (Весић, И. Музичко издаваштво између два светска рата као извор за проучавање експанзије популарне музике у Југославији: примери издавачких кућа Јована Фрајта и Сергија Страхова // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику.

ключем в каждом смысле. Какое же место тогда в этой среде могли занимать русские народные и церковные песни составляющие казаческий репертуар? Как музыкальная критика к этому относилась и какое было ее мнение?

Музыкальную деятельность казаков можно рассматривать с двух сторон. Первой является деятельность «домашних» казачьих хоров, которые формировались при их белградских станицах, а представители другой – иностранные хоры, приезжавшие на гастроли. Домашние хоры были неотъемлемой частью казачьих событий, будь то джигитовка, празднества, траурные митинги, итд. В 1921 г. два хора кубанских казаков восстановленных одновременно и независимо один от другого на греческом острове Лемнос, переехали со своими дивизиями в Королевство С. Х. С. и сразу начали выступать в разных городах страны. Регентом первого хора, который с разрешением Войскового атамана, Генерального штаба генерала-майора В. Г. Науменко назван Войсковым, был С. Ф. Шелухин, а другого С. Г. Соколов. В начале 1923 года хоры объединились в Кубанский войсковой хор под управлением Соколова, который 2-го марта принял участие на благотворительном казачьем вечере устроенном под покровительством г-жи Пашич дамским кружком при участии Ю. Н. Штрандтман, г-жи Богаевской, супруги Донского Атамана, и сербских дам-патронесс в отеле Казина⁹. После этого концерта хор отправился в концертное турне по Сербии, а в апреле двинулся на большое турне по Европе и Америке. С 1933 г. гастроли Кубанского войскового певческого хора, станичных хоров и ансамблей проходили в Русском доме¹⁰.

Старшина Кубанских казаков джигитов и певцов генерал И. Д. Павличенко писал в 1927 г. Министерству народного просвещения о своей группе, существующей к тому времени уже шесть лет, требуя зарегистрировать их деятельность как научную, что дало бы им возможность платить налоги в общей сумме 10% от всех доходов¹¹. Павличенко в письме подчеркнул, что его группа финансово само-

2014. № 51. С. 65–81; *Vesić I.* The role of Russian emigrants in the rise of popular culture and music in Belgrade between two world wars // *Beyond the East-West Divide. Balkan Music and its Poles of Attraction.* Belgrade, 2015. S. 101–115).

9 *Аноним.* Театр и музыка. Казачий вечер // *Новое время.* 1932. 2 марта. С. 4.

10 *Корсакова Н. А.* Кубанская казачья эмиграция в Белграде // <http://slavakubani.ru/kkv/history/1920-emigration/kubanskaya-kazachya-emigratsiya-v-belgrade/> (дата обращения 25. 8. 2019).

11 АЖ (Архив Югославии) Ф. 66 Д. 650. Оп. 1100 (нет нумерации страниц). Министерство оказывало казакам поддержку в виде понижения налогов и разреше-

стоятельна, хотя помогает старикам и детям без родителей и, что они показывают свое умение верховой езды и поют свои песни бесплатно для югославских военных во всех гарнизонах. Группа Павличенка состоялась из одиннадцати джигитов, которые, по его словам, нигде в мире не будут выступать более страстно, чем перед «самыми дорогими своими братьями»¹². В музыкальной части на джигитовках наряду с хорами принимал участие и оркестр Королевской гвардии.

Проблематика анализа домашней прессы состоит в том, что данные, опубликованные в ней иногда бывают неполными. Скажем, в статье под названием «Свечаност русских козака» анонсировалось заседание в ознаменовании памяти на атаманов погибших в войне, на котором «хор казаков будет петь русские песни»¹³. Сразу под этим написано «Сегодня вечером в 7 часов устраивается общий казачьи банкет в ресторане *Нови Београд* с участием хора казаков». Следовательно, ставится вопрос – о каком хоре речь идет? Каком-либо уже существующем или составленному только для этого случая? К сожалению, нету других источников, по которым бы это можно было проверить. Однако, на заседании, одержанном по тому же поводу в 1932 г. пел хор Казаков кубанской станицы под управлением г. А. Черного¹⁴. Надо заметить, что они сначала спели югославский государственный гимн, а потом казачьи гимны. Это свидетельствует об отмеченной Арсеньевым лояльности к новой стране-родине, которую казаки проявляли¹⁵.

В марте 1936 г. по разрешению Министерства внутренних дел Королевства Югославии легализована Кубанская казачья станица, которая в июне того же года устроила в Русском офицерском доме свой первый благотворительный кубанский вечер, на который был приглашен и король Петр II. Програма состоялась из юмо-

ний для организации казачьих событий на территории Королевства С.Х.С. (см. там же).

12 *Аноним*. Кубански Козаци, под генералом г. Павличенком, приказују данас своје витешке игре // *Време*. 1927. 17. VII. С. 8.

13 *Аноним*. Свечаност русских козака // *Време*. 1918. 12. II. С. 11.

14 *Аноним*. Комеморативна козачка седница // *Време*. 1932. 29. II. С. 6.

Хор Белградской Общеказачей имена Кошевого атамана Сидора Белого станицы, под управлением казака А. П. Черного был основан в 1931 г. Этот хор в течении 30-и годов удачно выступал в Югославии (*Хохульников К. Н.* Кубанские казачьи ансамбли зарубежья // Из истории Кубанского казачьего хора: материалы и очерки. Краснодар, 2006. <http://slavakubani.ru/kuban-cossack-choir/kcc-history/kubanskies-kazachi-khory-v-zarubezhe/> (дата обращения 23.08.2019)).

15 *Арсеньев А.* Козаци у Краљевини Југославији... С. 144.

ристичной пьесы Бараковского на малорусском языке «Историја з Пампушкој», выступления Кубанского казачьего хора и сольных выступлений (пение, казачьи танцы)¹⁶. После этого были танцы и играл джаз оркестр¹⁷. События такого рода продолжались и на следующий год. В январе 1937 г. кубанский вечер состоялась в отеле Империял. Концепция вечера была такая же, но в этот раз известно, что пел хор под управлением С. Д. Красуцкого и играл оркестр балалаек Захарова¹⁸. Такие события, поскольку у них был популярный характер, не привлекли внимание белградских критиков.

Два казачьих хора которые добились большого мирового успеха оставили след в белградской прессе – Хор донских казаков имени генерала Платова под управлением Н. Ф. Кострюкова и Хор донских казаков С. А. Жарова.

По данным которыми располагаем, Хор донских казаков имени генерала Платова под управлением Н. Ф. Кострюкова выступил между двумя мировыми войнами в Белграде пять раз¹⁹. Перед первой гастролью «Платова» в июле 1929 г. белградская печать кратко анонсировала „знаменитый донской казачьи хор“, который устраивает свои концерты в новом здании Народного театра. Программа концертов состоялась из национальных, классических и церковных песен, а в конце предвидился танец четырех казаков²⁰. В этот их приезд, третий концерт был большим благотворительным концертом, который устроил Совет объединенных офицерских обществ у зале «Кола српских сестара». Однако, они никогда не пользовались таким успехом у публики как хор Сергея Жарова. *Последний концерт «Платова» в Белграде состоявшийся 13 мая 1931 в здании Народного театра на Врачаре прошел с плохим отзывом. Критик Коста Манойлович²¹ писал, что казаки пели перед почти пустым залом из-за*

16 АЖФ. 74. Д. 202. Оп. 289. С. 257.

17 Аноним. Сала руског официрског дома // Правда. 1936. 13. VI. С. 17.

18 Аноним. Удружење кубанских козака у Београду // Правда. 1937. 4. I. С. 17.

19 12, 14 и 15 июля 1929, 11 и 13 мая 1931 г.; Турлако, С. Летопис музичког живота у Београду: 1840 – 1941; Аноним. Концерт хора донских казака „Платов“ // Време. 1929. 15. VII.

20 Аноним. Донски Козачки Хор Платоф // Време. 1929. 11. VII. С. 9.

21 Коста Манойлович (Коста Манојловић, 1890 – 1949), сербский композитор, музыковед и регент хоров (подробнее см. *Peričić V. Muzički stvaraoци u Srbiji. Beograd, 1969. S. 244–250; Leksikon jugoslavenske muzike. T. 1. Zagreb, 1984. S. 563–564; Пејовић Р. Музичка критика и есејистика у Београду (1919–1941). Београд, 1999. С. 119–140; Kosta P. Manojlović (1890–1949) and the Idea of Slavic Balkan Cultural Unification. Belgrade, 2017.*

высокой стоимости билетов. Но его рассмотрение концерта вкратце содержит суть того, о чем домашние критики будут писать о казачьих концертах. Приводим отрывок из критики:

«Хор донских казаков Платов, как и другие русские хоры сформирован в эмиграции которым пение стало профессией, представил нам народные песни своего народа, а также и характерные казачьи игры полные акробатического умения, которые как аттракция могут представлять большой интерес, но не пригодные для концертного зала. С разными ономастическими эффектами которыми охвачены песни, хор Платов показал нам свои качества, которые в художественном отношении ниже качества хора Жарова [...] Понятно, что концерты таких хоров перестали быть художественной аттракцией потому, что их деятельность касается только народной песни, не всегда художественно интересной, а исполнение стало укрепленным стилем»²².

Самым большим успехом у белградской публики пользовался Хор донских казаков Сергея Жарова, чья история началась в турецком лагере Чилингир в декабре 1920 года. Когда в 1923 году Жаров со своим хором из Болгарии направились во Францию на работу, они вообще не рассчитывал с тем, что Жаров в Вене встретит своего старого знакомого, Хуга Кэлера. Последний уговорил Жарова провести один концерт в Гофбурге, который оставил такое впечатление, что совсем неожиданно началась авантюра, которая продлится почти шестидесять лет. В периоде с 1929–1937 г. хор Жарова устроил в Белграде десять концертов²³. Несмотря на то, что в течении лет ознакомленных с казачеством жителей Белграда они не были такой экзотикой как на Западе, их концерты всегда были заполнены публикой из-за чего у них бывало и по два концерта подряд. На их программе была русская народная музыка, казачьи песни и хоровые

22 *Манојловић, К. П.* Концерт хора донских казака // *Време*. 1931. 15. V. С. 8.

23 20 января 1929 (Народный театр); 21 января 1929 (Королевский Двор); 29 мая 1929 (Народный театр); 9 и 11 января 1931 (Народный театр); 12 и 13 февраля, 11 марта 1934 (Народный университет им. И. М. Коларца); 15 и 18 апреля 1937 (Народный университет им. И. М. Коларца) (см. *Турлаков С.* *Летопис музичког живота у Београду*. С. 224).

произведения русских композиторов А. Д. Кастальского, П. Г. Чеснокова, А. Т. Гречанинова, Д. С. Бортнянского, П. И. Чайковского, А. А. Архангельского, К. Н. Шведова, С. В. Рахманинова, А. К. Лядова, А. А. Алябьева, Г. Ф. Львовского, С. В. Панченко и многих других. К первому приезду в Белград в январе 1929 года, хор уже имел мировое реномэ. Пресса анонировала „самый лучший ансамбль своего рода, под управлением изумительного Сергея Жарова“ напоминая, что „это сенсациональное происшествие для Белграда, поскольку этот концерт будет вершиной всех прежних удачных концертов“²⁴. Первый концерт состоялся 20 января и кроме большого отклика публики, жаровски хор привлек и внимание выдающихся музыкальных критиков – Бранка Драгутиновича, Милоя Милоевича, Виктора Новака, Йована Димитриевича и Петра Бингульца, благодаря чему о первом концерте существует больше всего источников. Критики были согласны в том, что казачьи хор отличается изумительными певцами и вокальной техникой, но в тоже время сомневались в качестве композиций составляющих их репертуар. Первый концерт состоялась из двух частей. В первой части была церковная музыка Гречанинова, Бортнянского, Архангельского и Чайковского которая оставила большое впечатление своими художественными качествами, а в второй части были народные песни. Милое Милоевич показал свое неудовольствие таким сочетанием произведений о чем он и писал: «они начали изумительно, одним громким *Верую* Гречанинова [...], а закончили *Казачьей песней*, распушенной, пошлой, кабаретной, в которой и свистели и лаяли наряду с очень живым ритмом [...] В настоящее время серьезный концерт нельзя задумать с программой на которой *Ей, ухнем*, или *Легенда о 12 разбойников*, ни *Волга, Волга*, ни *Шутка* Направника, ни *Серенада* Абта (?)»²⁵. Напомним, что Манойлович высказал похожее мнение о такой программе. Интересно, что критики по-разному оценивают суждение о приеме концерта публикой. Бранко Драгутинович, несмотря на острую критику второй

24 Аноним. Концерт донских козака // Време. 1929. 5. I. С. 7; Аноним. Хор Донских Козака Сергија Јарофа // Политика. 1929. 13. I. С. 10.

25 Милојевић М. Поводом концерта Донских козака (20-I-1929) // Српски књижевни гласник. 1929. № 3. С. 215–216; Милое Милоевич (Милоје Милојевић, 1884–1946), сербский композитор и музыковед (подробнее см. *Коњовић П.* Милоје Милојевић: композитор и музички писац. Београд, 1954; *Peričić V.* Muzički stvaraoци u Srbiji, S. 282 – 296; *Leksikon jugoslavenske muzike.* Т. 2. S. 13–15; *Пејовић Р.* Музичка критика и есејистика у Београду (1919–1941). С. 39–101; *Katunac D.* Klavirska muzika Miloja Milojevića. Beograd, 2004).

части концерта, не мог не отметить, что донские казаки «запалили» переполненный зал²⁶. Милое Милоевич начал свою статью с того, как очарованная публика приняла хор с «самыми большими симпатиями», а Виктор Новак заканчивает свою словами, что «публика необыкновенно сердечно аплодировала после каждого произведения, хваля и певцов и дирижера»²⁷. В то же время, Петар Бингулац, в чьем обсуждении концерта с первых слов ощущается несимпатия к казакам решаяще писал о том, что они даже и с своими певческими трюками не восторжили критику²⁸.

Второй концерт хор Жарова состоялся на следующий день в течении послеобеденного чая в Старом дворце. Этому событию присутствовало 350 выдающийся гостей – королевская семья, все члены королевского правительства со своими супругами, дипломаты с супругами, русский делегат Штрандман и большое число уважаемых членов русской колонии, профессоров Университета, членов Академии Наук, итд²⁹. По этому случаю король Александр высказал свои симпатии и уважение к русским и их культуре, вознаградив регента хора Сергея Жарова орденом Святого Саввы 4. степени, главного администратора хора Георгия Колесникова тем же орденом 5. степени, а членов хора медалями за дворцовые заслуги³⁰. Их третий концерт в Белграде состоялся пару месяцев спустя, в мае 1929 г. Милоевич отметил, что они «исключительный хор», с изумительной техникой пения гомофонии³¹. Этот год был отмечен первыми гастрольными выступлениями хоров донских казаков. Но все-таки в следующем десятилетии интерес критиков к концертам казаков упал. В тече-

26 Драгутиновић, Б. Хор Донских Козака // Музыка. 1929. № 1. С. 25 – 26; Бранко Драгутинович (Бранко Драгутиновић, 1903–1971), музыкальный критик (подробнее см. *Leksikon jugoslavenske muzike*. Т. 1. С. 203–204. *Пејовић Р.* Преглед музичких догађаја: (1944–1971): Бранко Драгутиновић (1903–1971). Београд, 2009).

27 Милојевић М. Поводом концерта Донских козака. С. 213; Новак В. Концерт Донских Козака // Време. 1929. 21. I. С. 6; Виктор Новак (1889–1977), югославский историк хорватского происхождения, музыкальный критик (*Пејовић Р.* Музичка критика и есејистика у Београду (1919–1941). С. 287–297).

28 Бингулац П. Козаци // Мисао. 1929. Књ. 29. Св. 3/4. С. 219; Петар Бингулац (1897–1990), музыковед, музыкальный педагог и критик (подробнее см. *Leksikon jugoslavenske muzike*. Т. 1. С. 74–75; *Пејовић Р.* Музичка критика и есејистика у Београду (1919–1941). С. 241–251).

29 Аноним. Велики чај у Двору // Време. 1929. 22. I. С. 1

30 АЈ Ф. 74. Д. 202. Оп. 289. С. 491.

31 М[илојевић] М. Концерт «Донских козака» // Политика. 1929. 13. V. С. 11.

нии тридцатых годов происходит поворот в критиках Милоевича. В критике концерта из 1934 г. он выражает неудовольствие выбором произведений, находившихся на программе считая, что эффект у них выше искусства и, что такой хор может пользоваться успехом только в таких странах как Австрия, где традиционно нету хорового искусства. Кроме этого, Милоевич не хочет, чтобы нашу аудиторию уведили с правильного пути потому, что наши певческие общества серьезно относятся к своей задаче, а казаки забывают «эстетические принципы» и артистическую правду³². Три года спустя Милоевич пишет, что казаки «хорошо использованная сенсация» которая присуща «милитаризация хорового звука». Особенно привлекает внимание его точка зрения, что Жаров и его казаки «проявление одного прошлого» [...] «В безразличном мире Хор донских казаков своей сенсацией все еще будет имеет свое место. И у нас потому, что это русский хор, а ми, в частности Белград, в настоящее время являемся одним уголком бывшей России»³³. Эти слова в контексте целой критики не звучат положительно. Как понять слова Милоевича, что они являются «проявлением одного прошлого», которые в контексте целой критики не звучат положительно? Во время, когда Милоевич написал эти слова, на белградской сцене уже существовала группа молодых композиторов принявших музыкальное образование в Праге, которые обогатили отечественную музыку современными европейскими музыкальными тенденциями. С другой стороны, значит ли позиция «один уголок бывшей России», что влияние России мешало нашей модернизации? Значит ли это, что он рассматривал русскую эмиграцию как выражение прошлого в целом?

Хотелось бы кратко отметить еще один вид присутствия хора Жарова в белградской культурной жизни, который касается не концертного исполнения, а фильма. В течении тридцатых годов, в Белграде можно было посмотреть множество фильмов с участием казаков, среди которых было больше всего немецких и французских. Надо упомянуть немецкие фильмы «Песня донских казаков» (1930), «Белый дьявол» (1930), «Москва-Шанхай» (1936), французский фильм «Дикая бригада» (1938).

32 М[илојевић] М. Други концерт збора Донских козака // Политика. 1934. 15. II. С. 12.

33 М[илојевић] М. «Донски козаци» певају поново у Београду // Политика. 1937. 17. IV. С. 11.

После Первой мировой войны Европа и весь мир получили возможность более близко познакомиться с русской дореволюционной культурой, которая до тех пор была им мало известна. Несмотря на то, что многосторонняя музыкальная деятельность эмигрантов оставила глубокий след в культурной жизни югославской столицы, еще существуют многие темы, которые малоисследованные. Они в первую очередь касаются жизни русского общества и его деятельности в пользу сохранения традиционного наследия. Иной случай представлял Хор донских казаков Жарова, который питалась мировой известностью и привлекал публику как еще одна концертная аттракция. По-видимому, мнение критиков не повлияло на их популярность у публики. Данная работа фрагментарно охватила музыкальную деятельность казаков в Белграде и является первым шагом в исследовании этого своеобразного культурного наследия в новой стране.

Maria Golubovich, M.D.,
Institute of Musicology SASA

«Cossack has left far away to the foreign land...»: Cossacks singing in Belgrade between the two world wars

Abstract: The arrival of the Cossacks in the Kingdom of SCS was a result of the large evacuation of the Russian army led by the general Wrangel from the Crimea, which have started in the autumn of 1920. Due to that the interwar Belgrade has become a center of the Kuban and Terek Cossacks in the emigration. So, the capital of the Kingdom has gained the possibility to familiarize itself with the two kinds of their artistic activities – dzigitovka and Cossacks singing. Also, the significant mark in the Belgradian music scene has made the tour of the Sergey Zharov's Don Cossacks choir.

Key words: The Kingdom of SCS / Yugoslavia, interwar period, Cossacks choir, Don Cossacks, Sergey Zharov.

ЛУШИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
Департамент информации и печати, МИД России
brovochki@yandex.ru

«Русский сокол» в Югославии

Аннотация: В статье рассказывается об истории русского сокольского движения в Королевстве СХС/Югославии. Сокольство – многоплановое явление в истории и культуре славянских стран, под которым понимается спортивная (гимнастическая) система, этическое учение, а также общественно-политическая идеология, продвигавшая идеи «славянской взаимности» и национализма. Первые сокольские организации русских эмигрантов возникли на территории Югославии в начале 1920-х гг. В январе 1924 г. они объединились в Краевой Союз русского сокольства (СРС) в Югославии. Формально являясь частью «Сокола Королевства Югославии», русские «соколы» сохраняли автономию. Общества Краевого СРС имелись во всех крупных городах Сербии, в Хорватии, Словении, Боснии, Македонии. Конец русского сокольства в Югославии положил захват страны гитлеровцами и их союзниками в 1941 г.: существование движения, в своей идеологии опиравшегося на имперскую традицию и величие русской истории, нацисты посчитали опасным для себя.

Ключевые слова: Сокольство, Краевой Союз Русского Сокольства, Сокол Королевства Югославии, Русская эмиграция

Сокольство – интересное, самобытное и малоизученное явление в истории и культуре славянских стран. Его следует рассматривать в трёх измерениях: как спортивную (гимнастическую) систему; как этическое учение; как общественно-политическую идеологию, продвигавшую идеи «славянской взаимности», и национализма, причём крен в сторону последнего со временем обозначался всё чётче.

Основоположителем сокольства был чешский просветитель-«будитель» М. Тыршем. Из Чехии оно распространилось на другие страны: в XIX веке появились словенские (именно они первыми и стали именовать себя сокольскими), хорватские, сербские,

болгарские, польские сокольские организации. К 1929 г. сокольство находилось на пике своего расцвета. Во всех государствах, населенных славянскими народами (за исключением СССР) существовали сокольские движения. Сокольские организации имелись даже у лужицких сербов.

На территории Российской империи первые два сокольских общества, ориентированные на чехов-иммигрантов, были основаны в местечке Мирогощи на Волыни в 1870 г. Параллельно сокольские объединения появились в русской части Польши¹. Царское правительство, не препятствуя их созданию, не разрешало упоминать слово «сокол» в их названии² - Петербург не желал лишний раз раздражать австро-венгерские власти.

4 мая 1883 г. в Москве возникло «Русское гимнастическое общество», опиравшееся на опыт чешского сокольства. Членами этого общества были Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Общество было связано с Й.Шайнером, преемником Тырша на посту лидера чешского сокольства, и благодаря его связям сумело пригласить преподавателя гимнастики из чешских «соколов» Ф. Ольшаника.

За два года до этого к директору Первой Тифлисской гимназии Л.Л. Маркову прибыл «сокол» Ю.Грумлик. За ним на замещение должностей преподавателей гимнастики прибывают ещё три «сокола». В 1900 г. их усилиями в Тифлисе открывается сокольское Гимнастическое общество. Председателем общества (старостой) стал Ю.Грумлик, заведующим (начальником), отвечавшим за строевые занятия, гимнастику и спорт, был избран Ф.Лукеш. В том же году основаны «Чешские гимнастические кружки» в Санкт-Петербурге и в Киеве. В 1903 г. их переименовывают, соответственно, в «Общество Север» и «Общество Юг». В том же году появилось «Гимнастическое общество в Ташкенте». В 1905 г. проводятся гимнастические праздники «Общества Север» и общества в Ташкенте³.

После неудачной русско-японской войны и Первой русской революции сокольство наконец-то вышло из полуполюгального положения. Государственные деятели, и в их числе П.А. Столыпин, вместе с сыном вступивший в сокольскую организацию, видели в движении потенциальный противовес революционной моде. Обществу

1 *Сергеевский А.Б.* Организация «Русский Сокол» и её деятельность в Югославии: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=1291>

2 Там же.

3 Там же.

«Тифлис» разрешили именоваться сокольским, и вслед за этим происходит переименование остальных гимнастических обществ⁴. К популяризации сокольства присоединилось военное ведомство: в Санкт-Петербурге открылась «Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа», работавшая по сокольской системе с привлечением чешских преподавателей. Учебное заведение выпускало инструкторов-офицеров для обучения войск сокольской гимнастике. Большинство руководителей эмигрантских сокольских объединений в 1920-30-х гг. были выпускниками именно этой школы.

Последующие годы - расцвет сокольской деятельности в России. Новые общества возникают повсеместно: «Москва-2», «Каменец-Подольск», «Екатеринослав», «Егорьевск», «Харьков» (основаны в 1908 г.); «Чернигов» и «Полтава» (созданы в 1909 г.); «Воронеж», «Петербург- 2», «Москва-3», «Орел», «Новороссийск», «Таганрог», «Сычев», «Новочеркасск».

Именно в этот период создаётся «Союз Русского Сокольства» (СРС), появляются сокольские газеты и журналы: «Сокол» и «Вестник Русского сокольства». К началу Первой мировой войны русское сокольство насчитывает 36 вступивших и 22 не вступивших в СРС общества. 4 июля 1910 г. правительством был утверждён устав СРС, был избран староста (А.С.Гижицкий) и его заместитель (М.А.Султан-Крым-Гирей). Состоялось два делегатских съезда «Союза Русского Сокольства» - в Москве (1911 г.), на котором утверждены идеологические основы русского сокольства, и Киеве (1913 г.), на котором обсуждалось устройство I Русского Сокольского Слета в Москве. В 1912 году русские «соколы» принимают участие в VI Всеславянском сокольском слёте в Праге⁵.

Первая мировая война прервала деятельность сокольства в России, как и в прочих славянских странах. После Гражданской войны сокольство в России пережило кратковременный период возрождения: в рамках декрета от 22 апреля 1918 г. о введения всеобща к 1922 г. было воссоздано 25 обществ, насчитывавших в общей сложности 6 тыс. членов. Однако в 1923 г. по инициативе К.Радека и Н.И. Бухарина сокольство было запрещено⁶.

4 Там же.

5 *Огороков А.В.* Молодёжные организации русской эмиграции (1920-1945 гг.). М., 2000. С. 6.

6 Там же.

Таким образом, хранителями русских сокольских традиций остались организации, созданные русскими эмигрантами. Русские сокольские объединения возникли, помимо Югославии, в Китае, Чехословакии, Болгарии, Латвии, США и Франции. В декабре 1923 г. в Праге состоялся 1-ый съезд зарубежного русского сокольства в Праге. В 1924 г. официально появился «Союз русского сокольства» (СРС) за границей, который был признан равноправным другими славянскими сокольскими движениями, войдя в обновлённый после Первой мировой войны Славянский сокольский союз⁷.

В Королевстве СХС русские сокольские общества появились в начале 1920-х гг. Начало русского сокольства в Югославии прошло под знаком конкуренции между белградским «Гимнастическим Обществом «Русский Сокол» в Королевстве СХС» и земунским обществом «Русский Сокол»,⁸ учреждённым 3 июня 1922 г.⁹ за право представлять его на территории королевства.

14-15 августа 1922 г. в Любляне состоялся I слет Союза русских соколов в Югославии. В параде русских «соколов» по Любляне, открывшем слет, участвовало 126 «соколов» (116 «братьев» и 10 «сестер»). Возглавлял шествие начальник земунского «Русского Сокола». Затем, по предложению «Русского Сокола» в Земуне, прошло два «Собрания представителей Русских Сокольских организаций и отдельных лиц русской национальности, входящих в состав Юго-славянских сокольских обществ». На них председательствовал заместитель старосты «Русского Сокола» в Земуне Р.К. Дрейлинг (1880-1945 гг.)¹⁰. Помимо «соколов» из Земуна (4 человека), в нем участвовали «соколы» из Белграда (2 человека), Любляны (4 человека), по одному представителю от Сараевского и Крымского кадетских корпусов. «Лиц русской национальности, входящих в состав Юго-Славянских сокольских обществ» на заседании присутствовало четверо¹¹. Собрание приняло «Правила организации Русского Сокольства на территории Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев». Присутствовавшие на собрании белградские «соколы» приняли документ, однако впоследствии против «Правил...» выступил староста и ряд членов

7 «Русский Сокол» в Земуне. 1922-1932. Земун, 1932. С. 24.

8 Там же. С. 14.

9 Там же. С. 12.

10 *Огороков А.В.* Указ. Соч. С. 9.

11 «Русский Сокол» в Земуне... С. 15.

общества, что привело к расколу и последовавшей затем самоликвидации основных конкурентов земунского «Русского Сокола»¹².

В январе 1924 г. был учреждён Краевой СРС в Югославии. Лидирующие позиции в нём занял земунский «Русский Сокол»: штаб-квартира русского сокольства в Югославии был перенесена из Любляны в Земун, а старостой (генерал-майор В.Н. Полянский, в прошлом преподаватель Николаевской инженерной академии¹³), заместителями старосты (Р.К. Дрейлинг и А.А. Земляницын), секретарем (А.Б. Ранхнер), казначеем (бывший лётчик А.М. Капша¹⁴) и несколькими членами правления были избраны «соколы», занимавшие аналогичные должности в земунском обществе¹⁵. 15-18 августа того же года состоялся I съезд представителей русских сокольских ячеек в Югославии в Загребе¹⁶. На нём был принят устав Краевого СРС: за основу этого документа был взят «Устав Русского Сокола, утвержденный пражским обществом русских «соколов» в 1920 году¹⁷.

К середине 1920-ых гг. Краевой СРС в Югославии оформился в полноценное движение. Его старостой стал бывший военный агент России в Сербии В.А. Артамонов¹⁸. Масштабные мероприятия русского сокольства в общегославском масштабе (юбилеи, ежегодные краевые съезды) будут проводиться регулярно вплоть до вторжения немцев в Югославию.

В СРС господствовала единообразная организационная модель. Низовыми её организационными единицами являлись гнёзда. Организации, насчитывавшие свыше 25 человек, получали статус обществ, которые, в свою очередь, входили в состав Краевого СРС¹⁹.

Сокольская организация была объявлена доступной «для всех народов Российских». Членами организации не могли состоять атеисты, «руссофобы» и «исповедующие интернациональные взгляды». «Сокол» должен был признавать единую «Российскую Нацию», сложившуюся из множества народов, населявших некогда Россий-

12 Там же.

13 *Огороков А.В.* Указ. Соч. С. 16.

14 Там же. С. 23.

15 «Русский Сокол» в Земуне... С. 21.

16 *Полчанинов Р.В.* Молодёжь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941-1951. М., 2009. С. 23.

17 «Русский Сокол» в Земуне... С. 24.

18 *Огороков А.В.* Указ. Соч. С. 16.

19 Организация общества «Русский Сокол». Мюнхен, 1948. С. 1.

скую империю²⁰. Наименование «русский», по мысли «соколов», было определением «национальности», то бишь принадлежности к государству, а не «народности» или «племени»²¹.

Руководителем сокольской организации являлся староста, представлявший ее перед местными властями и сообществом русских эмигрантов.²² «Просветительный» отдел и отдел физического воспитания возглавлялись, соответственно, воспитателем и начальником (начальница, подчинённая начальнику, отвечала за занятия женских отделений). Воспитатель был по совместительству председателем Культурно-Просветительского Комитета местного общества, а начальник – Технического комитета. Эти два должностных лица были подотчетны краевому начальству: первый – краевому воспитателю, второй – начальнику Краевого СРС и Краевому Техническому Комитету²³. Староста, его заместитель, воспитатель, начальник и начальница составляли правление общества. Туда же включались секретарь, завхоз, казначей²⁴. Кроме того, в структуру сокольской организационной единицы входили суд, рассматривавший дисциплинарные проступки и разбиравший споры между «соколами», и ревизионная комиссия, контролировавшая деятельность казначея и завхоза организации.

Отдел молодёжи составляли подотделы «детей» (до 12 лет) и «подростков» (12-18 лет). «Подростки» делились на младших (младше 15 лет) и старших (старше 15 лет). Для того чтобы стать «подростком», «соколята» должны были принести Сокольский Завет, к которому они допускались после экзаменов по Закону Божию, истории и географии России, идеологии, истории и организации русского сокольства. По достижении 18 лет «подросток» становился действительным членом общества. Совершеннолетние кандидаты на вступление в общество должны были предоставить правлению рекомендацию двух действительных членов общества и выдержать полугодовой испытательный срок²⁵. Официальным обращением друг к другу у взрослых «соколов» было «брат» или «сестра».

20 Идеология русского сокольства. Мюнхен, 1950. С. 11.

21 Там же. С. 12.

22 Организация общества «Русский Сокол». Мюнхен, 1948. С. 3.

23 Там же. С. 5.

24 Там же. С. 2.

25 Там же. С. 12.

«Соколы» имели униформу, знаки отличия, значки, награды, некоторые общества имели знамя, обязательным элементом которого был черный траурный креп в память о покинутой России. Униформа «соколов» была регламентирована положением «О русской сокольской форме одежды», принятом на VIII съезде СРС от 23 июня 1937 г.²⁶

21-22 марта 1925 г. на годовом собрании Югославянского сокольского союза (ЮСС) русские представители поставили вопрос о регулировании отношений русских и югославских «соколов». До этого никакого единообразия в данном вопросе не существовало, в каждом регионе связи выстраивались по-разному²⁷. С помощью старосты югославского Земунского Сокольского общества Б. Живковича В.Н. Полянский составил «Положение о русском сокольстве» («Уредба о Руском Соколству у Краљевини СХС»)²⁸. Положение было утверждено МВД королевства и вошло в закон о «Соколе Королевства Югославии» (СКЮ), принятом в 1930 г.²⁹.

СКЮ и СРС тесно сотрудничали. Их близость иллюстрирует пример загребского общества: «Югославянские сокола предоставили русским гимнастический зал и помещение для собраний, так как общество с первого дня своего существования было секцией Союза Соколов Королевства СХС. Оно имело полную автономию, но пользовалось всеми его льготами, включая бесплатные железнодорожные билеты и бесплатную деловую почту»³⁰. В момент восстановления сокольского общества в Белграде, общество «Белград-Матица» передало русским братьям свою летнюю сокольню (зал), которую оно отремонтировало на свои средства³¹.

К 1935 г. в Югославии функционировало 25 русских сокольских организаций³², к 1938 году – 28³³. Общества Краевого СРС имелись во всех крупных городах Сербии, в Хорватии (Загреб, Осиек), Словении (Любляна), Боснии (Сараево, Баня-Лука), Македонии (Скопье).

Традиционно сильным оставалось земунское отделение. Его руководители неоднократно избирались в Краевые органы СРС в

26 Пучков С.Н. Указ. Соч. С. 29.

27 Пути русского сокольства. 1938. Сентябрь-октябрь. № 3-4. С. 2.

28 «Русский Сокол» в Земуне... С. 33.

29 Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 143.

30 Полчанинов Р.В. Указ. Соч. С. 24.

31 «Русский Сокол» в Земуне... С. 47.

32 Там же. С. 9.

33 Там же. С. 14.

Югославии. Первым старостой общества на организационном собрании, собравшем 39 человек, 2 июля 1922 г. был избран В.Н. Полянский. Заместителем старосты стал Ф.В. Тарановский, начальником – князь И.И. Максutow. В правление было избрано семь членов, в т.ч. Р.К. Дрейлинг (впоследствии он будет отвечать за культурно-просветительскую работу общества)³⁴. «Русский сокол» в Земуне выпускал собственный журнал и имел одну из самых проработанных во всей Югославии систем обучения «соколов», в частности, систему стрелковой подготовки³⁵, в рамках которой «соколы» обучались стрельбе из пистолета и карабина. К 1936 году в стрелковом отделе «Русского Сокола» в Земуне занималось 20 братьев, 6 сестёр и 8 подростков-мальчиков³⁶. Помимо стрельб, регулярно проводились речные походы на лодках³⁷, сборы в тренировочных лагерях, в которых упор делался на военную подготовку. Например, программа тренировок в лагере Мильково включала в себя стрельбы, наводку телефонной и телеграфной линии, съёмку местности, сигнализацию флажками, разведку, маскировку, физическую и строевую подготовку³⁸. Акцент на военном обучении у «соколов» связан с тем, что русские эмигранты не были военнообязанными в Югославии. Если старшее поколение эмигрантов, закалённое в боях Гражданской войны (некоторые из них продолжили службу в югославской армии), в подготовке не нуждалось, то эмигрантская молодёжь оказывалась вне системы начального военного обучения. По мысли лидеров СРС, сокольство должно было стать организацией, способной обеспечить военную подготовку эмигрантской молодёжи, отчасти заменив армию. «Нельзя, вдохновив эту молодёжь, не дать ей военных знаний, не вооружить её ими, ибо она сгорит в неравных условиях борьбы. Наоборот, хорошо подготовленная, она будет сама опасна для врагов и способна нанести им поражение»³⁹, - писал Р.К. Дрейлинг. В июне 1937 г. на VIII съезде СРС было принято «Наставление по сокольской подготовке» и «Программа допризывной военной подготовки», а в 1938 г. был издан «Путеводитель по сокольской подготовке. Боевая подготовка сокола по разведке и службе связи».⁴⁰

34 Там же. С. 12.

35 *О कोरोков А.В.* Указ. Соч. С. 26.

36 Там же.

37 Там же. С. 55.

38 Пути русского сокольства. 1939. Сентябрь-октябрь. № 9. С. 9.

39 Пути русского сокольства. 1938. Ноябрь. № 5. С. 6.

40 *Пучков С.Н.* Указ. соч. С. 20.

Деятельность земунского общества не исчерпывалась спортом и военным обучением. Так, 14 апреля 1923 г. был организован сокольский вечер: «В гимнастическом отделении Р.С. поставил: вольные движения с эскадронами и фехтовальными ружьями; упражнения на перекладине и брусках; вольный бой на рапирах и эскадронах... В концертном отделении выступают сестры В.М. Банина и Э.Э. Шреттер и брат А.В. Соловьёв»⁴¹. 14 февраля 1925 г. состоялось чествование Петра Великого, приуроченное к двухсотлетию его кончины. В программе вечера были торжественный выход сокольского строя под «Преображенский марш», пение молитвы «Коль славен», доклады членов правления земунского сокольского общества В.Н. Полянского, Ф.В. Тарановского, Р.К. Дрейлинга, чтение «соколятами» отрывков стихотворений А.С. Пушкина «Полтава» и «Медный всадник», показательные выступления на гимнастических снарядах⁴². Подобные вечера, в котором совмещались спортивные и творческие номера, проводились в Земуне регулярно либо по случаю праздников (Пасха, Рождество и т.д.), либо в памятные даты. Практика проведения таких культурно-спортивных мероприятий была распространена и в других обществах Краевого СРС.

В 1930-е гг. одним из лидеров русского сокольства в Югославии стало общество «Русский сокол» в Нови-Саде, оформившееся 29 июля 1933 г. Его основателем и секретарем был инженер Н.З. Кадесников (1895-1971 гг.), а первым старостой стал генерал-майор В.М. Ткачев (1885-1965 гг.). В марте 1934 г. состоялось первое показательное выступление новисадского «Русского Сокола» в честь десятилетия русского сокольства за рубежом⁴³. К концу 1934 г. новисадский «Русский сокол» насчитывал 190 членов всех возрастов⁴⁴, что составляло 13% всей местной русской колонии⁴⁵.

Новисадское сокольство продолжило стабильно развиваться при следующих старостах, штабс-капитане Л.Д. Кудрявцеве (1903 – ок.1943 гг.) и офицере Кубанского казачьего войска Ф.Ф. Калишевском (1897-1980 гг.). Новисадский «Русский сокол» сотрудничал с обществами в Сомборе, Суботице, Великой Кикинде, Великом Бечкереке, организовывал летние лагеря в Чортановцах на Фрушка-Горе.

41 «Русский Сокол» в Земуне... С. 19.

42 Там же. С. 31.

43 Арсеньев А.Б. Указ. соч. С. 144.

44 Окороков А.В. Указ. соч. С. 22.

45 Арсеньев А.Б. Указ. соч. С. 144.

«Русский Сокол» в Нови-Саде также принял активное участие в создании русского кукольного театра с отечественным репертуаром⁴⁶.

Главным источником дохода русских сокольских обществ оставались членские взносы⁴⁷. Доход «соколам» приносили также культурно-спортивные вечера⁴⁸ и лотереи⁴⁹. Вырученных денег крупным обществам хватало на закупку инвентаря и иногда ремонт помещений, но средств никогда не было в достатке. «Соколы» полагались на всестороннюю поддержку со стороны русской колонии⁵⁰, поддержку оказывала и местная Государственная комиссия по делам русских беженцев⁵¹. Тем не менее недостаток финансирования вкупе с перегруженностью членов правления приводили к снижению энтузиазма и, как следствие, падению посещаемости занятий и росту числа дисциплинарных проступков⁵². Для некоторых обществ эти проблемы оказались фатальными, став причиной их закрытия.

В июле 1938 г. вышел в свет первый номер ежемесячника «Пути русского сокольства». Он выпускался вплоть до 1941 г. Редактором издания был В.М. Ткачев. Задачей журнала было заявлено выявление «русских, сокольских путей: идеологических и практических, здесь, в рассеянии, и на Родине...»⁵³. В нем имелись рубрики, посвящённые жизни сокольства и русской эмиграции, рекомендациям по воспитанию соколов (рубрика «Русская сокольская жизнь»), опыту иностранных массовых молодёжных движений (рубрика «Воспитание народа»). Вместе с тем присутствовали материалы, выходявшие за рамки непосредственно сокольской деятельности: заметки о событиях в Европе, связанных с предвоенным кризисом и началом Второй мировой войны, программные публикации по различным политико-идеологическим вопросам. Из содержания последних видно, что образцом, на который ориентировались «соколы», была Российская империя, а фундаментальными принципами, на кото-

46 Там же. С. 145.

47 «Русский Сокол» в Земуне... С. 51.

48 Там же. С. 19.

49 Там же. С. 23.

50 Арсеньев А.Б. Указ. Соч. С. 26.

51 «Русский Сокол» в Земуне... С. 15.

52 Там же. С. 26.

53 Пути русского сокольства. 1938. Июль. № 1.

рые они опирались, – монархизм⁵⁴ и православие⁵⁵. Главную причину краха Российской империи «соколы» видели, во-первых, в разлагающем иностранном влиянии, выразившемся в проникновении социалистических учений, и, во-вторых, в общем нравственном упадке российского общества, результатом чего стали две революции 1917 г. Их «соколы» считали трагедией, нарушившей естественный ход исторического развития России.

Показательной с точки зрения определения «соколами» понятия русской идентичности является серия статей профессора истории славянского и византийского права Белградского университета А.В. Соловьёва «Национальное сознание в русском прошлом». По определению профессора, оно включает в себя «память о своем общем культурном (и часто политическом единстве, стремление и в настоящем обладать этим единством (или закрепить уже существующее) и желание и впредь жить вместе, как единое культурное и политическое целое»⁵⁶. А.В. Соловьёв подчеркивает, что осознание своего единства появилось у русского народа уже в XI веке. Этот процесс шел непрерывно и явился естественным результатом формирования национального сознания, а не «официальной схемой московской историографии»⁵⁷. По мнению Соловьёва, «главной и могучей спайкой», сделавшей подобное объединение свершившимся историческим фактом и положившим начало существованию восточных славян в рамках единой «Русской земли», стало принятие христианства: «Оно принесло единство новых идеалов, оно принесло единство обряда и церковной иерархии, оно принесло обработанный литературный язык и письменность, единую для отдельных, разбросанных наречий»⁵⁸.

Б.Н. Сергеевский⁵⁹, являвшийся заместителем главного редактора журнала, вёл историческую рубрику «Картины русского прошлого». В ней вышли цикл статей о Владимире Святом, князьях

54 Тарановский Ф.В. Государственная культура России // Пути русского сокольства. 1939. Июнь. № 6. С. 7.

55 Розов В.А. Христианская свобода и Древняя Русь // Пути русского сокольства. 1939. Сентябрь-октябрь. № 9-10. С. 5.

56 Соловьёв А.В. Национальное сознание в русском прошлом // Пути русского сокольства. 1939. Январь. № 1. С. 4.

57 Там же.

58 Соловьёв А.В. Национальное сознание в русском прошлом // Пути русского сокольства. 1939. Февраль-март. № 2-3. С. 3.

59 Окроков А.В. Указ. соч. С. 17.

Борисе и Глебе⁶⁰, Ярославе Мудром⁶¹. Публиковались тематические статьи к юбилеям М.П. Мусоргского⁶², Дмитрия Донского⁶³, М.В. Ломоносова⁶⁴, поэта великого князя К.К. Романова⁶⁵, П.И. Чайковского⁶⁶, к годовщинам взятия русскими войсками Парижа в 1814 г.⁶⁷, Рымникского сражения⁶⁸, Невской битвы⁶⁹, штурма Измаила⁷⁰. Выпускались заметки по сюжетам Первой мировой войны, в частности, об успешных действиях русской армии в 1916 г. К 25-летию начала Первой мировой войны Б.Н. Сергеевский написал для «Путей русского сокольства» статью с разбором темы роли России в глобальном военном конфликте⁷¹. Ее основная идея заключалась в том, что Российская империя, одержавшая победу в четырёх из пяти сражений 1914 года (а своим поражением в Восточной Пруссии спасшая союзников на Марне) и сумевшая не потерять армию в 1915 году, должна была закончить победно боевые действия к лету 1917 года. Но распропагандированный тыл свел усилия армии на нет, и война вместо долгожданной победы окончилась для Российской империи катастрофой и распадом. Выходили материалы об истории отдельных регионов, в частности, Прикарпатской Руси⁷² (поводом для выхода этой статьи стали события 1938 г., когда этот «кочок Русской земли Русскими людьми управляемый»⁷³ получил автономию в составе Чехословакии) и Украины⁷⁴.

Отношение «соколов» к СССР, даром что оно было резко негативным, можно охарактеризовать как ожидание непрямого краха советской власти. «Все мы готовимся и ждём того момента, когда русский народ сбросит с себя интернациональное иго и заживёт рус-

60 Пути русского сокольства. 1939. Май. № 5. С. 3-4.

61 Пути русского сокольства. 1939. Июль-август. № 7-8. С. 4-5.

62 Пути русского сокольства. 1939. Апрель. № 4. С. 6.

63 Пути русского сокольства. 1939. Июнь. № 6. С. 1

64 Пути русского сокольства. 1940. Март-апрель. № 3-4. С. 2.

65 Пути русского сокольства. 1940. Май-июнь, № 5-6. С. 2.

66 Там же. С. 3.

67 Пути русского сокольства. 1939. Май. № 5. С. 1.

68 Пути русского сокольства. 1939. Сентябрь-октябрь. № 9-10. С. 3.

69 Пути русского сокольства. 1940. Январь-февраль. № 1-2. С. 1.

70 Пути русского сокольства. 1940. Ноябрь-декабрь. № 11-12. С. 4.

71 Пути русского сокольства. 1939. Июль-август. № 7-8. С. 2.

72 Пути русского сокольства. 1938. Ноябрь. № 5. С. 2.

73 Пути русского сокольства. 1938. Сентябрь-октябрь. № 3-4. С. 3.

74 Пути русского сокольства 1941. Январь-февраль. № 1. С. 3-4.

ской жизнью на национальных началах»⁷⁵ - писал в «Пути русского сокольства» С. Берников. События в СССР освещались в рубрике «На страждущей Родине», источниками которой выступали советская и иностранная пресса. Журнал критиковал репрессии в Красной Армии, определял сталинскую политику индустриализации как провальную, отмечал падение жизненного уровня граждан СССР. Оценка внешней политики советского руководства также была негативной: «соколы» обвиняли его в том, что страна находится в изоляции. Надо сказать, что «соколы» все же пытались составить для себя определенную объективную картину о реальном положении дел в Советском Союзе: в 1930-е гг. Просветительный комитет СРС в Югославии выпускал «Сборник по изучению СССР»⁷⁶, а в «Пути русского сокольства» была размещена статья с анализом опыта пионерской и комсомольской организаций.⁷⁷

Воспитанные в духе резкого неприятия коммунизма, многие «соколы», как это часто бывало в эмигрантской среде, увлеклись идеей союза с фашизмом и нацизмом во имя «освобождения» России от «большевизма». В одном из выпусков «Пути русского сокольства» были опубликованы отрывки из писем белградского «сокола» А. Трингама, участвовавшего в Гражданской войне в Испании против республиканцев.⁷⁸ В той же заметке упомянуты и двое погибших в Испании «соколов», А.В. Фок (известен как руководитель курса подготовки сокольских руководителей, созданного 23 июля 1933 г. в Медоне)⁷⁹ и Полухин, служивших в русском взводе терции *donna* *Morgia de Molina*, воевавшей на стороне франкистов.⁸⁰ В годы Второй мировой войны многие «соколы» вступили в Русский Корпус, несший охранную и антипартизанскую службу на территории Югославии. Так, староста новисадского общества Л.Д. Кудрявцев в Корпусе в чине лейтенанта командовал 3-ей ротой 1-го батальона 5-го полка⁸¹. Из других заметных сокольских деятелей в этом подразделении служили лидер общества «Русский Сокол» в Смедерево А.В. Бобров-

75 Берников С. О сокольской деятельности в освобождённой России // Пути русского сокольства. 1938. ноябрь. № 5. С. 5.

76 Пучков С.Н. Указ. соч. С. 43.

77 Там же. С. 42.

78 Пути русского сокольства 1939. Апрель. № 4. С. 10.

79 Пучков С.Н. Указ. соч. С. 66.

80 Пути русского сокольства. 1939. Апрель. № 4. С. 11.

81 Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009. С. 225.

ский (1885-1949 гг.)⁸²; заведующий статистическим отделом Краевого СРС в Югославии В.В. Бодиско⁸³ (1912-1998 гг.) (лейтенант ветеринарной службы в корпусе⁸⁴); запасной член правления Краевого СРС С.Н. Боголюбов⁸⁵ (1889-1971 гг.); начальник общества «Русский Сокол» в Земуне А.А. Бертельс-Меньшой (1904-1983 гг.) (занимал ряд должностей в Русском Корпусе, капитан РОА)⁸⁶; староста общества в городе Велики Бечкерек А.Г. Невзоров (1889-1978) (служил в корпусе вместе с сыном, М.А. Невзоровым, дослужился до чина полковника)⁸⁷; 2-й заместитель начальника общества «Русский Сокол» в Земуне И.В. Рычков (и по совместительству представитель Русской Фашистской партии в Югославии)⁸⁸ (обер-лейтенант, служил во 2-ом полку корпуса, получил ранение в стычке у села Пукиш 21 декабря 1944 г.)⁸⁹.

Однако другие лидеры сокольского движения изначально приняли для себя решение остаться в стороне от сотрудничества с немцами или, соглашавшись на него на первых порах, впоследствии отходили от него. Так было, в частности, в случае с Б.Н. Сергеевским, который в годы войны продолжал работать в Русско-Сербской гимназии в Белграде⁹⁰, Р.К. Дрейлингом, после освобождения Белграда от гитлеровцев арестованным контрразведчиками «Смерш» и умершим в лагере для пересыльных в Мордовии⁹¹, и В.М. Ткачевым, также арестованным и отбывшим заключение в Советском Союзе⁹².

Как бы то ни было, в годы Второй мировой войны активисты СРС делали личный выбор уже самостоятельно, не как члены сокольских организаций. Двадцатилетняя история русского сокольства в Югославии завершилась после захвата страны гитлеровцами: оккупационная администрация запретила сокольство, закрыв и СРС, и СКЮ. Процесс закрытия проходил бесцеремонно, особенно на территории Хорватии, где власть оказалась в руках усташей. Обществен-

82 Там же. С. 48.

83 Пучков С.Н. Указ. соч. С. 17.

84 Волков С.В. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Указ. соч. С. 50.

85 Пучков С.Н. Указ. соч. С. 18.

86 Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Указ. соч. С. 45.

87 Там же. С. 304.

88 Пучков С.Н. Указ. соч. С. 23.

89 Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Указ. соч. С. 378.

90 Пучков С.Н. Указ. соч. С. 15.

91 Там же. С. 9.

92 Там же. С. 21.

ный деятель историк русской эмиграции Р.В. Полчанинов приводил письмо полиции города Загреб от 22 декабря 1941 г., адресованный местным югославским и русским «соколам». В нём содержалось требование сдать сокольскую униформу под угрозой отправки в концлагерь или передачи военно-полевому суду⁹³. «Подобные приказы, вероятно, отдавались и в других городах», - подытожил Полчанинов⁹⁴.

Сокольская идеология, с её акцентом на имперскую традицию и величие русской истории, оказалась настолько чужда и опасна для нацистов, что они отказались даже от её временного использования.

93 Полчанинов Р.В. Указ. соч. С. 26.

94 Там же. С. 27.

Mikhail Lushin,
Department of Information and Press,
Ministry of Foreign Affairs of Russia

Russian sokol in Yugoslavia

Annotation: The article shows the history of Russian Sokol movement in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes/Yugoslavia. The Sokol was a multidimensional phenomenon in the history and culture of Slavic nations that included sport (gymnastics) system, ethical teaching as well as socio-political ideology that promoted the idea of solidarity of Slavs and nationalism. In the early 1920s, Russian emigrants in Yugoslavia created first Sokol organizations. In January 1924, the organizations united in country's Union of Russian Sokol in Yugoslavia. As a formal part of "Sokol of the Kingdom of Yugoslavia", at the same time Russian Sokol maintained its autonomy. There were sections of the country's Union of Russian Sokol in every major town of Serbia as well as in Croatia, Slovenia, Bosnia and Macedonia. The occupation of Yugoslavia in 1941 by Axis put an end to Russian Sokol, since Nazis feared the existence of the movement, which relied on the traditions of the Russian Empire and the greatness of Russian history.

Keywords Sokol, Union of Russian Sokol in Yugoslavia, Sokol of the Kingdom of Yugoslavia, Russian emigration

ТИМОФЕЕВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ

Доктор исторических наук
профессор Философский факультет,
Отделение истории ведущий научный сотрудник
Институт новейшей истории Сербии
al.timofev@gmail.com

Русская эмиграция и советская фантастика в Югославии

Аннотация: В статье говорится о феноменальном событии: в королевстве Югославия, где официально действовал запрет на коммунистическую идеологию, русские эмигранты перевели и оформили три советских романа 30-х годов. Особенно парадоксальной стала публикация романа Г. Б. Адамова «Тайна двух океанов» в немецком издательстве оккупированного Белграда.

Ключевые слова: Михаил Эрнестович Шиле, Иван Иванович Шеншин, Ян Леопольдович Ларри, Александр Романович Беляев, Григорий Борисович Адамов, советская фантастика, русская эмиграция, Вторая мировая война, издательство «Юго-восток».

С осени 1917/1918 гг. общество бывшей Российской империи оказалось расколотым и разделенным на несколько взаимоненавидящих групп¹. В результате победы «красных» в Гражданской войне (1918–1923) русское общество не объединилось, а раскол формализовал две отдельные, неоднородные, различные по силе, концептуально антагонистические группы: т.н. «Советская Россия» (СССР) и «Русское зарубежье» (активная часть первого и второго поколения русской эмиграции).² Это не было первым в истории примером разделения многочисленного народа гражданской войной (вспомним хотя бы последствия англо-английской войны в Северной Америке

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.
2 Детальнее см.: *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану. 1920–1940. Београд, 2006.

1775–1783 или французских эмигрантов после Французской революции 1789-1799 гг.), но в XX веке Россия стала первой «разделенной революцией» страной. В период между двумя мировыми войнами обе части расколотой России активно «излучали идеологию раскола» на другие страны, в которых и без того существовали собственные внутренние проблемы и причины расчленения общества.

Большевики, борющиеся за укрепление своей власти, колебались от военного коммунизма до рыночных свобод НЭПа, от амнистии политических противников под честное слово до красного террора. В этих обстоятельствах русская литература также оказалась в состоянии внутреннего идеологического раскола, поделив писателей на красных и белых и в личной жизни, и в творчестве. Герои фантастических произведений не были исключением и также яростно боролись в гражданских войнах. Герои романа «Аэлита» А. Н. Толстого строили социализм на Марсе. Их идеологические противники из романа «За чертополохом» П. Н. Краснова столкнулись с мрачной повседневностью победившего коммунизма на Земле³.

В период между мировыми войнами русская эмигрантская литература активно переводилась на сербский и хорватский языки, демонстрируя свое особое видение будущего. Переводили и открыто распространяли и наименее политизированные произведения русской советской литературы. В сталинском СССР с конца 20-ых годов активно шли процессы индустриализации промышленности, в силу этого в следующие два-три десятилетия в советской фантастике стала укрепляться т.н. фантастика «ближнего прицела», как её называли в дискуссиях 60-ых годов. Литературные произведения в рамках этого направления стали появляться с тридцатых годов, а в литературной критике данное направление было аффирмативно сформулировано с конца сороковых годов. Эти фантастические произведения подразумевали популяризацию достижений современной советской науки, техники и промышленности и их перспектив в ближайшем будущем. Для фантастики такого направления были типичны интерес к научно-исследовательским деталям и ослабление внимания к психологической мотивации и детализации повседневной жизни героев. Интересно, что, несмотря на условия создания произведений, иде-

3 Сводная история русской фантастики 20 века практически не написана. На пути к этому стояли публикации отдельных критиков, отбравших фантастов по своему усмотрению: *Амфитеатров-Кадашев В. А.* О романе П.Н. Краснова "За чертополохом" / Руль. 1922. 14 мая; *Кац Р.С.* История советской фантастики. М., 1986 (есть несколько поздних переработанных изданий).

ологическая коннотация в них часто также обрисовывалась крайне схематично, в числе прочих фоновых мотиваций поведения героев в рамках глобальной борьбы за светлое будущее. Развитие сюжета развивалось обычно в ближайшем будущем и было максимально связано с детализацией конкретных открытий, важных для прикладной или теоретической науки.

Русская эмиграция, несмотря на господствовавшие антикоммунистические взгляды, стремилась внимательно следить за событиями в Советской России, пытаясь понять, что же происходит «из-за чертополоха». Советская литература в этом плане была особенно мучительно привлекательна для эмигрантов. Одно вызывало страстную критику и раздражение, другое - отчаянную боль и тоску, а третье - теплую, хотя и печальную сентиментальность. Особенно активно советские книги стали распространяться в Югославии после открытия в стране советского торгового и дипломатического представительства в 1940 г. Хотя советская литература, проходившая цензуру, прибывала в Югославию и до этого, с 1940 г. волна привозных книг стала намного значительней. Широкие круги югославского общества желали познакомиться с новой русской литературой, при этом русская эмиграция, овладевшая за два десятилетия сербским языком, оказалась важным посредником.

Яркой частью советской литературы нового времени, конечно же, была фантастика. Переводы новых русских фантастических романов с многочисленными иллюстрациями были привлекательны для покупателей, издателей и русских эмигрантов. Последние находили благодаря этим романам свой кусок хлеба не только как переводчики, но и как иллюстраторы. Одним из русских переводчиков стал Михаил Эрнестович Шиле. В 1919 г. как вольноопределяющийся он присоединился к Добровольческой армии. Участвовал в Первом Кубанском «Ледяном походе», оставаясь в рядах Русской армии вплоть до эвакуации Крыма⁴. После галлиполийского сидения попал вместе с другими марковцами в Королевство СХС⁵. После прибытия осенью 1925 г. в страну, где ему предстояло провести два десятилетия, М. Э. Шиле, уже знавший несколько европейских языков, быстро овладел сербским. Именно здесь, в Белграде в 1933 г. у него родился сын Виктор. М. Э. Шиле активно занимался публицистикой и переводческой деятельностью

4 Шиле М. Из дневника кавалериста // Вестник Первопоходника. 1962. № 9 (июнь).

5 Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.

вплоть до отъезда в Рейх осенью 1944 г., вместе со многими другими эмигрантами, бежавшими перед приходом Красной армии. Из Германии в 1950 г. он перебрался с супругой Еленой (Воскресенской) и сыном Виктором в США. Свой жизненный путь М. Э. Шиле закончил в Лос-Анджелесе, оставаясь русским офицером (в 1961-1968 гг. он являлся членом редколлегии журнала «Вестник первопоходника»). Интересно, что даже его сын Виктор, ставший выдающимся специалистом в области ветеринарной эндокринологии в США, декларировал именно русское происхождение своих предков⁶.

В своей переводческой деятельности М. Э. Шиле обратился к нескольким книгам из советской фантастики, которые он перевел в конце 30-ых годов, вскоре после публикации книг в СССР. Прежде всего, это был роман „Необыкновенные приключения Карика и Вали“, который написал Ян Леопольдович Ларри (1900-1977) – советский писатель латышского происхождения. Ларри родился 15 февраля 1900 г. в Москве и рано осиротел. Школьный учитель помог смышленому пареньку подготовиться к сдаче экзаменов в гимназии экстерном и даже приютил его в собственной семье. После революции 1917 г. Я. Ларри поддержал большевиков и воевал в Гражданскую войну в Красной армии. Одаренный молодой человек публиковался в провинциальной русской прессе (Харьков, Ленинград, Новгород), учился биологии в Харькове и Ленинграде. С начала 1930-ых г. он стал печатать фантастику. Его самая известная работа - «Необыкновенные приключения Карика и Вали» вышла в 1937 г. как заказ Детского государственного издательства.⁷ Эта книга была опубликована в СССР в 1937 г. в февральском номере молодежного журнала «Костёр» при существенном содействии и активной редакторской правке С.Я.Маршака⁸.

В конце того же года появилось и отдельное издание, которое попало в Югославию после открытия советского представительства в Белграде. Роман представлял собой особое, не столь частое явление в рамках советской фантастической литературы - популяризацию естественнонаучной дисциплины в форме приключенческого романа для детей и молодежи, когда автор имел опыт и в области естествен-

6 In memoria Victor Michael Shille, DVM, PhD, Dipl ACT (1933–2007) [http://www.theriojournal.com/article/S0093-691X\(07\)00566-3/abstract](http://www.theriojournal.com/article/S0093-691X(07)00566-3/abstract)

7 Ларри Я. В поисках прозрачного слова // Жизнь и творчество Маршака. М., 1975. С. 170-175.

8 Ларри Я. Необыкновенные приключения Карика и Вали: Научно-фантастическая повесть // Костер (Ленинград). 1937. №№2-11.

ных наук, и в литературе⁹. В романе Ларри речь шла о фантастическом изобретении профессора Ивана Енотова, который смог уменьшить человека в тысячу раз, что привело к веселым и поучительным приключениям соседских детей, мальчика Карика и девочки Вали, в мире насекомых. Этот роман был далек от идеологии и общественных аллюзий, что способствовало его переводу и изданию в Королевстве Югославия.¹⁰ Любопытно, что роман вновь был издан в Белграде в годы немецкой оккупации в 1943 г.¹¹ Речь шла о перепечатке популярных книг (книга №23) из белградской серии „Синяя птица: книги для молодых и старых“, выходившей в типографии Д. Грегорича.

Издание 1943 г. несло отпечаток неизбежных перемен – сменился издатель. Исчез старый издатель, прославленный Геца Кон (1873 — 1941), без которого нельзя представить себе четыре десятилетия сербской литературы начала XX века. Нацистские оккупанты в своей антисемитской паранойе воспринимали успешного бизнесмена и издателя Г. Кона как приоритетную мишень. Самого Г. Кона отвезли в Вену, где убили после жестоких пыток. Его семья (жена Луиза Вайс, дочери Эльвира и Мальвина, зять Франциск Бах и два внука) были убиты на расстрельном полигоне Ябука в пригороде г. Панчева осенью 1941 г.¹² Их имущество было «ариизировано» - конфисковано и перешло в собственность оккупантов. Оккупанты передали издательство немецкому пропагандистскому предприятию печати и печатной продукции «Юго-восток», которое было основано весной 1942 г. После освобождения Белграда осенью 1944 г. имущество было национализировано и оказалось в руках сербского государственного издательства «Просвета» («Просвещение»)¹³. Деятельность немецкого

9 Например, „Земля Санникова“ В.А.Обручева – популяризация антропологии, „Плутония“ В.А.Обручева – популяризация знаний о периодизации в геологии и т. д. Плутония: Необычайное путешествие в недра земли. Ленинград, 1924; Земля Санникова или Последние онкилоны. М., 1926.

10 Ларри J. Карик и Ваља : научно-фантастични роман [превели с руског М. Шиле и Б. Павић; илустровао Никола Тимшченко]. Београд, 1940.

11 Ларри J. Карик и Ваља : научно-фантастични роман из живота инсеката, [приредио Мих.[Михаил] Шиле; илустровао Никола Тимшченко]. Београд, 1943.

12 Longerich P. Propagandisten im Krieg: die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. Oldenbourg, 1987. S. 118-120, 169-170, 232-273; Hausmann F.R. Auch im Krieg schweigen die Museen nicht. Die Deutschen Wissenschaftlichen Institute im Zweiten Weltkrieg. Göttingen, 2002.

13 Старчевић В. Књига о Геци Кону. Београд, 1992; Köstner C. Das Schicksal des Belgrader Verlegers Geca Kon // Mitteilungen der Gesellschaft für Buchforschung in Österreich. 2005. №1.

пропагандистского предприятия заведомо предполагала смешение пропаганды с отобранными книгами для развлечения, с научно-популярной литературой и классикой. Предполагалось, что смешение науки и пропаганды сможет усилить достоверность идеологических штампов, в силу чего формировались даже специальные немецкие научные институты¹⁴.

Следует отметить, что «Юго-восток» публиковал переводы произведений многих немецких классиков, а также ряда немецких авторов детских и развлекательных романов, но ни одного нацистского научно-фантастического романа. Вероятно, бравурные труды Ганса Доминика о немецких конструкторах арийского супероружия в борьбе против космических чужаков -«уранидов» и туманные мудрствования Эдмунда Киса о пропавших цивилизациях Туле и Атлантиды были слишком сложны в переводе и малопривлекательны для сербского читателя¹⁵.

Однако при издании детского советского фантастического романа прежним осталось место непосредственного печатания книги – типография ярого сторонника нацизма Д. Грегориича¹⁶. Художественное оформление книги также осталось неизменным. Оформление обложки 1943 г. походило на советское издание 1940 г., а еще больше - на сербское довоенное издание - на переднем плане изображены двое ребят на огромной стрекозе. Рисовавший иллюстрации в 1940 г. русский эмигрант М. Петров не смог отказать себе в удовольствии и подчеркнул русское происхождение романа, поместив на заднем плане изображение Собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, как символ Кремля/Москвы/России.¹⁷ В издании 1943 г. с обложки исчезло имя сербского корректора Б. Павича, а М. Шиле был указан не как переводчик, а как составитель (хотя в тексте не было исправлений).

Знали ли в оккупированном Белграде об изменениях в жизни самого автора детского романа? Я. Ларри уже позволял себе двусмысленность в повести «Страна счастливых»¹⁸, которую громили за «им-

14 *Hausmann F.R.* Auch im Krieg schweigen die Musen nicht. Die Deutschen Wissenschaftlichen Institute im Zweiten Weltkrieg. Göttingen, 2002. S. 176-181.

15 *Hermann J.* Weiße Rasse – Gelbe Gefahr. Hans Dominiks ideologisches Mitläufertum // Utopie, Antiutopie und Science Fiction im deutschsprachigen Roman des 20. Jahrhunderts. Würzburg, 2003.

16 *Николић К., Димитријевић Б.* Данило Грегорић и 25. март 1941. Београд, 2007.

17 *Лари Ј.* Карик и Ваља : научно-фантастични роман из живота инсеката [приредио М. Шиле; илустровао Н.Тимшченко]. Београд, 1940.

18 *Ларри Ј.* Страна счастливых. Ленинград, 1931.

периализм»¹⁹ «идеализм» и даже за «русский шовинизм» (в его книге в коммунистическом СССР конца XX века все говорили по-русски и готовились колонизировать космос). Все эти обвинения были чистыми наветами. Ларри, характеризовавший своего автобиографического героя как «латыша по национальности, но в то же время русского по подданству», просто слишком идеалистически смотрел на будущее, критикуя «людей консервативных взглядов – Молибдена и Когана». Главный антигерой с единственной в романе «металлической» фамилией – одно это было слишком смелым для СССР эпохи Сталина. Но в 1940 г. Я. Ларри овладела и вовсе самоубийственная мысль, которую зафиксировал язык юриспруденции. Выдержка из постановления на арест (утверждено 11 апреля 1941 года): «...Ларри Я. Л. является автором анонимной повести контрреволюционного содержания под названием «Небесный гость», которую переслал отдельными главами в адрес ЦК ВКП(б) на имя товарища Сталина. С 17 декабря 1940 года по настоящее время переслал в указанный адрес 7 глав еще незаконченной своей контрреволюционной повести, в которой с контрреволюционных троцкистских позиций критикует мероприятия ВКП(б) и Советского правительства». В обвинительном заключении (10 июня 1941 года): «...Посылаемые Ларри в адрес ЦК ВКП(б) главы этой повести написаны им с антисоветских позиций, где он извращал советскую действительность в СССР, привел ряд антисоветских клеветнических измышлений о положении трудящихся в Советском Союзе. Кроме того, в этой повести Ларри также пытался дискредитировать комсомольскую организацию, советскую литературу, прессу и другие проводимые мероприятия Советской власти». Обвинялся по ст. 58–10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). 5 июля 1941 года Судебная Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила Ларри Я. Л. к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет²⁰. Постановлением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 21 августа 1956 года приговор Ленинградского городского суда от 5 июля 1941 года в отношении Ларри Я. Л. отменен, и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступле-

19 «Страна счастливых» // Литературная Газета. 1931. 15 августа; О романе Яна Ларри // Литературная Газета. 1931. 18 декабря; О романе Яна Ларри «Страна счастливых» // Рост. 1932. № 1; Дорфман Я. О научно-фантастической литературе (отрывок), Фельетон физика // Звезда. 1932. № 5.

20 Ларри Я. Небесный гость: Социально-фантастическая повесть: [4 главы] // Распятые / Сост. З. Дичаров. СПб., 1993.

ния. После освобождения Я. Ларри (1900 — 1977) продолжил творческую жизнь детского писателя²¹.

В силу этих драматических обстоятельств, книги Я. Ларри не публиковались в СССР в 1941-1957 гг. С другой стороны, именно поэтому в титовской Югославии после разрыва Сталин – Тито вышло целых два издания книги – в 1949 и в 1953 гг. В этих послевоенных изданиях с обложки исчезла не только Красная площадь, но и взлетевшая в сталинском СССР стрекоза с Кариком и Валеј, которых сменила нейтральная божья коровка. Имя русского переводчика М. Шиле, скрывшегося в эмиграции, тоже исчезло, а вместо него появилось имя Бора Павич (имя корректора перевода, которого теперь упоминали как переводчика)²². В дальнейшем читающая на сербском языке детвора много раз радовалась все новым изданиям книги (1977, 1999) о приключениях Карика и Вали. В результате нормализации отношений с СССР и общего потепления политического климата в Югославии на заглавную страницу вернулись оба имени переводчика и корректора (как соавторов перевода), но обложка с Покровским собором канула в лету.

Второй научно-фантастический роман, который М. Шиле перевел на сербский язык в довоенное время, был „Человек-амфибия“ - история о жизни и приключениях юноши, подвергнутого хирургическому эксперименту по объединению организмов человека и акулы²³. Эту книгу русский переводчик также готовил для Г. Кона. Роман „Человек-амфибия“, известный большинству людей, выросших в СССР, написал классик русской фантастики советского периода Александр Романович Беляев. Беляев (1884 — 1942) оставил за собой яркую и запоминающуюся галерею научно-фантастических романов и повестей, которую он успел написать за свою короткую и тяжелую жизнь. Ребенок из семьи священника, выпускник духовной семинарии, юрист, успешный адвокат, Беляев потерял все, когда утратил подвижность в результате осложнений туберкулеза и сложности с лечением в разгар Гражданской войны (1919). Победив болезнь и с невероятными усилиями встав на ноги, он столкнулся с колоссальными изменениями

21 Харитонов Е. Приключения писателя-фантаста в «Стране счастливых»: Столетие со дня рождения Яна Ларри прошло незамеченным // Книжное обозрение. 2000. 19 июня. С.21.

22 *Lari J., Karik i Valja*, [preveo s ruskog B.Pavić]. Sarajevo, 1953.

23 *Беляев А.Р. Амфибија : научно-фантастични роман, превели Мих.Шиле и Б. П. Крајишник, илустровао И. Лучев. Београд, 1940.*

окружавшей его действительности и обратился к писательству, ставшему для него выходом из тяжелой жизненной ситуации.

Накануне войны писатель не смог эвакуироваться и остался в оккупированном Царском Селе (Пушкине). Дочь писателя вспоминала, что тяжело больной писатель отказался эвакуироваться из-за проблем с рецидивами туберкулеза и больными почками. Он скончался в декабре 1941/январе 1942 г. от голода и холода и был уважительно похоронен местным муниципальным самоуправлением в индивидуальной могиле²⁴. Супруга и дочь писателя эвакуировались как фольксдойчеры с отступавшими немцами в Рейх, где проживали в лагере для перемещенных лиц в Западной Пруссии. После 1945 г. они провели 11 лет в ссылке в Алтайском крае, вплоть до освобождения в 1956 г²⁵.

М. Шиле перевел текст романа „Человек-амфибия“ на сербский язык для Г. Кона, а корректуру выполнил тот же сербский переводчик – Борислав „Бора“ Павич. Вышедшую в 1940 г. книгу дополняло и сохранившееся из советского издания предисловие о достижениях трансплантологии. Это предисловие написал известный русский ученый гистолог проф. А. В. Немилов, также скончавшийся в блокадном Ленинграде в 1942 г. Последней работой старого русского профессора стал гневный памфлет, обличавший гитлеровцев²⁶. Видимо этот факт и славянская фамилия автора романа (хотя и члена семьи фольксдойчеров) привели к тому, что в общем аполитичная книга не была переиздана в годы оккупации в немецком издательстве «Юго-восток.» После войны книга была переиздана в 1948 г. до конфликта Сталин-Тито. После нормализации отношений между СССР и Югославией в 1955 г. «Человека-амфибию» много раз переиздавали в переводе М. Шиле и Б. Павича. Отметим, что в СССР книги А. Беляева также вызывали сомнение после высылки семьи писателя и вернулись в активный фонд советских издательств только после возвращения семьи из ссылки в 1956 г.

Наиболее интересной была судьба романа «Тайна двух океанов», третьего советского научно-фантастического произведения,

24 *Беляева С.А.* Мой отец - фантаст Беляев: Воспоминания. С.А.Беляева // Нева. 1998. № 3. С. 248-251; *Беляева С.А.* Дороги в никуда: Домашний архив петербуржца. С.А.Беляева // Нева. 1999. № 8. С.146-188.

25 *Миров С.* Материк погибших кораблей, Дочь фантаста Александра Беляева рассказывает о последних днях отца и послевоенной судьбе своей семьи // *Новая газета*. 2001. 28 июня.

26 *Немилов А. В.* Скотская мораль фашистских мракобесов: О некоторых приемах гитлеровского разведения людей «высшей расы». Ленинград, 1941.

прибывшего из сталинского СССР в королевскую Югославию, в которой идеология коммунизма была официально запрещена в 1920-1940 гг. Вероятно, перевод романа был начат еще в довоенное время, а в 1942 г. его в переработанном виде предложили издателю. Немецкий издатель принял роман к публикации в переработанном виде, превратившем его в один из наиболее курьезных примеров идеологических трансформаций в истории печатной книги в XX веке²⁷.

Автором романа был Григорий Борисович Адамов (Абрам-Герш Борухович Гибс). Г. Б. Адамов (1886—1945) родился в многодетной состоятельной еврейской семье в Российской империи. Хотя семья хотела воспитать его врачом, А. Б. Гибс обратился к идеалам борьбы за социальную и национальную справедливость, которую он находил в коммунистической идеологии. Вместо подготовки к экзаменам пятнадцатилетний А. Б. Гибс занялся агитацией, распространял нелегальную литературу, а в 1906 г. был арестован. После освобождения из заключения он стал работать журналистом в легальных социал-демократических изданиях. Его бурную революционную молодость прервала революция, из которой Г. Б. Адамов вышел с опытом большевистского агитатора и с революционным псевдонимом вместо имени, вызывавшего отторжение в ксенофобной среде. В дальнейшем Г. Б. Адамов писал статьи в журналах „Наши достижения“, „За индустриализацию“, «Знание-сила», а также пропагандистские брошюры о достижениях первой пятилетки. Он начал свою деятельность автора-фантаста с нескольких коротких научно-фантастических рассказов, а после этого перешел на романы о том, как советское государство в ближайшем будущем откроет и использует новые источники энергии (приливные, солнечные, геотермальные электростанции). Хотя его произведения несли на себе печать влияния романов Ж. Верна Г. Б. Адамов создал свой стиль в фантастике «ближнего прицела» – технические достижения советского государства он описывал параллельно со шпионским триллером. В то время, как талантливые ученые открывали новые горизонты науки и техники, скромные офицеры государственной безопасности доблестно разматывали клубок вражеского заговора, который плели враги общества - шпионы и вредители. Интригующий сюжет его произведений опирался обычно на контраст между эгоистичными и жадными одиночками,

27 Адамов Г. Тајне океана : научно-фантастични роман, превео и прерадио Мих. Шиле ; илустровао и омот израдио И. Шеншин, Нови забавник: књ.1. Београд, 1942.

которым противостояли широкие массы энтузиастов, проникнутых коммунистическими идеалами и готовыми на любую жертву во имя советской Родины. В его работах появлялись и демонические агенты империалистических государств, которые в мрачной тени плели сети заговоров и диверсий против молодого государства социализма. Естественно, что Г. Б. Адамов не пропускал в произведениях такого толка и панегирики «великому вождю – Сталину», которые отличались органичностью и умеренностью, но все же присутствовали (в отличие от произведения Беляева и тем более Ларри). Вторую мировую войну престарелый писатель провел в эвакуации в городе Пенза, где он и скончался. Сын писателя, хотя и имел освобождение от фронта как студент МАИ, добровольцем пошел на фронт, став после войны известным советским писателем, автором детективов. Последний свой роман - «Изгнание владыки» - Г. Б. Адамов начал писать в 1940 г. Идея романа сводилась к построению в СССР Северного морского канала вопреки усилиям западных диверсантов. Роман был опубликован в 1946 г. после смерти писателя. В романе также комбинировались технические изобретения и борьба против вражеских диверсий. Интересно и то, что роман писался в период сближения СССР и США, но в нем предвиделось дальнейшее ухудшение отношений между мировыми центрами капитализма и коммунизма. Писатель предвосхитил буквальное воплощение Холодной войны, которое в рамках «арктического строительства» под эгидой министерства Великих арктических работ вели граждане СССР в будущем.

Наиболее известный роман Г. Б. Адамова „Тайна двух океанов“ вышел отдельным тиражом в Москве в 1938 г. Его сюжет был достаточно прост. СССР построил самую сильную и мощную подводную лодку, которую послал с тайной научно-исследовательской миссией для изучения дна Атлантического и Тихого океана. Японская разведывательная служба пытается получить информацию об этой подводной лодке или уничтожить советский корабль. В порту и среди экипажа корабля действует иностранная агентура. При всей экзотичности и необычности природы, морской мир также подкидывает опасные сюрпризы команде подводной лодки «Пионер». Роман был написан тяжелым рубленным стилем, типичным для соцреалистической литературы того времени, а основная идея зримо напоминала роман Ж. Верна „Двадцать тысяч лье под водой“ („Vingt mille lieues sous les mers“).

Несмотря на свои более чем средние художественные достоинства, роман привлекал молодую читательскую публику простым языком, детальным описанием новых технических изобретений, ори-

гинальной смесью «технической фантастики» и «шпионского детектива». Роман несколько раз публиковался в СССР, но поскольку имел определенную политическую составляющую, в его тексте были сделаны некоторые редакторские изменения. В издании 1941 г. из-за временного улучшения взаимоотношений с США была исправлена глава «Проект Марата», в которой один из героев романа рассказывал о намерениях американских гидрологов помешать уходу теплого течения Гольфстрим от берегов США, что привело бы к катастрофе для всех стран Европы (в том числе и для СССР). С другой стороны, начиная с 1956 г. (12 советских изданий и 14 изданий после 1991 г.) вычеркивались предложения и эпитеты о Сталине, которого автор в изначальной версии романа частенько упоминал как «дорогого вождя» и «сердечнолюбимого вождя».

Невероятно, но в годы Второй мировой войны в Белграде, оккупированном нацистской Германией, этот роман советского писателя-коммуниста, еврейского происхождения, пережил намного более объемную и значительную литературную «вивисекцию». Роман Г. Б. Адамова „Тайна двух океанов“ был опубликован дважды (!), в 1942 и 1943 гг. В первый раз - в серии „Новый забавник“, во второй - в серии «Синяя птица». Роман подготовили к изданию в немецком издательстве «Юго-восток» уже упоминавшийся переводчик Михаил Эрнестович Шиле и еще один русский эмигрант – художник и автор комиксов Иван Иванович Шеншин²⁸. И. И. Шеншин (1897-1944) принадлежал к известной группе замечательных русских художников, которые внесли решающий вклад в формирование культуры комиксов в королевстве Югославия (Юрий Павлович Лобачев, Николай Павлович Навоев, Алексей Борисович Ранхнер, Константин Константинович Кузнецов и др.). И.И.Шеншин работал в журналах «Веселый четверг» («Весели четвртак»), и «Королевство Мики-Мауса» („Микиево царство“), в которых публиковал короткие ленты комиксов собственного сочинения о героях У. Диснея. Он также создавал и большие книги комиксов о приключениях героев в экзотических странах (“Манчжурия в огне“, „Легионер смерти“, „Мексика“), которые были полны авторской выдумки. Буйная фантазия определяла и его завершенные и неоконченные „экранизации“ литературных произведений в комиксах („Собор Парижской богородицы“ В. Гюго, „Похождения бравого солдата Швейка“ Я. Гашека, „Марко королевич“, „Княжна Джаваха“ Л. Чарской, „Ста-

28 Draginčić S., Zupan Z., Istorija jugoslovenskog stripa. Novi Sad, 1986; Антанасиевич И. Русский комикс королевства Югославия. Нови-Сад, 2014.

рик Хоттабыч“ Л. Лагина). И. И. Шеншин писал диалоги и придумывал сюжеты для своих комиксов, используя литературные произведения как источник вдохновения для собственного видения сюжета и приключений литературных героев. Как и многие другие русские авторы комиксов, И. И. Шеншин работал иллюстратором комиксов и книг в немецком издательском доме «Юго-восток». В отличие, скажем, от К. Кузнецова, И. И. Шеншин не занимался рисованием плакатов, поэтому среди его работ в основном выделялись аполитичные „Сербские народные сказки“, индейские романы К. Мая, сказки братьев Grimm, К. Шмита и автора Пчелки Майи В. Бонзельса²⁹. В отличие от К. Кузнецова, укрывшегося в Рейхе от наступающих частей НОАЮ и Красной Армии, И. И. Шеншин решил остаться в Белграде, так как не чувствовал за собой вины. Однако новые власти считали иначе. В волне жестких репрессий, охвативших Югославию после установления титовского правления и напоминавших по размаху красный террор эпохи Гражданской войны, погибли десятки тысяч жителей Югославии. И. И. Шеншин был расстрелян 16 ноября 1944 г. Поставили ли ему в вину иллюстрации детской литературы в немецком издательстве? Шла ли речь о его сотрудничестве с повстанцами Д. Михайловича? В архивах королевского правительства в эмиграции оказалось некое донесение, подписанное фамилией Шеншин. Может быть, его автор имел отношение к И. И. Шеншину³⁰? Возможно, И. И. Шеншин заплатил столь высокую цену и за его иллюстрации к научно-фантастическому роману «Тайна океанов» (так звучало название книги в сербском переводе).

Что же сделали два русских эмигранта с советским романом, чтобы превратить его в уникальное явление мировой литературы? Говоря коротко, они приспособили роман к пожеланиям оккупационных властей. Это была маленькая месть и утонченное интеллектуальное издевательство над тоталитарными режимами Берлина и Москвы. Были всего лишь немного изменены фамилии, имена и события.

29 *Май К.* Благо у Сребрном језеру : роман са Дивљег запада. Београд, 1942; *Грим Ј., Грим В.* Домаће бајке. Београд, 1942; *Шмит К.Р.* Мали Мића и петао Кића : у песми и слици. Београд, 1942; *Май К.* Караван робова : авантуристички роман из Судана. Св. 1 и 2. Београд, 1943; Српске народне приповетке за децу. Београд, 1943; Харун ал Рашид : приче из “Хиљаду и једне ноћи”. Београд, 1943; *Трајковић Н.* Седам извора : роман за младеж. Београд, 1944; *Бонселс В.* Деца неба : бајка о цвећу, животињама и Богу. Београд, 1944.

30 *Тимофејев А., Милорадовић Г., Силкин А.А.* Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. Београд, 2017. С. 889.

В оккупационном издании речь шла не о советской, а о немецкой подводной лодке. Врагами были не японские, а английские шпионы. В первой главе русского текста романа «инженера Матвея Петровича Ивашева», под личиной которого скрывался японский разведчик капитан Маэда, пытался задержать «молодой командир со знаками различия лейтенанта государственной безопасности» с помощью своих подчиненных – Ерофеева, Петрова, Максимова и Коваленко. В сербском тексте «инженера Иогана Шмидта», а на самом деле английского разведчика капитана Джонса, неудачно захватывает «молодой командир в полицейской форме со знаками лейтенанта государственной безопасности» (гестапо) с помощью своих подручных – Харса, Петерса, Фишера и Краммера.

Во второй и третьей главах советский автор знакомит читателя с советским экипажем подводной лодки – русским мальчиком Павлом Буняком, грузином зоологом профессором Арсеном Лордкипанидзе и украинцем старшиной водолазов Андреем Скворешней. Национальность персонажей была полной условностью, ведь в книге Г. Б. Адамова их всех объединяли советский патриотизм и любовь к далекой Москве и находящемуся там вождю. В переработке М. Э. Шиле экипаж стал немецким: мальчик Павел Бадер, зоолог профессор Андреас Вагнер, старшина водолазов Андрей Штерн, которые выносят все ради Рейха и любви к далекому Берлину и находящемуся там вождю. Мальчик Павел Буняк был сыном советского консула в Канаде Ивана Буняка. Он превратился в сына немецкого консула в Квебеке Фридриха Бадера. При этом в обоих случаях его спасли при падении в море с корабля «Диоген». И в советской, и в немецкой версии подводная лодка „Пионер“ была достижением современной техники, «военным кораблем», который привлекал к себе ревностное внимание других иностранных государств.

Далее мы приводим пример «нового» сербского текста в переводе (вычеркнутые слова присутствовали в советском издании 1940 г., но отсутствовали в оккупационном издании). «Враги Советского Союза неоднократно пытались добыть чертежи таинственной подлодки, получить материалы и конструкторские расчеты. Вокруг завода, где шло ее строительство, день и ночь кружили шпионы; два ответственных работника завода, у которых они, очевидно, предполагали добыть на дому материалы о подлодке, были найдены убитыми; шпионов вылавливали, сажали в тюрьму, некоторых за убийство расстреляли. Но число их не уменьшалось, а дерзость, по мере приближения сроков окончания стройки, увеличивалась. Однако все

было безуспешно.»³¹. Образ государства, окруженного врагами, которое вынуждено бороться против иностранных шпионов, выглядел понятным и для СССР, и для Германии. Однако накал шпиономании в предвоенном СССР был, видимо, больше, чем в Рейхе периода Второй мировой войны.

Разумеется, переводчик изменил имя конструктора подводной лодки: в советском издании это был Михаил Крепин, в белградском – Михель Крупп. Советская подводная лодка выплывала из Ленинграда и направлялась во Владивосток. Немецкая – из Данцига во Фридрих-Вильгельмсхафен (Манданг, Новая Гвинея). Советская подводная лодка должна была испугать милитаристов в Японии, немецкая – империалистов в Сингапуре. Комиссара Семина русский переводчик превратил в инспектора Сингера. Комиссар в оригинале романа занимается не только вопросами безопасности, но и воспитательно-пропагандистской работой. В переводе М. Шиле инспектору Сингеру также пришлось заняться пропагандистской работой, совершенно не свойственной инспектору СД. Если в тексте Г. Б. Адамова Семин выпускал стенгазету «Голос комиссара», то у М. Э. Шиле выпускали стенгазету «Голос инспектора»³².

Советский роман окончился торжественным прибытием подводной лодки в советский порт Владивосток, а немецкая субмарина торжественно прибыла к побережью Земли кайзера Вильгельма. Это последнее также стало результатом счастливой находки переводчика, т.к. на самом деле Германия потеряла свои колонии на острове Новая Гвинея после Первой мировой войны и не вернула их даже на волне успехов Второй мировой войны. Сербское издание романа (как и советское) было дополнено иллюстрациями и картами. И. И. Шеншин нарисовал собственные иллюстрации героев романа в униформах кригсмарине, отличавшихся от формы советского ВМФ. Карта пути подводной лодки «Пионер» также была нарисована заново в Белграде.

Три научно-фантастических советских романа, с которыми, несмотря на все идеологические препятствия, познакомили сербских читателей русские эмигранты, имели общие черты. Своим оптимизмом и положительным настроем романы отличались от тяжелых обстоятельств живших в СССР авторов и находившихся в эмиграции переводчика и иллюстратора. Полвека спустя после написания и через несколько лет после падения монопартийных режимов два из трех

31 Адамов Г. *Тајне океана...* С. 82.

32 Адамов Г. *Тајне океана...* С. 521.

этих романов были снова опубликованы на сербском языке („Карик и Валя“ в 1999 г. и „Человек-амфибия“ – в 1998 г. и в 2007 г.) Третий роман так больше никогда и не появился на сербском после 1944 г. Перевод М. Шиле превратил его в уникальный пример идеологически «оперированного» научно-фантастического романа. Стоит отметить, что этот роман и в изначальном виде представлял наиболее «краткосрочное» художественное произведение, а его утрата вряд ли была тяжелой потерей для сербского читателя.

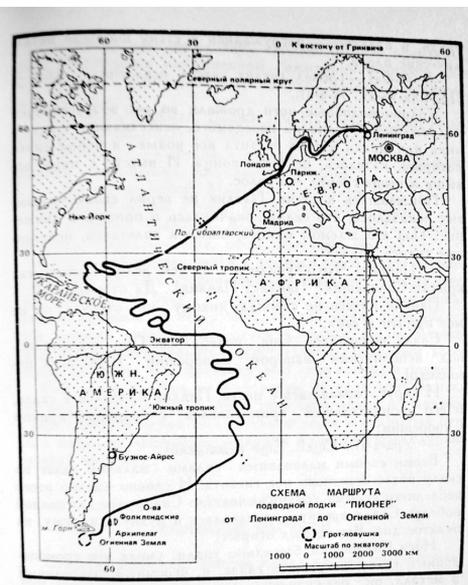
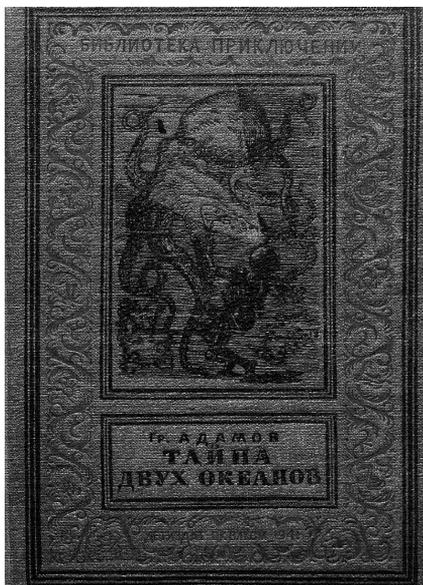
Все эти художественные произведения несли положительную сторону философского понимания мира, созданного в первой стране победившего социализма. Эта положительная стороны была заметна в высокой оценке научного познания, гуманизации мира открытия и ученых, познания окружающего мира как высшей формы удовольствия, доступной не редким одиночкам в академических башнях из слоновой кости, а широким коллективам творцов, объединенных в желании познать и изменить мир. Посредниками в знакомстве сербского общества с этим вымышленным миром стали русские эмигранты, которые решились на это вопреки своим антисоветским взглядам. Сложившуюся ситуацию хорошо объяснил диалог между двумя русскими эмигрантами - публицистом Николаем Захаровичем Рыбинским и драматургом Юрием Львовичем Ракитиным.

В то время в королевстве Югославия стали обильно появляться советские фильмы, показавшие эмигрантам утраченный для них на два десятилетия мир «большой» (хотя и враждебной им) России. Ракитин записал в дневнике: «На мое одушевление советским фильмом «Волга-Волга» Рыбинский отбрил: Да, хорошо играют и весело, но как вы можете увлечься актерами, если там существуют концентрационные лагеря?!» – ‘Идиот! Лагеря сейчас повсюду. Мы, эмигранты, можем и даже должны ненавидеть советскую власть, но мы не смеем её смешивать с искусством.’³³ История русско-сербских связей уходит своими корнями в многовековую толщу. Важным элементом в этих связях в двадцатом веке стала культурная деятельность русской эмиграции. Перевод советских научно-фантастических романов стал маленькой, но заметной ниточкой в разнообразии этой многоцветной деятельности.

33 Позоришни музеј Војводине, Фонд Ј. Љ. Ракитина, Дневник 17.09.1940; Арсењевић А. Ракитин међу руским емигрантима // Зборник матице српске за сценске уметности и музику. 1995. № 16-17. С. 259.

Обложка и карта романа «Таинство океана» в белградском издании 1942 года.

Обложка и карта романа «Таина двух океанов» в московском издании 1940 года.

Иллюстрация из романа «Тайна двух океанов» в московском издании 1940 года

Иллюстрация из романа «Тайна двух океанов» в белградском издании 1942 г.

Alexey Timofeev, Ph.D.,
Faculty of Philosophy – Department of History
/ Institute for Recent History of Serbia

Russian Emigration and Soviet Science Fiction in Yugoslavia

Abstract: The article describes an unusual phenomenon - the adaptation and illustrating of three Soviet science fiction novels published in the Kingdom of Yugoslavia, in the time when communist ideology was officially banned there. The greatest paradox was the publication of the popular novel by G. B. Adamov “The Secret of Two Oceans” in the German publishing house during the German occupation.

Keywords: Mikhail Ernestovich Schille, Ivan Ivanovich Shenshin, Yan Leopoldovich Larri, Alexandr Romanovich Belyaev, Grigory Borisovich Adamov, Soviet science fiction, Russian emigration, World War II, Publishing House “Yugoistok”.

ВОВЧЕНКО ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат исторических наук

доцент

Северовосточный Университет Оклахомы

vovchenk@nsuok.edu

**Кривое зеркало? Творчество И.В. Дорбы (1906-1998)
как отражение политических взглядов российской
эмиграции в межвоенной Югославии**

Аннотация: В статье сравниваются первый роман И.В. Дорбы «Белые тени» (1981) и его же постсоветские мемуары «Свой среди чужих» (1992) как отражение политических течений среди русских эмигрантов в межвоенной Югославии. Находясь там после поражения в Гражданской войне, военное ядро белого движения уже не было связано с своими либеральными и социалистическими союзниками по антибольшевистской коалиции. Они свободнее выражали свои взгляды в публикациях и передавали их молодому поколению в новообразованных кадетских корпусах. Владимир Чеботаев учился в таких заведениях в Бела Црква (Войводина) и Билече (Босния). По окончании их он стал активным деятелем НТСНП и даже вошел в его руководство. Во время Второй Мировой Войны он сотрудничал с нацистами, но вскоре перешел на советскую сторону в 1942. Его творчество, особенно мемуары, часто воспроизводит антизападничество и ксенофобию, которыми изобиловали такие крайнеправые белоэмигрантские белградские газеты, как «Новое Время» (1921-1929). Необходим анализ взглядов других представителей его среды и старшего поколения, но творчество Дорбы указывает на первенствующую роль антисемитизма в мировоззрении белого офицерства и кадетов.

Ключевые слова: Дорба, НТСНП, белоэмигранты, «Новое Время», Югославия, белое движение, фашизм, антисемитизм, антизападничество, антикоммунизм

Идеология белого движения по-прежнему вызывает споры среди историков.¹ Сосредоточившись в Югославии после пораже-

1 Тормозов В.Т., Писменский, Г.И., Писменский, А.Г. Введение в историографию белого движения. М., 2013. С. 166-168.

ния в Гражданской войне после 1920-го года, военное ядро белого движения освободилось от своих союзников-либералов и социалистов по антибольшевистской коалиции. Готовясь к долгой борьбе с советской властью, лидеры военной эмиграции должны были четко сформулировать свои взгляды и передать их молодому поколению через новообразованные или эвакуированные военно-учебные заведения. Владимир Чеботаев (1906-1998), более известный под псевдонимом Иван Дорба, учился сначала в Донском кадетском корпусе таких заведениях в Билече (Босния) и затем в Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви (Воеводина). По окончании он стал активным участником Народно-Трудового Союза Нового Поколения (НТ-СНП) и даже вошел в его руководство. В 1941-м году в рамках НТСНП он начал сотрудничать с нацистами до перехода на советскую сторону в 1942-м году. В 1950-е годы, он станет известным переводчиком украинской и сербской художественной литературы, а затем и писателем-романистом. В этой статье сравниваются политические тенденции в белоэмигрантской среде в Югославии, отраженные в его первом романе «Белые тени» (1981) и постсоветских мемуарах «Свой среди чужих» (1992, 2012).

«Белые тени» изначально были изданы солидным тиражом в 100,000 экземпляров, и уже через 2 года книга достигла еще более широких читательских масс через популярную «Роман-Газету» (1983). В своем дебютном произведении Дорба сумел сохранить явную автобиографическую основу и соответствовать принципам соцреализма для прохождения советской цензуры. Действие романа происходит в Югославии и Советском Союзе между 1926 и 1941 годами с длинным экскурсом в 1920-й год.

Главный герой – Алексей Хованский, советский разведчик, заброшенный в Югославии, по легенде бывший морской офицер. Он устраивается на работу инженером-электриком в Донской кадетский корпус в Билече. Его задание – добыть список британских агентов, оставшихся в СССР во время Гражданской войны. После успешного выполнения он должен был остаться в корпусе бороться за души белоэмигрантской молодежи, чтобы помешать превратить ее в послушных пешек в грязных антисоветских играх иностранных спецслужб.² Эта часть его миссии оказалась не из легких, так как у большинства молодежи умы были отравлены культом генерала Врангеля,

2 Дорба И. В. Белые тени. М., 1981. С. 7-11.

получившего благословение реакционных иерархов – епископа Вениамина (Федченкова) и митрополита Антония (Храповицкого). Как преподаватель богословия в корпусе, Вениамин умело использовал аналогии для объяснения своих «лже-научных» понятий. С своей стороны, кадеты были очарованы его ореолом таинственности и необычным тембром голоса во время лекции и служб.³

Автор не сообщает ничего о гипнотических способностях голоса митрополита Антония, но, видимо, они были значительно меньше, так как он нуждался в вокальном подкреплении в лице протодьякона Вербицкого и знаменитого хора Жарова. Во время пасхальной службы (вероятно, в 1926 году), Вербицкий выходил к хору певчих из алтарной части, выпив рюмку водки, «так что к концу службы его голос гремел и переливался по-шалаяпински.» Неудивительно, что Вербицкий хвастался, что он был лучшим певцом во всей Православной Церкви.⁴ Даже советский разведчик был «одурманен дымом ладана и чадом восковых свечей, которые зажигали во время чтения каждого евангелия, и заморожен блеском огромных брильянтов, изумрудов, кроваво-красных рубинов, и небесно-голубых сапфиров, которыми были усыпаны митры митрополита и епископа.»⁵ Тот же Вербицкий пел «Многая лета», когда Врангель посетил кадетский корпус и сидел в обеденном зале со всеми преподавателями, епископом Вениамином, и митрополитом Антонием. Пока его громоподобный бас переходил в баритон, «звенело в ушах, и дрожали стекла.»⁶

Это был уже не первый визит Антония в Билечу. Он приезжал и в 1925-м году на георгиевский праздник. На него произвели впечатление благочестие кадетов и их внимание в течение его пятичасовой лекции. Когда директор корпуса генерал Перретт отвозил Антония на ближайшую станцию в Требинье, подбежавшие кадеты бросили несколько букетов сирени ему в машину в знак признательности.⁷

Другие идеологические течения с трудом могли конкурировать против такого привлекательного освященного религией авторитаризма. Создается впечатление, что даже популярный преподаватель истории не смог распространить среди кадетов идеи казацкого

3 Там же. С. 53.

4 Там же. С. 62.

5 Там же. С. 68.

6 Там же. С. 131.

7 *Антоний Митрополит*. Русский кадетский корпус в Билече // Новое Время. 1925. 22 мая.

сепаратизма. Его героизация Всевеликого Войска Донского оскорбила чувства уроженцев Кубани и в результате помешала организации самостийного движения на общеказацкой основе.⁸ Корпусной капельмейстер также казался не к месту с своими либеральными и умеренными социалистическими взглядами. Его главная роль в повествовании – регулярно провоцировать монархистские порывы полковника Мальцева за дружескими посиделками и вечеринками. Как один из самых отрицательных персонажей он олицетворяет сторонников руководителей военной части русской эмиграции – генерала Врангеля и Великого Князя Николая Николаевича. Последний, по словам Мальцева, должен был заменить Николая II в качестве царя, чтобы заставить Россию жесткими мерами добиться победы в Великой войне и осуществить свою историческую миссию – стать подлинным Третьим Римом с захватом Проливов и Константинополя. В довершение своего образа настоящего черносотенца, Мальцев ругает русскую интеллигенцию за увлечение «еврейскими идеями»⁹

В противоположность ему генерал Кучеров представляет тех офицеров-эмигрантов, которые утратили веру в правоту белых в Гражданской войне и разочаровались в Врангеле, ставшего прислужником иностранных интересов.¹⁰ В соответствии с типажом ‘хорошего’ эмигранта в советской литературе и кино, он осознал, что сражался против русского народа, который плакал при известии о смерти Ленина – «Мы, русские, должны гордиться, что среди нас родился такой человек.» Сталин также удостоился похвалы «за его борьбу с ферментом разложения, который несет Троцкий и иже с ним.»¹¹ Дорба не мог изобразить Кучерова выразителем эмигрантского большинства. Его убийство подчеркивает, что такие трагические фигуры оставались безгласными и посторонними в среде военных эмигрантов. Даже опытный чекист отдавал себе отчет, что молодежь не пойдет по стопам Кучерова, но что все же необходимо оставаться в Билече, «чтобы как-то спасти оболваненные психологической муштрой молодые, полуискалеченные души хотя бы немногих кадет, чтобы матерые волки не сделали их нашими лютыми врагами.»¹² Самые ак-

8 Дорба И. В. Белые тени. С. 55.

9 Там же. С. 59.

10 Там же. С. 132.

11 Там же. С. 60.

12 Там же. С. 190.

тивные потомки белых офицеров, которые образовали НТСНП, были действительно ближе к Мальцеву, а не Кучерову.

Ввиду убогости западной философии 1930-х годов, по словам автора, в эмигрантской среде преобладало в целом благожелательное мнение в отношении НТСНП несмотря на «бездарный плагиат, смесь эсеровщины и фашизма, приправленную идеями евразийцев, оснащенную ‘критикой’ марксизма ‘величайшего русского философа’ Льва Тихомирова и сдобренную ‘диалектиками духа’ – Владимиром Соловьевым, Николаем Бердяевым, и Сергеем Булгаковым.» Как и старшее поколение в руководстве военной эмиграции, НТСНП активно сотрудничал с иностранными разведками.¹³ Самые отчаянные из них засылались в СССР подрывать советскую власть с помощью терроризма, саботажа, и агитации. Такие экстремисты якобы вдохновлялись «национально-трудовым солидаризмом», придуманным Петром Струве в 1905-м году в качестве «‘мировоззрения’ наиболее реакционной части русской буржуазии.»¹⁴

Дорба подчеркивал устами неназванного советского журналиста, что вопреки или благодаря этой идеологической мешанине НТСНП и многие эмигранты в целом склонялись к нацизму, который представлялся им как «основанный на социальной демагогии новый Союз Михаила Архангела,» «диктатура мещанства, и культ силы ‘белокурой бестии’, и древние мифы, пропитанные ядом расизма, и бешеная ненависть к коммунизму.»¹⁵ Не в последнюю очередь НТСНП привлекал к нацизму антисемитизм. Курьезный пример этого – готовность принять нацистское объяснение таинственной гибели членов экспедиции, незадолго до того нашедшей могилу Тутанхамона. Как не поверить тому, что тому виной было не древнее проклятие, павшее на Картера и его коллег, а вполне реальные сионистские агенты с лицензией на убийство. Они решились на это якобы потому, что археологи видели в гробнице фараона древние папирусы, которые содержали правду о библейском Исходе, что евреи были изгнаны из Египта из-за человеческих жертвоприношений в своих жутких ритуалах. Хотя руководство НТСНП было радо сотрудничать с самим сатаной, «не все белоэмигранты готовы были про-

13 Там же. С. 200.

14 Там же. С. 328-329.

15 Там же. С. 202.

дать русскую душу немецкому национал-социалистскому черту.»¹⁶ Естественно, что 22-го июня 1941-го года они ответили на призыв Югославской компартии и начали действовать совместно с 'Союзом советских патриотов' и партизанами Тито.¹⁷

Мемуары Дорбы, изданные в 1992-м году, свободны от подобных клише, явно навязанных советской цензурой. При этом сам Дорба никогда не отказывался ни от одного слова в своем первом романе. Он даже подчеркивал, что роман понравился такой широкой аудитории своей правдивостью и при этом принес автору премию КГБ по литературе, врученную самим Андроповым.¹⁸ Действительно, роман не слишком отличается от мемуаров в описании идеологических течений среди русских эмигрантов. Дорба мельком упоминает о Кадетах, казачьих и украинских «сепаратистах» в Донском кадетском корпусе в Билече, но они явно не задавали идеологический тон. В отличие от романа, однако, в мемуарах нет никаких попыток демонизации или насмешек над епископом Вениамином и митрополитом Антонием. Напротив, явно глубокое уважение автора к их проповедям и беседам, которые «порой задушевные, порой жесткие, оставляли в душе глубокие следы.»¹⁹

Разделение в военно-эмигрантской среде проходило не только по идеологическому, но и по поколенческому принципу. «Отцы» были связаны с РОВС (Русский Общевоинский Союз), основанным Врангелем в 1924 году. Со временем его престиж упал из-за вялого антибольшевизма, проникновения агентов НКВД, и прислуживания иностранным разведслужбам. Примерно так же Дорба критикует и эмигрантскую массу в "Белых теньях." Однако НТСНП изображается в гораздо более положительном ключе, чем в романе, – его свежая идеология солидаризма действительно открыла новые перспективы, включая и в конечном счете иллюзорные надежды на то, что «строящим социализм в одной стране чужд коварный иудейский замысел интернационализма.»²⁰

Антизападничество - еще одна общая черта. Как «Белые тени», воспоминания Дорбы осуждают сторонников иностранного вмеша-

16 Там же. С. 206-207.

17 Там же. С. 333.

18 Дорба И.В. Свой среди чужих. В омуте истины. М., 2012. С. 6, 294.

19 Там же. С. 19.

20 Там же. С. 21-23.

тельства для освобождения России от коммунизма, так как германские, английские, американские, и французские правительства разделят Россию и восстановят хищнический капитализм, который будет хуже «иудейского ига» советской власти.²¹ Как это ни парадоксально, неискоренимый антисемитизм автора привел его к разочарованию в нацизме – идеал немецкого превосходства ему показался подражанием еврейскому мессианству.²²

Как в романе, вторжение Германии 22-го июня 1941 года было поворотным пунктом и в мемуарах, где описывается, как автор и другие активисты НТСНП были поражены известной речью Сталина 3-го июля 1941-го года, поддержанной радио сербского некоммунистического подполья. Теперь Советский Союз предстал как Матушка Русь, а не подконтрольный евреям центр мировой революции.²³

Из вышеприведенных примеров очевидно, что в воспоминаниях антисемитизм не осуждается и не высмеивается, как в романе. Напротив, он служит идеологическим лейтмотивом. Автор не только разделял его сам, но и считал важнейшей чертой мировоззрения как русских эмигрантов в Югославии, так и их сербских симпатизантов. Автор интерпретировал важнейшие события советской истории через ту же призму – борьба Сталина с якобы еврейской оппозицией внутри партии в 1930-е и 1950-е годы, так называемое отравление Сталина в 1953-м году,²⁴ распад СССР с помощью НАТО, предателей-аппаратчиков, и «Сиона.» Наконец, естественно, мировое еврейство было каким-то образом виновато в развитии дикого капитализма в России 1990-х годов.²⁵

Возникает вопрос об источниках антисемитизма автора – насколько он развился во время его жизни в межвоенной Югославии и как сильно повлияло на него советское окружение. Он вступил в ряды Красной Армии в 1942-м году в возрасте 36 лет. Волна советского антисемитизма начнется только после основания Израиля и печально известного «заговора врачей» начала 1950-х годов. Ясно, что по возрасту 1920-е годы заложили основу становления автора как личности. Используя пейоративное слово «чифутски,» Дор-

21 Там же. С. 106-107.

22 Там же. С. 92, 129.

23 Там же. С. 115, 144.

24 Там же. С. 207, 273.

25 Там же. С. 293.

ба показывает влияние сербского антисемитизма.²⁶ Но больше всего времени он вращался в военно-эмигрантской среде. Характерно, что самая влиятельная газета русской общины в Белграде «Новое Время» (1921-1929) проявляла постоянно высокий интерес к иудейско-масонским заговорам.

С самых первых номеров «Новое Время» с гордостью отнесло себя к «крайне правым», не стыдясь этого жупела своих оппонентов слева, поскольку монархисты первыми подняли знамя борьбы с большевизмом.²⁷ Две недели спустя в передовице утверждалось, что термин «реакционный» означал антисемитский в антимонархистской среде «особенно среди еврейских журналистов «Последних Новостей». Это не должно мешать монархистам защищать свой идеал, потому что якобы только евреи выиграли от установления республиканского режима в России. Единственное решение еврейского вопроса – это образование еврейского государства и переезд туда всех евреев. Только так можно преодолеть антисемитизм в Европе и во всем мире.²⁸

Неудивительно, что не только советская печать, но и левые эмигрантские издания заклеили «Новое Время» и ему подобных как «погромные листки.»²⁹ Они же раскрыли тесную связь между различными русскими черносотенными объединениями и сербскими реакционерами в монархистской организации «Белая рука», что позволило врангелевцам устроиться в югославскую полицию.³⁰ «Новое Время» само периодически подтверждало особые отношения с сербскими властями, начиная с первого выпуска, где говорилось, «из всех народов, участвовавших в мировом потрясении, только сербы сохранили чистую совесть. Великие народы покинули и предали Россию. Русский народ за время войны не раз спасал их от гибели.»³¹

Безусловно, рассмотрение творчества Дорбы недостаточно для общих выводов об идеологии белого движения. Однако трудно отрицать, что он сформировался в военно-эмигрантской среде межвоенной Югославии и неизбежно отражал ее мировоззрение в значительной степени как сознательно, так и бессознательно. Трудно

26 Там же. С. 115.

27 *Локоть Т.* Национальный съезд // Новое Время. 1921. 27 апреля.

28 Монархизм и революция // Новое Время. 1921. 17 мая.

29 Крах белогвардейщины // Новая Россия. 1922. 15 ноября.

30 *Грубин А.* В царстве черных // Новая Россия. 1922. 30 ноября.

31 Вина в нас самих // Новое Время. 1921. 22 апреля.

отрицать, что многие представления автора находят себе параллели в крайнеправой русской белградской печати. Необходим анализ взглядов других представителей его среды и старшего поколения, но творчество Дорбы указывает на первенствующую роль антисемитизма в мировоззрении белого офицерства и кадетов, что подтверждает мнение об этом П. Кенеза.³²

32 Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России, перекресток мнений / Отв. ред. Ю. А. Поляков, Ю. И. Игрицкий. М., 1994. С. 104.

Denis Vovchenko, Ph.D.,
Northeastern State University

Through Distant & Distorted Mirrors: The Ideological Currents among the Russian Émigrés in Interwar Yugoslavia in the Writings of Ivan Dorba

Abstract: Scholars are still debating what, if any, the ideology of the White movement was. Concentrated in Yugoslavia after their defeat in 1920, the military core of the White South was less constrained by the tactical alliances with various anti-Bolshevik forces. Preparing for a long struggle against the Soviets, they had to clarify and instill their ideals in the minds of the younger generation in newly established cadet schools. Vladimir Chebotaiev (1906-1998), better known under his pen-name Ivan Dorba, was a product of such institutions in Bela Crkva (Vojvodina) and Bileca (Bosnia). Upon graduation, he became actively involved in NTSNP and even rose to leadership positions there. During WWII, he briefly collaborated with Nazi German authorities before defecting to the Soviet side in 1942. This paper will compare the political trends in the Russian émigré community in Yugoslavia as reflected in his first novel “Belyie teni” (1981) versus his post-Soviet memoirs “Svoi sredi chuzhikh” (1992, reprinted 2012). Many key ideological principles in his writings echo anti-Westernism and anti-Semitism often found in the far-right Russian press in Belgrade, such as “Novoe Vremia.” More voices from his cohort as well as the older generation should be examined but the available evidence suggests the importance of anti-Semitism as the main basis of the White officer worldview.

Keywords: Dorba, NTSNP, Russian émigrés, “Novoe Vremia,” Yugoslavia, White movement, fascism, anti-Semitism, anti-Westernism, anti-Communism

DOI: 10.31168/0433-6.22

КОСИК ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
kosikviktor@mail.ru

Встречи в прошлом

Аннотация: Текст связан с личными воспоминаниями о встречах с потомками русских эмигрантов, гостеприимством которых я пользовался, много сделавших в сфере представления разнообразной информации, позволившей мне обогатить знание прошлого и настоящего.

Ключевые слова: русская эмиграция, Югославия, Россия, балет, мир, картины, архивы, театр.

Время моих занятий русскими, для которых Югославия стала Домом, принесло мне знакомство с многими их потомками. Обычно исследования историков или считающих себя таковыми не связаны с установлением связей со своими героями. Так, изучая эпоху Карла Великого, нельзя получить лично от него интересующие сведения. Для меня, как и для ряда других, это возможно при освещении определенных тем. Русская эмиграция стала одной из них. Продолжают линию жизни многие потомки, знающие кто они и откуда. Именно они строят мост между прошлым и настоящим, возможно, будущим.

Более того, занятия историей русского люда в Югославии, позволило мне установить связи с родственниками в СССР, исследователями аналогичной темы из разных регионов нашей страны – все это приносит обоюдную пользу.

Пожалуй, впервые тема русских в Югославии «всплыла» в разговорах с моим давним другом, ныне ушедшим из этого мира, Владимиром Тесемниковым. Его занятия, впервые открывшие эту тему, послужили неким импульсом, еще неосознанным, к исследованию этой «Атлантиды». Потом, работая пару лет лектором в Доме советской культуры в Белграде, произошло личное знакомство с одним из потомков. Это был профессор машиностроительного факульте-

та Белградского университета Дмитрий Константинович Воронец, в кругу близких людей просто Дима. Еще в Москве Володя вручил мне его координаты и посоветовал, что дом Воронца всегда открыт для русских, даже если они и «советские». Разговоры запросто за элитным алкоголем начали открывать мне картины ушедшего мира. Моя семья стала довольно часто быть в гостях у Димы и его жены Дэни, у которых часто можно встречать людей из московского артистического мира. Кроме хлебосольства его семьи, он вводил меня в курс технической терминологии, когда я занимался ее переводом на сербский язык. Это знакомство переросло в дружбу. И во время моих поездок в Белград, я всегда был гостем у него дома. Да и сам Дмитрий Константинович находил время посетить мою семью. И, пожалуй, я еще благодарен ему, что он познакомил меня с Сашей Яхонтовым, впоследствии многое сделавшим для моих занятий.

Но и тогда я еще и не предполагал, что «русские за рубежом» надолго войдут в обширное русло моих многочисленных исследований. Только по возвращении в Москву, спустя несколько лет, по совету моей жены, очарованной Белградом, начались мои «долгие сидения» по библиотекам и архивам, отечественным и иностранным. Судьба помогала мне: мои первые две рецензии на книги, вышедшие из-под пера русских потомков эмигрантов¹, помогли мне начать с ними переписку, а затем познакомиться лично. Первым из них стал известный всем занимающимся русскими в Югославии, помогающий в розыске нужной информации, Алексей Борисович Арсеньев, автор многих замечательных, я бы сказал, роскошных исследований, без которых невозможно представить любую другую «русско-эмигрантскую» студию по Югославии. Это человек, отдающий свое время, свою уникальную информацию, людям, которые в ней нуждаются. Я бы сказал, что ему чуждо слово «нет», когда речь заходит о помощи коллегам. Хотя и страдает он, полагаю, от этих бесчисленных запросов, отнимающих время на свои исследования, немало. Лично для меня он сделал и делает невероятно много в моих «эмигрантских» занятиях. Как и многие другие, пользовался его гостеприимством, принимал он меня по домашнему, показывал свой город, водил в библиотеку, знакомил со своей коллекцией, связанной с русскими в Югославии, особенно с именем Юрия Львовича Ра-

1 Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006.

китина. А сейчас связь идет, в основном, через Интернет. Пожалуй, Алексей Борисович являет собой живую энциклопедию по русским в Югославии. Он, без преувеличения, лучший знаток русских судеб. И я глубоко благодарен Алексею Борисовичу за его всегда и везде щедрую помощь. И еще. Опять о нем. Вместе с Михаилом Львовичем Ордовским-Танаевским они стали авторами-составителями уникального труда в двух книгах². Поистине, это энциклопедия русской жизни.

И опять память ведет меня к другой рецензии на книгу, связанной с русской эмиграцией в Загребе.

Ее автор Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина – самая известная исследовательница русского мира в Хорватии. После завязавшейся много мне давшей переписки, во время одного из приездов в Загреб познакомился ней лично, бывал дома, разговаривал о прошлом, делился своими удачами и неудачами. Во время одного из своих посещений Загреба, когда речь зашла о теме Хорватской православной церкви в военные годы, Татьяна Витальевна не только помогла мне в розыске документов, но и сама предоставила мне громадный пласт ценнейшей информации, которая легла в основу моей книги, студий. Многое можно и дальше освещать с его помощью. Более того, нас связывает не только «эмиграция», но и доверие, возникшее между нами в ходе наших долгих разговоров об истории семьи Татьяны Витальевны, истории жизни русских в Загребе. В 2019 г. в столице Хорватии у нее вместе с Инной Грубмайр, вышла новая книга – «Эмигранты из России в Загребе Жизни и судьбы». Как и ранее – это кладезь информации, ценность которой трудно переоценить. И сейчас мы поддерживаем связь друг с другом, делись всем тем, что нас волнует.

В свое время, я решил не ограничивать освещение русской жизни началом 1950-х гг., что было традиционным в исторических исследованиях. Начал искать русские фамилии повсюду, в основном, сделавших себе имя в артистическом мире. И здесь много помог мой приятель, уже упоминавшийся, Александр Александрович Яхонтов, для моей семьи просто Саша. С ним было много разговоров о русских в Белграде, их роли в истории Югославии. Потом, были планы по установке памятных табличек на зданиях, спроектированных русскими архитекторами. Многое было уже сделано...

2 Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л. Гимназия в лицах. Первая Русско-сербская гимназия в Белграде (1920-1944). Белград, 2018.

И, пожалуй, самое главное, он помог мне установить связь с Олей Иваницкой, самой знаменитой русской художницей. Иваницкая входила в знаменитую авангардистскую группу «Медиала». В ее картинах отразилась эпоха художественных поисков XX столетия. В 1960-е гг., благодаря Иваницкой, в Белграде появился поп-арт. Ее картины и скульптуры находятся в частных коллекциях, например, у Рокфеллера, Киссинджера, Карло Понти и Софии Лорен, и в многочисленных музеях мира. Именно Оля Иваницкая победила в выборе на звание лучшего художника Югославии в XX столетия. Ее творчество отмечено в Сербии и в мире рядом высших премий и наград.

Из книг, выпущенных Олей Иваницкой, отмечу две³. Ее творчеству посвящен ряд монографий, в частности, известный философ Драгош Калаич написал книгу⁴. В конце мая 2009 г. мне удалось найти ее телефон и попросить о встрече. Нашел ее дом легко – по огромным постерам ее картин на стенах близлежащих домов. Уже в квартире, во время несколько скованной беседы, я назвал имя Саши. Оказалось, они давно знали друг друга. И разговор, в присутствии многочисленных картин, пошел уже непринужденный о ее творчестве, взглядах на искусство, был чай из дореволюционного фарфора... И, конечно, полотна хозяйки сразу начинают «играть» с тобой, и разгадать их непросто. А с другой стороны, нужно ли? Главное, что они «думающие»! Описывать их мне невозможно. Скажу только, что полотна многосюжетные и разновременные, в них фантазия цвета сплетается с историей, классика с авангардом, космос, пришельцы со страданиями, провокационное с реализмом и далее, которое нужно увидеть самому. Багровый цвет, присутствующий во многих картинах, усиливает смысловую напряженность изображаемого.

Сама Оля в разговоре заметила невзначай: «Я никогда не считала себя художницей, я только пытаюсь, но попытка иногда удаётся». Так может сказать только мастер. А в процессе разговора передо мной раскладывались все новые и новые картины на основе упаковочного картона. Именно раскладывались: художница нашла весьма остроумный способ создавать портретные шедевры на картинах-«раскладушках» из девяти квадратов. Этот прием позволяет по иному взглянуть на портрет, да и экономится место для хранения. У нее были лысый Пикассо с грустно-умными глазами, Энди Уорхол

3 *Ivanjicka O. Ogljedalo ljubavi, prepiska Olja-Šejka. Beograd, 1995; Ivanjicka O. Videlam sam pre i posle, pesme i eseji. Beograd, 1998.*

4 *Калајућ Д. Оља. Београд, 2017.*

с копной волос, пронизательный Никола Пуссен, саркастический Билл Гейтс и другие делатели и «копиисты времени», даже, совсем неожиданно для меня, я увидел синеглазого Путина. На мой вопрос, почему? Ответ был краток – «он спас Россию». Это была наша первая и последняя встреча. Вскоре она ушла из этого мира. А я так не успел ее сфотографировать. Постеснялся.

И опять Саша Яхонтов. Благодаря ему, вернее, его жене балерине Лильане Хмеле у меня были встречи с хореографом Владимиром Логуновым, балериной Лидией Пилипенко, чей яркий талант позволял ей «глотать» всех на сцене. Оба они отмечены многими наградами.

Лидия Пилипенко писала мне: «Я родилась в Югославии, на Балканах. Карьеру начала здесь. Весь мир объехала и везде имела успех. Балет был и остается моей самой большой любовью. Профессия танца – язык мира. Мой отец после революции должен был скрыться. Сама украинка-русская. Этим и горжусь. В Москве на фестивале балета была в качестве почетного гостя. Многие из великих имен в русском балете были моими учителями».

Мне от нее достался и роскошный буклет с великолепными фотографиями о балете «Нечиста крв» («Нечистая кровь») – либретто которого, хореография и режиссура, музыкальная компоновка принадлежали Лидии Пилипенко. Уже отсюда можно заключить, сколь щедро она награждена талантами. На страничке, отведенной Лидии, родившейся в конце 1930-х гг., были следующие строки: «Творчество прима-балерины и хореографа Лидии Пилипенко больше всего связано с балетом Народного театра в Белграде. После специализации в Лондоне у Нинетт де Валуа и блестящей карьеры в белградском балете, она стремительно и вполне заслуженно входит в ряд ведущих хореографов страны. На музыку отечественных композиторов поставила балеты: “Банович Страхиња” и “Елизавета” Зорана Ерича в Белграде, а “Вечный жених и разборчивая невеста” Зорана Мулича в Новом Саде. За хореографию спектакля “Банович Страхиња” награждена в 1981 г. в Любляне. Также удостоена награды за хореографию балетов “Елизавета” и “Вечный жених”. Потом ставила для белградского балета на музыку Сен-Санса “Самсона и Далилу”, открывавшего балетный сезон Народного театра после реконструкции в 1989 г. театрального здания. За этот балет она была отмечена наградой Народного театра. Поставила балеты: “Воскресение” на музыку III симфонии Густава Малера, “Даму с камелиями” на музыку

Джузеппе Верди <...> Также, в 1994 г. в Народном театре поставила балет "Любовь-волшебница" Мануэла де Фальи и "Шехерезаду" Николая Римского-Корсакова, а в 1998 г. "Женщину" на музыку Сергея Рахманинова. С одинаковым успехом выступала на ТВ и в фильмах, в мюзиклах (<...> "Табор уходит в небо", "Люблю свою жену" <...>). Успешной была ее хореография в операх "Кармен", "Аида" <...> В рамках программы "Конец XX века..?" в столичном Народном театре в 1999 году поставлены два одноактных балета: "Картины" по оригинальной партитуре А. Шенберга "Преображенная ночь" и балет "Клетка" на музыку Малера, обновленная премьера которого состоялась в 2007 году. В 2000 году она ставит "Охридскую легенду" Стевана Христича. Поставленный ею в 2004 г. балет "Поэт Чайковский" на музыку П. И. Чайковского был провозглашен лучшим спектаклем сезона 2003/04 г. в Народном театре. Лауреат премии за дело жизни (2001 г.), премии "Димитрий Парлич" (2004 г.) и Национальной награды за вклад в культуру (2007 г.). Директор балета Народного театра в 1992-1993 гг. и в 1997-2000 гг.».

С хореографом Владимиром Логуновым у меня была встреча за чашкой кофе в гостинице «Москва», что в самом центре Белграда. В основном разговор шел вокруг его спектакля «Доктор Джекил & мистер Хайд», поставленного 27 декабря 2001 г. на сцене Народного театра по роману Роберта Луиса Стивенсона. Владимир Логунов был автором либретто и ставил хореографию, отмеченную высокой наградой. Сам он говорил так о своей работе: «Я написал либретто, прослушал многих композиторов, но, услышав музыку Эдварда Элгара, понял, что это та, которая мне нужна для выражения всех чувств ученого-химика доктора Джекила. Он хотел найти напиток, который сделает человечество счастливым. Однако, испробовав его на себе, доктор Джекил превращается в агрессивного мистера Хайда. В балете идет столкновение между добром и злом. И здесь, когда Джекил превращается в Хайда, я использовал барабан (играл Драголюб Джуричич). Идея барабана мне пришла во время демонстрации против Милошевича. Когда я был с этим балетом в Любляне, австрийская журналистка спросила меня, имеет ли спектакль связь с Милошевичем, я ответил, что это ошибочный вопрос, что ей не понравилось».

Немного сведений справочного характера. Владимир Евгеньевич Логунов родился 28 июля 1942 г. в Белграде. Его родители надеялись, что он станет строителем, но Владимир, закончив параллельно техническое училище, предпочел балет, что совершенно не

одобрили в семье. После завершения в 1964 г. балетной школы «Луи Давичо» в классе Нины Кирсановой он становится солистом балета Народного театра. Танцевал главные партии. За роль Копелиуса (1979 г.) отмечен театральной наградой.

Что еще? Стажировался в 1974 г. в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС). Хореографией стал заниматься с 1979 г.

На балетных конкурсах в Новом Саде, в категории хореография, завоевал две бронзовые и одну серебряную медали.

Работал хореографом, кроме Белграда, в Новом Саде, Сплите, Загребе, а также для «Встреч» в Любляне и «Рагузы балета» из Италии, трудился на Кипре. Его хореографическая деятельность охватывает такие балеты, как «Дон Кихот» (Л. Минкус), «Спящая красавица» (П. И. Чайковский), «Кармен» (Щедрин-Бизе), «Forma Viva» (А. Вивальди), «Кармина Бурана» (К. Орфф), «Серенада» (П. И. Чайковский), «Поэма любви» (С. Дивякович), Симфония «Из Нового света» (А. Дворжак), «Щелкунчик» (П. И. Чайковский), «Cartoon» (З. Ерич)... Владимир Логунов входил в Международный совет по танцу при ЮНЕСКО в Париже.

И теперь немного для финала: Владимир в разговоре со мной обронил такую фразу: «Вся жизнь в восторге от любимой работы. Мне никогда не было скучно».

Их рассказы о балетном мире, живые, не стандартно-прилизанные «картинки-портреты» танцовщиц позволили мне избежать опасности ограничиться перечнем послужного списка ролей. Жаль, что мои поездки на Балканы стали редкими, соответственно, и встречи с русскими людьми из сферы искусства. Мне так и не удалось встретиться со многими русскими, имена которых были хорошо знакомы сербам.

Русский Белград — это еще одно имя – Андрей Витальевич Тарасьев. Нет нужды его представлять. Мое знакомство с ним позволило достаточно подробно ознакомиться с историей семьи Тарасьевых и включить услышанное в текст одной из книг.

История это не только труд, но и, в определенной степени, везение или «случай», в который я верю. Эта вера помогла мне встретиться уже в Москве, например, с владыкой Василием (Родзянко) и записать и опубликовать его интереснейшие воспоминания о своей жизни, в которой было многое: и жизнь Церкви в военные и послевоенные годы, и тюрьма, и многое другое. Здесь мне помогли и

другие люди, в основном, связанные с церковью. Я помню владыку, принимавшего во время одного из приездов в Москву, в совершенно домашней обстановке в квартире одной из его чад. Его простота и искренность в общении навсегда останутся в моей памяти.

Собственно говоря, именно богатство русских талантов позволило мне соприкоснуться с некоторыми из них и немного обрисовать их портреты.

Здесь также не могу не назвать Михаила Александровича Медведева, архитектора и сына архитектора Александра Ивановича Медведева, именем которого названа улица в Нише, для которого он сделал очень много. Вначале об отце. Кавалер георгиевского креста, офицер Дроздовского полка. Оставив Россию, он в 1929 г. окончил Технический факультет Белградского университета. Спустя несколько лет Медведев получает лицензию на самостоятельное проектирование архитектурных объектов и начинает строить дома по государственным и частным заказам в Банялуке и других городах Врбасской бановины (современной Боснии и Герцеговины), применяя стиль модерн. В 1935 г. Медведев переезжает в Ниш и становится одним из самых востребованных архитекторов: получает заказы на проектирование в центре Ниша больших частных и общественных зданий, многоэтажек с квартирами и магазинами, гостиниц, вилл в Нише и его окрестностях. Только с 1935 по 1939 г. он выполнил свыше сотни разнообразных частных заказов. Почти все они были реализованы в строительстве. Свыше десяти из них представляли собой многоэтажные здания, в которых просматривался, как и в ряде других построек, стиль модерн. Свой вклад Медведев внес и в храмостроительство: церковь св. Петра, близ Ниша, колокольня соборного храма в Нише. В знак признания его трудов, автору свыше сотни общественных и частных построек, многие из которых приобрели статус памятников культуры строительства, Ниш присвоил одному из бульваров имя Александра Ивановича Медведева.

Архитектором стал и его сын Михаил Александрович Медведев (13.05.1942, Ниш), с которым я познакомился в свое время и вел длительную переписку. Был знаком лично, благодаря одной из конференций по русскому зарубежью. Он автор 130 проектов в области архитектуры, 46 проектов интерьеров, 220 градостроительных планов и проектов, 180 печатных работ, 240 реализованных дизайнерских разработок. Если бы Михаил Александрович устраивал выставку своих работ, то, по его прикидке, понадобилось бы 500 ме-

тров выставочной площади! До 2007 г. он работал в Градостроительном институте в Нише. Михаил Александрович отмечен высшими наградами Союза урбанистов Сербии и Югославии. Его сестра Варвара Александровна Медведева (1945 г. рожд.) также архитектор, преподаватель начертательной геометрии и перспективы на факультете проектирования путей сообщения. На пенсии с 2009 г. Супруга М. А. Медведева также архитектор, работала в области организации строительства, занималась интерьерами.

Достаточно длительное по времени тесное знакомство с Михаилом Александровичем Медвелевым позволило получить от него бесценные материалы о творчестве его родителей. И я глубоко благодарен ему за доверие, оказанное мне, при работе над творческой биографией Александра Медведева.

Меня очень интересовали русские в Словении. Да, я читал «Исповедь» знаменитой актрисы Марии Наблочки, другие материалы, в основном, написанные словенскими исследователями о личности актрисы Наблочки, режиссерах Борисе Путяте и Борисе Кривецком. Но «нехватало» свидетеля, зрителя, видевшего игру русских. И опять мне «повезло» в установлении связи с профессором Петром Владимировичем Борисовым, автором капитального труда по истории медицины в мире. Он уже был в почтенном возрасте, когда побывал у него в скромной квартире в милой для меня Любляне. Встретил он меня очень любезно: «обязательный чай», конфеты и готовность рассказать все, что не было известно. Мои надежды оправдались: Петр Владимирович много мне рассказал о творчестве русской актрисы, ее жизни и творчестве, причем с деталями, ранее мне неизвестными, вплоть до ее личной жизни. Все это имело для меня первостепенное значение, чтобы обрисовать портрет «живой» Марии Наблочки.

Из моих заочных знакомств, назову Иоанна Николаевича Качаки, автора настольной книги для каждого, кто увлечен жизнью русских в Югославии. Его исследование было широко привлечено к моим текстам, придавая необходимую нешаблонную информативность⁵. Книга была настолько востребована историками, что, когда я дал на время коллеге, увы, не получил ее обратно. Так она где-то и «гуляет», радуя исследователей, как в свое время радовала меня.

У балерин был и свой историограф – театровед Милица Зайцев, знавшая балет «изнутри». И, я глубоко благодарен балерине

5 Качаки J. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920—1944. Београд, 2003.

Соне Лапатанов, подсказавшей мне обратиться к Милице, что я и сделал. Но с Соней мне не повезло: был только заочный контакт. Помешал плотный график знаменитости в балетном мире, огромного авторитета и заядлой путешественницы. С Милицей у меня все же была длительная переписка.

В числе ее учителей была Нина Кирсанова в знаменитой школе «Луи Давичо». Более того, Милица сама преподавала небольшими сольными партиями в балетной труппе Народного театра Македонии. Ее балетная карьера была прервана вследствие травмы. Сцену пришлось балерине оставить, но только не искусство балета. Милица «перешла» в ряды театральных критиков. Более полувека она писала статьи, эссе, критические обзоры о балетном искусстве. Милица автор таких книг, «Открываем тайны балета», «Танец как жизнь Записки о белградских мастерах балета», «Танец – отражение сегодняшнего времени. Хроника событий на белградских альтернативных сценах с 1960 до 2007 года»⁶. Я не был с ней знаком лично: мы поддерживали связь, в основном, через обычную почту. Для меня переписка с нею была, употреблю «нехорошее» слово «полезной» в смысле получения информации о гастролях советских артистов балета на белградской сцене.

Одной из моих недавних удач стало знакомство с Зинаидой Георгиевной Боде во время конференции по русскому зарубежью в Македонии. Результатом нашей встречи, стало подробнейшее письмо о роде ее семьи, представители которой верой и правдой служили России, удостоились высоких званий и наград.

Привожу здесь несколько строк из него: «Мой дед приехал в Бухте Котор, сегодня в Черногории. Он был тяжело ранен в ногу, врачи хотели ему ампутировать ногу, но он не позволил. Он сказал: “Я эмигрант если надо умереть, я умру,». Работал в карьере в Бухте Котор. Когда был исцелен, он начал работать в пограничных войсках. Был послан на границу с Албанией в монастырь Светого Наума в Охриде (Вардарска Бановина сегодня Македония). Позднее он был направлен на работу в Струге в Раздел финансового контроля. Там встретил мою бабушку. Он жил в отеле, который находился рядом с ее домом. Они поженились в 1931 году. У них было четверо сыно-

6 *Зайцев М.* Игра што живот значи: записи о београдским балетским уметницима. Београд, 1994; *Зайцев М.* Откривамо тајне балета. Нови Сад, 1996; *Зайцев М.* Игра, одраз времена садашњег: хроника догађаја на алтернативним београдским плесним сценама (1960-2007). Београд, 2009.

вей: Владимир, Николай, Георги и Андрей. Николай и Андрей умерли в младенчестве. Мой дядя Владимир в 1943 году заболел от менингита, никогда не женился и жил с нами до самой своей смерти в 2000 году. Когда был убит король Александр, 1934 года, мой дед попросил князя Павла, который был его другом, что бы получил военную службу. Но князь отправил его в деревне Любойно. Там они не могли ничего купить, даже хлеб. Мой дедушка дал полную зарплату, чтобы получить трансфер в город Ресен. Он смог получить трансфер обратно в Стругу только в 1939 году. Когда Германия напала на Югославию в 1941 году он был призван на военную службу но страна капитулировала, а он уехал в Российский Охранный Корпус. Весной 1943 года мой дед последний раз был домой в Струге».

Вот такая судьба одного из тех русских изгнанников, получивших прибежище в Югославии. Возможно, я еще вернусь к этому сюжету в одном из текстов. Может быть, у меня было бы больше удачи с потомками русских беженцев, но я и так благодарен судьбе за подаренные ею встречи, приязнь и доверие.

Viktor Kosik, Ph.D.,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Meetings in the past

Abstract: The text is connected to the personal memories of meetings with the descendants of the Russian emigrants, whose hospitality I enjoyed, who did a lot in the field of presentation of various information, which allowed me to enrich the knowledge of the past and present.

Key words: Russian emigration, Yugoslavia, Russia, ballet, world, paintings, archives, theatre.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

314.151.3(=161.1)(497.1)«19»(082)

314.151.3(=163.41)(470)«19»(082)

316.72(=161.1)(497.1)«19»(082)

316.72(=163.41)(470)«19»(082)

94(497.1:470)«19»

СТОЛЕТИЕ двух эмиграций. : 1919-2019. / [А. Ю. Тимофеев (отв. ред.)] ;
[перевод с сербского А. А. Силкин]. - Белград : Informatika, 2019 (Београд :
Графо Сан). - 402 стр. ; 24 см

Насл. на прелиминарној насл. стр.: The centennial of two emigrations :
1919-2019. - На насл. стр. место издавања: Белград-Москва. - Тираж 100. -
Напомене и библиографске референце уз сваки рад. - Abstracts.

ISBN 978-86-84497-74-3

1. Ств. насл. на според. насл. стр.

а) Емиграције, руске -- Југославија -- 20в -- Зборници

б) Емиграције, српске -- Русија -- 20в -- Зборници

COBISS.SR-ID 281197836